

По благословию
Преосвященного МИТРОФАНА,
епископа Североморского и Умбского

СЕДЬМЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мурманская и Мончегорская епархия Московского Патриархата
Терское благочиние Мурманской и Мончегорской епархии
Администрация Терского района Мурманской области
Администрация МО сельского поселения Варзуга с подведомственными территориями

Материалы международной
историко-краеведческой конференции
СЕДЬМЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«СЕВЕР И ВОЙНА»

г. Мурманск — Трифонов-Печенгский
монастырь — г. Заполярный.
4–6 августа 2014 года

Санкт-Петербург
Ладан
2015

«Север и война». Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Седьмые Феодоритовские чтения: под ред. епископа Митрофана (Баданина). — Мурманск — Санкт-Петербург: Ладан, 2015. — 400 с.: ил.

Тема конференции 2014 года — «Север и война» — дала возможность осветить историю русского Крайнего Севера, не раз являвшегося территорией острого военного противостояния. В свете празднования 700-летия прп. Сергия Радонежского участники конференции особо остановились на роли северных монастырей как форпостов просвещения и освоения Севера. Также особо была отмечена героическая история обороны Заполярья в период 1941–1944 гг., 70-летие освобождения которого отмечалось в 2014 году.

ISBN 978-586983-086-9

ISBN 978-586983-086-9

© Епископ Митрофан (Баданин), сост., 2015

Феодоритовские чтения проводятся с 2006 года и посвящены памяти выдающегося христианского подвижника, замечательного богослова и историка — преподобного Феодорита Кольского («русского философа Феодора»), пришедшего с проповедью веры Христовой в земли Кольского Севера в начале XVI века и просветившего их евангельским светом.

Слово о преподобном Феодорите, просветителе Кольском (1481–1571)

Великий северный старец, преподобный Феодорит Кольский в начале XVI века пришел в эти древние, колдовские «вотчины князя бесовского» с проповедью веры Христовой и не отступил от задуманного, пока не просветил евангельским светом эти некогда пустынные, «полночные» земли Великой Лапландии.

Преподобный Феодорит Пустынник — первый из святых подвижников Крайнего Севера, который с детства возжелал великой миссии и сознательно готовился к ней — к просвещению этого края, к покорению просторов Великой Лапландии. Всю свою долгую жизнь он посвятил воплощению этой мечты, и столь грандиозная по своему масштабу задача была им успешно решена.

В этом славном делании Кольский старец не остался одинок. Феодорит как духовный отец породил великий сонм святых Кольского Севера, он оставил после себя целую плеяду последователей школы монастырского старчества. Среди его учеников такие знаменитые подвижники, как преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский,

преподобномученики Печенгские Иона и Герман, игумен Гурий и с ним 116 мучеников.

Духовное наследие, завещанное нам великим просветителем Кольским — преподобным Феодоритом, — многогранно и масштабно. В равной степени уникальными и достойными восхищения являются многие обстоятельства его долгой жизни, свидетельствующие об очевидном «от молодых ногтей» избранничестве подвижника, об угодности Господу его великих дел и свершений.

С семи лет пребывая во Владычнем монастырьке при Ростовской архиепископии и трудясь над переписыванием книг для Соловецкой библиотеки, возревновал юный «дьячишка Федор» о повторении подвига святителя Стефана, просветившего в XV веке светом веры евангельской языческие народы Великой Перми.

Для осуществления этой достойной миссии юный Федор обладал всеми необходимыми внутренними качествами и дарованиями. Очевидные способности к языкам, филологические, философские и богословские таланты в полной мере были им наследованы от своих выдающихся предков.¹

В конце XV века, с 1493 года двенадцатилетний отрок Феодор уже числится в послушниках «на Соловецком острове, в монастыре, иже лежит на Ледовом море». По уставу преподобного Зосимы Соловецкого, искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но игумен Досифей уже через год принял решение о постриге отрока с наречением имени — Феодорит. Такая, как могло бы показаться, поспешность отнюдь не затрагивала незыблемых основ монастырского устройства, служащих формированию в каждом иноке человека внутреннего молитвенного делания и нацеленных на духовное созидание «*служителя Христова и домостроителя тайн Божиих*» (1 Кор. 4, 1).

Об этой мудрой несуетности воспитания «*новой твари во Христе*», о понимании того, что главное делание жизни монаха, на которое не жаль времени, — это одоление самого себя и своего «*ветхого человека*», дабы, стяжав Благодать Святого Духа, «*облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины*» (Еф. 4, 24). Об успешном решении

¹ Мы оставляем в силе высказанное нами ранее предположение о родстве Феодорита («Федора Жиденова») с известным книжником XV века Федором Жидовином, автором знаменитого перевода Псалтири и «Послания к иудеям». См.: Митрофан (Баданин), иером. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию Жития. Мурманск, 2002. С. 79–83.

этой величественной задачи ярко свидетельствует вся долгая жизнь великого старца.

Целых восемнадцать лет пребывает инок Феодорит в полном и неотступном послушании у своего учителя, старца Зосимы, затем двенадцать лет он подвизается в лопарских пустынях, пребывая в богомыслии и молчании, на долгие годы скрывается он в пустынях Кирилло-Белозерского монастыря, постигая великую науку священнобесмолвствующих.

И лишь стяжав благодать Духа Святого, войдя в духовную силу «*мужа совершенного, в меру полного возраста Христова*» (Еф. 4, 13), священноинок Феодорит изливает свои благодатные деяния на эту иссохшую жаждущую землю. Ему уже сорок пять лет, и лишь скупые строки летописей доносят до нас ясные свидетельства успешности его миссионерских трудов.

1526 год — Кандалакшский залив, устье реки Нивы. «Освящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лоплян крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную веру христианскую».¹

1533 год — Кольский залив, устье реки Колы. «Церкви Божия освящали, Благовещения Святой Богородицы да Чудотворца Николу, и самих многих крестили лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную и святую веру».²

С 1533 по 1540 год — «Заволжские пустыни», скиты Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь трудится Феодорит над созданием письменности лопарского народа.

1540 год — «на устье Колы реки созидает монастырь», ставит «церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав».³

1542 год — «наученных от Феодорита и оглашенных лоплян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми».⁴

С 1548 по 1551 годы — вновь в Кандалакше, где созидает Рождества-Богородичный (Кокуев) мужской монастырь и «бывает в нем игуменом».

А ведь игумену Феодориту в это время исполнилось уже семьдесят лет, но впереди кольского старца ждали новые великие деяния и испытания. Это и скорбь несправедного гонения, и тяготы незаслуженного осуждения на ссылку, и слава и почет «премудрого» богослова, отстоявшего высоту рос-

¹ Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. М.–Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

² Софийские летописи // Полное собрание Русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

³ Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 332.

⁴ Курбский. С. 333.

сийского вероисповедания перед гордыми греческими иерархами в 1557 году. Он блестяще выполнит эту знаменитую «Константинопольскую миссию», доставив из Царьграда для российского Государя «древнюю книгу» с благословением Вселенского Патриарха на возведение на царство по чину «венчания императоров византийских». Таким образом получит официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва — Третий Рим».

За исполнение этой важнейшей дипломатической задачи Феодорит сподобится царских почестей и великих милостей от Иоанна Грозного, увенчавшихся и искусительным предложением даровать Феодориту «такую власть духовную», которую тот бы только «захотел».

Но блаженный старец до конца дней своих будет вновь и вновь стремиться к своей избраннице — к «полнощной стране», к земле Кольской, объезжая «детей своих духовных, как монахов, так и лопянов, наученных и крещенных от него, печась о спасении душ их» и духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, в сане архимандрита достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в родном Соловецком монастыре в возрасте девяноста лет.

Современник Феодорита и его духовный сын князь Андрей Курбский напишет вскоре, обращаясь к «теплохладному» человеку века сего: «Зри сюда, лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные. Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего».

Яркая жизнь великого апостола Крайнего Севера, преподобного Феодорита Кольского, ясным образом свидетельствует об утратах нашего времени, обличая болезненную суетность нашей жизни и духовную немощь современных христиан.

Как мы теперь знаем, у преподобного Феодорита с детства была главная мечта. В своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит, следуя примеру просветительских деяний Стефана Пермского, конечно же, намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к Православию землях Крайнего Севера. И как святитель Стефан стал первым архиереем Великой Перми, так мечтал и Феодорит, чтобы и здесь, на Кольской земле, был свой архиерей «Великой Лапландии».

Прошло четыреста сорок лет. Мудрая несуетность деяний Феодорита

отразилась и в этом, столь долгом, ожидании, в полноценном созревании этой земли и обильном политии ее кровью новомучеников XX века. И вот в 1996 году исполнилась мечта жизни кольского подвижника — на земле Великой Лапландии впервые появилась самостоятельная Мурманская епархия. И неудивительно, что благословением первого архиерея епархии, епископа Мурманского и Мончегорского Симона, в 2003 году самым первым из святых, в земле Кольской просиявших, был прославлен в лике преподобного Феодорит, просветитель Кольского края, с установлением дня его памяти 17/30 августа.

Вновь обратимся к вдохновенным строкам князя Андрея Курбского, словно обращенным к нам, ныне живущим: «Аще Бог поможет, может, и обрящу я когда мужей духовных, желающих сего повествования о деяниях сего славного мужа. Тогда много что вспомняем мы и о предивных его видениях, и о пророчествах грозных, и о чудесах великих, о чем лишь духовные духовным на пользу поведать могут».¹

Хочется верить, что пришло это время, о котором писал князь Андрей, и православные христиане Кольского Севера, с радостью почитая память преподобного Феодорита, «вспомнут о предивных его видениях, и о пророчествах грозных, и о чудесах великих» и молитвенно прикоснутся к духовному наследию выдающегося святого XVI века, апостола Великой Лапландии — преподобного Феодорита, просветителя Кольского.

¹ Курбский. С. 347.

Материалы конференции

**СЕДЬМЫЕ
ФЕОДОРИТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Север и война. Раннее Средневековье

*Епископ Североморский и Умбский
МИТРОФАН (Баданин)*

I

Земли Европейского Севера с незапамятных времен населяли языческие племена, вся суть жизненных устремлений которых состояла в ведении войны, в воинских подвигах, в воспевании воинской доблести и служила неиссякаемым источником воинственного духа для прочих народов. «Мать народов» — таким эпитетом в своем труде «О происхождении и деяниях гот» назвал Крайний Север Европы готский историк VI века Иордан. «*Quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum*» («Место производства племен и мать народов») — так оценивает Иордан значение Скандинавского полуострова, или «острова Скандца» (Scandza).¹ По его мнению, многие народы, так же, как и древ-

¹ De origine actibusque Getarum. Гл. 4. С. 60. Цит. по: Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 39.

ние готы в начале I в. по Р. Х., «отчалив от этого острова, как рой пчел ринулись на берега материковой Европы».¹

Скандинавское язычество являло собой неодолимую и страшную силу. «Сыны погибели» (2 Фес. 2, 3) — именно таким евангельским эпитетом наградили жители южных областей Европы жутких представителей скандинавского севера, безжалостных воинов-язычников. Это были викинги, норманны или «волки Одина», от которых «местные правители предпочитали обычно откупаться и не оказывать им сопротивления».² «Молитвы, возносившиеся в то время практически во всех христианских церквях, включали в себя и такое прошение: “Господи Боже наш, сохрани нас от внезапной смерти и от норманнов”».³

Очевидец этих страшных вторжений норманнский хронист Дудон Сен-Кантенский в своей книге «О нравах и деяниях первых герцогов Нормандских» (852–996) дает яркое описание сути духовного устройства викингов, существа их магических действий, в результате которых они, выступая в свои кровавые походы, заручались поддержкой могущественных богов Севера.

Помимо обретения сверхъестественной помощи от «падших духов» (бесов) и особых физических сил, важнейшей задачей, которую решали норманны через свои жертвоприношения, являлось получение необходимых ветров и достижение благоприятной погоды в целом во время предстоящего похода. Отмечено, что «практика “магии ветра” в среде мореплавателей Крайнего Севера имела совершенные формы и представляла собой уникальное явление по сравнению с иными народностями и культурами».⁴ Согласно Дудону Сен-Кантенскому, «именно человеческую кровь считают они наиболее действенной жертвой для достижения просимого у своих богов. Жрец, бросая жребий, находит предназначенного для сегодняшнего жертвоприношения и одним ударом сносит ему череп, а мозг выбивает на землю. Перевернув несчастного, жрец добирается до сердечной железы

¹ «С острова Скандзы, как из мастерской, изготавливающей племена, или как из утробы, порождающей народы». См.: Иордан. О происхождении и деяниях готы. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960. Гл. IV. С. 63.

² Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Всемирная история с древнейших времен. М., 1999. Т. 3. С. 65.

³ Фарли Моуэт. От ариев до викингов. М., 2004. С. 146.

⁴ Hanns Bachtold-Staubli. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, 10 vols, 1927–1942. Цит. по: Perkins Richard. Thor the Wind-Raiser and the Eyrarland Image // Viking Society for Northern Research. London, 2001. P. 12.

Драккар — Осебергский корабль 820 г. постройки

Драккары викингов

(до аорты. — Е. М.). Извлеки из него всю кровь, норманны, прославляя бога Тора, омываются этой кровью. Испытывая прилив сил и радость, они с боевым кличем бегут к приготовленным для дальнего похода драккарам. Надо торопиться и поднимать паруса — ветер нужного направления уже дует и скоро наберет большую силу...»¹ Правда, случалось, что духи гневались за те или иные проступки путешественников, и тогда человеческие жертвы требовались вновь: «Пришлось бросить жребий. С каждого корабля было пожертвовано по одному человеку. Тогда только вновь подул попутный ветер».²

С приходом христианства и завершением эпохи кровавых походов северных мореплавателей эти языческие традиции в полной мере сохранились и активно практиковались у других аборигенов Крайнего Севера Европы — у саамов (лопарей) и у биармийцев (чуди, или народа вису). Управление погодой посредством магических приемов и даже активная торговля ветрами нужного направления в дальнейшем стала одной из реальных статей дохода лопарского племени. Справедливости ради надо заметить, что у лопарей тесный контакт с «духами-помощниками» надежно поддерживался и без упомянутых зверств и человеческих жертвоприношений.

В магической духовности викингов доминировали военные цели, и потому главной задачей было то, чтобы воин обрел в бою сверхъестественные

¹ Dudone Sancti Quintini decano. De moribus et actis primorum Normannia ducum auctore ed. Jules Lair, 1865. Ch. 2. P. 129–130.

² Тиандер К. Ф. Экспедиция короля Горма. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 344.

Нормандское завоевание
Англии в 1066 г. Рисунок
с гобелена из Байе

физические возможности. Тесная связь с силами тьмы, достигаемая кровавыми магическими ритуалами, приводила к тому, что многие из этих скандинавских дружинников являли собой совершенно особые существа — «воинов-зверей». Призывая себе в покровители известного бога Одина, хозяина верхнего царства мертвых, эти воины проходили через некий магический обряд инициации, рождаясь в новом внутреннем зверином облике. При этом они, еще пребывая на земле, умерщвляли свою душу и «приписывали» ее к воинству «царства мертвых» под началом Одина, получая взамен страшную силу зверя.

Так, например, знаменитые *берсерки*, что значит «воплотившиеся в медведя», «бросались в бой без кольчуги, в ярости, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Они безжалостно убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда».¹ В известной исландской саге об Орваре-Одде повествуется о схватке героя с берсерками и говорится, что при виде этих человеко-зверей на Одда и его друга Гиальмара нападает несвойственный викингам страх. Героям удается победить врагов лишь потому, что к моменту боя бешенство берсерков отступает от них.

Среди других подобных воинских кланов «посвященных» в преданиях упоминаются *эйнхери*, *хьдинги*, *гари*, *ульфхедхины* и прочие. Таким образом, мы видим, что практика сознательного введения себя посредством магических приемов в состояние одержимости или, проще говоря, в беснование, была весьма распространена и свидетельствует о крепких северных традициях беззаконных союзов людей с нечистыми духами — бесами.

При этом цель жизни таких викингов-берсерков состояла в непрерывном грабеже и насилии с целью завладеть как можно большим количеством золота. Можно сказать, что именно золото имело над их душами полную власть. Наиболее удачливые и сильные викинги, собрав достаточное количество золота, жить больше не хотели и вместе со своим богатством добро-

вольно заживо погребались в кургане. «Так, в Саге о Золотом Торире, одном из источников Саги о Хальвдане Эйстейнссоне, говорится о берсерке Агнаре, сыне Регинмода Злого, вошедшем в курган и взявшем с собой туда все свое имущество и богатство. Это место он заколдовал, чтобы никто не мог приблизиться к нему под страхом смерти (Gull-Þoris saga. Bl. 9)».¹

II

В 862 г. эти северные воины, князья и конунги со своими дружинами — Рюрик, Синеус и Трувор со «всею Русью» — были приглашены править в Новгород и в иные хорошо известные места нашего русского севера: Старую Ладогу, Белозерье и Изборск, занятые как славянами, так и финно-угорскими племенами.

Отличительной особенностью сообщества этих профессиональных воинов, морских разбойников северных берегов, был непререкаемый авторитет вождя (атамана, конунга, князя) основанный на законе силы и культе языческих богов. Это была боевая организация, имевшая подразделения, во главе которых стояли приближенные к вождю воины, особо умелые и отличившиеся в сражениях. Понятно, что именно такое боевое содружество можно пригласить охранять земли простых хлебопашцев и торговых городов, доверив им осуществление функции законной власти — «иже бы володел нами и судил по праву». При этом очевидным является следующее: призывать заморских гостей на воинскую службу, «поручать защиту своего города и отечества иностранной дружине, мог народ уже обладающий значительной собственностью, уже в известной степени развращенный торговыми нравами. Люди несостоятельные, которым нечего терять, всегда дерутся сами, на свой собственный счет, ибо в войне находят они средство к грабительству и обогащению».²

Произошедшее неизбежное смешение кровей и явилось источником происхождения княжеской династии Рюриковичей на Руси. Но при этом надо подчеркнуть, что эта династия, «варягов Русь», прочно удержалась на Руси потому, что быстро и легко слилась с русской и славянской правящей верхушкой и в полной мере стала национальным достоянием.

Создавалась новая Империя Руссов, и народы, влившиеся в эту общность, конечно же, активно восприняли новые жизненные установки этого

¹ Snorri Sturluson. Heimskringla. Reykjavik, S. 6. Цит. По: Селицкий А. И. Воданические короли // Скандинавские чтения. СПб., 2002. С. 49.

¹ Исландские викингские саги о Северной Руси / Перевод и комментарии Г. В. Глазыриной. М.: Ладомир, 1996.

² Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. № 1, Ч. III. С. 3.

образования. При этом, конечно же, многое оставалось славянским, но многое воспринималось и от Скандинавии — как в образе мыслей, так и в нравах и жизненных устремлениях.

Вспомним, как немедленно по завоевании Киева Дир и Аскольд предприняли на своих лодях набег на Константинополь, по еще незнакомому им морю. Очевидно, что варяги, пришедшие с Рюриком, по ремеслу своему были мореплаватели и принадлежали к сословию *Scekonungar*, или морских князей (конунгов). При этом, как замечают историки, образ жизни местных славянских народов носил сугубо земледельческий характер и «славянские представления о море не имели законченного вида».¹

Это сословие грозных мореплавателей, оказавшееся переброшенным с суровых берегов северных морей во внутренние районы земледельческих славяно-финских племен, непременно должно было серьезно потрясти и преобразовать прежние устои жизни обитавших здесь народов. Именно от них пришли в славянскую фольклорную среду морские образы «колдовского лукоморья», «острова Буяна», «рыбы-кита» и т. п.

Вскоре жители северных городов, знаменитые новгородские ушкунники,² повольники, холопы-сбои в полной мере восприняли этот дух лихих морских походов, суть варяжских жизненных устремлений, равным образом унаследовав и варяжско-норманнские методы взаимоотношений с соседними народами.

Позже, когда придет время и россияне сами станут осваивать суровые северные берега, здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, сформируется то удивительное братство мореплавателей-поморов, для которых ежедневная смертельная опасность будет восприниматься как норма жизни. Здесь, на северных берегах Святой Руси, появится особая генерация православных христиан, которые хорошо усвоят новый метод стяжания чистой и искренней молитвы, при котором в полной мере полагаешься на волю Божью, не скрывая факта ясного понимания того, что «человеку на море страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом». Именно здесь будет заложена основа будущей России как великой морской державы.

Варяги привезли с собою на новые земли свои нравы, обычаи, понятия и принципы правления. Очевидно, имело место и взаимопроникновение ре-

лигиозных понятий с новыми объектами верований. Есть предположение, что само слово «волхв» происходит от слова «волфв», или «олфв», названия части священной касты жрецов Норвегии, «производившей род свой от богов — алфвов, или олфвов (*alfve*)».¹

При этом, вне всяких сомнений, изменялись и сами переселенцы, впитывая дух и традиции этих благодатных мест. Необходимо признать, что уровень социального, культурного и экономического развития народов, на земли которых были приглашены норманнские князья со своими дружинами, был много выше, нежели у пришельцев. «Славяне, имевшие два великих торговых города, Новгород и Киев, известные уже в Азии своим богатством, находились, без сомнения, на гораздо высшей степени гражданской образованности, чем хищные воины Скандинавии, которые не знали другой торговли, кроме продажи награбленной добычи, ни другой промышленности, кроме непрерывной войны как в сей жизни, так и в будущей».²

Жертва Тор

Это был очень важный процесс взаимного обогащения культур и восприятия лучшего, что имели все те народы, смешение которых дало уникальную цивилизацию Русского мира.

Суровые и мужественные скандинавские традиции хорошо известны в мировой истории. Вспомним, например, вызывающий уважение обычай «отдавать своих детей на воспитание в чужую семью. Богатые, в том числе и конунги, приискивали для своих детей более бедных воспитателей, чтобы дети росли в скромной обстановке и привыкали к суровым условиям жизни».³ Или пример очевидного благородства законов воинского поединка, когда перед схваткой викинги договаривались, как надлежит уравнивать силы обеих сторон. Так, например, в известном исландском эпосе «Сага об Орваре-Одде» герой Гяльмар при встрече с противником Оддом имеет пятнадцать кораблей, тогда как у Одда их всего пять. Гяльмар обещает вступить в схватку только на пяти кораблях.

Русский народ очень быстро оживился воинственным духом героев

¹ История религий в России. Учебник. РАГС. М., 2004. С. 15.

² Ушкуй — русское парусно-гребное судно XI–XV вв. Такие суда изготавливались в двух вариантах: для сплава по реке и для моря. Длина — 12–14 метров, ширина 2,5 метра. Вместимость до 30 человек. В морском варианте использовался косой парус.

¹ Сенковский О. И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. № 1, Ч. III. С. 2.

² Там же. С. 4.

³ Weinhold K. Altnordisches Leben. Berlin, 1856. P. 285.

Один и его волки

Скандинавии и принял для себя установки суровой мужественности, формируя новые принципы властных отношений. Овладевая воинским искусством, Русь ощутила в себе готовность не только решительно противостоять внешним вторжениям, но и активно расширять державные пределы. Именно с этого времени Россия определила свои жизненные приоритеты, что в дальнейшем позволило историкам сформулировать основополагающий тезис: «История России есть преимущественно история страны, которая колонизируется».¹

Конечно же, славянская и финно-угорская кровь Руси в какой-то мере нейтрализовала эту сверхвоинственную составляющую духовного

устройства викингов, для которых даже посмертный рай — это место, где избранные счастливы будут вечно сражаться друг с другом и у ворот которого стоит небесный волк, питающийся жизнями трусов. Но, тем не менее, мужественная готовность к борьбе, выносливость и удивительная способность претерпевать лишения и невзгоды стали неотъемлемой частью русского характера, что впоследствии не раз вызывало удивление западного мира: «Я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд. Такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду... Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц? Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми».²

III

Появление Новгородского княжества положило начало реальному доминированию Руси на Крайнем Севере Европы. Освоение территорий

Кольского полуострова и прилегающего Финнмарка напрямую связано с Новгородской Русью и особенно с расцветом Новгородской республики (1136–1478).

Новгородская республика «в те времена была столь богата и изобильна, так сильна населением и военным снаряжением, что туземцы и иностранцы боялись ее имени, отчего ходила поговорка: «Кто может воевать с богами, да с Великим Новгородом»».¹

Именно тогда в полной мере раскрылась уникальность и стали очевидными явные преимущества географического положения Новгородской земли (Новгородского государства и его колоний). Они состояли в широкой сети водных артерий, позволявших Новгороду далеко простираť свое влияние. Особым образом реки северной Руси открывали новгородцам возможность продвигать свои интересы далеко на Крайний Север. На северо-восток по реке Сухоне, на север по рекам Волхову, Онеге и Северной Двине с их многочисленными притоками, из которых крупнейшими являлись Вага и Юг.

Такое отношение к рекам — общий признак военной политики того времени в Северной Европе, как свидетельствуют источники, и в частности «Хроника Эрика»: «Для военных походов сухопутные дороги считались, и в действительности были, наименее удобными. Воины передвигались зимой по льду, летом по открытой воде, и летние операции имели предпочтение».²

«В условиях лесистой, болотистой, бездорожной, непроходимой и непроезжей для конницы местности реки как транспортные артерии имели колоссальное стратегическое и хозяйственное значение. Кто владел рекой, тот владел и страной, лежащей в ее бассейне. Теснее всего Новгород был связан с западом и севером, куда шли от него полноводные и относительно короткие водные пути».³

Что касается Кольского полуострова, то весь он покрыт разветвленной сетью транспортных артерий — бесчисленным количеством водных путей в самых разнообразных направлениях. В настоящее время в Мурманской области насчитывается 21 тысяча рек и более 100 тысяч озер, которые в те

¹ Петрей де Ерлзунда Петр. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 48.

² Сванидзе А. А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ. С. 163.

³ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1992. С. 51.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 50.

² Ченслер Р. Книга о Великом и могущественном Царе России и Князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 60.

Заклятие меча.
Гравюра из журнала
«Север» за 1886 год

давние времена были более глубоководными и, следовательно, более полноценными в плане возможности перемещений по обширным территориям Кольского Севера.

Письменные источники свидетельствуют, что в начале XI века новгородские ушкуйники уже совершали походы в отдаленную Югру. Таким образом, если в то время совершались такие походы в земли, где можно было встретить организованное сопротивление, то уж грабить несчастных терфиннов (лопарей) на Кольском полуострове для «лихих людей» не составляло никакого труда. В более поздние времена отряды ушкуйников, разбойничая на Крайнем Севере, вторгались и в Норвежские пределы. Так, в 1320 и 1323 гг. был разорен весь норвежский Финнмарк вплоть до провинции

Халогаланд.¹ В 1349 г. вновь был предпринят поход в Норвегию — и уже в сам Халогаланд, в ходе которого был взят сильно укрепленный замок Бьаркей.²

Колонизационное движение Новгорода на север инициировалось новгородским боярством и финансировалось «житьими людьми» (в современном смысле — банкирами). «Новгород для своего торгового ничего или почти ничего не добывал и не производил на собственной почве. Он был только торговым посредником, извлекая себе пользу из самого посредничества».³ При этом надо признать, что Новгород сумел добиться очень высоких результатов в организации чрезвычайно непростого дела — добыче северных товаров и их доставке из столь удаленных и труднодоступных мест Крайнего Севера. Здесь требовались огромные средства и твердая организация.

Новгородская экспансия в направлении северных земель проводилась с конкретной целью: подчинить северные народы, обложив их данью пушнина и некоторыми иными товарами, составлявшими богатство края. Задачи присоединения этих территорий к Руси вовсе не стояло. Новгород не желал нести каких-либо расходов, создавая здесь опорные пункты, остроги, представительства государственной власти и тем более церкви, которые предполагали бы обширную миссию по христианскому просвещению края. Эту особенность в 1220 г. подметил ливонский хроникер: «Русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег».⁴

Оно и понятно, в случае крещения инородцев помимо неизбежных перемен нравственного характера в отношении к братьям по вере, в отличие от «поганских», языческих народов, встает необходимость принимать их под государственную защиту от царивших там беззакония и власти силы. Так что до появления московских государей проблемой крещения народа саами (лопарей или финнов) никто, ни от славянского Востока, ни от скан-

¹ Холугаланд (норв. Hålogaland, возможное написание Халогаланд) — самая северная провинция средневековой Норвегии.

² С конца XIII века «походы карел на Норвегию стали повторяться часто, так как жители Гологоланда стали впервые держать в гаванях постоянно снаряженные суда «для охраны с востока». См.: Каран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 27.

³ Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924. С. 19.

⁴ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. 2-е издание, М.-Л., 1938. С. 134.

Жертвоприношения
биармийцев Юмале

динавского Запада, заниматься не хотел. Князья и конунги «справедливо» полагали, что христианизация аборигенов Севера и приведение их в подданство станет препятствием для дальнейшей жесточайшей их эксплуатации: с собратьев по вере «драть три шкуры» (в прямом и переносном смысле) будет как-то неловко.

Целенаправленная работа по просвещению лопарей начнется лишь со становлением великого княжества Московского, повелением царя Василия III. Надо отметить эту, никогда не прекращавшуюся в дальнейшем, неизменную заботу государей российских о малом северном народце.

Что касается народа корелы, то даже оставаясь в основной своей массе языческим, это племя оказалось чрезвычайно активным помощником Новгородской Руси в ее продвижении на Крайний Север. Карелы стали тем народом, который пришел на Кольский Север вместо изгнанных оттуда биармийцев. Именно с появлением корелы на Кольском Севере связаны первые сообщения о Лопской земле в норвежских источниках середины XIII века — исландских анналах. Корелы как подданные Новгородской Руси в это время объявились в Лопарской тундре, в той ее части, которая «считалась норвежской», и стали нападать на даньщиков короля и биармийцев, отбирая собранную с лопарей дань. Начался процесс политических и экономических перемен на Кольском Севере. «В норвежской части тундры наступило “немирье”».¹

IV

Называя земли Лапландии «норвежской частью тундры», уважаемый историк имеет в виду Финмарк² — территорию, протянувшуюся на запад от Кольского залива к Варяжскому заливу (Varanger fjord) и до самой северной провинции Норвегии в то время — Галогаланда (район нынешнего Тромсе). Однако следует возразить: сам факт сбора дани с лопарей в этой

¹ Шаскольский И. П. Сведения об истории Руси в X–XIV вв. в Исландских анналах // ВИД. СПб., 1994. Т. 25. С. 231.

² Finmarken — «финское поле». Финнами норвежцы называли лопарей. «Маркен» — та самая пустынная «мархия», упоминаемая в древней рунной грамоте о границах.

Иконописное
(«Знаменское»)
изображение Новгорода

части Лапландии королевскими «фогтами» не является достаточным основанием для того, чтобы объявлять эти земли норвежскими. Именно эти возращения правящего тогда в Новгороде великого князя Александра Ярославича были решительно продемонстрированы «детьми корельскими» в жесточайших стычках с норвежскими сборщиками дани.

Потребности Руси в дани, собираемой с северных народов в виде меха («мягкой рухляди») до определенного момента вполне удовлетворялись на обширных лесных территориях Заволочья, Перми и волости Тре. Однако с 1237 г. ситуация стала меняться радикальным образом. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, жестоко привела русские княжества в подданство и заявила о своих потребностях в северных мехах. Одновременно воспользоваться сложным положением Руси решили и населявшие Кольский полуостров биармийцы (чудь), прекратив посылать дань Новгороду. Биармийцы являлись посредниками в поставках в Новгород мехов, собираемых с терфиннов — лопарей, за что получали соответствующую долю — «празгу».

Таким образом, именно в середине XIII века стало очевидным, что прежняя политика Новгородского государства в отношении Крайнего Севера больше не отвечает ситуации, возникшей на Руси вследствие монголо-татарского нашествия в 1237–1241 годах. Можно уверенно утверждать, что именно жесткие условия политической и даннической зависимости русских княжеств от ханов Золотой Орды подвинули российские власти на решительные действия по освоению и, более того, присоединению территории Крайнего Севера к русским землям. И если о роли и значении «монголо-та-

тарского ига» в истории становления Российского государства у историков существуют, прямо скажем, противоположные мнения, то положительная роль «ига» как стимула к прирастанию Руси Крайним Севером очевидна.

Это новое и активное военное продвижение новгородского владычества на Крайний Север осуществлялось объединенными отрядами княжеской дружины, новгородцев и все тем же верным союзником Новгородского княжества — народом корела.

V

Корельские дружины имели строгую систему подчинения. С давних времен, как минимум с VII века, во главе воинских подразделений стояли избираемые народом воеводы-атаманы, имевшие особый местный титул «валит». «Валит не есть личное имя — в буквальном смысле этого слова. Слово “valita” — карельское и финское и означает “избранный”, “выбранный”».¹ Первоначально валиты не были князьями в собственном смысле слова, поскольку ни суверенностью, ни наследованием титула они не обладали. Главными требованиями к валиту были богатырская сила и навык в ратных делах. Валитом также мог стать и старейшина крупных северных погостов. При этом надо сказать, что в этническом составе населения этой местности могли находиться кроме корелов и иные представители аборигенов севера: емь, весь, лопь, а также славяне.

«Считается, что в Саге о Хальвдане Эйстейнссоне (Hálfðanar saga Eysteinnssonar) имеется первое упоминание валита, властителя корелы (Кириялаботнар) по имени Валь. Как говорится в главе «Прядь о Вале», вначале он «обитал в Думбсхаве» (Dumbshaf), «под которым понимается северо-западная часть нынешнего Баренцева моря у побережья Норвегии (Simek 1986. S. 257)».² В дальнейшем воин Валь подчинил себе и весь Бьярмаланд. Интересно, что когда его родственники пришли оспаривать их право на владение Бьярмаландом, то «нашли его к северу от Гандвика». Таким образом, согласно с этим источником, место Бьярмаланда находилось на Кольском полуострове.

Надо заметить, что в этой Саге речь идет о временах весьма давних, где мы можем обнаружить истоки понятия «валит» и проследить процесс формирования власти «конунгов», или «природных князей».

¹ Попов А. И. Валит // Советское финно-угроведение. Таллин, 1949. Т. 5. С. 133.

² Исландские викингские саги о Северной Руси / Перевод и комментарии Г. В. Глазыриной. М.: Ладомир, 1996. Прим. 137.

Нашествие монголо-татар.
Кадр из фильма «Орда»
(реж. Сергей Бодров, Россия,
2007)

Понятие «природный князь», безусловно, имеет очень древние истоки и опирается на онтологические основания законности княжеской власти. Если вспомнить легендарных Аскольда и Дира, то они, вроде бы успешные викинги из дружины Рюрика, были убиты князем Олегом именно за самозванство. «И сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, и затем показал Игоря: “А это сын Рюрика”». Аскольд и Дир, «не родственники» Рюрика, заплатились за присвоение себе властных полномочий князя (конунга). В свое время они «отпросились в Царьград со своим родом», а вместо этого остановились на берегу Днепра, «собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян» и княжить в городке Киеве.

Уважение, которое питали к княжеской власти северные народы, «носило во многом религиозный характер, позволяя воспринимать князей как потомков богов, одаренных вследствие того особым счастьем в войне, которым они могут поделиться и с дружинниками. Летописи неоднократно упоминают необходимость присутствия князя в битве, добавляя, что бояр не так слушались».¹

Исландско-норвежский собиратель саг начала XIII века Снорри Стурлусон, приводя объяснения сути понятия «конунг», или, в русском звучании, «князь», писал так: «Когда Олав получил под свою команду корабли и дружину, дружинники стали называть его конунгом, поскольку таков был обычай: сыновья конунгов, становясь во главе дружин, назывались конунгами... Это были викинги, которые во главе больших дружин постоянно были

¹ Соловьев С. Отношение Новгорода к Великим князьям // ЧОИДР. М., 1846. № 1. С. 25.

в походах. Они по праву называли себя конунгами, хотя они и не правили землями».¹ Такой конунг всегда был рядом со своей дружиной, он был обязан смело сражаться лично, рисковать жизнью, быть образцом в бою и, конечно же, справедливо делить трофеи.

Такое устройство княжеской власти зиждется на законах, освященных тысячелетиями. О выверенном балансе отношений между вождем и дружиной пишет еще древнеримский историк Тацит: «Во время сражения вождю стыдно оказаться превзойденным чьей-то храбростью, дружине же стыдно не равняться на вождя; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем. Защищать вождя, оберегать его и приписывать свои подвиги его славе — в этом главная присяга дружинника. Вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя».²

Это чувство «природного князя», законность и равенство властных прав его носителей были определяющими в течение долгого периода средневековой государственности северных стран. В Киевской и Новгородской Руси великокняжеская власть всегда хорошо понимала всю опасность попыток радикально централизовать государственное устройство. Именно потому реально появившийся на Руси «великий князь и царь киевский Володимир Мономах»,³ получивший законные царские регалии («цепь золоту с крестом, шапку золоту, бармы») из Византии от его деда императора византийского Константина Мономаха, «хорошо понимал, что венчание, совершенное над ним по желанию его деда, не могло присвоить ему никаких особых прав, ибо в то время родовые отношения между князьями были в самой силе и полном развитии и не благоприятствовали единовластию».⁴ Известно, что, умирая, Владимир Мономах завещал: «да не венчают никого на царство по моей смерти. Отечество наше разделено на многие области; если будет Царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним, и государство погибнет».⁵

Мудрость Мономаха подтверждается и примером соседних государств. Короли скандинавских стран, так называемые конунги, усвоив себе столь громкий титул, подчас по своему реальному статусу стояли ниже великих князей Руси. «Образ средневекового короля Северной Европы как полно-

Святой Александр Невский

властного господина, перед которым заискивают придворные, — плод глубокого заблуждения». Такая или примерно такая «самодержавная» власть сложилась «во всей Европе того времени, король с трудом поднимается над знатью — господами, практически равными ему по рождению, а зачастую и по богатству».¹ Власть конунга реально могла опираться лишь на силу оружия.

На Руси первые попытки укротить гордость удельных князей предпринимали великие князья периода золотоордынского ига, начиная от Ярослава Всеволодовича, и особенно при Александре Ярославиче (Невском). Именно опора на неодолимую силу Орды и ханский ярлык на великокняжеское правление явились теми рычагами, что позволили Александру Невскому успешно решать многие государственные вопросы, требовавшие сильной единоличной власти.

Лишь московские великие князья, начиная с Ивана III, реально смогли приступить к этому болезненному процессу централизации власти. И если Иван III еще допускал в свой адрес возражения со стороны бояр, «многие поносные и укоризненные словеса», то его сын Василий III эту последнюю боярскую вольность жестко пресек. Хорошо известен хрестоматийный факт — попытка весьма уважаемого и родовитого боярина Берсена Беклемишева «по старине» что-то возразить великому князю. Гневный окрик и энергич-

¹ Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1981. С. 161.

² Тацит Публий Корнелий. Германия. Цит. по: Древние германцы: Сб. документов / Сост. Граков Б. Н., Моравский С. П., М., 1937. Гл. XIV.

³ Прибавление к Ипатьевской летописи: «В лето 6634 (1126) ...»

⁴ Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 44.

⁵ Там же. С. 46.

¹ Сванидзе А. А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ. С. 153.

ный пинок завершили долгий период боярских вольностей: «Пойди прочь, смерд. Не надобен ми еси!»

О том, как продолжил этот процесс и насколько радикально вскоре решил проблему боярских прав и претензий на власть Иоанн Грозный, фактически изведя многие древние роды, никому напоминать не надо. Как и в Европе, в России процесс становления монархической власти в первую очередь требовал нейтрализации именно древних природных князей и их родов, поскольку по знатности они были равны претендентам на абсолютную власть, а порой были и выше. Помочь монарху в этом могла лишь новая знать, не столь давно вышедшая из народа. «Аристократов крови из старинных знатных родов все больше теснила новая, служилая знать, господа, продвинувшиеся на королевской службе и получившие свои владения и должности как плату за службу».¹

Говоря о международной политике, надо сказать, что для первого русского царя Иоанна Грозного вопрос законности власти, а тем более Богом данного монаршего достоинства, являлся определяющими в выстраивании характера межгосударственных отношений. И в этом смысле, например, решительное неприятие им Швеции и ее правителей носит принципиальный характер. Иоанн принципиально не признает ни возможности появления «избранного короля» Густава Вазы, ни возвышения Швеции до уровня европейской державы, равным образом не признает и всех последующих шведских королей. Появление в Европе нового избранного безродного монарха для Иоанна Грозного было и всегда оставалось совершенно неприемлемым: «И мы тому удивляемся, откуда это на тебя гордость и сила возшла, что ты в том быти не хочешь, в чем отец твой был».²

«Царь никогда не примет Шведского посла, а если у шведов есть какие-нибудь дела до России, то могут они обращаться с ними к его Новгородским наместникам».³

Надо особо подчеркнуть, сколь решителен и беспощаден был Иоанн Васильевич в утверждении своей абсолютной царской власти, столь же и щепетил в вопросе законности ее статуса и обоснованности наследования русскими царями власти «римских кесарей».

¹ Там же. С. 155.

² Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 16.

³ Отчет о путешествии 1575 года Илии Эйзенберга. Цит. по: Аделунг Ф. Древнейшие путешествия иностранцев по России. // ЧОИДР. М., 4863, Т. II. С. 183.

Баскаки.
Картина С. В. Иванова.
1909

VI

Говоря о войнах на Севере и процессе формирования институтов власти, мы не можем не упомянуть еще одну историю, связанную с древними валитами и со Средневековьем. Это предание, которое впервые было записано в 1592 г. «послами великаго государя нашего царя и великаго князя Федора Ивановича»¹ «болховским наместником князем Григорием Борисовичем Васильчиковым» и «наместником брянским князем Семеном Григорьевичем Звенигородским», которые прибыли в волость Колу на переговоры — «на съезд о рубежах».²

История, «узнанная от старожилов той страны», была такова: «Был в Кореле и во всей Корельской земле большой Владелец, именем Валит или Варент, а послушна была Корела с Двинскою землею Великому Новгороду, и посаженик был тот Валит, посажен на Корельское владение от Новгородских Посадников. И начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить. Мурмане били челом Норвецким Немцам, чтоб они по соседству за них стали. Но Немцы отстояти их не могли, потому что тот Валит был собою дорожен и человек ратный».³ К рати был он необычайный охот-

¹ «Опросные речи данщиков и которые люди з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилов, которые сказались в Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородскому с товарищи». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

² Грамота кольского приказного человека И. С. Салманова // Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. 16. № 69. С. 293.

³ Упомянутая «дородность» Валита должна была быть действительно выдающейся, исполненной, чтобы противостоять объединенной рати «мурманов» и «норвецких немцев».

Джованни да Плано Карпини
(ок. 1182–1252)

ник, и на то дело у него был большой промысл. И там, где рать он Немецкую побивал, в Варенге, на побоище Немецком, там, где Варенский летний погост, — там, на славу свою, принеши с берега, положил он своими руками камень в вышину от земли больше косые сажени [около 2,5 м. — Е. М.]. И ныне он там есть, а около его, подале, выкладены камнем как бы оклад загороды в двенадцать стен. И назван был у него тот оклад Вавилоном. И в Коле, там, где ныне острог, также обложено было у него камнем двенадцать стен тем же обычаем. Тот камень, что в Варенге, и по сей час слывет «Валитов камень», а то, что было в Коле построено, то развалено, когда острог делали [в 1584 г. — Е. М.].¹

А меж Печенги и Паз-реки, от Печенской губы по ту сторону верст с 35, есть губа морская, вышла в берег круга. Середь той губы остров каменный высокий, а кругом сверху ровен — тут у него для покоя место было, загорода крепости.

А как Валита не стало, а в крещение ему было имя Василей, то положен он был в Кореле на посаде».² Эта история о валите Василии была хорошо известна русскому поморскому люду: «По русским преданиям, некто Василий (Васин) является завоевателем береговой Лапландии. С ним связывают и русское название норвежского города Вадсе — Васин».³

В этом предании интересно еще раз обратить внимание на то, что, согласно подлинному тексту, существовали некие «мурмане», которые «били челом Норвецким Немцам», прося у них защиты от притеснения корелами и насаждения новгородской власти на Кольском Севере. Другими словами, как мы уже говорили выше, известная аналогия, которой давно оперируют историки: «мурмане» это искаженное «норманы», — становится не столь очевидной.

Историку Карамзину показалось необходимым устранить возникшую непонятность, и в своем изложении он заменил слово «мурмане» на «лопары», что лишь удалило установление истины. Как известно, лопари никогда

не искали защиты у норвегов от русских (скорее, наоборот). Хорошо известно традиционно доброе и уважительное отношение между этими нашими народами. «Заключающие между собой братский союз меняются нательными крестами — «крестоваяются». Лопари любят этот обычай и заключают такой союз не только меду собой, но и с русскими».¹

Так что здесь речь идет все о тех же биармийцах (мурманах), изгнанных за предательство с Кольского Севера при новгородском князе Александре Ярославиче в середине XIII века. Биармийцы, принятые тогда королем «Норвецких Немцев» и размещенные на территории норвежского Галогаланда, принесли с собой и этноним «мурмане», что в дальнейшем внесло соблазн найти в именовании этих народов единые словарные корни.

Великий князь Александр, осуществляя в середине XIII века миссию по присоединению Крайнего Севера к Новгородским землям, опирался, конечно же, на своих традиционных союзников — корельский народ в лице их предводителей — валитов.

Именно временной отрезок XIII века, связанный со славными деяниями благоверного князя Александра Невского, предлагает усвоить упомянутой выше истории с «Валитом или Варентом» известный исследователь Кольского Севера Е. К. Огородников, указывая, что построенное Валитом «городище Кольское явилось уже не позже 1264 года, если не ранее, и существовало до 1582 года».²

Эта история, о том, как «начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить», «узнанная от старожил той страны», как свидетельствует Н. В. Карамзин, вскоре послужила для российских государей основанием оспаривать датские притязания на Лапландию и Кольский Север, поскольку «побежденные Валитом немцы заключили с ним мир, отдав ему всю лопь до реки Ивгея».³ Лопари с того времени платили дань Новгороду и царям Московским».⁴

¹ Ефименко П. С. Юридические обычаи Лопарей, Корелов и Самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского русского Географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 20.

² Огородников Е. К. Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. СПб., 1869. С. 630.

³ Река Ивгей (современное финское название Ивалойоки, Ivalojoki) — древняя порубежная река протяженностью 180 км, впадающая в южную оконечность озера Инари. Важнейшая часть исторического водного пути ведущего с Балтики на Север.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2008. Т. 9–12. Т. 11. Глава I. Царствование Бориса Годунова (1598–1604 гг.). С. 445.

¹ «Опросные речи данщиков...». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

² Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 4. С. 14.

³ Гебель Г. Ф. Наша Лапландия // Изв. Архангельского О-ва по изучению Русского севера. СПб., 1909. Т. VIII. С. 86.

Еще раз надо подчеркнуть, что понятие «валит», то есть главный воевода или старейшина рода, в течение долгих веков не раз усваивалось тем или иным историческим личностям в качестве прозвища или фамилии. Поэтому когда в Первой Софийской летописи сто лет спустя, под 1337 г., говорится, что «придоша Немцы к Корельскому городку со мною силою, и бяше в городе тогда воевода Валит Корелянин», это вовсе не значит, что мы наконец нашли единую временную привязку ко всем сохранившимся в истории сообщениям о Валите.¹

Само местонахождение «Валитова городища», где «для покая его место было, загорода крепости» указано довольно точно в «Книге Большого Чертежу»: «от Паза реки морским берегом 20 верст, пала в море речка Денга да речка Воема, а промеж ими берегом 30 верст. А промеж тех речек *на море, на острове, близко к берегу*² — Волиново городище».³ Норвежское название этого места, устья реки Воръемы («Воемы») — губа Якобсэльв. Это самая северная точка границы России с Норвегией. Что касается «павшей в море речки Денга», то на картах XIX века это губа Ровдина, несколько ранее именовавшаяся Ровденьга.⁴ Это русское название утрачено вместе с территорией в печально памятном 1826 г. Сейчас эта губа называется Ярфьорд. «Промеж тех речек, близко к берегу» действительно есть островок — Люнге. О том, что некогда здесь стояло Валитово городище, убеждает нас норвежское название мыса невдалеке — Варенесет. Как мы помним, «Корельской земли большого Владетеля» звали «Валит или Варент», следовательно, Варенесет — мыс Варента.

В то же время место нахождения памятного камня «о победе над немцами» вовсе не совпадает с местом «загороды крепости» в Воръеме: «Тот камень, что в Варенге и по сей час слывет Валитов камень», согласно с преданием, находится на берегу залива Варангер, «там, где Варенский летний погост». Надо полагать, что упоминаемый древний летний лопарский погост на берегу Варангер фьорда, скорее всего, находился в районе нынешнего Нейдена или, по-русски, деревни Нявдема, где все хорошо знают Свято-Георгиевскую часовню преподобного Трифона.

¹ «Валит времен Бориса Годунова, Валит — воевода XIV в., и Валит IX в. — все они совершенно разные личности». См.: Папкина Л. Д. К вопросу о смерти князя Рюрика в городе Кореле // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 1999. Вып. 1. С. 29.

² Эта вставка-уточнение, дописанная в более поздних редакциях «Книги» (редакция списка № 1330), показывает, что место это было хорошо известно и в дальнейшем.

³ Спасский Г. И. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 160.

⁴ См.: Островский Д. Н. Путеводитель по Северу России. СПб., 1898. С. 81.

Получение дани. Рисунок из книги «История северных народов». Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus. Romae, 1555

VII

В 1237 г. началось страшное золотоордынское нашествие на Русь. Именно в этом году римским папой Григорием IX был объявлен Крестовый поход в русские земли. Поход был осуществлен шведским королем Эриком XI (Эрик Эрикссон Хромой Заика). Время этого похода, как мы понимаем, было выбрано очень грамотно.

В 1238 г. Датский король Вальдемар II и магистр Тевтонского ордена Герман Балк договорились о военных действиях против Руси при участии шведов. Однако мудрая политика и решительные действия святого князя Александра Невского в июле 1240 г. на Неве и в 1242 г. в Ледовом побоище на Чудском озере пресекли дальнейшие шаги по плану этого Крестового похода.

Тем не менее, шведы использовали тяжелую ситуацию, сложившуюся на Руси. Выйдя на границы Новгородской земли в Карелии, в области Тавастланд шведы построили мощную крепость Тавастехус (швед. Tavastehus) или Хямеэнлинна (фин. Hämeenlinna). Это событие 1249 г., как полагают, заложило серьезную основу для создания Шведской империи с присоединенной к ней Финляндией. Крепость эта до основания Выборга являлась мощнейшей шведской крепостью в Финляндии. В результате, как замечает «Хроника Эрика», «ту страну, которая была вся нами крещена, русский князь, как я думаю, потерял».¹ Замечание, увы, справедливо. Лишь по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Финляндия вернулась в состав Российской империи на правах автономного княжества.

¹ Цит. по: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1987. С. 23.

Следующий, третий шведский Крестовый поход, привел к возведению Выборгского замка, в результате чего западная Карелия стала провинцией Швеции более чем на 400 лет.

Столь успешным результатам этого Крестового похода, проведенного Ярлом Биргером, в значительной мере способствовало отсутствие в то время на Руси князя Александра Невского. Как известно, в 1247 г. князь Александр отправился в Монголию к хану Батю и вернулся из Карокоума в Новгород лишь в 1249 г., когда Финляндия была уже покорена шведами и там, где некогда селилось племя емь (тавасты), уже стояли мощные крепости.

Надо сказать, что если российская история XIII века неразрывно связана со славными деяниями великого князя Александра, то для Швеции и Финляндии столь же знаковой фигурой был Биргер Ярл. Можно сказать, что Биргер состоял в родстве с князем Александром, поскольку состоял в браке с Ингеборгой (сестрой короля Эрика), которая была дальней родственницей Александра Ярославича. Кроме того, у них было много общего: оба предпринимали решительные шаги по укреплению единовластия в своих странах. Биргер Магнуссон был последним «ярлом» в Швеции и стал основателем новой династии шведских королей.

В знаменитом сражении на Неве, согласно летописи, князь Александр Ярославович померился силами с Биргером: «самому королеви Бергелю взложи печать на лице острымь своимь копиемь».¹ Конечно же, в этой информации есть некое допущение — Биргер ни в момент сражения, ни позже не был полноценным королем, являясь лишь регентом при своем малолетнем сыне Вольдемаре. Историки советского и постсоветского периода вообще ставили под сомнение участие Биргера в том походе, поскольку этот факт упомянут в «неавторитетных» источниках — в «Рукописании Магнуша» и некоторых редакциях жития святого князя Александра, и кроме того в 1240 г. Биргер еще не был объявлен ярлом.²

Следует возразить, что «по шведским законам титул ярла вовсе не являлся обязательным для того, чтобы предводительствовать в военно-морской экспедиции (ледунга). Кроме того, такой опыт у Биргера был и ранее. Еще в 1238–1239 гг., согласно «Хронике Эрика», король уже избирал Биргера возглавить военную экспедицию в Name/Tavastia».³

¹ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915–1929. Т. 4. С. 35.

² Об этом см.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 171–178.

³ Lind J. H. Early Russian-Swedish Rivalry... // Scandinavian Journal of History. Stockholm, 1991. P. 276.

На наш взгляд, следует с большим уважением относиться к свидетельствам древности, поскольку в те времена люди более остро чувствовали суть христианских заповедей и боялись согрешить, приведя недостоверную информацию.¹

Останки Биргера с момента его кончины в 1266 г. почивают в Варnhemском цистерцианском монастыре (Varnhems kloster). Не так давно, в 2002 г., было произведено их освидетельствование, что позволило реконструировать облик знаменитого Ярла. Специалисты-судмедэксперты подтвердили наличие серьезной травмы лицевой кости в районе правой глазницы, что, по их мнению, явилось следствием сильного удара острием боевого оружия.

VIII

Столь масштабные результаты третьего шведского Крестового похода, отторгнувшего от Руси западную Карелию и выведшего из русской сферы влияния целый финский народ — емь, не мог остаться без ответа князя Александра Невского. Для этого ответа было выбрано иное направление — Крайний Север, где на Кольском полуострове и берегах Кандалакшского залива жил упомянутый выше весьма недружелюбный народ — биармы, или биармийцы (чудь). Они были данниками Новгорода, но с началом татарского владычества на Руси биармы посчитали более выгодным заручиться поддержкой Норвегии и принимать норвежских сборщиков дани.

Надо сказать, с Норвегией у Руси были давние добрососедские отношения, но и «добрые друзья» искусились открывшейся возможностью доминирования на северных территориях новгородских владений. Князь Александр не забыл, что норвежцы вместе со шведами в 1240 г. пришли с агрессией на Неву. Как свидетельствует Новгородская летопись, «свеи в силе велице и мурмане и сумь и емь».²

О том, какой заманчивой показалась нашим скандинавским соседям перспектива воспользоваться тяжелым положением Руси, говорит тот факт, что для Норвегии война в это время была совсем нехоти. В этот момент

¹ В Лаврентьевской летописи так говорится о достоверности источников приводимых в ней фактов Невской битвы: «Вся слышах от господина своего великого князя Александра и от иных, иже в то время обретошася в той сечи». Цит. по: Холодный Г. М. Жизнь и деятельность великого князя Александра Невского в связи с событиями на Руси в XIII столетии. Тамбов, 1883. С. 71.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. В лето 6748 [1240] // Полное собрание русских летописей. Том 3. М.—Л., 1950. (Л. 126 об).

обстановка в самой Норвегии была крайне напряженной. В 1239 г. начался мятеж могущественного норвежского герцога Скуле Бордссона. Герцог этот был весьма богат и владел огромными земельными наделами. Кроме того, он породнился с королем Хаконем IV, который взял в жены его дочь. Подняв мятеж, Скуле сверг Хакона и, провозгласив себя единоличным правителем, короновался в Тронхейме. В ходе начавшегося противостояния герцог так и не смог заручиться поддержкой знати, потерпел поражение от Хакона и был убит в 1240 г.

Как видим, ничто не помешало норвежцам выступить со шведами против Руси, даже столь значительная удаленность побережья Норвегии от устья Невы. Это расстояние порядка двух тысяч километров по морю.

Когда в 1241 г. Александр Невский прибыл в Новгород и начал войну с Ливонским орденом, то прежде всего он взял город Копорье, где казнил изменников как раз из воды и чуди.

Позже, вернувшись из Орды, великий князь Александр Ярославович принимает решение окончательно разобраться с этим лукавым племенем. Так началось завоевание Биармии и Кольский полуостров был присоединен к Руси со статусом новгородской волости Колапермь, находящейся под контролем корелы.

IX

Известный шведский историк Олоф Далин так описывает ситуацию, сложившуюся на Руси с наступлением монголо-татарского владычества: «В то время на развалинах Голмгортского царства утвердилась новая держава. Татары привели себе под иго всю между многими небольшими князьями разделенную Русь, так что все они признавали верховную власть Хана Татарского над собою. Между сими князьями находился князь суздальский Ярислав Всевадзон [Ярослав Всеволодович. — Е. М.], которому удалось не только удержать свою землю, как лен [зависимое поместье. — Е. М.], но и приобрести некую власть и знаменитость над большею частью других; а потому в 1230 году и был избран Великим князем Новгородским».¹

Северное положение Новгорода изначально определяло и его притязания на земли Крайнего Севера. Часть земель Лапландии «принадлежала Новгороду еще прежде Ярослава, — так пишет российский ученый XIX века Петр Кеппен, — если верить рунической харатейной грамоте, опубликованной в 1677 году в Норвежском городке Шеене [Шиен (Skien), город

Святой князь Александр Невский и хан Сартак в Орде. Картина Ф. Москвитина. 2002

и коммуна. — Е. М.]. Грамота эта содержит в себе распределение границ между Россией и Норвегией во время Свенона I, датского короля, жившего в конце X века».¹ Согласно с этим договором, заключенным еще в те давние времена, «Государь Российский может брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии».²

Такие тексты рунических грамот с первыми договорами о владениях «короля Норвегии и государя Руссов» (Kunuggr af Norrik et Ruska Kununkr) существовали и много ранее, например, в IX веке. В этих документах земли Великой Лапландии, Финнмарка (в норвежском понимании) или Колапермь (в русском), назывались «пустынные Мархия» (outha Merkmum). Слово же «Марх — значит *предел, граница*».³ Позже слово «Мархия» трансформируется в «маркен», в Финнмаркен.

В древней рунной грамоте сказано, что «Государь Руссов собирает дань по морскому берегу даже до *Люнкастуфута* [это известный исторический рубеж — нынешний залив Lyngen-fjorden. — Е. М.]; от всех горных жителей [имеются в виду горы Kjølen. — Е. М.] между рекой [река Тана, или Паз. — Е. М.] и *Лигкьяром*. Королю же Норвегии принадлежит дань от восточных жителей до *Дриадима* [искаженное Trjanea — Кольский полуостров. — Е. М.] и по внутренности *Сантвика* [искаженное Gandvik — Белое море. — Е. М.], даже до *Вилляя* [Vela — река Вяла (Væljoki), приток реки Умбы. — Е. М.], где обитают частью карелы, частью приморские финны».⁴

¹ Речь идет о Свене I Вилобордом (960-е–1014) — короле Дании, Норвегии и Англии.

² Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.

³ Christoph Hartknoch. Sammlung / Собрание сочинений. 1674–1687. Кенигсберг, 1687. С. 81.

⁴ Biörner, Eric Julius. Cogitationes critico philologicae de orthographia linguae Sviae gothicae, ... praefixis prolegomenis de initiis et migrationibus gentium Scandogothicarum / auctore Erico Julio Björner. Stockhol-

¹ Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 262.

Таким образом, видим, что порядок разделения даннических земель Европеекого Крайнего Севера между русскими князьями и норвежскими конунгами сложился еще со времен древнейших рунных грамот, то есть ранее X века.¹ Потому такие понятия и формулировки, как «старые границы», «древние рубежи», «предания старых людей», неизменно переключивались в порубежные грамоты и договора последующих столетий как неоспоримо авторитетные. В дальнейшем скандинавы всячески стремились не упоминать эти древние документы, выстраивая свои дипломатические переговоры с иных позиций. Так, например, русский текст Ореховского договора был открыт только в 70-х гг. XIX века в Стокгольме и «принадлежал к серии документов, носивших отметку: “Старая рубежная грамота, которой не должно показывать” (Camla Radartz breif, som intet skoleframbaras)».²

Но при этом несомненно и другое: именно нашествие татар радикально изменило расстановку политических акцентов и территориальных приоритетов Руси в отношении Крайнего Севера. Гениальное прозрение князя Андрея Боголюбского, перенесшего в 1155 г. великокняжеский стол на север, во Владимир и Ростов, как бы предвосхищая нашествия Орды, явило некое Божественное откровение о грядущей судьбе Руси, которая будет прирастать землями Крайнего Севера.

Итак, наступила трагедия 1237 г. Великие города юга Руси были превращены в руины. Погибло около половины населения страны. Развита городская культура Древней Руси была уничтожена. Русский Север обрел свой новый исторический статус.

«Со времени татарского опустошения Новгород прекращает свою древнюю связь с Южной Русью. Постепенно ослабленная междоусобиями и иноплеменными нашествиями, она окончательно была добита татарами, выступила из русской федерации и начала идти иным путем по колее исторической жизни. Новгород удержался членом федерации, сплотившейся под верховным владычеством татар. По мере более тесного сближения об-

разовался обычай, перешедший как бы в закон, что новгородским князем должен быть тот, кто называется Великим. Первый пример этому был с Александром Невским».¹

Надо заметить, что первым великим князем Владимирским и Новгородским Олоф Далин называет Ярослава Всеволодовича, которого хан Батый признал «старейи всем князем в Русском языке» (Лаврентьевская летопись): «Сей Князь по праву татарскому начал чинить нападения на Ингерманландию, Карелию и **Финляндию**». То есть попытки покорить Финляндию (в то время Финляндия это земли лопарские — Финнмарк) предпринимал еще отец Александра, Ярослав Всеволодович. «Но шведы храброе делали сопротивление так, что россияне бежать принуждены были».

И далее шведский историк вынужден признать и особо отметить ратные достоинства великого князя Александра Невского: «Однако ж Ярослав имел сына Александра, почитаемого у россиян за Марса, который тогда одержал достопамятную победу над Шведским флотом при реке Неве и от того получил проименование Александра Невского».²

«Александр Невский, — пишет далее О. Далин, — покорил себе Пермию, или Биармаландию, отщитившуюся на несколько времени от Голмгородского государства, и беспокоил даже норвежские границы около Галогаланда, проходя к оным чрез Финнмаркен и Лапландию».

Иными словами, дружина великого князя провела масштабную военную операцию на Крайнем Севере Европы. Пройдя и покорив Лапландию (Кольский полуостров), Финнмаркен (земли на запад от Кольского полуострова), Александр Невский с силою вошел в область Северной Норвегии у Галогаланда. Началось массовое бегство народа, с древности известного как биармийцы, с этих территорий: «Норвежский король Гокан [Хакон IV Старый (1204–1263). — Е. М.] принимал дружески бежавших Пермян. Об этом смотри: Торфея в житии Гаквина у Шенстрема во введении в историю Шведскую рукописную; и Петра Клавдия летоп. Норвежскую, стран. 744».³

miæ : typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60. Перевод: Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 528–529.

¹ «Уже с X и XI веков начали истреблять руны в публичных и королевских письменных делах и заменять их латынью, с изданием королевских повелений о сожжении книг писанных рунами, поскольку простой народ употреблял их для чародейства». См.: Dalin Olof. Svea Rikes Historia Ifran Des Begynnelse Til Wara Tider: Del-1. Stockholm, 1750. S. 225–226.

² Тельпуховский Б. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 128–133.

¹ Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 110: «Порабощение татарское возвышало значение великого князя, мало-помалу сообщало ему значение государя всей Русской Земли и низводило князей с прежнего значения по их породе».

² Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 263.

³ Там же. Прим. III.

X

«Норвежцы и русские соседствуют тысячу лет, и между этими народами и их странами не было серьезных конфликтов»¹ — так начинает свой труд по истории российско-норвежских отношений норвежский ученый К. Селнес.²

Как мы показали выше, Новгородская Русь и Норвегия издревле и традиционно имели уважительные добрососедские отношения. Великий покровитель христианской Норвегии XI века король Олав II Святой приходился великому князю Ярославу Мудрому свекром. Важнейшие духовные решения Олава и укрепление его христианской веры произошли в период его пребывания в Великом Новгороде, где он совершил свои первые чудеса исцелений. В дальнейшем почитание святого Олава нарастало, поскольку Ганзейский союз избрал его покровителем всех мореплавателей. Во всех городах союза были воздвигнуты церкви его имени. Не был исключением и Великий Новгород, где, по свидетельству епископа города Або (ныне Турку), в XIV веке еще существовала церковь святого Олава («варяжская божница») и почитание его новгородцами было весьма велико.³ В России помимо Новгорода (где он жил несколько лет), церкви святого Олава существовали и в Старой Ладоге.

Два следующих короля уже христианской Норвегии — Магнус I Добрый (сын Олава) и Харальд III Суровый (сводный брат Олава) — были связаны с новгородскими князьями династическими браками и с жизнью Великого Новгорода в целом.

После разделения христианских Церквей Востока и Запада в 1054 г. тесные династические связи между правителями Руси и Норвегии стали ослабевать, но взаимная заинтересованность и традиции дружбы остались.

Надо заметить, что раскол христианской церкви 1054 г. особо не отразился на самих отношениях между русскими христианами византийского обряда и скандинавскими римо-католического. Такая ситуация держалась до XIII века, до монголо-татарского нашествия, когда это противостояние резко обострилось по политическим мотивам. Так что к XIV веку церкви Святого Олава исчезли из русских городов, несмотря на то, что канонизация

Действия скандинавов против московитов. Рисунок из книги «История Северных народов». Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus. Romae, 1555

«христианского покровителя Норвегии», этого последнего святого неразделенной Церкви, произошла еще до Великого раскола.

Для таких решительных действий по пересмотру устоявшихся отношений и границ надо было иметь достаточно веские основания, учитывая, что в отношении Норвегии святой благоверный князь Александр Невский проводил политику всемерного укрепления и развития давних дружеских и родственных связей. Стремясь к стабильному и прочному миру в Лапландии, Александр Ярославович предлагал королю Норвегии Хакону IV династический союз через брак своего сына князя Василия с принцессой Кристиной. «В 1252 году прибыли послы от Александра к Гокану с дружественными предложениями и просили у него Принцессу Христину в супруги сыну Александра».

Однако король Хакон, видимо, первоначально считал этот брак мало полезным для укрепления положения Норвегии. Русь числилась в данниках Золотой Орды, и, возможно, этот брак представлялся королю не вполне достойным, и «в деле, до бракосочетания касавшемся, учтивыми словами было им отказано». Тем более что «татары в это время уже опустошили новгородскую землю, и сватовство холмгардского князя осталось без результата».¹

Надо помнить при этом, что понуждаемый папой Запад пытался использовать это сложное положение Руси, дабы склонить непокорных «схизматиков» к принятию католичества в обмен на обещание военной помощи против татар.

Однако в 1251 г. Александр Ярославович, казалось бы, неожиданно окон-

¹ Selnes K. Russisk historie i norrøn saga // (N) HT. 1965. B. 44. H. 2. S. 3.

² Кьяртан Селнес — доктор философии, советник по социальным и философским наукам Норвежской гуманитарной ассоциации, г. Осло, Норвегия.

³ Надпись на одном шведском руническом камне повествует о судьбе некоего путешественника, который «...умер в Холмгарде [Новгороде. — Е. М.] в церкви св. Олава» (Wigum F. Norge og Russland som religiøse naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1. Перевод А. Ермолаевой).

¹ Saga Hakonar konungs Haakonarsonar, 271. Цит. по: Кузнецов С. Н. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2–3. С. 47.

чительно отказывается от «ласковых» предложений папы Иннокентия IV и, более того, заключает крайне важный договор между Новгородом и Норвегией, узаконивший русский сбор дани с саамов по всему Кольскому полуострову и во всем Финнмарке вплоть до норвежского Гологаланда (нынешний округ Тромсе).¹

Этот столь успешный Новгородско-Норвежский договор стал возможен лишь потому, что ему предшествовала серьезная подготовка. Отечественные историки, вслед за Н. Карамзиным, говорят о княжеском посольстве в норвежский Дронтгейм (ныне — Тронхейм) к королю Хакону IV, где в самых любезных выражениях предлагают ему, «чтобы он запретил финнмаркским своим поданным грабить нашу Лопь и Корелию». ² «Король изъявил самые миролюбивые намерения, не прочь был породниться со славным русским князем и, в свою очередь, прислал послов в Новгород для заключения договора. Послы были встречены с почетом и отправлены обратно с богатыми подарками». ³

ХП

Однако скандинавские источники, как мы указали выше, свидетельствуют о несколько иной картине. К упомянутому 1251 г. князь Киевский и Новгородский Александр Ярославович совершил масштабный поход по северным землям и твердой рукой привел в подданство все местные народности, населявшие тогда Крайний Север Европы. «Достойный всяческого уважения Олоф Далин в своей «Истории Шведского государства», ⁴ ссылаясь на историков Торфея (Torfaei Thormodori antiquitates Norvegicae) и Петра Клавдия (Claudii Petri transaction Helsingborgensis), утверждает, что князь Александр Невский покорил всю Биармландию и беспокоил даже норвежские границы, проходя к оным через Лапландию и Финнмаркен. Король Норвежский Хакон IV Старый (Хокон Хоконссон) в то время повелел принимать всех бежавших от княжеской дружины». ⁵

¹ Этот особый порядок взимания дани с восточных лопарей (сколтсаамов) предполагал не полевой, а подушный их учет, ввиду постоянных кочевек кольских аборигенов.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Кн. 1. Т. 1–4. С. 487.

³ Хитров М. Великий князь Александр Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. С. 96.

⁴ Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. С. 269.

⁵ Берх В. Н. «О времени открытия россиянами Ледовитого моря»: статья из книги «История географических открытий россиянами». СПб., 1817 (не опубликована). Берх Василий Николаевич (1780–1835), военный историк, с 1828 г. в должности историографа русского военно-морского флота, почетный член Адмиралтейского департамента и Ученого комитета Морского штаба.

«В то время, — рассказывает одна норвежская сага, — жители Биармии обратились с просьбой о защите к королю Хокону. Он позволил им поселиться у Малангена [в районе нынешнего Тромсе. — Е. М.] с условием, чтобы они приняли христианство, что они и сделали». ¹ Упомянутая сага была опубликована К. Х. Рафном ² в середине XIX века: «Король Хакон приложил большее, чем кто-либо из владетелей после короля Олава Святого, старание к тому, чтобы утвердить христианскую веру в Норвегии; он озабочился выстроить храм в Тромсе и ввел христианство в этом приходе». ³

Первая церковь в честь Девы Марии в этом крайне-северном поселении Норвегии — Тромсе — была построена в 1252 г. именно как следствие этого пришествия биармийцев. «К нему пришли многие из биармонцев, которые бежали с востока, прогнанные набегами татар; король повелел обратить их в христианство и уступил им для жительства так называемый Малангерский залив [Маланген (Malangen) — ныне крупный рыболовный центр на Сев. Норвегии. — Е. М.].» ⁴

Еще раз подчеркнем, что приведенная выше информация ясно свидетельствует о нахождении земель Биармии в относительной близости от Норвегии, и уж никак не в районе Северной Двины или Перми.

Интересно, что с образованием центра христианизации биармийцев в норвежском Тромсе аналогичные шаги были предприняты на российском Кольском полуострове, где в начале XIV века в селении Варзуга была построена первая церковь для христианизации корел, пришедших на место биармийцев.

Это зафиксированное в норвежских источниках масштабное перемещение народов, массовое бегство биармийцев, с давних времен населявших земли Крайнего Севера, историки связывали с монголо-татарским нашествием. «Часть населения Биармии в середине XIII столетия добралась <... >

¹ «Эти переселенцы на новом месте поселения в пустынных Лапландии и Финнмаркене встретились с более дикими племенами, квенами, лопарями и другими, и, чтобы утвердиться здесь, должны были, в свою очередь, подчинить их себе и вступить с ними во враждебные столкновения. Норвежские саги сообщают немало случаев подобных столкновений». Naakon Naakonssons Saga (последняя глава). Цит. по: Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 25.

² Рафн Карл Христиан — датский археолог (1795–1864), основатель Королевского общества северных антиквариев.

³ Saga Hakonar konungs Haakonarsonar. Rafn C. C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1852. R. II. P. 83.

⁴ Rafn C. C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. P. 84.

до северо-западного берега Норвегии, где они и поселились. Это было во время нашествия монголов, когда жители Севера, объятые ужасом, покинули свои места и массами бежали выше на Север, в нынешнюю Лапландию и даже Финнмаркен».¹

Подчас подобные утверждения вызывали законное недоумение историков, поскольку, как известно, войска монголо-татар в своем движении на север не доходили даже до Новгорода.² Тем не менее, упомянутая связь с Ордой вполне очевидна, поскольку, как замечает историк, «князь Александр по праву татарскому» осуществлял эти походы и опирался «на всю татарскую силу».³ Кроме того, такое уподобление русских татарам вполне соответствует имевшей место в те времена традиции называть народ по принципу зависимости или подчиненности. Так, например, войско Биргера в битве 1240 г. называют не «свеями», а «римлянами». Так, при описании Ледового побоища Симеоновская летопись сообщает: «Натече он на корабли и погуби три корабля Римлян».

Об этих важных событиях также пишет шведский историк Стриннгольм Андерс в своей истории Российского Крайнего Севера: «О бярмийском государстве известно, что оно пало после 1236 года во время вторжения Чингисхана и его монгольских орд в Северную Европу, а потом было окончательно покорено царем России Иваном Васильевичем в конце XV века».⁴ Однако надо заметить, что речь идет о временах Батые, поскольку Чингисхан скончался в 1227 г. Приблизительно в это время имело место движение монгольских орд на Север, в район южного Урала. Как свидетельствует Плано Карпини, «они пошли дальше к северу и ... пришли к Самогедам,⁵ а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ ...»⁶

¹ Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения. С. 23–24.

² В 1238 г. после взятия Торжка основные силы монголов, не дойдя 100 верст до Новгорода, из-за весенней распутицы и высоких потерь повернули назад в степи.

³ Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. Т. 2. С. 269, 264.

⁴ Стриннгольм Андерс Магнус. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002. Перевод с нем. яз. А. Шемякина. С. 36.

⁵ «Самоеды — урало-алтайское племя, близкое к финнам-лопарям. Имя их произошло, вероятно, от названия «Самееднам», страны, где некогда жили лопари. Первоначальная родина их была в области Саянского нагорья, но, оттесненные к северу, самоеды спустились по Оби». Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

⁶ Плано Карпини И. История монголов. СПб., 1911. С. 47.

Действительно, «лапландцы, принадлежащие к народам Финского племени, называют свою землю Самееднам».¹

События, произошедшие на Крайнем Севере и приведшие к изгнанию биармийцев с Кольского Севера, происходили несколько позже. Это время на похода на Русь «Неврюевой рати», посланной Батыем в 1252 г., что привело к великому княжению на Руси Александра Невского, которому противились иные князья — потомки Ярослава Всеволодовича.

Надо сказать, что со временем эти события стали забываться и даже весьма известные знатоки Крайнего Севера искренне недоумевали по поводу «исчезновения» Биармии и ее жителей. Так, например, Йоханес Шефферус, немецкий исследователь XVII века, пытаясь решить эту «загадку», предполагал: «уменьшаясь в числе от многочисленных войн, жалкие их остатки слились с лапонцами, а потом забылось и само имя биармийцев».²

XIII

Великий князь новгородский Александр Ярославович, добившись особого расположения ордынского хана, в полной мере сумел реализовать удивительные возможности нынешней своей практически абсолютной власти, опиравшейся на страшную силу Орды. Он понял, что покорность этой пока что неодолимой силе может принести Руси такие выгоды, о каких ни один из правителей прежде и не мечтал. При этом, что важно подчеркнуть, благоверный князь всегда оставался христианином и патриотом своей земли.³

Союз с Золотой Ордой завещал Александру укрепить его отец, князь Ярослав Всеволодович добился особого к себе расположения со стороны Золотой Орды. Об особом почете, оказываемом князю, что было вовсе не характерно для татарских нравов, царивших при дворе великого хана Гююка, пишет очевидец, посланник папы римского Инокентия IV: «там было несколько вождей, ... более десяти других султанов, более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вож-

¹ Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. С. 350.

² Иоанн Шеффер из Страсбурга. Лапландия. Франкфурт, 1674. / Пер. с лат. языка В. С. Золотилова. Апатиты, 1930-е гг. С. 51 (рукопись).

³ В 1250 г. князю пришлось ехать в Монголию к великому хану. Зная языческие обряды Орды, князь молился перед отъездом, обещая: «Аще и кровь свою пролию Христа ради от безбожного царя, якоже и сродники мои, кусту же и огню и идолам не поклонюся». И свое слово князь сдержал.

дей, которые являлись покориться им, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой. Нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место. Мы там пребывали в довольстве четыре недели».¹

После кончины князя Ярослава Александр твердо держался этой линии отца, следуя путем укрепления единовластия в стране с опорой на силу Золотой Орды. Сын хана Батыя Сартак, заведующий русским направлением Орды, после принятия христианства стал другом и побратимом Александра. Обещав хану Батыю свою поддержку, святой Александр обеспечил ему возможность выступить в поход против Монголии и стать главным повелителем всей Великой Степи. Более того, на престол Монголии был возведен вождь татар-христиан, хан Мункэ. Позже, в 1261 г., при содействии великого князя Александра в Сарае была образована православная епархия.

Именно стоявшая за великим князем сила Золотой Орды и позволила устранить извечное владычество биармийцев на Крайнем Севере и присоединить богатейшие земли терфиннов Кольского полуострова и норвежского Финнмаркена к Новгородской Руси. И более того, позволила с властью войти в Гологоландские пределы Норвежского Королевства, тем самым обусловив успешное заключение крайне необходимого для Руси договора 1251 г.

Важность этого деяния благоверного князя безмерна, ибо та дань, которую Русь теперь могла беспрепятственно взимать с богатой мехами Лапландии, спасала русский народ от рабства. При всей тяжести и многообразии налогов, уплачиваемых на Руси Золотой Орде, сборщиков «салыги» — самой главной годовой дани или подушной подати — интересовала исключительно пушнина («мягкая рухлядь»). Упомянутый нами выше монах-францисканец Плато Карпини, оказавшийся на Руси в эти годы, оставил свои воспоминания о тех порядках: «Каждый, как малый, так и большой, бедный или богатый, платил монголам дань: одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру дохорь (ильтиса) [черный лесной хорек. — Е. М.] и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть обращен в их раба».²

Решительные действия мудрого правителя Руси святого князя Александра спасли великое множество русского народа от страшного рабства в Золотой Орде и заложили принципиальные основы для дальнейшего приращения территорий Руси землями Крайнего Севера, формирования новых границ страны как государства Северной Европы.

Северонорвежские предания о смутном времени на Крайнем Севере в XIII–XV веках

НИЛЬСЕН Йенс Петтер, профессор истории,
Арктический университет Норвегии,
г. Тромсё, Норвегия

В современных политических высказываниях как в России, так и в Норвегии порой упоминают, что Норвегия и Россия никогда не воевали. Но так ли это на самом деле? Некоторые политики и дипломаты, правда, признают, что войн между двумя нашими странами не было лишь последнее тысячелетие. Однако и это, строго говоря, не совсем верно. На завершающем этапе наполеоновских войн — с октября 1813 по февраль 1814 гг. — Дания-Норвегия, бывшие в то время единым государством и союзником Наполеона, являлись, по сути дела, военным противником России. Однако фактически прямых вооруженных столкновений между русскими и норвежскими войсками не было, хотя они были между русскими и датскими солдатами.¹

¹ AVPRI, f. 133, op. 468, d. 10837, l. 154–155, l. 156–158; Deklaration, København den 22 de October 1813. Печатный текст на датском языке с рукописным подтверждением Фредериком VI, 20.10.1813. Danske Rigsrkiv, Udenrigsministeriets Arkiv, Russland, 1813–1814, nr. 2382.

¹ Плато Карпини И. История монголов. С. 75.

² Там же. С. 33–34.

Помимо этого, с начала XIII до середины XV века в северных регионах обеих стран не раз возникали ситуации, близкие к войне. Именно о таких вооруженных столкновениях я и хочу подробнее рассказать в данной статье.

Согласно исландским источникам, с середины XIII по середину XV веков группы карел и русских, проживающих на севере России, совершили не менее 11 нападений на Северную Норвегию.¹ Норвежцы, со своей стороны, неоднократно отвечали нападениями. В 1419 г. они даже сформировали относительно большое войско численностью около пятисот человек, мобилизовав силы так называемого лейданга — это древнескандинавский вариант организованного военного регулярного флота. Это означает, что речь шла о военных действиях государственного масштаба, а не только о спонтанных локальных нападениях с целью мести. В XIII веке был создан также северонорвежский лейдангский флот из тринадцати судов, одно из которых базировалось наиболее близко от российской территории, на острове Карлсей рядом с нынешним городом Тромсе.² Северным флотом руководили мощные хевдинги, или знатные вожди, проживающие на острове Бьяркей, недалеко от современного города Харстад.³

Возможно, нападения с российской стороны на Северную Норвегию и прежде всего на Финнмарк как наиболее близкую к Северной России провинцию стали ответной реакцией на набеги и торговые походы в Беломорье, которые северонорвежские хевдинги и позднее норвежские конунги, т. е. короли, совершали на протяжении ряда столетий. Эти походы были связаны с торговлей мехами на Белом море. Однако к XIII веку интерес к мехам постепенно сменился интересом к рыбе, спрос на которую в Норвегии стал быстро расти. Как раз в это время на внешнем побережье Западного Финнмарка начали появляться первые норвежские рыбацкие поселения, которые быстро росли как на севере, так и на востоке Финнмарка. Причиной такого стремительного развития рыбацких поселков стало то, что в это же время в городе Берген, торговой столице Норвегии, открылось представительство Ганзейского союза, которое стало осуществлять и организацию, и контроль над экспортом сушеной рыбы из Северной Норвегии. Благодаря эффективно организованной торговле с использованием обширных международных

Ушкуйники. Новгородские ушкуйники, будучи христианами в полной мере, следовали кровавым методам язычников-викингов и занимались открытым грабежом и насилием

связей немецким купцам удавалось на протяжении нескольких веков сохранять благоприятную обстановку для распространения норвежской сушеной рыбы, поставляемой из северных рыбацких поселков. Все эти события положили начало новой эпохе в истории Северной Норвегии.¹ Более того, тогда между северными регионами России и Норвегии возникло разделение труда: Северная Норвегия стала специализироваться преимущественно на рыболовстве, а Новгородская республика — на выделке и продаже пушнины и кожи.

Исландские источники указывают, что последний торговый поход норвежцев в Беломорье был осуществлен в 1222 г. Тем не менее, и в дальнейшем новгородские бояре с возрастающим беспокойством смотрели на рыбацкие поселения на побережье Финнмарка, считая их угрозой интересам Новгорода. Есть основания полагать, что новгородские власти приказали онежским карелам и русским жителям, проживающим в районе Северной Двины, совершать набеги на рыбацкие поселения в Финнмарке и грабить их.² Зачастую такими набегами руководили новгородцы или выходцы с мест близ Северной Двины. Немаловажную роль в этих набегах играли также карельские сборщики податей, работающие для Новгорода, которым набеги предоставляли прекрасную возможность завладеть саамской пушниной.

¹ Hansen L. I. (2011) The Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times; Olsen B., Urbanczyk P. & Amundsen C. (ed.). Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the Archaeology of Multi-Room Houses. The Institute for Comparative Research in Human Culture. Oslo: Novus Press: 363.

² Bratrein H. D. (1989) Karlsøy og Helgøy Bygdebok. Folkeliv — Næringsliv — Samfunnsliv, vol. 1. Fra Steinalder til år 1700. Karlsøy Kommune. Hansnes: 235–238.

³ Bratrein, op. cit.

¹ Nielssen Alf Ragnar. (1994) The Importance of the Hanseatic Trade for the Norwegian Settlement in Finnmark; Henn Volker og Nedkvitne Arnved (ed.) Norwegen und die Hanse : wirtschaftliche und kulturelle Aspekte im europäischen Vergleich. Frankfurt am Main : Peter Lang.

² Ушаков И. Ф. Избранные произведения, т. 1–3. Мурманск, 1997–1998. Т. 1: 34–45. См. также: Selnes Kåre. (1972) Norge-Russland. Grannefolk gjennom tusen år. Oslo-Bergen-Tromsø: Universitetsforlaget: 58–74.

В XIV веке возникла реальная угроза, что карелы и русские смогут окончательно подчинить Финнмарк новгородскому правлению. Так, в исландских источниках, датированных 1380 г., рассказывалось о бесчинствах русских в Северной Норвегии, где они «убивали мужчин, уводили в плен женщин и детей и грабили поселения».¹ Отдельные упоминания об этих набегах встречаются также и в российских летописях. Так, в 1320 г. русская флотилия под руководством новгородца по имени Лука напала на побережье Финнмарка и потерпела поражение, в результате которого Лука потерял все свое войско. В 1323 г. последовало новое нападение. На этот раз флотилия была больше, а войско состояло из русских, карелов и кольских саамов. Флотилия достигла норвежского острова Бьяркей, где нападавшие сожгли владения наместника Эрлинга Видкунссона. Итак, круг замкнулся: ведь именно с этого острова в VIII–IX веках начинались первые походы на Биармию и Беломорье.

С тех давних времен в Северной Норвегии сохранилось множество преданий о набегах русских и карелов. В них рассказывается о злодеяниях во время нападений карелов и русских прежде всего на Финнмарк. Например, в одном из преданий повествуется о том, как русские окружают церковь во время проповеди. Сначала они дожидаются, пока священник закончит проповедь, а потом врываются в церковь и убивают всех без разбора. В другом предании Бог внимает молитве священника: на море разыгрывается шторм, и корабль, на котором плывут русские, идет ко дну.

Хотя основной целью набегов были норвежские рыбацкие поселения, русские и карелы не обходили стороной и поселения морских и горных саамов в провинциях Финнмарк и Тромс. В саамских преданиях нападавшие называются «čuođit» («чудь») или «ruošša-čuođit» («русская чудь»). Такое название возникло из-за того, что в саамской устной фольклорной традиции карелов и русских часто путали с чудью — финно-угорским народом, тоже враждовавшим с саамами, но в более раннее время. К слову, на севере России также есть предания о чуди — так в этом регионе называли финно-угорские племена, нападавшие на русские деревни. Иногда кольские саамы называли чудью даже норвежцев и шведов, совершавших набеги с запада.² Такие набеги, без сомнений, имели место, однако аналогичных преданий

¹ Storm Gustav (ed.) (1888) *Islandske Annaler indtil 1578 / udgivne for det Norske historiske Kildeskriftfond*. Christiania: Grøndahl: 283.

² См.: Drannikova Natalia og Larsen Roald (ed.) (2006) *I tsjudenes fotspor. Tsjuder i historiske kilder, predanier og sagn i Nord-Norge og Arkhangelsk oblast*. Tromsø: Arktisk Forlag.

Ушкуник. Рисунок Н. Рериха

о набегах норвежцев на русское население Беломорья не зарегистрировано.

В северонорвежских саамских преданиях рассказывается о том, как саамы прятались от русских (или чуди) в землянках или специально вырытых для этого подземных погребах. Однако по сюжету предания враг, как правило, обнаруживает их — например, замечает пар от забытого второпях котла с водой или слышит голос служанки, которая вдруг громко просит лопатку для рыбы. Однако в некоторых преданиях нападающим так и не удается отыскать саамов. Одно из преданий, в частности, повествует о саамах из местечка Оксфьорд в Западном Финнмарке, которые решили укрыться в густой березовой роще. Песок в ней был особенно плотный, поэтому беглецы прорыли в нем целую систему пещер, сообщающихся подземными ходами. Свои лодки они спрятали возле моря, и русские так и не смогли их найти. Иногда предания рассказывают, что когда паук необыкновенно быстро плел паутину прямо перед входом в пещеру, то приходившие русские (ошибочно) решали, будто внутри никого нет, и уходили.¹

В основу большинства подобных преданий о русских положен явно кочующий сюжет — т. е. аналогичные сюжеты с небольшими вариациями встречаются практически во всех уголках земного шара. Во многих историях рассказывается о том, как саамам удавалось обхитрить русских и привести врагов к гибели при помощи местных проводников. Один из наиболее часто встречающихся сюжетов — это как раз история о проводнике (саамск. *ofelaš*), которого русские-чудь заставляют вести их в деревню, где в это время празднуют свадьбу. Однако проводник вместо этого приводит их к скалистому обрыву, они гибнут, и он тем самым спасает соплеменников.²

Сказание о проводнике встречается во многих странах, так что его можно считать всеобщим достоянием европейской культуры. При этом в каж-

¹ Helland A. (1905–1906) *Topografisk-statistisk beskrivelse over Finmarkens Amt*, vol. 1–3. Kristiania: Aschehoug, vol. 2: 364–365; Qvigstad J. K. (ed.) (1999) *Samiske beretninger i utvalg fra J. K. Qvigstads Samiske eventyr og sagn I–IV. Innledning, kommentarer og språklig bearbeidelse ved Brita Pollan*. Oslo: 242–267.

² Bratrein H. D. (1977) *Russesagn i Nord-Norge*, Ottar 1977 (no 94–95): 5–12; См. также: Bratrein H. D. (1989) *Karlsøy og Helgøy Bygdebok*. Folkeliv — Næringsliv — Samfunnsliv, vol. 1. Fra Steinalder til år 1700. Karlsøy Kommune. Hansnes.

дой культурной традиции сюжет формируется с учетом характерных для данной местности особенностей. Так, в Дании, где нет высоких гор, врагов (т. е. шведов во время датско-шведских войн XVII века) обманом заводят на заледеневшее море, лед под ними ломается, и они тонут.¹ Русская легенда об Иване Сусанине тоже, по сути, представляет собой сказание о проводнике. Враги в этой легенде, как известно, — поляки, а действие происходит в начале XVII века, в эпоху Смутного времени. Поляки решают пробраться в тыл к русским, а их проводником становится местный крестьянин Иван Сусанин, который уводит поляков далеко в лес, где они, не в силах больше идти, увязают в снегу. Поняв, что их обманули, поляки жестоко расправляются с проводником. В преданиях о проводниках, бытующих уже в Северной Норвегии, проводник, как правило, успевает спастись, а место врага занимают сами русские.²

Предания о проводнике повсеместно распространены в народной среде в современных провинциях Финнмарк и Тромс, причем во множестве вариантов. Вот, например, предание, до сих пор бытующее в разных вариантах в Альте, моем родном городе. Однажды здесь готовились отпраздновать свадьбу. Русские, которых было 20 человек, прознав об этом, решили совершить грабительский набег на городок и взяли в проводники одного саама. Саам же придумал хитрый ход: в темноте он шел впереди с факелом, который сделал из палки с обмотанной вокруг нее горячей берестой. Выбрав подходящее место возле обрыва, он бросил факел вниз. Решив, что проводник хочет сбежать, русские бросились следом прямо в пропасть и насмерть разбились. Местные жители и сейчас могут точно показать место, где якобы похоронены их тела.³

Таким образом, предания о проводнике не имеют узкой привязки к местности — в губерниях Финнмарк и Тромс их рассказывают повсюду, даже в местах, где нет крутых скал и обрывов. Кочующее предание могло сформироваться где угодно в мире, но даже если допустить, что такое событие действительно случилось в далеком прошлом, понятно, что оно не могло повторяться в всех этих местах.

Очевидно, логика такова, что в коллективной памяти народа события, связанные с набегами русских и карелов, вытесняются различными кочую-

щими сюжетами, которые благодаря своему драматизму и более сильному психологическому воздействию замещают воспоминания о реальных происшествиях. Они, по словам норвежского фолклориста Молкте Муэ, являются не фактами, а «поэтическим отражением фактов, с необычайной силой повлиявших на людей».¹ Таким образом, даже если предания нельзя считать отражением событийного опыта, они, без сомнения, свидетельствуют о значимости событий. Примечательно также и то, что предания о русских чаще распространены именно в тех регионах Северной Норвегии, которые в свое время действительно подвергались набегам со стороны русских. С этими набегами связано и образование многих топонимов в Финнмарке с корнем «russ-» или «karjel»: такие топонимы появились задолго до начавшейся в конце XVII века торговли с поморами. Поэтому они не связаны с поморской торговлей, а, скорее всего, отражают именно набеги русских в XIII–XV веках.

В самых южных регионах Северной Норвегии существует сравнительно мало преданий о проводнике, и в тех немногих, которые есть, часто обыгрывается скрытое противостояние саамов и норвежцев. Проводник в этих преданиях — всегда саам, которого русские заставляют показать им дорогу к деревушке, где празднуют свадьбу не саамы, а *норвежцы*. Из-за традиционно существовавших противоречий между саамами и норвежцами в Северной Норвегии сначала не совсем ясно, хочет ли саамский проводник спасти норвежцев. В Финнмарке же, наоборот, в преданиях всегда рассказывается о *саамской* свадьбе, и это соответствует территориально-этническому распределению мест проживания саамов в XIII–XV веках.² В то время норвежцы проживали, главным образом, на западном побережье Финнмарка, а к началу XVII века, когда норвежские поселения появились и на вершинах фьордов и число норвежцев в Финнмарке значительно возросло, русские набеги уже прекратились.

Набеги на Финнмарк временно закончилась подписанием в 1326 году Новгородско-норвежского пограничного договора. Этот договор внес определенную ясность в приграничный вопрос, в результате которого с середины XV века конфликты между русскими и норвежцами начинают утихать. Грабительские набеги с российской стороны сменяются более мягкой формой — сбором дани с саамов. Но разница между старой и новой формой проникновения, пожалуй, была небольшой. Кроме того, русские сборщики податей зачастую проявляли жестокость, поэтому в глазах саамов они,

¹ Drannikova N. & Larsen R. (ed.) (2006) I tsjudenes fotspor. Tsjuder i historiske kilder, predanier og sagn i Nord-Norge og Arkhangelsk oblast. Tromsø: Arktisk forlag: 24–25.

² Mathisen S. R. (1989) Samen som veiviser, Bodøboka 1988–1989. Nordlandsmuseets årbok. Bodø.

³ Nielsen J. P. (1990) Altas historie, vol. 1. De glemte århundrene. Alta: Alta kommune: 44–55.

¹ Мое М. (1887) Innledning til J. Qvigstad og G. Sandberg, Lappiske eventyr og folkesagn. Kristiania: S.

² Mathisen, op. cit.

Военный отряд московитов переносит лодью через волок. Рисунок Олафа Магнуса. XVI в.

может быть, не сильно отличались от предшественников. В преданиях говорится, что численность дружины русской чуди в XIII–XV веках составляла 18–20 человек. Примерно столько же людей требовалось в XVI веке русским сборщикам податей, чтобы добиться должного с облагаемых данью саамов. Согласно датско-норвежскому источнику (1595 г.), в зимнее время русский сборщик подати во главе 16 дружинников объезжал Финнмарк и собирал дань с горных и морских саамов. «И если приезжают они к бедняку, который не может уплатить дани, то забирают его овец, коз и другую мелкую скотину, а хозяев жестоко избивают».¹

Согласно известным нам источникам, облагаемые данью территории простирались в западном направлении до Люнген-фьорда (впоследствии до фьорда Малангена рядом с нынешним Тромсе), и сбор дани в то время действительно, похоже, был деятельностью нелегкой и затратной. С конца XVI века дань собирали только один раз в три года, а в 1602 г. сборы прекратились. Архивные материалы, в которых описываются детали сбора податей российской стороной, сгорели от пожара в городе Кола в XVIII веке, однако нам, тем не менее, известно, по каким маршрутам сборщики дани передвигались, будучи в Северной Норвегии. Русские называли проживавших в Финнмарке морских саамов «кончанской лопью». Кончанской (вероятно, от слова «конец») лопью считались «лопари, живущие в самых дальних землях», и власти в Москве, возможно, понимали, что Финнмарк — регион настолько отдаленный, что едва ли русскому царю когда-либо удастся присоединить его к своим владениям.²

Морские походы новгородцев. Миниатюра из Лицевого Летописного свода

В начале XVII века датско-норвежское королевство также перестало собирать дань с саамских территорий, расположенных к востоку от Печенги, но формально ни русский царь, ни король в Копенгагене не отказывались от прежних прав по сбору дани с саамов. Ежегодно фогд (судебный и налоговый инспектор) из Вардехуса отправлялся в Колу и предъявлял соответствующие требования местному воеводе, но тот раз за разом отказывал в разрешении собирать подати на российской территории. Хотя норвежского фогда и принимали со всеми почестями, на большее ему надеяться не приходилось.¹ С 1779 г., когда резиденция фогда была перенесена в намного более отдаленную от границы Альту, фогд стал посещать Колу лишь раз в три года. В 1791 г. Кристиан Крейдал, бывший в то время фогдом Финнмарка, даже погиб во время долгого и изнуряющего путешествия в Колу.² Последнее такое путешествие было совершено в 1813 г. и датско-норвежские претензии по отношению к Кольскому полуострову пусть и не формально, но фактически прекратились.

Таким образом была заложена основа для установления постоянной государственной границы между двумя странами. Благодаря переговорам, прошедшим в 1825–1826 гг., было достигнуто согласие о разграничении бывшего норвежско-русского общего округа. В итоге в мае 1826 г. между шведско-норвежским королем и российским императором был подписан пограничный трактат. С тех пор отношения между двумя странами были мирными, а российско-норвежская граница и сегодня считается самой старой из нынешних границ России. Как сказал Роберт Фрост, «Good fences make good neighbours».³

¹ Niemi Einar. (1982) Fogd Niels Knags skattekravsreise til Kola 1690; Åsmund Rost (red.) Varanger årbok 1982. Vadsø: Sør-Varanger og Vadsø historielag: 95–114.

² Nielsen, op. cit.: 52.

³ «Хорошие заборы — это хорошие соседи». См.: Nielsen J. P. & Zaikov K. (2012) Norway's hard and soft borders towards Russia; Katajala K. & Lähteenmäki (red.) Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands. Berlin: Lit Verlag.

Некоторые аспекты интерпретации основных источников о деятельности Александра Невского и шведско- немецко-русских войнах XIII в.

ТАБАЧЕНКО Людмила Владимировна,
доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой общего и сравнительного языкознания
Института филологии, журналистики и межкуль-
турной коммуникации Южного федерального
университета, г. Ростов-на-Дону

Актуальность темы статьи, связанной с шведско-немецко-русскими войнами XIII в. и личностью святого благоверного князя Александра Ярославича, определяется современным звучанием проблемы государственного цивилизационного выбора России, а также определенной переключкой политического контекста XIII века и века нынешнего.

Мы остановимся на особенностях отражения двух главных событий второго этапа шведско-немецко-русских войн XIII в. — побед Александра Невского в битве на Неве в июле 1240 г. и на льду Чудского озера в апреле 1242 г. в двух основных источниках — Новгородской I летописи старшего извода [1] (далее сокращение НЛ, в цитатах дает-

ся номер листа летописи и год, в ссылках указывается страница издания) и в «Повестях о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра» [2] (далее кратко — Житие АН, в ссылках дается номер страницы по указанному изданию).

Новгородская I летопись старшего извода известна по Синодальному списку второй половины XIII — второй четверти XIV вв. Погодные записи 1240–1242 гг., согласно традиционной точке зрения, были сделаны современником вскоре после описываемых событий, о которых еще помнили, поэтому они отличаются лаконичностью. Житие АН было написано, скорее всего, книжником из окружения митрополита Кирилла не позднее 80-х гг. (возможно, в 60-х гг.) XIII в. на основании воспоминаний и свидетельств соратников князя Александра, воевавших вместе с ним в Невской битве и на Чудском озере (... слышах от отец своихъ и самовидецъ есмь възраста его... [2, с. 426]).

Прежде всего обратим внимание на полемичность оценок в современной исторической науке центральных военных эпизодов войны — Невской битвы 1240 г. и Ледового побоища 1242 г., а также роли самого Александра Невского в русской истории. Эти оценки находятся в очень широком аксиологическом диапазоне. Традиционно эти сражения считают самыми значительными битвами того времени, самого князя оценивают как защитника Отечества, ее рубежей, рыцаря без страха и упрека, а его деятельность — как гражданский и духовный подвиг, судьбоносный для России выбор между Западом и Востоком, направленный на сохранение русской государственности и православной духовности — это с одной стороны. Из последних можно указать на работы А. Н. Ужанкова «Меж двух зол. Исторический выбор Александра Невского» [3]), монографию епископа Митрофана (Бадалина) «Князь Александр Невский и Кольский Север: неизвестные страницы жития» [4], статьи диакона Владимира Василика [5; 6]; и др.

С другой стороны, существует оценка названных битв как способов решения сиюминутных проблем (такой взгляд обнаруживается в работах профессора Оксфордского университета Джона Феннела [7] и русского историка И. Н. Данилевского [8; 9; 10; 11], считающего, что героизированная память об Александре Невском есть миф, который соответствовал «имперской идеологии царской России и Советского Союза. Именно такая память долгие годы преподносилась как истинная история. Она была инкорпорирована в учебники и учебные пособия, в научно-популярные издания и с их помощью внедрялась в общественное сознание. До сих пор она оказывает

Ледовое побоище

Великий благоверный князь Александр Невский

влияние на историческую память наших сограждан, формируя у них имперское мышление и становясь важным инструментом в политической пропаганде» [10, с. 130].

В более поздней статье, посвященной современным российским дискуссиям об Александре Невском «между апологетами древнерусского князя Александра Ярославича (который чаще именуется в них Александром Невским) и его «дискредитаторами»» [11, с. 225], И. Н. Данилевский суммирует (не присоединяясь к ним) резко отрицательные оценки политической деятельности Александра Невского: «Сторонники другого подхода... обвиняют князя в коллаборационизме, в том, что именно он «сдал» монгольским ордам Великий Новгород и Псков, до которых не добрались полчища Батыя в 1237–1238 гг.; именно он, топя в крови первые попытки сопротивления Орде городских «низов», обеспечил почти на четверть столетия власть ордынских ханов и, следовательно, закрепил деспотическую систему государственного управления на Руси, навязав ее своей родине и тем самым затормозив ее развитие на несколько столетий вперед» [11, с. 226–227]. Эта диаметрально противоположность оценок личности и деятельности Александра Невского очевидно связана с разной политической и мировоззренческой ориентацией авторов.

Так же по-разному, повторим, оценивают историки и масштаб центральных сражений 1240–1242 гг. Одни исследователи разделяют традиционную точку зрения о большом масштабе этих битв: «По размаху военных дей-

Князь Александр Невский поучает бояр. Миниатюра из «Жития Александра Невского», входящего в Лицевой летописный свод (XVI век)

Вверху миниатюры, в центре — фигура князя Александра, окруженного боярами. Внизу справа — «краль... о полунощных страны» со свитой. Слева — «Батыево пленение» Руси, дающее королю («кравлю») надежду «оставшую Русь поглотити»

ствий, по явно обозначившимся в их ходе замыслам завоевания Новгородской земли происшедшие конфликты резко выделяются из ряда военных конфликтов предыдущих лет» [5]. Другие (Дж. Феннел и И. Н. Данилевский) считают их рядовыми военными событиями, ничем не выделявшимися на фоне других сражений, делая акцент на их маленьком масштабе. Например, подчеркивается, что, по сведениям НИА, «победа на Неве стоила новгородцам и ладожанам жизни двадцати земляков» [10, с. 121]. В тексте НИА: *а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мне [мениши], Богъ вестъ. л. 127 (1240)* [1, с. 77].

Однако, обращаясь к тексту, подчеркнем, что в летописи сообщается о больших потерях шведов: *... и ту бысть велика сѣча Свѣмъ. И ту убиенъ бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убиенъ бысть ту же; и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятиихъ мужъ, преже себе пустиша и к морю; а прокъ ихъ, ископавше яму, вметаши в ню беицисла; а инии мнози язвѣни быша; и в ту ноцъ, не дождавши свѣта понедѣльника, посрамлени отъидоша. л. 126 об. — 127. (1240)* [1, с. 77]. Од-

Икона великого благоверного князя Александра Невского

нако эти сведения И. Н. Данилевский отстраняет на основе уточнения в Лаврентьевской летописи о том, что враги были перебиты «на другом берегу Ижоры, “иде же на бе проходно полку Олександрову”» [10, с. 121]. В более ранней работе историка сообщается, что «схватка в устье Ижоры больше напоминала партизанский рейд по тылам противника, чем большое сражение» [9, с. 125]. (Н. И. Ужанков указывает на близость этой оценки с мнением Дж. Феннела о том, что эта «великая сѣча» была «не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами» [7, с. 143]).

О Ледовом побоище НИА сообщает следующее: *В лѣто 6750. ... князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдѣ поидоша на нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и новгородци, поставиша полкъ на Чюдѣскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени; и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдѣ и прошибошася свиньею сквозѣ полкъ, и бысть сѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софѣя и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради новгородци кровь свою прольяха, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру; а Нѣмци ту падоша, а Чюдѣ даша плеча; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верстѣ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди беицисла, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша и приведоша в Новѣгородъ. А бишася месяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыхъ Богородица, в субботу». л. 129–129 об. (1242) [1, с. 78]. В Житии АН нет точных цифр потерь в Ледовом побоище, но в нем подтверждается большой масштаб сражения: *Бѣ же тогда субота, въсходящую солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померззюю двинутиися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию* [2, с. 432].*

И. Н. Данилевский, опираясь на источники, как он их определяет, «по ту сторону», в частности на немецкую Рифмованную хронику конца XIII в., подвергает сомнению данные НИА о 500 убитых и 50 захваченных в плен рыцарей: «не 500 и даже не 400 убитых и 50 захваченных в плен рыцарей, а всего 20 и 6» [10, с. 124]. В качестве возражения и уточнения А. Н. Ужанков по этому поводу пишет: «Дело здесь, конечно же, не в самих рыцарях, а в том небольшом отряде от 8 до 30 человек, который каждый из рыцарей

Александр Невский выступает в поход на шведов. Миниатюра из Жития

возглавлял в зависимости от своих материальных возможностей. В отряд входили профессиональные воины — лучники, оруженосцы и т. д., нанятые за деньги или взятые рыцарем из своих крепостных. То есть немецкие рыцари, атаковавшие вместе с набранными эстонцами 5 апреля 1242 г. дружину Александра Невского, действительно представляли собой значительную военную силу и цифры русских летописей не выглядят надуманными» [3].

Различается и интерпретация частных фактов. В НИА сказано, что шведы пришли с епископами (множественное число): *Сѣи съ княземъ и съ пискупы своими. л. 126. (1240) [1, с. 77].*

И. Н. Данилевскому «сведения о нескольких епископах, прибывших на берега Невы, представляются явным преувеличением» [10, с. 125], а А. Н. Ужанков, вслед за И. П. Шаскольским, это сообщение о наличии в шведском войске нескольких епископов (при том, что в то время в Швеции их насчитывалось всего 6) не подвергает сомнению, причем оно дает им основание квалифицировать этот поход как «крестовый» [3].

Дискутируя о численном масштабе этих битв, все исследователи солидарны в том, что эти сражения имели не столько военное, сколько духовное значение, что они «стали своеобразными поворотными точками в сохранении в неприкосновенности идеалов православия» [10, с. 125]. И. Н. Данилевский подчеркивает, что для автора Жития АН было важнее не прославить князя как военачальника или политика, а «объяснить читателю, какие деяния его персонажа позволяют судить о его святости, причислить его к лику святых. Для Александра таким поступком стало жесткое противостояние “латынянам” в то время, когда все прочие светские правители были либо покорены ими, либо вступили с ними в сговор, предав тем самым идеалы православия» [10, с. 126]. Дж. Феннел также отмечает в политической деятельности князя Александра «решительные действия в отношении Запада, бескомпромиссность по отношению к католической церкви и твердая поддержка православной церкви» [7, с. 149].

Этот духовный смысл центральных сражений и всей деятельности Александра Невского отразился в некоторых особенностях языка источников, особенно Жития АН. Остановимся на двух моментах: 1) названиях запад-

Морской поход шведов на Русь.
Миниатюра из Жития

ных и северо-западных народов и военных противников; 2) использовании прецедентных имен, событий, библейских и исторических параллелей.

Исследователи отмечают, что в католических кругах культивировалась теория, «согласно которой война со «схизматиками» — православными, приравнивалась к войне с еретиками и язычниками» [3]. Поэтому одной из их основных целей «был не столько захват новых земель, сколько прозелитизм на покоренных и прилегающих к ним территориях» [10, с. 125]. Этот религиозный характер войны с западными противниками осознавался и русичами, что нашло отражение в тексте

Жития АН, в частности в названиях народов и военных противников.

Если в НЛ для названия врагов с запада и севера употребляются, как правило, этнонимы и этнотопонимы — *нѣмци, свѣи, мурмане, сумь, ѣмь, чюдь, Чюдская земля, литва*, то в Житии АН другой принцип наименований: в его основе противопоставление православных и католиков — «латынян», «римлян». Военные противники называются не только и не столько по этническому признаку, сколько по конфессионально-духовному.

Конечно, в Житии АН тоже используются этнонимы и этнотопонимы — *язык литовский (... умножися языка литовьскаго и начаша пакостити волости Александрове* [2, с. 435]), *земля немецкая (поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ* [2, с. 433]) *немци* и в вариации — *безбожные немци* (*Уже бо бяше град Псков взят и намѣстники от немецъ посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немецъ изсѣче, а инѣх повяза и град свободи от безбожных немецъ, а землю их повоева и пожже и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: «Поидемъ и побѣдим Александра и имемъ его руками»*) [2, с. 433].

Однако шведы названы не по национальности, а по конфессиональной принадлежности — *римляне* (*и бысть сѣча велика над римляны, и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ*. [2, с. 431]). Поскольку язык Жития АН отличается неконкретностью, отвлеченностью, используются и абстрактные наименования — *король, королевич, король части Римския от Полунощныя страны* (имеется в виду шведский король, точнее, его наместник). Тот факт, что шведы названы римлянами, может обозначать, кроме привязки к папскому Риму и ла-

Пелгусий Ижерянин
молится святым Борису
и Глебу. Миниатюра из
Жития

тинскому языку, и то, что «в духовном смысле они как бы уподобляются Пилату и распинателям Христа» [5].

Вызывают интерес названия, скажем, абстрактно-географические — *Западная страна* (имеется в виду Ливония) (*нѣкто силенъ от Западныхъ страны* [2, с. 428]; *приидоша пакы от Западныхъ страны и возградиша град въ отечествѣ Александровѣ* [2, с. 432]) и *Западные страны* (*А сына своего Дмитрия посла на Западныхъ страны и вся полѣкы своя посла с нимъ и ближнихъ своихъ домочадецъ* [2, с. 437] — имеется в виду поход на Юрьев в 1262 г.), однако, на наш взгляд, это можно воспринимать и как отражение формирования геополитического противопоставления Западу.

В Житии АН также употребляются общие названия для чужих — *иноплеменники, иноязычники*: *И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумены же и попове и весь народъ срѣтоша и предъ градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплемьники и върному князю нашему оружию крестнымъ и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою»* [2, с. 434]. Лексема *иноплемьникъ* используется и в НЛ: *...Богъ ублюде ны и зацтити от иноплемьникъ*. 126 об. (1240) [1, с. 77].

Невская битва. Миниатюра из Жития

Невская битва. Войско Александра Невского сокрушает шведов. Миниатюра из Жития

В Житии АН употребляются также названия рыцарей, можно сказать, «по принципу косвенной речи»: *иже нарицаются слугы Божия* [2, с. 428]; *иже именуют себе Божии ритори*: *И возвратися князь Александръ с побѣдою славною, и баше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именуют себе Божии ритори* [2, с. 434].

Наименования русских в погодных записях 1240–1242 гг. НІЛ связаны с топонимами и местом проживания: *новгородци, ладожане, плсковичи, низовци* (жители местности по среднему течению Волги, которые жили «снизу» по отношению к Новгороду). Слово *новгородци* встречается и в Житии АН. В НІЛ для названия войска князя Александра используется лексема *полкъ*: *и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдѣ и прошибошася свиньєю сквозѣ полкъ, и бысть сѣча ту велика Нѣмцемъ и Чюди*. 129 об. (1242) [1, с. 78]. Самоидентификация летописца с войском Александра Ярославича позволяет употребить ему местоимение 1 лица: *Богъ ублюде ны*. 126 об. (1240) [1, с. 77].

Обобщающее наименование в Житии АН для русских в противопоставлении немцам — словенский язык: *По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: «Укоримъ Словеньскый языкъ ниже себе»* [2, с. 432].

Перейдем ко второй отмеченной особенности источников — использование прецедентных имен, событий, библейских и исторических параллелей.

В погодных записях 1240–1242 гг. НІЛ библейских и исторических параллелей нет, но содержатся общие речевые формулы о поддержке Богом и святыми православных русичей. Например, сообщая о том, что летом 1240 г. шведы и их союзники — мурмане (норвежцы) и финские племена сумь и емь, прибыв на кораблях в устье реки Ижоры, где она впадала в Неву, высадились на берег, «хотя захватить Ладогу... и Новгород и всю область Новгородскую», летописец пишет о Божьей защите русских: *Но еще преблагыи, премилостивыи Человѣколюбець Богъ ублюде ны и зашити от иноплеменикъ, яко всуе трудишася без Божия повелѣнія; побѣди я силою святыя Софѣя и молитвами владычица наша Богородица и приснодѣвица Марія*. л. 126 об. (1240) [1, с. 77]. И далее — о том, как Бог и Его святые сохраняли русичей и пособляли им: *Князь же Олександръ съ новгородци и с ладожаны придоша все здрави въ своя си, сохранени Богомъ и святою Софѣю и молитвами всѣхъ святыхъ*. л. 127 (1240) [1, с. 77]; *Богъ же и святая Софѣя и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради новгородци кровь свою прольяха, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру*. л. 129 об. (1242) [1, с. 78].

В Житии АН, естественно, тоже подчеркивается Божья помощь князю Александру, за которой он обращается в горячей молитве: *Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софѣя, и, пад на колѣну пред олтаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великий, крѣпкий, Боже превѣчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чужую часть»*. *Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ»*.

И, скончавъ молитву, вставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: «Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом»». *Си рѣк, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу* [2, с. 428]. «Для князя завоеватели — шведы ли, немцы ли — отступники Божии, нарушившие Его заповедь, — пишет А. Н. Ужанков. — А потому

Невская битва. Бегство шведов на кораблях. Миниатюра из Жития

Встреча русского и немецкого войск на Чудском озере. Миниатюра из Жития

Александр Ярославич и выступает против них, и по праву надеется на помощь себе Божью» [3].

В обращении князя Александра к Богу автор Жития АН вставляет и библейские и исторические параллели: *Князь же Александръ въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка непереподобна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка»* [2, с. 432]. Такими параллелями насыщен весь житийный текст, что объясняется спецификой этого жанра, его определенной риторичностью, малой привязанностью к историческим событиям. Однако эти параллели с библейскими и историческими персонажами подчеркивают духовное значение описываемых событий.

Обратимся к тексту Жития АН — фрагменту, содержащему портрет Александра Ярославича:

Но и взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсона, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломону, храборство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И остася единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ [2, с. 427].

Исследователи, комментируя текст Жития АН, интерпретируют эти параллели в духовном контексте соотнесенности русской истории с библейской и общемировой. Диакон Владимир Василик подчеркивает, что сравнение с Иосифом, которого называли прекрасным, связано не только с впечатляющей внешностью князя Александра, но и с египетским рабством, которое для Израиля было последствием единственной возможности выжить во

время голода, когда фараон сделал Иосифа вторым человеком в стране. Здесь наблюдается параллель с дарованием Александру Ярославичу «ярлыка на великое княжение ханом, которого русское общественное сознание осмысляло как неверного, но царя. Правление Иосифа послужило на благо не только евреям, но и египтянам — святой князь Александр не только установил мир между Русью и Ордой, но и явился одним из основателей Сарайской епархии — миссионерской по своему назначению» [5].

Сравнение Александра Ярославича с Титом Флавием Веспасианом, «иже бе пленилъ всю землю Иудейскую» в 69 г., основано не только на том, что тот «побеждая, был непобедим» (*Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ* [2, с. 428]). По мысли А. Н. Ужанкова, «в этом сравнении легко угадывается прямая параллель с подавлением Александром Ярославичем новгородского восстания 1259 г. Веспасиану подавление восстания в Иудее принесло славу в Риме. Александру укрощение новгородцев принесло славу в Орде. Оба воспользовались славой для укрепления своей власти, но каждый, разумеется, по-своему» [3]. С подавлением восстания новгородцев, по мнению того же автора, связаны и параллели с Давидом: «Из двух зол опять приходилось выбирать меньшее. Лучше самому собирать дань и отправлять в Орду, чем терпеть постоянное присутствие завоевателей на своей земле. Они-то будут брать, что хотят и когда хотят...» [3].

Как указывает диакон Владимир Василик, в сравнениях с Веспасианом важны и другие акценты. «В христианской традиции Веспасиана воспринимали как бич Божий, выполнивший Божественный приговор над неверными иудеями — некогда народом Божиим, но распявшим Христа и гнавшим Его апостолов. Им, соответственно, и уподобляются немцы» [5]. И очевидно, что сравнение с императором Веспасианом, которого оставили его воины, также напоминает об одиночестве святого князя Александра.

Мотив одиночества присутствует и в сравнении с Самсоном. Также «образ Самсона, героя Книги судей, подразумевает оппозицию «Самсон — филистимляне» — одинокий герой и сонмы язычников» [5], в данном случае это немцы и шведы.

В Житии АН также присутствуют сравнения и параллели и с другими библейскими и историческими персонажами: Соломоном, царицей Савской, Езекией, Авраамом, Моисеем, Амаликом, Иисусом Навином; римским императором Августом, святыми Борисом и Глебом, Святополком, Ярославом Мудрым и др., а также многочисленные аллюзии на Священное Писание и молитвы, цитаты из них. Все эти библейские и исторические параллели

Ледовое побоище.
Миниатюра из Жития

ли обращены не только к внешнему — облику князя и каким-то событиям, но и к его духовному облику, к его месту в русской истории как части единого потока, единой духовной истории человечества. «Библейские события и лица выступают прообразами последующих новозаветных событий и лиц и несут в себе пророчества о них. Соотнесенность русской истории, запечатленной в летописях, житиях и княжеских жизнеописаниях, с библейской... заключается в осмыслении исторического процесса. <...> Древнерусские книжники как бы (или на самом деле) подводят читателей... к простому выводу: нет ничего нового (в морально-этическом плане) в новой истории, чего прежде бы не было в библейском (иудейской)» [3]. Продолжим: в определенном смысле нет ничего нового в духовном и морально-этическом плане в нашей сегодняшней истории, чего бы не было ранее в истории Руси-России.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть актуальность и даже злободнев-

ность описываемых исторических событий. Анализ некоторых особенностей текстов НЛ и Жития АН выявил приоритет духовно-религиозного значения побед Александра Невского и его цивилизационного выбора. Можно согласиться с тем, что фигура Александра Невского — это больше чем конкретная историческая личность, но все-таки следует сказать, что это не миф, а символ, фигура социальных народных ожиданий.

Примечательно, что интерес к личности и деятельности Александра Невского усиливается при обострении отношений России с Западом. «... Александру Ярославичу пришлось выбирать из двух зол: или экспансия крестоносцев, ненавидевших и искоренявших Православие, устанавливавших свой не только духовный, но и материальный диктат на завоеванной территории, или же подчинение монголо-татарам, ограничивавшим свои интересы только материальной сферой. <...> Запад (и «западники») никогда не простят России, что она предпочла «дикий Восток» «культурному Западу», а в итоге — сохранила свою самостоятельность, вместо того чтобы раствориться на периферии католического мира и стать его буфером в столкновении с тем же Востоком. Заслуга Александра Невского заключается в том, что не иначе как Провидением Господним он сумел распознать оба зла и из двух избрал меньшее. Его выбор во многом способствовал тому, что мы не стали «подобием», а сберегли свою самобытность и высочайшую духовную культуру — Православие...» [3].

Во многих отношениях в жизни Александра Невского мы не можем не видеть промысла Божия. Его жизнь и деятельность намечала перспективы развития России. Например, А. Ермаков подчеркивает, что князь Александр Невский был водим Святым Духом, когда ордынский «плен для него превратился в глубокую разведку. <...> траектория его путешествия стала лет через 600–700 южной границей владений Российской империи. Вектор его движения совпал с вектором развития России как государства и даже с движением русских как народа, которые двигались сюда еще до государственных указов. Принятие князем своей судьбы открыло его потомкам дорогу в этом направлении» [12]. Это перекликается с исследованием епископа Митрофана (Баданина) о роли князя Александра Ярославича в присоединении земель Кольского полуострова и норвежского Финнмаркена, освобожденных им от биармийцев, к Новгородской Руси. «... Россия в XIII–XIV веках еще не могла удержать за собой всю обширную область Кольского Севера — Колоперми. <...> Князь Александр Невский, опираясь на силу стоящей за ним Орды, сделал решительный шаг в этом направлении» [4, с. 70].

Бегство немцев. Видение
небесного воинства.
Миниатюра из Жития

По мысли публициста и историка Артемия Ермакова, Александр Невский предопределил положение Руси между Востоком и Западом, но выбор не был сделан в пользу Востока, «именно при нем Россия начала формироваться как особая цивилизация — не восточного и не западного типа» [12]. Также А. Ермаков приводит и следующую антипараллель. Современник князя Александра князь Даниил Галицкий сделал другой выбор: «он присоединился к католическому Западу. В тактическом плане он даже выиграл и несколько раз бил татар в поле, о чем Александр даже не мечтал. Но вскоре после его смерти его княжество превратилось в третьестепенную провинцию и перестало играть какую-либо политическую роль. Оно просто влилось в западную цивилизацию и растворилось в ней. Там даже храмов и замков древнерусских не осталось... Причем большую часть зданий снесли не

какие-то завоеватели-крестоносцы. Люди сами разрушили и переделали святыни своих предков, чтобы казаться похожими на новых хозяев. В итоге Галицкая элита отказалась и от веры, и от языка. Область бывшего княжества была поделена между Польшей и Венгрией. А когда эти страны были, в свою очередь, завоеваны, стала далекой Австрийской глухоманью. <...> Вот такого масштаба проблемы решались на Неве и на Чудском озере» [12], т. е. важен не масштаб битв, а их духовные и политические результаты.

Литература

1. Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРА. Т. 3). [2-е изд.]. М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Вст. статья Д. С. Лихачева; Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 426–439.
3. Ужанков А. Н. Меж двух зол. Исторический выбор Александра Невского. 2000. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5193.htm>.
4. Митрофан (Баданин), иером. Князь Александр Невский и Кольский Север: неизвестные страницы жития. СПб.: Ладан; Мурманск: Изд-во Мурманской епархии, 2013.
5. Владимир (Василик), диак. «И прииде в Неву, шатаяся безумием». Немцы и шведы в «Житии Александра Невского». 2012. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/57907.htm>.
6. Владимир (Василик), диак. Солнце русской земли. К 750-летию представления святого Александра Невского. 2013. <http://www.pravoslavie.ru/put/66481.htm>.
7. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Пер. с англ. Вступ. ст. и общ. ред. А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова. М.: Прогресс, 1989.
8. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001.
9. Данилевский И. Н. Один из любимых героев детства // Знание — сила. 1994. № 7. С. 123–131.
10. Данилевский И. Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119–132.

11. Данилевский И. Н. Современные российские дискуссии о князе Александре Невском // Труды по руссиеведению: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения. Гл. ред. И. И. Глебова. М., 2009. Вып. 2. С. 225–236.

12. «Прозревший будущую Россию». Беседа с историком Артемием Ермаковым. (Беседовала Елена Трифонова 27 июля 2010 года). <http://www.pravoslavie.ru/guest/38449.htm>.

Отцы-основатели северных монастырей и их сообщество

Юкка КОРПЕЛА, диакон, профессор, доктор исторических наук, заместитель ректора университета г. Турку, Финляндия

1. Монастыри и государство

Теория монастырской колонизации и монастырей-феодалов, как известно, прочно укоренилась в советских научных знаниях. Надо признать, в основном идея была верна. Московская княжеская власть имела свою опору в монастырских устоях и церковных сообществах, что позже было показано в работах М. Романиелло (Matthew P. Romaniello) в связи с завоеванием Казанской земли в XVI и начале XVII веков¹. Ранее я описывал подобный процесс, проходивший в необитаемых северных районах, которые были включены в Московское государство в ходе расширения монастырского присутствия начиная с XV века. Помимо собственно

¹ Matthew P. Romaniello. The Elusive Empire. Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison: The University of Wisconsin Press, 2012, passim.

православия церковные институты неизбежно распространяли среди местного полукошачевого рыболовецкого населения влияние княжеской власти, утверждали налоговые сборы и законы государства и расширяли свои земельные владения.

Хотелось бы обозначить два аспекта, которые являются новыми по сравнению с ранними исследованиями. Во-первых, районы эти были густо населены, и, следовательно, говорить о колонизации не приходится. Лишь ранние исторические свидетельства отмечают малую численность населения. Во-вторых, районы восточной и центральной Финляндии, Лапландии, Карелии (кроме Карельского перешейка и берегов Ладоги), Колы и Двины не находились под средневековой европейской княжеской властью. Она начала проникать в эти районы из Швеции и Московии в XV веке и усилилась в XVI веке. Надо напомнить, что Новгород ни в коем случае не был суверенным государством, и северные районы не были частью русского средневекового государства. Торговые связи северных регионов с другими были нерегулярными. Я также обращал внимание на то, что сам процесс был менее религиозным, чем обычно описывается¹.

Хорошо известно, что главную роль в этом процессе освоения Севера Руси сыграл митрополит Московский Макарий († 1563). Еще будучи архиепископом Новгородским, он организовал миссионерскую деятельность в Карелии. Но владыка Макарий был не единственным ее участником и, конечно, не сам был ее инициатором, поскольку признавал себя частью властного аппарата Московского государства и представлял его интересы².

Еще один аспект для изучения процесса — это возможность ознакомиться с его «духовным маршрутом», то есть географическим направлением

¹ Юкка Корпела. Христианские святые и интеграция Москвы. Россия принимает очертания. От Средних веков до настоящего времени (доп. Сергей Богатырев) // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora* 335: Helsinki, 2005. P. 44–56; JK, Migratory Lapps And the Population Explosion Of Eastern Finns: The Early Modern Colonization Of Eastern Finland Reconsidered // *Networks, Interaction, Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond* (eds. Charlotte Damm & Janne Saarikivi). *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 265: Helsinki, 2012. P. 241–261; Jukka Korpela. “Och stare Sergej köpte land och vattenområden och skogar och fiskeplatser” — Jordegendom, skenköp och det europeiska väldet i östra Fennoskandien under senmedeltiden // *Statsutvikling i Skandinavien i middelalderen* (eds. Sverre Bagge, Michael H. Gelting, Frode Hervik, Thomas Lindkvist og Bjørn Poulsen). Dreyers forlag: Oslo, 2012. P. 222–240; Jukka Korpela. *The World of Ladoga: Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone ca. 1000–1555* // *Nordische Geschichte*, 7. Lit. Verlag Dr. Hopf: Berlin–Münster–Hamburg–London–Wien–Zürich, 2008, passim.

² Корпела, 2008, с. 144–145; Jukka Korpela. Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power // *Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München*, Reihe: Geschichte, 67. Otto Harrassowitz: Stuttgart, 2001. P. 194–195.

ем, и позже с образовавшимися личными сообществами отцов-основателей монастырей и миссионерами. Это может разъяснить административные и идеологические связи возникших институций. С этой точки зрения хотелось бы проанализировать информацию, которую предоставляют жития основателей северных монастырей: преподобных Арсения Коневского, Ефрема, Сергия и Германа Валаамских, Савватия, Зосимы и Германа Соловецких, Александра Свирского, Трифона Печенгского, Лазаря Мурманского и Корнилия Палеостровского. В заключение я расскажу о двух миссионерах — священниках-монахах Илье и Феодорите Кольском.

Многие жития святых основателей монастырей датируют время закладки обители весьма ранними сроками, однако достоверных доказательств тому мы не находим. Самым старым монастырем, по-видимому, является монастырь при Церкви Пресвятой Богородицы на о. Коневец (конец XIV века). Валаамский монастырь также является старым, но точной информации, что он был основан до начала XV века, нет. В XV веке также были построены Соловецкий, Муромский и Палеостровский монастыри¹.

Исторические исследования агиографической литературы могут пролить свет на изучаемый вопрос, ведь они содержат уникальные исторические факты. Но в них есть и поздние дополнения, истории и выдуманные факты, которые искажают историческую реальность, поэтому при чтении этих текстов нужно быть критичными и внимательными².

2. Истоки

Преподобный Арсений Коневский († 1447) родился в обеспеченной семье в Новгороде и стал основателем монастыря на острове Коневец и важной фигурой своего времени. Ранняя колонизация в середине XVI века является доказательством этому³. Важно и то, что сначала он заложил Церковь Пресвятой Богородицы, а потом сам монастырь, и такая последовательность была знаком распространения власти Москвы. Таких просветителей

¹ Корпела, 2008, с. 154, 245; Jukka Korpela. Viipurin linnaläänin synty. Viipurin läänin historia II. *Karjalan kirjapaino*: Helsinki, 2004. P. 195–196.

² Трое моих студентов проделали великолепную работу в этой области. Кати Парппеи показала, насколько искажена на самом деле правда о Валаамском монастыре. Ирина Карвонен проанализировала жизнь учеников святого Александра Свирского и показала, что большинство из них были связаны с Александром по религиозным и политическим причинам. Мари Исоахо показала, как мало историческая личность Александра Невского имеет общего с современным ее восприятием.

³ Корпела, 2004, с. 195–196; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской Церкви. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1903. С. 148–149.

ских шагов до конца XIV века, в период Новгородского владычества, никто не предпринимал, а отношения между Новгородом и Москвой в то время были близки к военному противостоянию¹.

Житие отцов-основателей Валаамского монастыря является более трудным для понимания. Старец Ефрем не принадлежит к ним, хотя в истории основания монастыря он впервые на этих островах упоминается вместе с преподобным Сергием: местные язычники тогда прогнали их обоих. Но Сергей вернулся из Новгорода с военной помощью, а Ефрем в то же время основал монастырь в Новоторжске. В любом случае, старец Ефрем — выходец из Новгорода².

Исторически почитаемыми отцами-основателями Валаамской обители являются Сергей и его приемник Герман. Первый был местным жителем. Личность Германа для историка более загадочна, во многом она даже придуманная. Проблема достоверности заключается в том, что вся история Валаама подверглась «пересмотру» в XVIII веке и далее (и особенно) в XIX, когда монастырь занял первое место среди «императорских» монастырей и историки начали создавать для монастыря знаменитое прошлое. Оба отца-основателя обители были канонизированы в 1819 году. Говоря в общем, надо признать, что все факты связывают историю основания монастыря с деятельностью Новгорода³.

Не все так просто и с личностью преподобного Лазаря Муромского. Согласно житию святого, он родился в Константинополе в конце XIII века и был пострижен в монахи на горе Афон. Затем он переехал на Север и основал монастырь на Онежском озере. Такое раннее датирование вряд ли соответствует истине, а связь Руси с Афоном и Константинополем выглядит как вставка более позднего агиографа. Отметим, что зачастую подчеркивание старых византийских связей является фальсификацией. Византийское влияние начало реально увеличиваться в Московии с XIV века, но никогда не достигало северных районов. Однако же Лазарь может являться исторической личностью XV века⁴.

¹ Корпела, 2004, с. 196.

² Корпела, 2008, с. 154.

³ Корпела, 2004, 195; *Ками Парппеу*. «Самый старый в России». Образование историографического имиджа Валаамского монастыря. Русская история и культура, том 6. Brill: Leiden — Boston, 2011, passim.

⁴ *Heikki Kirkinen*. Karjala idän ja lännen välissä, vol. I. Venäjän Karjala renessanssijalla 1478–1617. Kirjayhtymä: Helsinki, 1970, 162, 197–198; *Jukka Korpela*. Die Christianisierung der fenno-ugrischen Periphe-

Преподобный Корнилий Палеостровский — еще одна достаточно темная для историка личность. Более позднее житие святого сообщает, что он родился в Псковской области в XII веке, однако точную датировку его жизни на основании всех известных нам фактов определить невозможно. Его связь с Псковом, тем не менее, вполне реальна. Также известно, что местное его почитание началось весьма рано, а официальная канонизация была поздней, ведь Голубинский вообще не упомянул его среди канонизированных святых¹.

Преподобный Савватий — отец-основатель Соловецкого монастыря середины XV века. Согласно житию, он пришел на остров из Кирилло-Белозерского монастыря через Валаам. Упомянутая связь с Кирилловским монастырем может быть неким намеком на влияние Москвы². Преподобный Зосима был его преемником и пришел из Новгородской области, как сообщают Великие Четьи Минеи святителя Макария. Другие источники связывают его с районом Онежского озера, историк Хейкки Киркинен (*Heikki Kirkinen*) считает его коренным жителем Карелии. Я думаю, это маловероятно, и здесь скорее следует полагаться на данные Четьих Миней³. Жития Зосимы и Савватия сложны и запутанны, что уменьшает значимость этих текстов как исторических источников. Оба были канонизированы до реформ 1540-х годов, что является доказательством исторической важности приводимых сведений⁴. Это, однако, не относится к третьему отцу-основателю — преподобному Герману, который, как мне кажется, является абсолютно недостоверной

rie Europas: Zwei Theorien und unangenehme Tatsachen // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. M. Salamon, M. Woloszyn, A. E. Musin, P. Špehar (eds.), in cooperation with M. Hardt, M. P. Kruk, A. Sulikowska-Gąska, U źródeł Europy Środkowo-wschodniej/Frühzeit Ostmitteleuropas, vol. I. Kraków — Leipzig — Rzeszów, 2012, 275–285; *Jukka Korpela*. Russische Heilige und Byzanz im Mittelalter // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen (Hrsg. von Andreas Speer). Miscellanea Medevalia 36. W. de Gruyter: Berlin — New York, 2012, 574–588; *Voronin N. N.* Političeskaja legenda v kievo-pečerskom paterike // Trudy otdela drevnerusskoj literatury AN SSSR, 11, 1955, 101–102; *Korpela*, 2001, 173–175; *Jukka Korpela*. Bysanttilainen Kiovan Rus. Ortodoksia 47, 1998, 97–116.

¹ Киркинен, 1970, 198–199; Голубинский, 1903.

² Великие Минеи Четьи собрания всероссийского митрополита Макария. Памятники славно-русской письменности. Издание археографической комиссии. Апрель, 8–21, Москва 1912, 174. col. 503–507.

³ Церковь Пресвятой Богородицы, Апрель, 8–21, Москва 1912, 174. col. 515–517; *Heikki Kirkinen*. Karjalan idän kulttuuripiirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksiä keskiajan Karjalaa. Historiallisia tutkimuksia 67. Suomen historiallinen seura: Helsinki, 1963, 178; *Jukka Korpela*. P. Herman Solovetskilainen // Ortodoksia 49, 2002, 95–96.

⁴ *Jukka Korpela*, Solovetskin luostari ja Venäjän Pohjois-Karjalan varhainen ortodoksisuus. Ortodoksia 50, 2005, 61–62; *Korpela*, 2002, 98–99, Голубинский, 1903, 83.

личностью, введенной в оборот позже, в конце XVII века, а источником сведений о нем являлись местные монастырские предания¹.

Преподобный Александр Свирский, согласно житию, был местного (онежского) происхождения². Он принадлежал уже к плеяде монахов миссионерского периода святителя Макария и являет собой переходную фигуру в нашем исследовании, поскольку деятельность княжеской власти к этому времени стала более активной, а монастырская церковная экспансия стала частью международной политики страны.

Священник Илья является одной из ключевых личностей северной миссии святителя Макария в 1530 году. Он был иереем новгородской церкви Рождества Христова и, следуя информации Хейкки Киркинена, духовным чадом и близким сослужителем архиепископа Макария³.

Феодорит Кольский известен как апостол лопарей и описывается как отшельник. Он пришел из Великого Ростова и был исключительной личностью во многих смыслах⁴.

Трифон Печенгский является таинственной личностью. Житие сообщает, что он был торговцем из Новгородской области. Другая версия предложена купцом и дипломатом Симоном ван Салингом, который передал личный рассказ Трифона, и согласно ему тот был бывшим воином, приехавшим на север грабить, и «много крови пролил», до того как раскаялся и начал жизнь отшельника. Мы знаем, что агиографы часто приукрашивают свои истории, и, с другой стороны, история, записанная Салингом, правдива, поскольку Кола в то время была развивающимся в торговом отношении регионом, и поэтому там было много торговцев, грабителей и других пришедших людей. Возможно, обе версии нужно соединить и весьма вероятно, что Трифон пришел на север из Новгорода⁵.

3. Сообщества

Согласно житию, преподобный Арсений Коневский жил на Афонской горе. Он принес оттуда икону для церкви Пресвятой Богородицы и устав для своего монастыря, который он основал на острове Ладожского озера по благословению архиепископа Иоанна¹. Рассказ об иконе исторически недостоверен, поскольку это русская работа XV или XVI века, но этот факт может быть объяснен стремлением монастыря быть связанным с Афоном². Возможно, это было идеей периода московского завоевания Новгорода в 1470 г.

Преувеличение роли Афона в истории русских монастырей можно назвать житийной модой XVI века, с этого времени в текстах часто встречаются недостоверные сведения, связанные с Афонской горой³. Других намеков на пребывание преподобного Арсения на Афоне нет, и поэтому возникают серьезные сомнения в правдивости житийной информации. Скорее, первые монахи монастыря и Арсений должны были быть связаны с Новгородом, но для Московского периода XVI века Афон был важнее, поэтому ранняя история обители, очевидно, была изменена.

Личности Лазаря Муромского и Корнилия Палеостровского не дают нам большого количества информации. История Лазаря была слишком испорчена поздними «византийскими» фантазиями. Поскольку других источников не найдено, мы не можем подтвердить информацию о греческих связях Лазаря. Преподобный Корнилий связывает раннюю Карелию с Псковом, что справедливо в том смысле, что Новгород имел долгую связь с литовской княгиней, следившей за управлением в некоторых частях Карелии. С другой стороны, рассказ о его житии является очень поздним и исторически ненадежным⁴.

История острова Валаам включает в себя миссию апостола Андрея Первозванного и ранние связи с монахами Афонской горы. Это характерные примеры позднего «дописывания»⁵. Справедливо то, что уже в XV — конце XVI веков Валаамский монастырь играл важную роль, будучи известным центром духовной жизни.

¹ Житие Арсения Коневского. Библиотека литературы древней Руси, том 13. Наука: Санкт-Петербург, 2005, С. 155.

² Aune Jääskinen. The Icon of the Virgin of Konevitsa. A Study of the "Dove Icon" and its iconographical background // Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia, 85, Helsinki, 1971, 17–22, 71.

³ Воронин, 155, 101–102; Корпела, 1998, 99.

⁴ Корпела, 2008, 264; Parppei, 2011, 217–218.

⁵ Парппеи, 2011, 98–110.

¹ Корпела, 2002, 94–108.

² Житие и чудеса пресвятого Александра Свирского. Царское дело: Санкт-Петербург, 2003, pp. 9–13.

³ Новгородская четвертая летопись. Полное собрание русских летописей IV. Москва, 2000, 7042 (1534), 7043 (1535) (список Дубровского), Житие Трифона Печенгского. Выгодская языковая редакция. В: Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии. Ред. В. В. Калугин. Drevlehranilišče: Москва, 2009, I. 289 (13–14), Kirkinen, 1970, 162, 167.

⁴ Юкка Корпела. Феодорит (Теодорит) Кольский — Missionary and Princely Agent. Religion and Integration im Moskauer Russland. Herausgegeben von Ludwig Steindorff. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte (Berlin) 76, 2010, 202.

⁵ Житие Трифона, I.287 (1–10), Simon van Salingens Bericht von der Landschaft Lappia, aufgesetzt 1591. Magazin für neue Historie und Geographie angelegt von D. Anton Friedrich Büsching, VII, Viipurin linnäläänin synty. Viipurin läänin historia II. Karjalan kirjapaino: Helsinki, 2004, , Halle, 1773, pp. 339–346, Kirkinen, 1970, 162–163, Корпела, 2008, 245–246.

Преподобный Савватий жил в Валаамском монастыре, но изначально пришел из Кирилло-Белозерского монастыря, который был одним из центральных пунктов в распространении влияния московитов. Роль этого монастыря стала более очевидной во взаимодействии с отцами Севера после конца XV века, и в текстах их житий она (как и роль Ферапонтово-Белозерского монастыря) подчеркивается особо¹.

Александр Свирский был местным жителем, который сначала присоединился к Валаамскому монастырю, затем жил уединенно в необитаемом месте у реки Свирь. Живя отшельником, он основал собственный монастырь в честь Святой Троицы. Агиограф обозначает связи с новгородским архиепископом, Московской Церковью и царем. Миссия Александра была нацелена на распространение московского влияния в районы, где население проживало в лесной глуши и являлось потенциальными налогоплательщиками царя. Преподобный Александр — первый отец-основатель монастыря, напрямую, по нашим данным, связанный с Москвой. Его роль в становлении государства была настолько важна, что он был канонизирован уже в 1547 г., вскоре после смерти².

Об истории священноинока Ильи мы знаем крайне мало, потому что он никогда не был канонизирован. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что он был священником из Новгородской епископии, а его миссионерская деятельность в Карелии имела высокую значимость на самом высоком политическом уровне. Следовательно, он был человеком непростым. Его миссия в Карелии и Лапландии хорошо задокументирована в летописи, существуют также личные поручения от царя, доказывающие важность его деятельности. Миссия Ильи также упоминается в житиях святых Трифона и Феодорита³.

Феодорит Кольский — это абсолютно отдельный случай. Удивительно много данных о нем содержится в жизнеописании, написанном в Литве высланным князем Андреем Курбским, духовным сыном преподобного. Воз-

можно, этот текст написан по записям друга и сослуживца Феодорита архимандрита Артемия¹.

Феодорит пришел в Соловецкий монастырь в возрасте 13 лет и стал учеником старца Зосимы, постриженным и потом диаконом. Позже он переехал в Новгород и стал священником в родной церкви архиепископа Макария, как преемник Ильи, а также и духовником владыки². Затем он вернулся обратно на Соловки, затем отправился на Свирь и в Кирилло-Белозерский монастырь, после снова на Соловки³. Следует заметить, что именно в это время, с середины XVI века, когда политические связи обители с московскими властями стали более тесными, начинается рост Соловецкого монастыря⁴.

Исходя из источников, Феодорит в раннем возрасте общался с Зосимой из Соловков, архиепископом (а позже митрополитом) Макарием, с белозерскими отцами, такими как ученики Нила Сорского, Артемием и Иосифом Белобаевым, с отшельником Порфирием и с Александром Свирским⁵.

Когда святитель Макарий был возведен в сан митрополита Московского, он по рекомендации старца Артемия, который в то время был игуменом Троице-Сергиева монастыря, пригласил Феодорита стать игуменом Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Тогда Феодорит оказался вовлечен в московские политические круги, близко познакомился с элитой государства и стал духовником князя Андрея Курбского. Кроме того, в качестве посла царя Иоанна Грозного Феодорита отправляли в Константинополь и на Афонскую гору в Хилендарский монастырь. Небольшое количество времени Феодорит провел в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре, а потом в монастырях Ярославля. После константинопольской поездки он отправился в Спасо-Прилуцкий монастырь рядом с Вологодой, откуда дважды ездил в Лапландию. Феодорит умер на Соловках в 1571 году, став, возможно, жертвой политического террора⁶.

В биографии Феодорит описан как священномученик, но он никогда не был канонизирован (Феодорит канонизирован в Соборе Кольских святых в 2003 году. — *Прим. ред.*). Тексты сообщают, что он был основателем монастыря в Коле и миссионером в Лапландии, но, возможно, многое в его истории преувеличено. Он был в Лапландии (Коле), но вряд ли столь долгий пе-

¹ Церковь Пресвятой Богородицы, Апрель, 8–21, 17.4. col. 503–507; Korpela, 2002, 98.

² Житие и чудеса преподобного Александра, 14–32, 52–53, 65–66, 91; Korpela, 2008, 239–240, 256–258; Юкка Корпела. Усиление государства Швеции и христианства — налоги и европеизация. В: Налоги, дань и земли, обложенные данью, в создании скандинавских королевств в Средних веках (ed. Steinarr Imsen) // *Norgesvaldet Occasional Papers*, vol. 2, Trondheim, 2011, 338–339; Голубинский, 1903, 100.

³ N4L 7042 (1534), 7043 (1535), Житие Трифона, l. 289 (13–14); Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под редакцией В. Г. Гаймана. Петрозаводск, 1941, № 52, с. 127–131, см. также № 64, с. 154–159; Корпела, 2008, 48–62; Heikki Kirkinen. Iljan käynnät Karjalassa // Heikki Kirkinen. Bysantin perinne ja Suomi. Kirjoituksia idän kirkon historiasta. Ortodoksisen kirjallisuuden julkaisuneuvosto: Joensuu, 1987, 119–133; Korpela, 2005, 48.

¹ Корпела, 2011, 201.

² Корпела, 2010, 202–203, 210; Korpela, 2005, 46; Kirkinen, 1970, 167.

³ Корпела, 2010, 203.

⁴ Корпела, 2008, 194–196.

⁵ Корпела, 2010, 203.

⁶ Корпела, 2010, 201–217, 219–221.

риод времени. Его поздние поездки на Север, возможно, имели инспекционные цели. Его монастырь, вероятно, находился в общении с монастырем Трифона. Феодорит был ученым монахом и политическим деятелем, членом московского центрального властного управления. Он был единственным в исследуемой области, кто действительно контактировал с Афоном, но в его случае это не имело никакого значения для северных районов России¹.

Преподобный Трифон Печенгский изначально не был участником организованной властями миссии на Севере и личность его туманна, но он принадлежал к тем, кто заложил основы царской власти на Севере. Исследование житий позволяет связать его с северной миссией святителя Макария. Трифон был удостоен царских аудиенций, возможно, вместе с Феодоритом и с другими отшельниками. Следуя тексту Жалованных грамот, царь дарил монастырю, помимо налоговых льгот, и земли. Трифону достались царские одежды, что можно истолковать как знак легитимации его миссии. Трифон основал на норвежской границе церковь Бориса и Глеба, и таким образом эти святые покровители княжеского рода были объявлены покровителями Севера Европы. Все это очень символично формировало силу московитов как в регионе в целом, так и среди коренного саамского населения².

Согласно житиям, Феодорит и Трифон встречались, и это вполне достоверно. Они оба утверждали власть Московского государства на удаленном севере. Они оба напрямую связаны с Соловками и московским царем. Трифон действовал больше на местном уровне, будучи связан с Новгородом, а Феодорит был более масштабной, международной личностью своего времени, а его фактическая работа на севере была более ограничена.

4. Роль отцов-основателей в истории

Следует помнить, что до XVI века в северном регионе не было ни границ, ни временных московских поселений, ни русского права, ни землевладения. В Раннем Средневековье на побережья Баренцева и Белого морей проникала норвежская сила, а также некоторые частные торговцы из Новгорода. Но рассказы о древноревежской-новгородской границе 1326 года — это просто выдумки, которые не имеют обоснованных доказательств³.

Систематическая миссия на Севере началась с основания Соловецкого

монастыря, но не сразу, в середине XV века, а после полноценного его становления. Все ранние миссионерские шаги до этого (конец XIV века) имели весьма локальный характер, ограничиваясь захватами небольших территорий, что было общеевропейской тенденцией. Новый этап колонизации был связан с началом переписи населения в Книги учета налогов (переписные книги), которые начали вести в Онежском и Ладожском районах в последние годы XV века и продолжили до Двины и Колы в конце XVI века¹.

Отцы-основатели и их монастыри имели прямые духовные связи с новгородским и московским центрами власти. Их личные связи с Кирилло-Белозерским монастырем и другими крупными монастырскими центрами обусловлены единым христианским учением и принципами монашеской жизни. Таким образом, деятельность отцов-основателей монастырей была намного важнее для будущего, чем миссионерский всплеск отдельных подвижников. Такой пример дает нам история основания Трифонова монастыря на Печенге.

Политизация христианской миссии возросла во второй половине XVI века, и, пожалуй, первым в этом процессе был Александр Свирский. В этом смысле монашеское сообщество на Соловках позже стало центральным во всем государстве, но первые шаги на этом пути были предприняты отдельными миссионерами. Некоторые из них пришли из Новгорода, а некоторые были местными жителями, связанными с Церковью и, соответственно, с Новгородом. Миссия святителя Макария в 1530–1532 годах стала переломным моментом, организовавшим новгородское направление миссии, послужившее целям укрепления московского государства.

В центре этого процесса находится Александр Свирский. Он и местный житель, крестьянин, но и подвижник, вовлеченный в миссию и в государственную политику. Надо полагать, он имел много полномочий, получая приказы от архиепископа и царя. Выполняя их, он стал высокоуважаемым и влиятельным человеком и вскоре был канонизирован.

Феодорит Кольский был человеком с наибольшим количеством заслуг. Он был доверенным лицом самого Государя и имел прямые личные связи в высшей аристократии и властных структурах. Феодорит был игуменом монастыря, Царским послом и успешным миссионером.

Если мы сравним эти исторические личности с личностями более ранне-

¹ Корпела, 2010, 211–212, 217–219, 221–225.

² Житие Трифона, l. 287ob. (1) — 290ob. (11); Киркинен, 1970, 167; Корпела, 2005, 47–48.

³ Корпела, 2008, 266.

¹ Корпела, 2008, 239–240, 256–258; Korpela, 2011, 338–339.

го периода, такими как преподобные Арсений, Ефрем, Сергей, Савватий или Зосима, то разница будет очевидна. Не только потому, что основатели ранних монастырей были более единоличными «искателями приключений». На деле мы просто многого не знаем об их настоящей жизни, поскольку агиографы часто изменяли их подлинные образы, чтобы они более соответствовали новым требованиям, которые были заложены святителем Макарием и его помощниками, среди которых, кстати, был и сам Феодорит Кольский.

Александрo-Невская Лавра в годы Первой мировой войны

*ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич,
профессор Санкт-Петербургской Духовной
академии, доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Центрального государственного
архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)*

К началу Первой мировой войны Свято-Троицкая Александрo-Невская Лавра находилась на вершине своего двухвекового развития. Сотни людей ежедневно приходили в Свято-Троицкий собор поклониться колени перед мощами святого благоверного князя Александра Невского, образом Владимирской Божией Матери, принадлежавшим, по преданию, самому князю, иконой Нерукотворного Спаса с частицей ризы Господней и другими лаврскими святынями. В обители находилось 14 церквей, кроме того, три храма были в Киновии и один — в Серафимо-Антониевском скиту. Численность братии в момент празднования в начале 1914 г. составляла 145 человек: 69 монашествующих и 76 послушников. Правда, к февралю 1917 г. она несколько сократилась в связи с призывом части молодых насельников в действующую армию после начала войны — до 113 человек (63 монашествующих и 50 послушников). Во главе управления

обителью стоял Духовный Собор из шести лиц: наместника, казначея, ризничего, заведующего архивом и библиотекой, благочинного монастырей, эконома Лавры и эконома Митрополичьего дома.

В Лавре было два хора — братский и Митрополичий, в котором к 1913 г. состояло более 100 человек. Для малолетних певчих была устроена двухклассная церковно-приходская школа. Самым грандиозным богослужением в обители отмечался день перенесения мощей св. князя Александра Невского 30 августа. В Свято-Троицком соборе часто проходили хиротонии епископов и торжественные богослужения с участием зарубежных архиереев в присутствии именитых гостей. Лаврский капитал к 1917 г. достигал 1 800 тыс. рублей, а доходы в 1915 г. равнялись 699,3 тыс. рублей, уступая в стране из монастырей только Киево-Печерской Лавре. Следует упомянуть, что иеромонахи Лавры со времен Петра Великого направлялись для окормления экипажей судов русского военно-морского флота, а затем и прихожан зарубежных русских храмов.

В начале XX века Лавра была центром не только епархиальной, но и в определенной степени общецерковной жизни. В Митрополичьем корпусе находилась резиденция первенствующего члена Святейшего Синода Санкт-Петербургского (Петроградского) митрополита. На территории Лавры также находились Духовная академия, Духовная семинария и Александро-Невское Антониевское Духовное училище, в которых осенью 1913 г. в общей сложности обучалось 1070 человек.¹

Уже вскоре после начала Первой мировой войны братия Лавры развернула активную патриотическую деятельность. С осени 1914 г. начал действовать Лаврский лазарет Красного Креста № 279 для раненых и больных воинов. 27 октября помощником заведующего был назначен иеродиакон Филипп (Чичев). Заведующим лазаретом Главное Управление Российского общества Красного Креста назначило военного чиновника Ивана Зиновьевича Осипенко. После эвакуации в Петроград Рижского военного госпиталя Лаврский лазарет был существенно расширен, и 30 сентября 1915 г. мобилизационный отдел городской управы отвел для него здания Антониевского Духовного училища, больницы Духовной академии, 4-й этаж Духовной семинарии и некоторые другие помещения.

29 июня 1916 г. по ходатайству И. З. Осипенко о. Филипп (Чичев) был рукоположен в иеромонаха и назначен духовником лазарета. Существовал

¹ Обзор деятельности Ведомства Православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. Приложения. С. 14, 23, 60, 69, 90, 114, 122, 143.

Рисунок времен Первой мировой войны

еще один этапный лазарет имени Александро-Невской Лавры на театре военных действий (с 1916 г. во Франции, где он обслуживал русский Экспедиционный корпус), на содержание которого обитель внесла в октябре–декабре 1916 г. 13 тыс. рублей.

С началом войны благотворительная деятельность Лавры в целом существенно выросла. В ее храмах регулярно проводился сбор пожертвований для раненых воинов, с 1915 г. на полном содержании в обители проживали священники-беженцы из Галиции, с лета 1916 г. также 10 сербов и румын, приехавших поступать в духовные семинарии, по почте оказывалась помощь русским военнопленным и т. п.¹

Для благотворительной помощи активно использовалось имение Александро-Невской Лавры «Зачеренье» (Серафимо-Антониевский скит), которое располагалось в Перечицкой волости Лужского уезда, в 13 км от ст. Преображенская Варшавской железной дороги, на высоком берегу р. Ордеж. Во время войны братский корпус скита был отведен под лазарет для раненых, а в 1915 г. для приюта увечных воинов построили специальное здание. Летом следующего года гостеприимством братии пользовались семеро сербов и трое румын, приехавших поступать в русские семинарии. Прежде чем они туда отправились, их полностью экипировали за счет Лавры.²

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815. Оп. 11–1914. Д. 88; Оп. 11–1916. Д. 57, 68, 79.

² Антонов В. В. Серафимо-Антониевский скит Александро-Невской лавры // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 74–75.

Около 20 молодых послушников обители были мобилизованы в армию, с ними поддерживалась постоянная связь, им оказывалась моральная и материальная помощь. С целью поддержания морального духа русских войск братия Лавры посылала в действующую армию большое количество религиозно-просветительской литературы: книги, брошюры, периодические издания, церковные листки и т. д. Кроме того, вносились большие денежные пожертвования на Красный Крест. В 1916 г. один из домов Лаврской Киновии был отдан для квартирования команды 10-й «воздухобойной» (противовоздушной) батареи Петроградской крепостной артиллерии.¹

Преподаватели и воспитанники Петроградской Духовной академии также активно откликнулись на военные события. В начале войны из числа учащих монахов на фронт в качестве хирурга отправился студент IV курса иеромонах Николай (Муравьев), в качестве духовника — студент того же курса будущий священномученик иеромонах Иннокентий (Тихонов), впоследствии удостоенные святительского сана (оба позднее были насельниками Александро-Невской Лавры). На фронт прибыл и профессор-протоиерей Петр Лепорский, в течение целого года сопровождавший санитарный поезд. Профессорский стипендиат иеромонах Николай (Ярушевич) был командирован на Южный фронт в качестве проповедника.² В дальнейшем студенты Академии неоднократно уходили добровольцами как в действующую армию, так и в военные училища для последующей военной службы.³

Практически сразу после начала войны ректор Академии епископ Анастасий предложил Святейшему Синоду организовать на пожертвования служащих в духовно-учебных заведениях особый лазарет для больных и раненых воинов с названием: «Летучий (или стационарный) имени преподобного Серафима Саровского лазарет русских духовно-учебных заведений».⁴ Предложение было с благодарностью принято. Уже вечером 9 сентября 1914 г. в академическом храме был отслужен молебен перед отправлением в Минск новоучрежденного этапного, во имя преподобного

Серафима Саровского, лазарета Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи.¹

13 октября 1914 г. в Мариинской больнице хор студентов Петроградской академии исполнил концерт для больных и раненых. В дальнейшем подобные концерты организовывались неоднократно. Многие студенты посещали лазареты, где читали раненым книги, проводили беседы религиозно-нравственного характера и помогали им писать письма родным.²

В октябре 1914 г., в день празднования годовщины царствования императора Николая II, воспитанники Академии, собравшись в одной из аудиторий, «пришли к следующему, единодушно и без всякого разделения принятому заключению: студентам необходимо своим непосредственным участием облегчить тяжелую долю защитников Родины — с разрешения и благословения академического начальства устроить на студенческие средства и при личном участии студентов в самой академии лазарет для десяти раненых воинов».³ Здесь же были выработаны правила для основания лазарета и сбора средств. Вместе с тем, студенты, «движимые сердечною всепреданною любовью к Государю Императору, просили разрешения верноподданнически приветствовать Его Величество в знаменательный день восшествия на престол и выразить свою полную готовность положить жизнь за веру, царя и отечество, забыв о дарованных многим из них льготах и полагая необходимым в переживаемый момент всем без исключения единодушно идти на защиту Руси святой».⁴

Сразу после такого решения была составлена и отправлена телеграмма императору от лица митрополита Петроградского Владимира (Богоявленского), в которой было отмечено: «... В настоящее время, когда к врагам нашей Родины присоединились и Турция, этот исконный враг веры святой, православной, дорогой нашей Руси святой и всего славянства, все они, отказываясь от своих льгот по воинской повинности, по первому призыву Вашего Императорского Величества готовы стать в ряды Вашей доблестной армии». 23 октября 1914 г. на имя митрополита поступил по телеграфу от-

¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1906. Д. 45. Л. 7. Оп. 11–1908. Д. 45. Л. 6.

² Будущий митрополит иннок Николай (Ярушевич) сразу после пострига с благословения отправился на фронт в составе санитарно-питательного отряда, состоящего в заведывании члена Государственной Думы Пуришкевича. См.: Иннок-доброволец // Колокол. 1914. № 2539. 19 октября. С. 4.

³ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 40. Ст. 1208; Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 41. Ст. 1241; Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 44. Ст. 1337.

⁴ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 32–33. Ст. 978.

¹ Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 37. Ст. 1109.

² Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1914. № 44. Ст. 1336; Патриотический концерт студентов Императорской Петроградской духовной академии // Церковный вестник. 1914. № 50. Ст. 1527–1528; Студенты духовной академии на военной службе // Колокол. 1914. № 2532. 11 октября. С. 4.

³ Патриотический порыв студентов Императорской Петроградской Духовной Академии // Церковный вестник. 1914. № 44. Ст. 1337.

⁴ Там же. Ст. 1338.

Крестный ход в поддержку
российского воинства

вет из ставки: «Поручаю Вам, Владыко, передать мое спасибо студентам Императорской Петроградской Духовной академии за выраженные чувства преданности. Верю в их готовность стать в ряды нашего победоносного воинства. Николай».¹

Вскоре после Февральской революции, 9 марта 1917 г., Духовный Собор Александрo-Невской Лавры уволил заведующего монастырским лазаретом Красного Креста № 279 для раненых и больных воинов И. З. Осипенко, так как он «был особенно приближенным лицом к бывшему митр. Петроградскому Питириму и состоял в дружеских отношениях со «старцем» Григорием Распутиным и бывшим министром внутренних дел Протопоповым», а кроме того, назначение заведующего «последовало без одобрения и вообще без ведома Духовного Собора». В тот же день новым заведующим лазаретом был назначен лаврский послушник Иван Александрович Докучаев, заканчивавший учебу в Духовной академии.²

15 июля во дворе Лавры у паперти Свято-Троицкого собора были торжественно захоронены семь казаков и один солдат, погибшие в столкновении с противоправительственными революционными силами. Похороны состоялись с благословения Владыки Вениамина при участии премьер-министра А. Ф. Керенского. Со временем над могилой планировалось возвести каменную часовню с неугасимыми лампадами, однако позже, когда революционные силы одержали верх, захоронение было уничтожено.

26 мая 1917 г. вышел указ Святейшего Синода об утверждении выработанной особой комиссией и представленного архиепископом Финлянд-

ским Сергием (Страгородским) проекта «Положения об Александрo-Невской Лавре». Это Положение повышало статус обители, выводя ее из подчинения епархиальному архиерею, и преследовало цель превратить ее в важнейший центр духовного просвещения: «1. Свято-Троицкая Александрo-Невская Лавра имеет назначение служить святой Православной Церкви религиозно-просветительной деятельностью. Программа религиозно-просветительной деятельности Лавры подлежит обсуждению на съезде ученых иноков. 2. Александрo-Невская Лавра подчинена непосредственно Святейшему Синоду. 3. Лавра имеет особого настоятеля в сане епископа или архимандрита... 4. Лавра управляется Духовным Собором из шести лиц: настоятеля, его заместителя и четырех членов... 7. В состав братства Лавры определяются лица преимущественно с высшим и средним образованием, коих должно быть в братстве во всяком случае никак не менее половины».¹ Реально данное положение действовало очень короткий период времени — со второй половины 1917 до начала 1918 гг.

В начале июня в связи с возникшей угрозой немецкого наступления на Петроград в Синоде был поднят вопрос о вывозе из города мощей св. Александра Невского, и епископ Серафим (Лукьянов) внес предложение о предварительном вскрытии раки и освидетельствовании мощей князя. Это предложение было принято, и 12 июня состоялся предварительный осмотр раки, а 28 июня, в соответствии с секретным словесным определением Синода, — вскрытие саркофага и осмотр самих мощей. По поручению Синода его в обстановке строгой секретности проводили архиепископ Вениамин (Казанский), епископы Серафим (Лукьянов) и Прокопий (Титов), пригласившие себе в помощь архимандрита Авраамия (Чурилина) и слесаря из мирян. Под крышкой раки они обнаружили открытый кипарисовый гроб с восковой головой и «чучелом» князя (изготовленном из ваты, зашитой в шелковые мешки), в которое были помещены подлинные мощи — часть черепа, кости рук и ног и два ребра. На бумаге, лежащей в мешочке с мелкими костями, указывалось, что мощи были собраны «после церковного горения», когда сгорели все имевшиеся в храме иконы.²

Известно, что обретенные в 1380 г. нетленные мощи князя дважды пострадали от пожара — в 1491 г. во Владимире и в 1723 г. во время перенесе-

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 65. Л. 76; Оп. 14. Д. 155. Л. 18, 55; Д. 737. Л. 253об.

¹ Там же. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 1–2.

² К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 32–34; Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 186.

ния по указу Петра I в Петербург, когда их оставили по пути зимовать в Шлиссельбурге в специальном павильоне, а тот в это время сгорел. Член лаврской ревизионной комиссии 1917 г. С. П. Каблуков в своем дневнике записал, что, по его мнению, чучело мощей делали «с ведома и разрешения Петра I, знавшего и скрывавшего правду, хотя возможно, что повреждение мощей от пожара заставило других лиц прибегнуть к обману, и Петр I также был обманут ими». Узнав о результатах осмотра, Синод 27 июня постановил произвести «переоблачение мощей», то есть отделить подлинные мощи от инородных предметов, поручив это синодальным членам — Владыкам Сергию и Платону. Само «переоблачение» было проведено 24 июля. Все посторонние предметы из раки удалили, а части мощей собрали вместе и положили в кипарисовый ящик, а восковую голову князя растопили. О проведении 24 июля осмотра мощей и помещении их в «новоустроенный» ящик был составлен сохранившийся официальный акт.¹

Дневник С. П. Каблукова и архивные документы не оставляют сомнения в том, что после осмотра 1917 г. в раке остались подлинные мощи, которые были изъяты из Лавры в 1922 г. по указанию советских властей и вновь возвращены в Свято-Троицкий собор в 1989 г. из Музея истории религии и атеизма.²

Одна из причин помещения мощей в новый ящик заключалась в обеспечении удобства их транспортировки при возможной эвакуации Лавры в случае возникновения угрозы захвата столицы немцами. Так, вскоре после взятия германскими войсками Риги, Синод 23 августа издал указ о подготовке вывоза лаврской ризницы и размещения ее в Екатеринбургском Архирейском доме, при этом невоеннообязанных монахов планировалось эвакуировать в Верхотурский и Далматовский монастыри Екатеринбургской епархии. Позднее — в октябре 1917 г. — 56 принявшим постриг насельникам (7 архимандритам, 26 иеромонахам, 21 иеродиакону и 2 монахам) даже выдали «бессрочные паспортные книги» ввиду «предстоящей эвакуации Петрограда». К счастью, намеченная эвакуация так и не состоялась.

На протяжении всего 1917 г. финансово-хозяйственное положение Лавры вследствие бедствий военного времени, растущей дороговизны, инфляции и т. п. неуклонно ухудшалось, что в условиях углубления ситуации анархии и безвластия в стране привело к невиданным ранее конфликтам лаврского руководства со служащими, певчими хора и т. д.³

При этом Лавра продолжала предоставлять свои помещения и имущество на нужды войны. Так, летом 1917 г. здание Певческого корпуса было занято военным ведомством для размещения войск, в результате чего 25 августа Духовный Собор известил Епархиальный училищный совет, что в наступающем учебном году занятия в церковно-приходской школе проводиться не будут. Выселенных из общежития малолетних певчих пришлось разместить в лаврской трапезной.¹

Но, несмотря на все сложности, Лавра продолжала оказывать большую благотворительную помощь. Она по-прежнему содержала богадельню и два военных лазарета, причем каждому выздоровевшему солдату при выписке выдавалось 20 рублей. Ежемесячные пособия выплачивались мобилизованным в армию штатным певчим хора, бесплатно питались в обители 12 солдатских жен. С лета 1916 г. на полном содержании проживали в Лавре 7 сербских и 3 румынских подданных, приехавшие поступать в русские духовные семинарии, кроме того, в монастыре жили и пользовались столом священники-беженцы из Галиции, летом 1917 г. — члены Предсоборного совещания, с осени — беженцы из Риги и др.

Не оставляла Лавра без заботы и военнопленных русской армии, которые часто посылали из Германии письма о помощи. Так, например, 2 мая 1917 г. Духовный Собор постановил выполнить просьбы двух военнопленных: рядовому С. Гришину выслать сухарей, а унтер-офицеру И. Быстрову — молитвенник и календарь. Как правило, духовную литературу и сухари высылали и другим военнопленным. Подобная благотворительная деятельность с прежней активностью продолжалась и в первые месяцы после Октябрьского переворота. В частности, 19 декабря 1917 г. Духовный Собор выделил 35 рублей к Рождеству Христову Первому ночлежно-работному дому для бесприютных детей и подростков мужского пола, а 11 декабря — 100 руб. Комитету помощи арестованным «контрреволюционерам» и их семьям, поскольку многие арестованные большевиками были даже лишены пищи. В начале января 1918 г. среди братии было собрано по подписному листу 38 руб. для Боровичского союза увечных воинов и т. д.²

Значительную помощь Лавра оказывала и в духовно-просветительских делах. Так, в апреле 1917 г. для 510-го пехотного Волховского полка была выслана икона св. князя Александра Невского, в июне пожертвовано священническое облачение и на престольный крест для устройства походной

¹ К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского. С. 33–35.

² Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 186.

³ РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 86. Л. 3–7.

¹ Там же. Оп. 11–1918. Д. 94. Л. 113; Оп. 14. Д. 158. Л. 6, 16.

² Там же. Оп. 14. Д. 156. Л. 16, 20, 21, 24, 30; Д. 158. Л. 6, 30, 75, 82.

церкви 2-го полкового запасного госпиталя, в июле выступавшей на фронт 2-й запасной артиллерийской бригаде переданы 500 крестиков, 500 иконок и 15 Евангелий. 17 мая Духовный Собор выделил «Солдатскому союзу просвещения» 100 руб., 7 июня — культурно-просветительной комиссии запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка — 200 руб., а 10 июня заслушал докладную записку своего члена иеромонаха Николая (Ярушевича, будущего митрополита Крутицкого и Коломенского) с призывом оказать духовную помощь верующему народу путем издания для бесплатной раздачи листов религиозно-нравственного содержания, «применительно к вопросам момента ввиду особой важности переживаемых событий внутренней и внешней жизни России». Собор признал намеченные о. Николаем цели и способы осуществления их крайне важными и выделил на издание бесплатных листов и брошюр 400 рублей.¹

Братия Лавры не стояла в стороне от бурных событий осени 1917 г. В ноябре она участвовала в выборе членов Учредительного собрания. А 11 ноября Святейший Синод удовлетворил ходатайство митрополита Вениамина о разрешении в конце месяца согласно просьбе православного населения Петрограда изнести раку с мощами св. Александра Невского из Свято-Троицкого собора и совершить торжественный крестный ход по городу для служения Литургий, всенощных бдений в различных храмах и молебствий на площадях «о прекращении нестроений и бедствий в нашем Отечестве и о даровании державе Российской победы и одоления над врагами».²

После Октябрьского переворота патриотическая деятельность братии Лавры стала постепенно сворачиваться. 5 апреля 1918 г. закрылся содержавшийся на средства обители лазарет Красного Креста № 279. 16 мая Запасной электротехнический батальон покинул Певческий корпус, но команда 10-й «воздухобойной» батареи Петроградской крепостной артиллерии оставалась в здании Лаврской Киновии до 1919 г.

При этом братия Лавра еще некоторое время продолжала благотворительную и просветительную деятельность. Вплоть до лета 1918 г. в обители висели 5 кружек для сбора пожертвований: на вдов и сирот духовного звания, на православных паломников в Палестине, на церкви и школы в западных губерниях, на раненых и больных воинов и т. д. Весь 1918 и даже в 1919 г. в лаврских помещениях бесплатно проживали около 15 священников-беженцев из оккупированных немцами епархий Русской Церкви, например,

Походный храм

протоиерей Тимофей Васильчишин из Холмской губернии. Продолжала существовать лаврская богадельня. 4 и 30 мая 1918 г. Собор Лавры разрешил провести в лаврских храмах сбор средств в пользу Российского комитета помощи семьям убитых офицеров, 8 июня ассигновал 100 руб. и предложил провести тарелочный сбор в Троицком соборе для инвалидов Первой мировой войны, находящихся на излечении в лазарете Красного Креста № 281, и т. д.¹

Таким образом, практически весь период участия России в Первой мировой войне Свято-Троицкая Александрo-Невская Лавра была важным центром благотворительной и религиозно-просветительной работы в рядах русской армии, укрепляя боевой дух воинов. Кроме того, обитель оказывала разнообразную помощь беженцам, эвакуированным и другим группам мирного населения, пострадавшим от военных бедствий.

¹ Там же. Д. 156. Л. 24, 41, 62, 65; Д. 157. Л. 14.

² Там же. Д. 753. Л. 1–2.

¹ Там же. Д. 160. Л. 174–175.

На северной границе между западом и востоком. Печенга — Петсамо в финской истории и художественной литературе

Элина КАХЛА, доктор философии, Александровский институт при Университете г. Хельсинки, Директор института Финляндии в Санкт-Петербурге

«Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым».

Джордж Оруэлл

На северной границе между западом и востоком

В этом очерке рассматриваются как историографические, так и популярные труды финских авторов, в том числе травелоги (рассказы о путешествиях) и исторические романы на тему севера, границы, борьбы за овладение территориями. Мой очерк носит характер культурно-исторических заметок и по времени охватывает эпоху ранней коло-

низации Севера, а также период финской колонии Петсамо, с подписания тартуского мирного договора 1920 г. до соглашения о перемирии в 1944 г., подтвержденного в Парижском мирном договоре между СССР и Финляндией, подписанном в 1947 г.

Противостояние интересов разных стран по овладению территориями и морскими путями отражалось в трудах историков XVI в. и ученых более поздних времен и имело символический и сопоставительный характер. Знаменитый финский филолог-славист Й.Й. Миккола, профессор Хельсинкского университета, осветил историю Карелии и Кольского полуострова глазами финна в двух сборниках статей. В сборнике «*Nämärän ja sarastuksen ajoilta*» («В годину сумрачных рассветов», 1939) речь идет о переговорах во время приграничных конфликтов XVII в. перед началом периода «великого лихолетья»; сборник «*Lännen ja idän rajoilta*» («На границе запада и востока», 1942) сфокусировался на правлении царя Ивана Грозного. Очевиден акцент на том, что между прошедшими веками и актуальным конфликтом (обратим внимание на даты выхода в свет этих трудов) прослеживается связь.

Опубликованная в сборнике 1942 г. работа «*Bolševikkien henkinen kantaisä suomalaisen piispan kiduttajana*» («Духовный праотец большевиков как мучитель финского епископа») сопоставляет большевистское руководство и фигуру Ивана Грозного и представляет их как жестоких и коварных переговорщиков. Внимание в тексте сосредоточено главным образом на описании печального посольства епископа Абоской епархии Павла Юстена в Новгород и Москву. В 1569 г. Юстена в качестве представителя Шведского государства отправили на переговоры о возможном взаимном обмене приграничными территориями, однако он и его свита сразу же оказались в заключении. Цель поездки не была достигнута, и посольство, освободившись из мучительного плена, длившегося более двух лет, еле живым вернулось домой.

В тексте описаны многочисленные конфликты, которые могли быть упомянуты автором потому, что он считал их ценными не только с исторической точки зрения. Одна такая деталь касается подробного отчета о споре, который послы вели относительно титулов. Великий князь всея Руси не хотел отказываться от титула Государя Лифляндского, хотя самой землей он уже не владел. Вторая деталь связана с участием в переговорах переводчика: британский переводчик Мерик и голландские посредники описаны как ангажированные лица, преследующие собственные деловые интересы. О мно-

Царь Иоанн Грозный

гом говорит также описание жестокого обращения с посольством Юстена, сопровождавшегося красноречивыми оскорблениями.

Датировка и название главы «Духовный праотец большевиков как мучитель финского епископа», а также представленное в ней описание подробностей конфликтов кажутся, таким образом, применимыми прямо и к военной ситуации 1942 г. Глава начинается с сопоставления трех «душевно ненормальных князей» — короля Испании Филиппа II, короля Швеции Эрика XIV и русского

царя Ивана IV, правивших Европой в одно и то же время. Миккола пишет:

«В нашей стране о времени Ивана Грозного из-за опустошительного набега русских войск в Южную Финляндию осталось ужасное воспоминание. Иван, так же, как и его более поздний потомок Петр I, стремился к морю, и Финляндия была для него ключом от Балтийского моря. Он смог лично познакомиться с представителем финского народа тогда, когда в качестве посла Юхана III в Россию прибыл епископ Абоской епархии Павел Юстен, чей знаменитый предшественник Микаэль Агрикола [отец финской письменности], окончательно измотанный такой же поездкой, испустил дух на обратном пути в коммуне Куолемайрви [на Карельском перешейке]. Чтобы лучше понять, какое опасное задание досталось смиренному Павлу Юстену, проследим жизненный путь этого первого признаваемого большевиками царя-революционера и основателя дружеских отношений между Россией и Англией».¹

Далее следует обзор биографии Ивана, начиная с самого детства: «Из духовной литературы ему запомнились места, в которых говорилось о власти и праве государя. В 13 лет он уже демонстрирует свою великокняжескую власть, отдав князя Шуйского на растерзание гончим псам. К счастью для рано созревшего правителя, митрополитом Московским стал архиепископ Новгородский Макарий, тот самый, который энергично пытался искоренить суеверие и колдовство в Карелии. Этот по тогдашним понятиям смиренный и талантливый человек смог одним только своим существованием направлять молодого Ивана. Макарий был великорусским патриотом, который симпатизировал известному тогда мифу о Москве как о третьем

Риме. Это хорошо сочеталось с мечтами Ивана о величии и с его самолюбованием» (114).

Миккола дает прямую оценку связи между канонизациями, проводимыми Макарием, и акцентированием величия государства. Во времена Макария количество национальных святых, почитаемых на всей Руси, выросло с 22 до 52 (к тому же были добавлены 9 местных святых). Прихожанам приходилось слушать эти новые, сочиненные в «шовинистическом русском духе» биографии подвижников. Благодаря Макарию, Иван в 16-летнем возрасте был провозглашен царем — «заслуга, которую он, напоминая в то же время о божественном происхождении события, то и дело подчеркивал» (116).

В своем биографическом очерке Миккола упоминает также о суровом воспитании, полученном Иваном, и о проявившемся позже душевном недуге — мании преследования. Несмотря на все, Ивану удалось покорить Казанское, Астраханское и Крымское ханства и установить господство над территориями, населяемыми финно-угорскими народами мордвой, марийцами и удмуртами. Иван заключил союз с англичанами и намеревался — безуспешно — достичь Китая на парусных судах, пройдя Северный Ледовитый океан. «Радость приобретения нового, могущественного заокеанского торгового партнера направляла мысли царя к морю» (117), другими словами, побуждала мечтать о господстве в Балтийском море. Россия начала 25-летнюю войну, усматривая повсюду предателей и врагов, ведя «настоящую разрушительную войну против своих мнимых противников» (118), разгромив при этом в том числе и Новгород с его экономическим регионом в 1569–1570 гг. Миккола описывает безрассудные жестокости Ивана, обосновывая таким образом опасный характер поездки Юстена. Рассказ же самого Юстена о трудностях путешествия и заточения предстает безутешным, полным фигурами речи, свойственными церковнослужителю. Юстен стремится, однако, в своем описании к беспристрастности и говорит: «Когда я писал эти строки, то не отклонялся ни вправо, ни влево и не искал ничьей милости, а только лишь назвал белое белым и черное черным» (177).

Преодоление границы между востоком и западом — культурный фон

Основной акцент в более раннем сборнике эссе Миккола, вышедшем в 1939 г., сделан на моменте возникновения различия между конфессиями и культурными сферами запада и востока, более или менее устойчивую гра-

¹ Mikkola, 1942, 112. Далее номера страниц даются в тексте. — *Примеч. Ред.*

Карта «Граница между цивилизациями»

ницу для которых проложил Ореховский мир 1323 г. Тематику сборника стали, в том числе, пять родовых общин карел (пятины), маршруты передвижения русских в Скандинавии, карелы в составе армии Новгородской земли, обмен военнопленными после заключения Тязвинского мирного договора 1595 г. и предварительные переговоры о Столбовском мире (1617 г.), посланники «Ленивого Яакко», или Якоба Делагарди, к Василию Шуйскому и другие вопросы. Дата выхода сборника указывает на проблематику, актуальную для переговоров, проводимых до 30.11.1939 г., и, в свою очередь, подчеркивает культурные грани приграничного соседства: роль племен, маршруты передвижения, отношение к военнопленным, процесс мирных переговоров.

После Ореховского мира граница пройдет на севере начиная от Печенги¹, от реки Паз (Патсойоки). После мирного договора Норвегия еще более укрепила свое присутствие на севере, заключив в 1326 г. договор с Новгородом, который действовал вплоть до 1478 г., когда Новгородская республика прекратила свое существование.

Топонимия данной территории указывает на обширную торговлю, которую вели карельские племена, «пятины». На основании Ореховского мирного договора карелы имели право пользоваться «Карельским коридором», т. е. свободно

перемещаться по водному пути от Кандалакшского залива в Беломорской Карелии до озера Оулуярви и реки Оулуйоки, и селиться по берегам этих водоемов (1939, 30). В русскоязычном тексте договора речь идет о Каян-море, или о море Кайнуу (Северный Ледовитый океан) (1939, 95). [Слово «Кайнуу» указывает на народ квенны]. В качестве свидетельства передвижения племени корела Миккола приводит в том числе и факт дублирования на-

¹ Окончание -енга/-еньга в названиях рек бассейна Белого моря напоминает финское слово «jänpä» («янпя» — большое болото). Существовало множество рек с названием Печенга, и по наименованию одной из них монахи называли свой монастырь, «трансформируя таким образом лапландское название «Piehtsam»» (Mikkola, 1942, 62).

званий рек: например, река Кемь в Беломорской Карелии и река Кемь (Кемийоки), впадающая в Ботнический залив. Миккола подчеркивает, что карелы имели большое значение для Новгорода также в качестве торговцев пуш-ниной. «Территория перемещения и деятельности карел на востоке от нашей границы была огромной. Об их авторитете на Кольском полуострове свидетельствует еще в XVII в. такой приказ великого князя, согласно которому сбор налоговых недоимок с лопарей должен осуществляться в присутствии известных карел» (1942, 65).

Помимо топонимии Миккола рассматривает войны, происходившие между карелами («финнами») и норвежцами в губернии Финнмарк начинающая с 1302 г. Дело в том, что русская Софийская летопись свидетельствует с 1320 г. о набегах карел на Норвегию по реке Северная Двина. 30-е гг. XIV в. были особенно выдающимся периодом в истории карел. В 1337 г. в Софийской летописи упоминается карел по имени Иван Федорович Валит (Валитту), управляющий крепостью Корела, который совершил политическую измену. Сначала Валитту тайно вел переговоры со шведами, но затем в июле 1337 г. сменил курс на противоположный. Он открыл ворота крепости новгородцам; так что шведов ожидала такая же кровавая баня, как и русских ранее. Согласно воспоминаниям, сохранившимся в устной форме, Валитту считался покорителем Лапландии, которому в коммуне Варангер установлен каменный памятник (1942, 75–76).

Миккола пишет также о монастырях как источнике поборов для карел. Самым значительным экономическим гигантом данного края был Соловецкий монастырь, которому карелы вынуждены были уступать за бесценок земельные владения, рыбные ловли и территории обитания пушного зверя. Название, по мнению Миккола, происходит от финского слова «salo» — «(глухой) лес; большой лесистый остров» (1939, 41). На основании монастырских документов Миккола пишет: «У этого монастыря было также собственное войско, назначение которого становится ясным из его названия — “Войско Кайнуу”. Задачей армии было охранять монастырь и его земли от врагов, жителей региона Кайнуу, угрожавших с запада. В то время это военное образование выступает также защитником выше упомянутых “пяти родов”, или “детей Карелии”. В 1478 г. командующий армией в “войне с Кайнуу” со стороны Соловецкого монастыря объявляет о том, что совершил поход на реку Иййоки, чтобы отомстить за “оскорбление”, нанесенное “детям Карелии”, и тогда же он подарил Соловецкому монастырю колокол, вывезенный им из церкви общины Ий» (1942, 76–77).

Говоря о Печенгском монастыре, Миккола цитирует письмо Бориса Годунова (1603 г.), в котором сообщается о лопарях, крещеных уже в 1477 г. епископом Новгородским Геннадием, и о монастыре, основанном в Печенге (78). Сведения указывают на то, что Трифон из Торжка, имевший большое влияние сто лет спустя, не был самым первым основателем монастыря в этих краях.

Миккола интересным образом сравнивает русско-новгородские и карело-финские нравы и констатирует, что это сравнение невыгодно для западной стороны. Основатели западных монастырей являлись, по его словам, «мечтательными, чувствительными отпрысками аристократии» (43), и, соответственно, языком культурного общения этих монастырей был язык господствующего класса, поэтому о существовании какой бы то ни было монастырской рукописи на финском языке ничего неизвестно. В Финляндии не было ни одного католического монастыря севернее города Раума на берегу Ботнического залива.

Среди православного населения дела обстояли противоположным образом. У православных ценилось стремление к подвижничеству в суровых северных условиях. Северные монастыри характеризуются изолированностью и труднодоступностью, закаленностью и малочисленностью братии. Монахи занимались в основном тяжелым физическим трудом и практиковали аскезу (пост и молитвы). Миккола, увы, не затрагивает здесь тему политического преследования: войны и репрессии заставили славян переместиться в непроходимые северные леса. А в конце XVII в. гонения на староверов, в свою очередь, вытеснили их так далеко на север, что побережье Белого моря превратилось в центр старообрядчества.

В русских же церковных текстах встречается термин «Северной Фиваиды», являющийся почетным именем нарицательным для всех монастырей, основанных на территориях к северу от Москвы в XIV в. и позже. Название «Фиваиды» указывает на древнюю пустыню в Египте, где ранние христиане вели праведный образ жизни в те времена, когда христианство еще не было государственной религией. По мере укрепления центральной власти Москвы, начиная с XV в., ее великие князья создали в монастырях выгодные для обеих сторон колониально-охранные отношения. Местные жители были вынуждены платить монастырям ловчий налог и другие подати, князья же, в свою очередь, были заинтересованы в растущей экономической мощи монастырей, в том числе с точки зрения военных оборонительных целей, а также возможностей совершать атаки. В качестве примера Миккола упо-

минает эпизод середины XVII в., когда самый могущественный беломорский монастырь — Соловецкий — продал за год 2000 тонн соли. Соль варили в то время 700 человек, на остальных работах было занято 600. Количество монахов составляло 350 человек. Войско монастыря насчитывало до двух тысяч солдат. Армия защищала монастырь от набегов, осуществлявшихся с той стороны границы региона Кайнуу, и сама предпринимала налеты на территорию Финляндии по беломорской реке Кемь вплоть до реки Иййоки. Следует отметить, что монастырь помогал московскому царю значительными денежными суммами. «В принудительных объятиях вот такого учреждения оказались «пять родов детей Карелии» (1939, 46).

Согласно Миккола, карелы впервые фигурируют в документах в 1479 г. в качестве владельцев земли и рыбных угодий на Терском берегу, т. е. на территории между реками Умба и Варзуга на южном побережье Кольского полуострова (Терский наволоок). До этого карелы упоминались в более южной местности — на карельском побережье, или на территории между бухтой Кандалакшского залива и беломорской рекой Кемь, где у них был спор с новгородским тысяцким из-за рыболовства на реке Выг. В одинаково составленных документах карелы передали свои земли монастырю, или «Обители Святого Освободителя», «Острову» (Соловкам), его игумену, священникам, братии и т. д. «на вечные времена» «на морском берегу и вдоль рек по Терской дороге» «вплоть до дикой Лапландии». Территории включали «сушу, водоемы и покосы, леса с дичью и лесные озера». Иногда в качестве ответного шага у монастыря просили включить в монастырские хodataйственные молитвы членов рода; иногда текст документа указывает на откровенную сделку: «Итак, покупает Соловецкий монастырь в 1480 г. у одного карельского парня Кости два больших морских острова и рыбные угодья и платит за них четыре короба ржи, рулон грубой шерстяной ткани и пять охапок конопли» (1939, 46–47).

Помимо Соловецкой крепости, возведенной на случай военных набегов, существовало и другое укрепление, меньших размеров: острог из бруса на берегу Кандалакшского залива в селе Сумский Посад. Ссылаясь на документы, Миккола завершает повествование о «пяти родах детей Карелии» упоминанием, согласно которому после падения Новгородской республики крупные поместья были уничтожены, а положение русского крестьянства укрепилось, благодаря чему крепостное право не проникло на север. «Карельское крестьянское население сохранилось только в северо-западной части Архангельской губернии и в основном, видимо, в тех краях, население

которых состояло из потомков выходцев из Ладожской Карелии». Первоначально, по словам Миккола, название «Карелия» означало окрестности Корелы, деревни Виимола и Тиурола указывали на погосты Куркийоки и Саккола. Эти документальные сведения вносят ясность в то, как происходило заселение берегов Кандалакшского залива карельскими родами (указ. соч., 48–49).

На основании путевых заметок о Ладожском и Онежском озерах, опубликованных Николаем Озерецковским в 1792 г. («Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому»), Миккола утверждает, что Россия уже в начале своей истории черпала военную мощь на севере, в Скандинавии и Карелии, включая ресурсы, получаемые из среды ингерманландцев и води. В произведении жившего в XVII в. хивинского хана Абулгази о родословной тюрок (ссылка по переводу Саблукова 1914 г.) упоминаются наряду с другими народами также и карелы (курел), чьи государства потомку Чингисхана следовало покорить (указ. соч., 51).

Карелы — и ингерманландцы — служили в новгородских войсках также добровольно («молодцы»). Из биографии Александра Невского известно произошедшее на льду Ладожского озера в 1240 г. сражение между ним и представлявшим шведско-финскую армию епископом Туомасом. В данном эпизоде фигурирует старейшина Ижорской земли Пелгусий, или по-фински «Пелконен», который предупреждает Александра об угрозе нападения со стороны врага (указ. соч., 52–53).

Географическое расположение земель, на которых проживали карелы, повысило значимость народа во время татаро-монгольского ига благодаря процветанию ганзейской торговли. «Карелы были теперь вассалами вассала, и военные походы во Внутреннюю Финляндию и на норвежское побережье Северного Ледовитого океана поручались им, к тому же эти походы как раз отвечали экономическим интересам карел» (53).

Соперничество между конфессиями

Граница, установленная Ореховским мирным договором в 1323 г., защищала интересы как карел, так и Восточной Церкви на территории от западного берега Ладожского озера вплоть до Северного Ледовитого океана. Валаамский монастырь был основан, согласно летописи, около 1329 г. для защиты веры «вследствие набегов шведов» (56). По словам Миккола, борьба между конфессиями за Карелию началась в 1240 г. с военного похода епископа Туомаса, получила благословение Римской Церкви на учреждение Карельской

епархии и жестоко продолжается по настоящее время. Карел-католиков, считавшихся еретиками, убивали, в том числе, в 1339 г.; так же поступали и представители конфессии соперника. Следует сказать, что карелы финского подданства в 1939 г. делились равно между восточной и западной верой.

Обзорное эссе «Посланники Ленивого Яакко к Василию Шуйскому в 1609 г.» повествует, как и описание поездки епископа Юстена, о переговорах между Россией и финнами в составе Шведского королевства, т. е. о переговорах между царем Василием Шуйским и послом Карла IX Якобом Делагарди. В основу переговоров лег заключенный в 1609 г. договор, согласно которому войска Карла должны были помочь Василию разгромить поляков и внутренних врагов России. Описание является весьма подробным. В нем изображается также, как чрезмерно царь демонстрирует свое гостеприимство по отношению к посольству, несмотря на вопиющую смуту и голод, наблюдаемые в стране в то время. Поход начался благоприятно, поляков разбили, но чем дальше уходило войско, тем упрямее становились финские солдаты, которые боялись за свои дома. В конце концов они самовольно вернулись в Выборг, а Яакко, в свою очередь, отправился в Москву, где его приняли как спасителя (1939, 96–97).

Главным в эссе Миккола как филолога является описание племен приграничных территорий, выполнявших функцию рабочих рукавиц в войнах и торговле. Автор обращает внимание, в том числе руководствуясь средневековыми документами, на установки, повторяемые сторонами во время переговоров, на способы действия и модели поведения, которые недостаточно освещены основной историографией.

Как состоялась финская колония Петсамо?

(Текст адаптирован по С. Партанену, 2012)

В круговороте Первой мировой войны и русской революции Печенга оказалась объектом международного интереса. Ценность портов Северного Ледовитого океана возросла, т. к. перевозки через Датские проливы стали невозможными из-за военного положения. Англичане приступили к защите своих интересов на севере, высадившись весной 1918 г. в Мурманске и выведя свою военную флотилию в Северный Ледовитый океан. Они находились на данной территории несколько лет.

Бежавшие из Финляндии «красные» финны, русская революция, сформированный из финнов Мурманский легион, военная дружба между только

что обретшей независимость Финляндией и Германией (при помощи которой Гражданская война окончилась победой белых) и другие обстоятельства в тени мировой войны повысили ценность и значение Печенги в стремлениях финнов. В этой хаотичной ситуации Финляндия отправила экспедицию доктора Торстена Ренвалля для захвата Печенги весной 1918 г. Этой экспедиции из 170 человек-мечтателей, «художников» противостояло превосходящее по силе войско, состоявшее из англичан, русских и бежавших красных финнов и обладавшее военной флотилией и артиллерией. Покорение превратилось в арктическое приключение длиной в несколько недель.

Почти такой же отчаянной была и следующая попытка захвата Печенги. Предводителем экспедиции был назначен пограничный комендант Лапландии, майор Курт Мартти Валлениус. Экспедиция уходила на лыжах из Рованиеми 5-7 января 1920 г. в сторону находящейся в 500 км Печенги, куда участники прибыли через месяц. Число состоящих на довольствии членов группы составило 156 человек.

Флаг Финляндии был в первый раз водружен на флагшток в Печенге 25.02.1920 г. в деревне Алалуостари. В начале апреля группа бежала на территорию Финляндии в населенный пункт Виртаниеми после того, как обладающее военным превосходством советское войско напало на Печенгу со стороны Мурманска. С этого начался длившийся девять месяцев период власти красных, который закончился подписанием Тартуского мирного договора и передачей Печенги (Петсамо) Финляндской Республике, в составе которой коммуна находилась в течение последующих 24 лет. В честь присоединения Печенги к Финляндии на горе около деревни Алалуостари в праздник Иванова дня в 1939 г. был установлен девятиметровый памятник, высеченный из гранита, добытого в районе порта Лиинахамари. Сейчас на этом месте стоит массивный мемориал советским солдатам.

Население Печенги в 1920 г. составляло около 1500 человек, десятилетие спустя — около 2500 человек, а в 1944 г. — приблизительно 5000 человек. На территорию коренных жителей колттов вследствие голода 1860-х гг. переселились финны, карелы, русские и коми. Особенно активно численность населения росла в 1930-х гг., когда Печенга приобрела новый важный статус и оказалась в фокусе геополитики. Наряду со старым стратегическим и транспортным значением обнаруженные в Печенге никелевые рудники превратили местность в центр геополитического напряжения. Эту никелевую игру разыграли Финляндия, СССР, Германия, Англия и Канада.

Финны начали составление геологических карт Печенги в 1921 г., используя данные о находящихся в Норвегии на западном берегу реки Паз залежах железной руды, а также результаты исследований, проведенных в период автономии. На основании многообещающих исследовательских фактов в 1924 г. были развернуты масштабные полевые работы, которые с начала 1930-х гг. стали сопровождаться аэросъемкой. К 1934 г. было локализовано до двух десятков рудных тел, представляющих промышленный интерес. Права на добычу никелевой руды были переданы английскому предприятию «Mond», дочерней компании канадского концерна «Inco». Английское предприятие основало свой филиал «Petsamon Nikkeli Oy» (АО «Печенгский Никель»).

К разработке рудника приступили в 1937 г., в Колосйоки (сегодня поселок городского типа Никель) начали строить жилые многоэтажные дома и административные здания. Была проложена так называемая Дорога на Ледовитый океан, соединявшая Рованиеми с озером Сальмиярви и портом Лиинахамари. В верхней части порога Янискоски (каскад реки Паз) была возведена гидроэлектростанция, предназначенная для энергоснабжения никелевых рудников в Печенге. В эксплуатации у горнопромышленного общества находились свои механические цехи, лесопильный завод, водонапорная башня, множество складов, лаборатория, плавильные цехи, рудные бункеры и т. д.

Активное строительство прекратилось в последний день ноября 1939 г., когда советские войска высадились в порту Лиинахамари. Во время Советско-финской войны 1939-1940 гг. (Зимняя война) рудник с прилегающими деревнями сохранился с незначительными повреждениями, хотя в других местах Печенга подверглась серьезному разрушению. После войны СССР неожиданно вернул Финляндии оккупированную Печенгу, за исключением полуострова Рыбачий (Каластаясааренто). Приостановленные строительные работы в шахтерском городе и на речном пороге Янискоски были продолжены непосредственно по заключении мирного договора весной 1940 г.

Обстановка в мире изменилась. Немцы оккупировали Норвегию в начале лета 1940 г. Немецкая армия находилась в нескольких километрах от никелевых сопот Печенги, которые оказались фигурами в международной политической игре. Германия остро нуждалась в никеле как сырье для военной промышленности, и Гитлер стремился завладеть рудниками. Права на разработку приисков принадлежали английской компании, которая не хотела ни продавать, ни отдавать никель своему врагу. СССР оказывал давление

на Финляндию, чтобы получить свою долю сырья, и Финляндия пыталась балансировать между двумя странами, используя никель как гарантию своей политической безопасности. Несмотря на то, что никелевая игра велась на дипломатическом и правительственном уровне, она, тем не менее, значительно влияла на жизнь Печенгского района и в особенности порта и поселка Лиинахамари, откуда консулы и шпионы отчитывались своим начальникам.

Германия получила право распоряжаться печенгским никелем, профинансировав работы по восстановлению рудничной зоны после того, как английское предприятие «Mond» прекратило инвестирование. Производство никеля было запущено в конце 1940 г., и большая часть руды транспортировалась на кораблях из Киркенеса в Германию. Разрушенный норвежцами в период Зимней войны мост на территории бывшего Пазрецкого погоста (Колттакенгяс, сейчас поселок Борисоглебский) возвели заново, немцы построили и отремонтировали дорожную сеть Норвегии, и из Колосйоки (Никель) через Колттакенгяс прошла дорога на Киркенес — Никельштрассе (Nickelstrasse). Часть руды отгружали в портах Ботнического залива. Советско-финская война 1941–1944 гг. («война-продолжение»), военная солидарность между Финляндией и Германией, пребывание немцев в финской Лапландии, выход Финляндии из войны и, наконец, Лапландская война, начатая с целью изгнания немцев с территории Финляндии, — все было связано с печенгским никелем. Гитлер хотел до последнего контролировать никелевые рудники. В октябре 1944 г. в результате масштабной и кровавой операции Советские войска изгнали немцев из Печенги.

Петсамо-Печенга в финской литературе и в душе финна

Печенга для финна, как и другие приграничные территории, звучит экзотично и несет в себе сильнейший заряд таинственности. Этнографически ориентированная и написанная в националистическом духе экспедиционная, а также историческая литература (Фриис, Паулахарью, Пялиси, Равила и др.) подготовила почву для идеи племенного родства, необходимой в «войнах братских народов» (1918–1922). Борцы за независимость, продвигавшие идею «Великой Финляндии», аргументировали свою политику экономическими доводами: выход к Северному Ледовитому океану, статус ворот в Атлантический океан и в норвежскую коммуну «Восточный Варангер», а кроме того, им необходимо было добиться соединения финских железных

дорог с железнодорожной сетью России сразу, как только [из-за смутного времени в России] представится такая возможность (например, Войонмаа, «Suomi Jäämerellä» («Финляндия в Северном Ледовитом океане», 1918, второе издание — 1919). В основе этой идеи лежали прежние обещания великих держав об отторжении приграничных территорий, а также компенсация финнам за значительные инвестиции в инфраструктуру (дороги), недавно осуществленное Россией строительство на «незамерзающем море» — порты (Александровск, Романов-на-Мурмане) и завершенная в 1916 г. Мурманская железная дорога. В литературе, пропагандировавшей идею «Великой Финляндии», стали вновь использовать древние мифологические окрашенные названия, такие как «Руийа» (Финнмарк) и Терский берег (Turjanranta).

Когда по условиям Тартуского мирного договора Печенгская волость (Петсамо) отошла к финнам взамен на полученные РСФСР в Восточной Карелии волости Поросозеро (Porajärvi) и Реболы (Repola), возникла первая и пока последняя колония в истории Финляндии. Вяйне Таннер в своей книге «Voidsaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi?» («Можно ли использовать территорию Печенги на благо страны?», 1927) требовал максимального извлечения экономической выгоды. К примеру, в травелогах и охотничьих записках коммерсанта, консула Финляндии в Мурманске и просто разностороннего плута Эрнста Лампена/Ээро Лампио «дикий восток» представлен как рай для того, «в чьих жилах течет кровь ловца».

Вместе с переходом Печенги к Финляндии самый северный в мире православный монастырь подпал под финскую юрисдикцию. Уходя в 1921 г. с этой территории, русские увезли с собой самое ценное движимое имущество; финнам монастырь оставил церковное имущество и 90 % своих земельных наделов, а прирост количества монахов остановился. Приход в братию монастыря иностранцев (русских) прекратился.

Мужской Свято-Троицкий Печенгский монастырь, основателем которого считается преподобный Трифон Печенгский, был важной точкой опоры особенно для саамов-колттов (кольских лопарей). Новая государственная граница была для них преградой, ведь она разделила их поселение на части, оказавшиеся по разные стороны рубежа. Еще в 20-е гг. колтты переезжали к своим семьям в Россию, т. к. в пустынной местности пересечь границу было относительно легко. Например, деревни Кааккури и Титовка находились так близко друг от друга, что воду их жители набирали в одном и том же месте. Новый кордон сильно усложнил процесс оленеводства и стал

препятствием для ведения других традиционных видов хозяйственной деятельности.

Противоположность интересов проявлялась на разных этапах исторического развития Печенгского монастыря. Для печенгских монахов нападение войск Юхо/Пекки Весайнена в декабре 1591 г. в ходе военного противостояния между Швецией и Россией означало уничтожение монастыря и прекращение деятельности на два столетия. Монастырь возвели заново только в 1886 г., когда соловецкие монахи оживили его деятельность. В честь этого была написана картина, изображающая убийство (02.12.1589) 116 монахов и одного мирянина. Для финнов («шведов») [читай: лютеран] Весайнен является военным героем; например, исторический роман Сантери Ивало «Juho Vesainen» («Юхо Весайнен», 1894, пьеса 1923) выдержал 17 изданий. Морское судно, курсировавшее в Печенге во времена финской власти, также было названо в честь Весайнена.

Сам роман «Juho Vesainen», тем не менее, никак не идеализирует одноименного героя и не показывает монахов врагами. Наоборот, роман демонстрирует бессмысленность мести и непрекращающейся войны. Бунт и злоба Весайнена по отношению к своему противнику Ахме («Росомахе») оборачивается для него собственной гибелью. В конце повествования Ахма освобождается от оков и убивает Весайнена. На смертном одре Весайнен произносит: «Кто за меч возьмется, сам от него же и падет».

«Северный Клондайк» пленял финнов в начале пути собственной государственности прежде всего с точки зрения экономической выгоды: как экстремальный туристический объект, быстрый грузовой фарватер в Северную Америку, а также источник природных ресурсов. Никелевое рудное тело обнаружили в 1921 г.; права были проданы канадцам. Строительство никелевого рудника в Никеле (Колосйоки) началось в следующем десятилетии, и в 1943 г. его мощности были направлены на обслуживание армии Германии. Год спустя русские уничтожили рудник. Сегодня прииск работает как промышленный комбинат под названием «Печенганикель».

*

Зимняя война оборвала виды на будущее финской колонии, выросшей до 5000 человек. Жителей полуострова Рыбачий (Каластаясааренто) эвакуировать не удалось, и его 500 жителей остались в зоне оккупации. Когда Финляндия в 1944 г. окончательно утратила Печенгу, эвакуация происходила с трудом. Эвакуируемое население в большом количестве гибло при пере-

Саамы-колтты.
Иллюстрация из книги
Фрииса (1871)

езде, в том числе на реке Калайоки. Саамов-колттов эвакуировали в два разных центра, в деревни Неллим и Советтиярви.

Финское время в Петсамо описали в своих мемуарах в том числе писатели Эрно Паасилинна и Мирьям Кялкяйя, а также Тууликки Сойни в своей превосходной посвященной Печенге трилогии, в центре которой — история родителей писательницы. Как полицейский, владеющий русским языком, отец Сойни был центральным чиновником в губернии Петсамо. Сойни изображает представителей местного финского руководства с позиции их социального поведения, что слегка напоминает подход в романе Вяйне Линна «Здесь под Северной звездой». Власть «мошенников-господ» показана коррумпированной и никем не контролируемой; ее объекты — летчики, саамы-колтты, другие служащие, прислуга и чиновники низшего звена — представлены, в свою очередь, как пострадавшие. Разрешения на строительство для заселения территорий не выдавались, дорога не строилась, «сервис» и инфраструктура были очень ограниченными. Выполнение обещаний построить для колттов зимнюю стоянку в деревне Суоньел/Суоникюля все откладывалось. На вопросы интересующихся обычно отвечали, что у молодого государства и без того есть куда потратить деньги. Когда дорога, соединяющая Северный Ледовитый океан и Ботнический залив, была наконец открыта для движения, увеличилось не только количество туристов, но и количество беспорядков. Друзья отечества из Патриотического народного движения Финляндии, приезжали, в том числе, на поиски оружия, Лапуаское движение занималось вывозом политических противников за границу.

Карта: рудник в Никеле
(Колосйоки) [02.05.2010]

Современные финские исследования, освященные Печенге

В своей дипломной работе «Luterilaisuuden kannalta pimeys oli ehkä kaikkein suurimpia — luterilaisuus Petsamossa vuosina 1921–1944» («В случае с лютеранством темнота была, пожалуй, самой крошечной — лютеранство в Печенге в 1921–1944 гг.») Янне Дальстен (2004 г.) рассматривает совместный марш лютеранства и финского государственного порядка. Государство финансировало деятельность лютеранской церкви, т. к. данная территория не облагалась церковным налогом. Печенга была единственным краем, где до прихода финской власти о лютеранстве ничего не было известно. В колониальный период государственные институты, в первую очередь церковь и народная школа, намеревались воплотить идею «печенгского социума», однако не преуспели. Школа была важнейшим институтом по обращению местных жителей в финскую культуру: к исполнению церковных гимнов привлекались также и православные ученики, к тому же в процессе обучения стремились сгладить различия между лютеранскими и православ-

ными догматами. Детей стремились крестить в лютеранской вере. Лютеранство, тем не менее, воспринималось как часть новой официальной общественной системы, и местное население этого сторонилось. По мнению Дальстена, вялый характер лютеранской приходской жизни (согласно оценкам степени участия прихожан в таинстве Евхаристии) был обусловлен прежде всего религиозной гетерогенностью края. Наряду с влиятельной православной традицией в том числе на полуострове Рыбачий и в деревне Пумманки (Земляное) существовали лестадианские сообщества. Лестадианство занимает важное место и по сей день, в особенности в северной части Финляндии. Для лестадианцев характерны консервативные ценности, например, запрет на «современные мирские соблазны» — контрацепцию, телевидение, женское священство.

Название своей работы Дальстен позаимствовал у Эрно Паасилинна (1980, 51), по словам которого, на данной территории было очень распространено суеверие, в то время как христианство являлось лишь внешней оболочкой. Представление Паасилинна можно подвергнуть сомнению как однобокое. Трилогия Тууликки Сойни предлагает множество практических вопросов, вызванных к жизни сосуществованием религий во время нахождения коммуны в составе Финляндии. Один конфликт возник, когда гениальный монах-изобретатель Пармен, управляя автомобилем, в результате автокатастрофы оказался виновным в смерти человека. Погибшим был пассажир — пожилой слабый схимонах. Когда финский полицейский Лассинмаа высказал пожелание провести вскрытие тела, игумен Иакинф отказал в процедуре «за ненадобностью». Монахи отнеслись к смерти пожилого схимника (в трилогии их называют «тихими братьями») спокойно. Сойни как будто спрашивает, были ли монахи садистами, но оставляет вопрос открытым.

С другой стороны, Сойни утверждает, что море естественным образом сближало конфессии в Печенге. Богослужения проводились в той же церкви деревни Алалуостари, и лютеране ощущали, что в ответ на свои молитвы получают помощь через преподобного Трифона. Болезни было принято лечить золой, взятой из бруса сгоревшей церкви Трифона.

В послевоенной Финляндии «печенгский период» понимается отчасти как явление, сравнимое с утраченной Карелией и эвакуацией ее населения, и, тем не менее, феномен обладает своими отличительными чертами. «Печенгский период» — это, с одной стороны, история колонии, с другой — эвакуация, с третьей точки зрения — православная или колтта-саамская традиция и идентичность.

Связанных с колонией традиций, фактов общественной деятельности (petsamoseura.net), мемуаров и исследовательских работ накопилось много. Новейшими сборниками произведений на данную тему являются «Turjanmeren maa — Petsamon historia 1920–1944» («Земля у Терского моря — история Печенги 1920–1944 гг.», под ред. Вахтола-Оннела/ toim. Vahtola-Onnela, 1999) и «Petsamo — Suomen itäinen käsivarsi» («Печенга — восточная рука Финляндии», под ред. Йони Скифесвика/ toim. Joni Skiftesvik, 2008). Они дают разностороннюю картину духовных и материальных устремлений, «ощущение родного края и Заполярья», которые в свое время символизировал выход к Северному Ледовитому океану, «прочь в большой свободный мир», «к бездонному рыбному садку Варангер-фьорда» (Voionmaa, 1919, 118; без страницы, предисловие; 135). Книги рассказывают, как эти чаяния претворялись в жизнь и в конце концов превратились в прах.

В среде православных Финляндии стала появляться связанная с Печенгой литература, повествующая о церковном искусстве, монастырской и приходской истории, об эвакуации и времени восстановления. Например, в православном церковном монастыре г. Куопио хранятся некоторые предметы Печенгского монастыря, которые можно увидеть на выставках. Последний монах монастыря Акакий умер в Новом Валааме в 1984 г., однако у монастыря по-прежнему имеется, хотя и номинально, свой банковский счет.

Большинство колтта-саамских потомков людей, переехавших в свое время из Печенги, — несколько сотен — проживает в столичном регионе. Почитание Трифона Печенгского объединяет колттов и других православных; в приходе г. Хельсинки богослужения проходят на колтта-саамском языке.

Восстановление Печенги сегодня

Трифонов-Печенгский монастырь часто подвергался уничтожению или разрушался при пожарах. В последний раз это произошло в 1997 г. Сейчас идут восстановительные работы. Восстановление и канонизация мучеников являются важными способами оживления общества в духовном смысле. Известный позднее как лапландский просветитель — в особенности как просветитель саамов-колттов — святой Трифон Печенгский (1495–1583), будучи молодым, держал в страхе финские поселения и устраивал разорительные набеги на территории вплоть до местности Оулу, что провоцировало месть партизанского вожака Пекки (Юхо) Весайнена и его войск. Искусственное и шаблонно составленное традиционное житие, однако, стыдливо

Наместник монастыря
иеромонах Паисий

умалчивает о разбойничьей деятельности Трифона. Только в 2009 г. игумен Митрофан (Баданин) составил новую редакцию жизнеописания Трифона. Она основывается на обнаруженных в Псковской области документах XVII в., автором которых был игумен Соловецкого монастыря Сергей Шелонин. Из посвященного Трифону канона знаменного распева, составленного Шелониным, стало известно о терроре и убийстве женщины, о преступлениях, в которых Трифон позже раскаивался. Другим источником новой биографии стали голландские путевые заметки, автор которых, купец-мореплаватель из Амстердама Симон ван Салинген, сам беседовал с Трифоном.

Игумен Митрофан предлагает внимательно просмотреть национальные жития святых России на более общем уровне. Далеко не все преподобные служили опорой Московскому государству или были стяжателями имущества (иосифляне). И праведниками они были отнюдь не с младенческого возраста. В числе святых можно обнаружить и бывших преступников, прошедших через покаяние. Повествующие о них правдивые истории стали спасением для людей, отбывающих длительное тюремное заключение (в России 25 лет тюрьмы были обычным приговором). Кроме того, как считает автор, неприукрашенная правда о жизни Трифона может помочь Печенгскому монастырю, пережившему за свою историю четыре уничтожения, достичь нового расцвета.

Великие праведники жили в Печенгском монастыре и во время финской власти. Одним из них был игумен Паисий (в миру Павел Рябов), которого в том числе Сойни описывает как смиренного и убежденного праведника. НКВД задержала Паисия в 1940 г. по подозрению в шпионаже в интересах иностранного государства. Игумена допрашивали и пытали в Мурманске, Ленинграде и Москве, пока не казнили. Иеромонах Паисий спас, по мнению игумена Митрофана, свою братию от той же участи. Поскольку игумен не сознался в шпионаже и тайном сговоре, преследовавшем интересы иностранного государства, остальных членов братии вернули в Финляндию. Комиссия по канонизациям при Московском патриархате, однако, не возвела (пока) Паисия в лик святых, т. к. посчитала его ответы слишком политизированными и агрессивными для человека, имеющего монашеский сан.

Литература

Dahlsten, Janne. 2004. Luterilaisuuden kannalta pimeys oli ehkä kaikkein suurimpia — luterilaisuus Petsamossa vuosina 1921–1944, pro gradu, painamaton. Helsingin yliopisto. Teologinen tdk, kirkkohistoria.

Friis, J. A. 1884. Klosteret i Petschenga: skildringer fra russisk Lappland (efter historiske kilder og folkesagn). Cammermeyer. Kristiania.

Ivalo, Santeri. 1894. Juho Vesainen.

Lampio, Eero ja Lauri Hannikainen. 1921. Petsamon opas: kuvaus Petsamon luonnosta, asutuksesta, elinkeinoista ja historiallisista vaiheista sekä selostus matkareiteistä.

Mikkola, J. J. 1939. Hämärän ja sarastuksen ajoilta. WSOY.

Mikkola, J. J. 1942. Lännen ja idän rajoilta. WSOY.

Paasilinna, Erno. 1980. Kaukana maailmasta. Historiaa ja muistoja Petsamosta. Otava. Keuruu.

Panteleimon, arkkimandriitta. 1990. Luostari Jäämeren rannalla: Petsamon luostarin historiaa. Valamon luostari.

Partanen Seppo J. 2010. Petsamo, siellä kuljimme kerran. Hipputeos.

Petsamo — Suomen itäinen käsivarsi, 2008. Toim. Joni Skiftesvik.

Pyhän Trifonin perintö. 1980. Toim. Martti Päivinen.

Soini, Tuulikki. 1985. Petsamo: tuulien kotimaa / Tuulikki Soini [Kartat ja piirroksset: Merita Soini, Leena Ripatti].

Soini, Tuulikki. 1986. *Petsamo: Suomen siirtomaa: ennen tapahtumia* / Tuulikki Soini [Kartat: Merita Soini] ; [piirroksset: Leena Ripatti].

Soini, Tuulikki. 1987. *Petsamon laulu.*

Tanner, Väinö. 1927. Voidaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi?

Turjanmeren maa — Petsamon historia 1920–1944. 1999. Toim. Vahtola-Onnela. Petsamo-Seura r. y.

Voionmaa, Väinö. 1919. Suomi Jäämerellä. 2. painos.

Wallenius, Kurt. 1994. Petsamo: mittaamattomien mahdollisuuksien maa. Historiaa ja kuvauksia (1994).

Wallenius, Kurt. 1952. Miesten meri.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Uuno Kailas PETSAMON LAULU

(*Petsamon Suomeen liittymisen
10-vuotisjuhlaan*)

On maa lumen, tuiskun ja pakkasten,
maa kaukainen, kaunis ja tyly.
Kovin kallioryntäin tunturit sen
ovat äärillä virtojen vuolaiden
kuin kivettynyt ukkosen jyly.

Porot tundralla siellä' ovat laumoissaan,
suden ulvonnan jängältä kuulet.
Näet könkäät, vaahtoa vaippanaan,
nevat, muurainsuot, polon puuttoman
maan
vilut tunnet Jäämeren tuulet.

Sinivihreä, ankara aaltovyö,
koto turskan ja ruijanpaltaan,
kesin, talvin raipalla rantaa lyö,
sen tunturikytkiä uurtaa ja syö
ja usvia tuo ulapaltaan.

Sydäntalvella päivän kammitsoi
joku peikko. On pimeyttä virstoin.
Monet vierivät viikot, ei koita koi.
Vain revontulikeihäitä välkkyä voi
yön kattoon railoja pirstoin.

Mut myös ovat armaat aurinkohäät
saman arktisen taivaan alla.
Kevätpäivien valkeustulvan näät,
ovat äkkiä askeles siivekkäät
kuin riemusta humaltuvalla.

Kesällä' aurinko ei mene kuunaan pois,
yöt valvoo se vuonojen yllä.
Syyskirkkaus — kuinka sen kertoa
vois!
Kuin uuden luomisen aamu se ois,
maat peittää se säteilyllä.

Se maa, karu, kaunis, on Petsamon
maa,
etuvartio Jäämeren rajun.
Sitä voima ja rohkeus kansoittaa,
elo ihmisen siellä on ankaraa
kuin tuulissa tunturipajun.

Lie raukat ne rannat ja virransuut,
toki myös on toivonsa niillä.
Kun ehtivät Petsamon toukokuut,
sekin eiköhän, kuin kivet kalliit muut,
rivass' otsalla Suomen kiillä?

Jo nytkin, sulan meren porttina, vie
se silmämme uusille teille.
Hyvä tähti jos kansaamme johtava lie,
niin, kukaties, myöskin Petsamon tie
on suuruudenpolkuna meille.

Ууно Кайлас Песня о Печенге

(*В честь десятилетия присоединения
Печенги к Финляндии*)

Ты край снегов, морозов, вьюг,
земля вдали, красивая, суровая.

Могучих сопок бесконечный круг,
Как превращенный в камень звук,
Над водами застыл каймой неровною.

Оленям вольно в тундре той,
А на болотах — волчий вой.
Там водопадов пенный шлейф
каскадом лег,
И на скупой земле скалистой
Лишь низкий куст морошки
водянистой
Под ветром ледяным свои плоды
сберег.

В волнах зеленых небо разлилось,
Накрыв потоком стаи рыб пугливых.
Туманов пелена спадает молчаливо,
Съедает берега, стирает горизонт,
А море все шуметь не устает.

Но вот пришла зима, и дня как не
бывало.
Должно быть, местный гном закрыл
его в амбар.
Неделей хоровод — ни разу не светало,
Лишь кольца северных сияний
разбросала
Его рука, как щедрый людям дар.

Арктическое небо по весне
Холодным сводом солнце обнимает.
Повсюду пролит свет, и, как во сне,
Шаги мои легки, и я взлетаю
Восторгом полный утром на заре.

Порою летней солнца ход замрет,
Над фьордами оно повиснет шаром.

Священной осени цветное покрыва-
ло,
Как в новый день творенья, величаво,
На твердь остывшую с усталых плеч
падет.

Тот край прекрасный, неприступный
Зовется Печенгой давно.
На перекрестье неуютном
Холодных северных ветров
Подобно вербы ветвям тонким
Живет народ на самой кромке.

Мне жаль утесы и стремнины,
Но есть надежда и у них:
Крутые Печенги обрывы,
Как драгоценные сапфиры,
Финляндии украсят лик!

Уже сейчас ее врата морские
Откроют взору новые пути.
И если не изменит нам звезда отныне,
То, шутка ли, в той Печенгской
долине
Цветок величья может расцвести.

(Пер. Ярославы Новиковой)

Военный фактор в становлении и развитии северного форпоста русской православной цивилизации

ТУЧКОВ Антон Иванович, к. и. н.,
руководитель Отдела религиозного
образования и катехизации
Мурманской митрополии

Среди современных историков устоялось и приобрело популярность понимание истории как истории цивилизаций. В XX в. классическими стали труды английского историка А. Дж. Тойнби, создавшего достаточно стройную концепцию цивилизационной истории. Понятие цивилизации у Тойнби включает в себя общество, отличающееся следующими характерными чертами: 1. Продолжительностью жизни (сотни, а то и тысячи лет); 2. Обширной территорией; 3. Очень значительным количеством людей, охватываемых этим обществом; 4. Тенденцией к подчинению и ассимиляции других обществ.¹ Всего Тойнби выделил 37 цивилизаций, обращая особое внимание на их религиозную основу. «Исследуя основания каждого отдельного

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 80.

общества, в одних случаях мы обнаруживаем, что оно состоит в сыновнем родстве с более древним обществом благодаря наличию вселенской церкви. В других случаях такая связь не просматривается. Итак, мы определили, что вселенская церковь является основным признаком, позволяющим предварительно классифицировать общества одного вида. Другим критерием для классификации обществ является степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло. Сочетание этих двух критериев позволяет найти общую меру для размещения обществ на одной шкале, с тем, чтобы определить место каждого из них в непрерывном процессе развития». Причем нашу цивилизацию А. Дж. Тойнби называет по религиозной основе — «православная», хотя для наших соседей, католически-протестантской цивилизации, используется географический термин «западная».¹

Есть определения и классификации, которые выделяют в цивилизациях в первую очередь их религиозную основу. К примеру, доктор исторических наук В. Рыбаков дает следующее определение цивилизации: «Цивилизация — это ареал и продукт распространения определенной мировой этической религии и выросшей на ее базе культуры». Поэтому он выделяет исламскую, буддийскую и, разумеется, православную цивилизации.² Ему вторит И. Подберезский, выделяющий по религиозному признаку всего 4 цивилизации: *Pax Christiana* (мир Запада), *Pax Sinica* (конфуцианский мир), *Pax Islamica* (мир ислама), *Pax Indica* (мир индийской духовности).³ Отличие здесь одно — особой, *русской православной*, цивилизации И. Подберезкин не видит. Более того, для причисления русских к «миру Запада» используется даже такой, прямо скажем, непервостепенный факт общественных эмоций, как ирония и самоирония, якобы свойственная Западу, но не свойственная Востоку.⁴ О существеннейших различиях Западной и Восточной (православной, ортодоксальной, то есть основной, если угодно, коренной) ветвей христианства здесь и речи не идет. А за 960 лет (в этом году мы, слава Богу, не отмечаем круглую дату раскола), прошедших с первого акта Великой схизмы, отпадения римо-католиков от Православной Церкви, таких различий накопилось более чем достаточно. В том числе и в догматах.

Но есть, к примеру, и такое важное отличие в истории Церкви — христианство в России оказалось более стойким. На крови миллионов мучени-

ков за веру оно не только уцелело, но и переживает второе возрождение, несмотря на 73 года и 10 месяцев атеистического террора коммунистов, а западное практически капитулировало под «мягкой силой» западных либералов и социалистов. Эта капитуляция вызывает в России и соответствующее отношение. Если раньше образ Запада был образом Фомы Аквинского и Николая Кузанского, Канта и Гегеля, Ибсена и Грига, Сельмы Лагерлеф и Туве Янсон, то какой образ предлагает нам, русским, Запад теперь? Образ Кончиты Вурст?

Есть (тоже к примеру) отличие неважное, но характерное: самый популярный цвет в Европе — синий (совсем не случайно это цвет флагов и Евросоюза, и НАТО, и даже Британского содружества, в которое входит 54 государства, подавляющее число которых находится не в Европе¹), а у нас, русских, — красный. Причем, по меньшей мере, с XIV в.²

К сожалению, в современной политике (и околополитической «науке», больше похожей на пропаганду) такие «индикаторы» цивилизации, принадлежности к ней, трактовки роли той или иной цивилизации в истории становятся темой странных определений и характеристик. В этой области отличился скандально известный своей русофобией американский политолог З. Бжезинский. Выступая на конференции «Взаимная безопасность под вопросом? Россия, Запад и архитектура европейской безопасности», прошедшей в американском Центре Уилсона, он отнес людей, утверждающих, что Россия не входит в состав западного мира, не является частью Китая или мусульманского мира, а сама является великой цивилизацией... к шовинистам!³ Такая вот пошла у наших оппонентов в Штатах аргументация. Право, хоть в «Словарь иностранных слов» заглядывали бы время от времени. Даже неприятно — раньше у «пана профессора» была более серьезная аргументация. А теперь — в стиле Д. Псаки.

Для нашей темы важно понимание одного феномена, описанного А. Дж. Тойнби, — феномена, который он назвал «цивилизационным форпостом». «Назовем народы, государства или города, испытывающие в течение достаточно длительного времени непрерывное давление извне, «форпостами»».⁴

¹ Там же. С. 100.

² Рыбаков В. Пропать господства // Литературная газета. 2014. № 25. С. 9.

³ Подберезский И. В. Восток — дело тонкое... М.: АСТ: Восток-Запад, 2003. С. 35–36.

⁴ Там же. С. 40.

¹ Баркер Б. Д. Флаги мира: Иллюстрированный атлас. М.: Контэнт, 2006. С. 37.

² Дегтярев А. Я. История Российского флага. М.: Военный парад, 2000. С. 9.

³ Демури М. Бжезинские игры // Литературная газета. 2014. № 28. С. 9.

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 140.

В среднем Русь вела с духовно-рыцарскими орденами войны раз в 15 лет. На иллюстрации: Ледовое побоище

Для цивилизации, которую Тойнби называет «русское православие», выделяются два цивилизационных форпоста — казачество и северный форпост. При этом форпосты могут существовать одновременно или меняться по своему значению. Вот только стать цивилизационным «тылом» нашим православным форпостам не удастся. Временно — да, случается. Для Севера это чуть более 100 лет, с 1809 по 1914 г. Тойнби трактовал это так: «Если обратиться к православной ветви в России, то можно обнаружить, что vitalность общества имеет тенденцию концентрироваться то в одном форпосте, то в другом в зависимости от изменения в ходе исторического развития направления внешних давлений».

Главное отличие северного цивилизационного форпоста от южного состоит в том, что освоение огромных приполярных и заполярных территорий, включение их в экономический и культурный строй России происходило мирным путем. Это было в первую очередь религиозно-культурное проникновение, а отнюдь не военное. На Север в XIV в. шли в первую очередь монахи. Монастыри, погосты и скиты и стали теми опорными пунктами, которые впоследствии позволили оседать здесь и немонашескому русскому населению, основывать не только промысловые станы, деревни и села, но и города. Кстати, не в этом ли причина важнейшего феномена современного положения Русской Арктики — ее рекордная заселенность (2 млн. человек) по сравнению с соседями как на Западе (Норвегия и Дания), так и на Востоке (США и Канада)? А Мурманск как был, так и есть — самый большой город за Полярным кругом.

Для западной цивилизации Тойнби выделяет 6 форпостов: Ганза, Тевтонский (Немецкий) орден, Литва, Польша, Швеция, Дунайская монархия (Австрия и Венгрия).¹

Русский Север как цивилизационный форпост вынужден был веками противостоять западным форпостам — Великой Немецкой Ганзе, Тевтонскому (Немецкому) ордену и странам Скандинавии, ударным отрядом которого выступало королевство Швеция.

Интересно, что против Руси западные форпосты могли действовать совместно. К примеру, в 1231–1242 гг. «братья» Тевтонского ордена построили на захваченных у язычников (и у тех, кого они таковыми считали) землях 40 каменных замков. А около замков (например, Эльбинга, Кенигсберга, Кульма, Торна) образовывались немецкие города — члены Ганзы.²

Ганзейские города, как правило, выступали в союзе с Тевтонским орденом, в том числе и на поле боя. Особенно ярко это проявилось в войне «Удела Святой Софии» (Новгородской земли) с объединенными силами Ордена и ганзейских городов в 1267–1269 гг., отмеченной победоносной для русского оружия битвой при Раковоре.³

Русь (впоследствии Российское царство) вела с духовно-рыцарскими орденами (Орденом Меченосцев, Тевтонским орденом в Ливонии, Ливонским орденом) с 1203 по 1558 гг., то есть за 355 лет, 23 войны (в среднем война раз в 15 лет).⁴ С 1142 г. начинается длинная череда войн со Шведским королевством, — 30 войн и военных конфликтов! — которая затягивается вплоть до начала XIX в. и стоит Швеции потери статуса великой европейской державы⁵ (в среднем война случалась раз в 22 года).⁶

Интересно, что генерал горных войск Вермахта Эдуард Дитль, командовавший во время Второй мировой войны вначале горным корпусом «Норвегия», а потом и 20-й горной армией, в 1941 г. сказал: «Никогда еще военные действия не велись на Крайнем Севере».⁷ Вероятно, этим он хотел

¹ Там же. С. 142–153.

² Щербаков А., Дзысь И. Ледовое побоище. М.: 000 «Издательский центр “Экспринт”», 2001. С. 10.

³ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. 1: Войны и мирные договоры. М.: Международные отношения, 1995. С. 103–104.

⁴ Подсчитано по: Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... Вып. II. Кн. 1: Войны и мирные договоры. С. 94–131.

⁵ Подсчитано по: Там же. С. 138–272.

⁶ Подсчитано по: Там же. С. 141–262.

⁷ Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике. Боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 203.

объяснить неудачи своих элитных дивизий в боях на Мурманском и Канда-лакшском направлениях. Генерал, вероятно, не знал истории. В борьбе русских со шведами и иными скандинавами военные действия зачастую велись на Крайнем Севере. И именно здесь, на Крайнем Севере, в многовековых конфликтах, противник военного успеха так и не добился.

Надо отметить, что северные войны не раз имели религиозный характер, причем не со стороны русских: Швеция устраивала против Руси четыре крестовых похода (в 1240, 1249–1250, 1293, 1348–1349 гг.), претендуя на помощь католической Европы и получая ее. Например, крестовый поход 1240 г., разгромленный святым князем Александром Невским, возглавлял англичанин епископ Томас, доминиканский монах, но финский прелат вплоть до 1245 г.¹ Интересен и состав крестоносного войска. По свидетельству современников, шведы пришли «в силе великой», имея в войске «мурман» (норвежцев) и финские племена «суми и емь».²

В годы Смуты Швеция не только стремилась захватить Новгородские земли, Карелию, Кольский полуостров и беломорские земли, включая Сумы и Соловецкий монастырь, но и прочила своего принца Карла на престол Российского царства.³

Другой особенностью этих войн была крайняя жестокость, причем не только по отношению к вооруженному противнику, но и к мирному населению. Например, для Кольского края набеги «шведского крестьянского ополчения» Пекки Весайнена стали просто катастрофой — было поголовно вырезано население Кандалакши, зверски убиты монахи и трудники Трифонов-Печенгского монастыря.⁴ Они были прославлены Русской Церковью как 116 добропобедных Печенгских мученика.

Все это придавало войнам русских на Севере характер борьбы не только за государственные интересы, но и за веру (католический натиск сменился протестантским, с кощунствами над православными святынями),⁵ да и просто за физическое существование.

Надо отметить еще один феномен русско-шведского цивилизационного противостояния — длительность военных конфликтов, даже по сравнению

с «Великой Огненной дугой», постоянно воюющим Югом России. По подсчетам генерала Н. Н. Сухотина, профессора Николаевской академии Генерального штаба, с 1368 г. Русь (Россия) воевала со Швецией 8 раз, что заняло 81 год, а с Османской империей вела 11 войн, которые заняли 44 года.¹

Перелом в этом многовековом противостоянии цивилизационных форпостов наступил только через 600 лет, во время одной из самых долгих войн, которую когда-либо вела Россия, — Великой Северной войны, длившейся с 1700 по 1721 год.

Итог борьбы форпостов на Севере был печальным для противников России — два (Ливонский орден, как государственный осколок Тевтонского ордена, и Швеция) из трех были разбиты, а Ливонский орден вообще прекратил свое существование как государство.² Ганза же, объединявшая в период своего расцвета 170 торговых городов, «умерла» в результате изменения мировой экономической конъюнктуры, связанной с формированием мощных европейских государств, в том числе и Российского царства.³

Но натиск цивилизационных форпостов усиливался, а с течением времени и заменялся военными действиями других противников России. Без знания об этом историческая картина военной деятельности русского северного форпоста была бы неполной.

С Датским королевством, в состав которого входила Норвегия, Россия (кроме одного-единственного раза в н. XIX в.) не вела официальных войн, что не уберегло наше Отечество от ряда чрезвычайно острых столкновений.

На Крайнем Севере интересы России и Дании сталкивались в районе Печенгской губы и Колы, так как Норвегия в то время была частью Датского королевства. Дания претендовала на Русскую Лапландию и пыталась поставить под контроль торговлю России с Западной Европой, причем датские корабли прибрежной охраны не гнушались перехватывать английские и брабантские торговые суда, шедшие в Колу. Да и сам Кольский полуостров не раз становился объектом военных и дипломатических атак датчан. В 1582 г. развернула разбой датская королевская эскадра, что заставило царя Феодора Иоанновича перенести торг с Мурманского берега в новопостроенный Архангельск (в ту пору Новые Холмогоры). Интересен повод столь недружественных акций — датчане требовали с иностранных купцов «проездных пошлин» при следова-

¹ Урбан В. Тевтонский орден. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 150.

² Щербаков А., Дзысь И. Ледовое побоище. С. 38.

³ Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 246–254.

⁴ Иеромонах Митрофан (Баданин). Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2003. С. 205–241.

⁵ См., напр.: Лепяхин В. В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.: Паломник, 2005. С. 409.

¹ По: Боханов А. Н. Российская Империя. Образ и смысл. М.: Издательство «ФИВ», 2012. С. 9.

² Костомаров Н. И. Ливонская война // Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 534–543.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 101–102.

нии по Норвежскому морю.¹ Датчане покушались на Мурманское побережье и в 1597–1598 гг. Дело дошло до того, что датский король Христиан IV в 1599 г. лично ходил с эскадрой из восьми кораблей в Колу — уговаривать колян принести присягу на датское подданство.² В 1602 г. датский король приказал не пропускать русских сборщиков дани в Финмаркен — рухнул режим двоеданничества саамов, существовавший чуть ли не с времен святого благоверного князя Александра Невского (1251 г.).

Пик датско-русского противостояния приходится на первую четверть XVII в., когда датский король попытался воспользоваться Смутой и захватить всю Русскую Лапландию.³

Пользуясь ослаблением России после Смуты, в 1618–1623 гг. датчане развернули настоящую войну на Мурманском побережье, требуя то «возвращения» Лапландии, то «возмещения убытков» Климента Блума — датского купца, попытавшегося закупить на Печоре пушнину за фальшивые (!) русские деньги и за это арестованного. Только усиление кольского гарнизона до 500 стрельцов, пополнение артиллерии «кольского замка», а также общее укрепление внешнеполитических позиций Российского царства сбили датские планы силой расширить свои владения за счет русских заполярных земель.⁴ Последним вооруженным противостоянием России и Дании стали Наполеоновские войны, поскольку Дания (в отличие от Швеции!) была союзницей «императора французов».

Разумеется, и Гражданская война в России, которую с полным правом можно назвать второй Русской Смутой, не обошлась без участия шведов и датчан. Правда, силы были небольшие, но связано это было со стремительным падением Северной области в феврале 1920 г. В Мурманске с 17 ноября 1919 г. караульную службу несла команда датчан в 65 добровольцев под командованием лейтенантов Дитцеля и Деена.⁵

Шведы действовали более активно. Отдельная шведская команда в составе добровольческой «Волчьей сотни» вела бои с красными в Онежском районе во время осеннего наступления белых осенью 1919 г. Шведская рота

(101 чел., под командованием капитана Полудана), высадившаяся в Мурманске в декабре 1919 г., была перевезена в Архангельск,¹ где стала личной охраной Главнокомандующего Северного фронта генерал-лейтенанта Е. К. Миллера.

Надо подчеркнуть, что в эти упорные многовековые столкновения оказались втянуты не только шведы и датчане, но и норвежцы с финнами, поскольку Норвегия принадлежала то Швеции, то Дании, а финны до 1809 г. были подданными шведского короля. Но с получением государственной независимости эти нации активно включились в попытки проверить крепость русских границ вооруженной рукой.

С Норвегией с IX по XXI век у Руси (России) не было ни одной официальной войны, тем не менее за это время насчитывается 23 русско-норвежских столкновения, из них 4 можно считать значительными.² В советско-финляндской войне 1939–1940 гг. на стороне финнов воевала норвежская добровольческая бригада.³ Были норвежцы и в составе т. н. «смешанной» бригады добровольцев.

Не оставляла своим вниманием Русский Север и «владычица морей» — Англия. Проложив путь в Россию по полярным морям еще при Иване IV,⁴ ведя с ней чрезвычайно выгодную торговлю, англичане не удержались от соблазна уже в 1612 г., когда в стране бушевала Смута, предпринять первую попытку организовать вооруженное вторжение на Север. Перспективы при этом вырисовывались самые радужные — оторвать у Российского царства территорию вплоть до Ярославля. С тех пор каждый вооруженный конфликт с Россией вызывал обязательную экспедицию английского флота на Север. И эти морские походы проводились с большим размахом.

В 1809 г., во время русско-английской войны 1808–1812 гг., британская эскадра адмирала А. Уэллса из 6 кораблей, в числе которых был 24-пушечный фрегат, сумела практически парализовать торговую и промысловую жизнь на Мурмане. Английский десант захватил и разграбил Колу. Разбой продолжился и в 1810 г.⁵

В годы Крымской войны 1853–1856 гг. Королевский флот, при некото-

¹ Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время: Ист.-краевед. словарь. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. С. 58.

² Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск: Книжн. изд-во, 1972. С. 88.

³ Волков В. Датская угроза от Юрьева Клима // Родина. 2006. № 11. С. 16.

⁴ Ушаков И. Ф. Кольская земля. С. 94.

⁵ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. р-566. Оп. 1. Д. 12. Л. 144; ф. р-566. Оп. 1. Д. 26. Л. 216-217об; ф. р-566. Оп. 1. Д. 26. Л. 244; ф. р-566. Оп. 1. Д. 27. Л. 281 об-282.

¹ ГАМО. Ф. р-566. Оп. 1. Д. 27. Л. 91 об-92 об.

² Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет... С. 286.

³ Аптекарь П. Советско-финские войны. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 352.

⁴ Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 тт. Т. II. С. 213–214.

⁵ Ушаков И. Ф. Кольская земля. С. 225–227.

рой поддержке французских кораблей, развернулся вовсю: высаживал десанты (10 в 1854 г. и 7 в 1855 г.), жег, грабил, вел обстрел из корабельных орудий не только по военным объектам, но и по абсолютно беззащитным мирным поселениям (3 в 1854 г. и 5 в 1855 г.).¹

Последним вторжением стала британская интервенция 1918–1919 гг., во время Гражданской войны,² когда на Севере были высажены экспедиционные силы численностью в 13.052 солдата и офицера.³ Это была практически половина войск «союзных» интервентов — Северо-Русского экспедиционного корпуса (англичане, ирландцы, австралийцы, новозеландцы, канадцы, французы, американцы, итальянцы, сербы, поляки, китайцы, финны, карелы... — всего 16 национальностей), под командованием генерал-майора У. Э. Айронсайда (будущего генерал-фельдмаршала, при возведении в пары избравшего себе титул «барон Архангельск»⁴).

Впоследствии (27 мая и 10 июня 1919 г.) «экспедиционные войска» были усилены двумя добровольческими бригадами⁵ Грогана и Седлер-Джексона (т. н. «Силы помощи Северной России») по 4000 чел. каждая и отрядом Королевского танкового корпуса в 6 танков.⁶

Но и после эвакуации союзных сил в октябре 1919 г. планы английского военного присутствия на Севере оставлены не были. В Коле в феврале 1920 г. уже готовили казармы для английской добровольческой бригады в 1000 бойцов.⁷ Не успели...

Но кое-кто из англичан довоевал на Севере буквально до самого конца — например, военные летчики капитан Гровс⁸ и лейтенанты Вулл и Маршалл.⁹

В общем, за 450 лет британцы затеяли три войны с Россией и предприняли одну попытку повоевать. Да и сейчас, на 2014 г., зимы не проходит без того, чтобы в Северной Норвегии не высадилась английская морская пехота, чтобы отработать навыки ведения боевых действий в Арктике.

¹ Давыдов Р. А., Попов Г. П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 173–174.

² О военных аспектах действий англичан на Севере в 1918–1919 гг. см.: Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск: Правда Севера, 1997.

³ ГАМО. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 38. Л. 63–64.

⁴ Белый Север. 1918–1920: Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 373.

⁵ ГАМО. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 38. Л. 54.

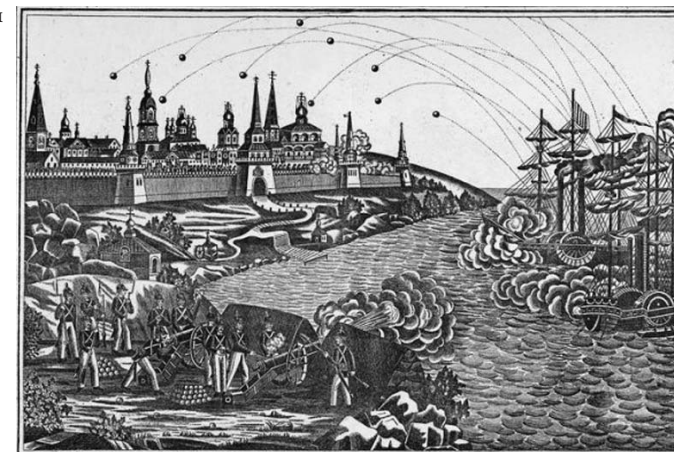
⁶ Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М.: АСТ, 1998. С. 13.

⁷ ГАМО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 92.

⁸ ГАМО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

⁹ ГАМО. Ф. р-566. Оп. 1. Д. 27. Л. 246.

Осада Соловецкого монастыря английской эскадрой в 1854 году. Гравюра середины XIX в.

XX век, как и век XVII, продемонстрировал, что любое ослабление российской государственности сразу же вызывает желание соседей «исправить» границы в свою пользу.

Пять попыток вторжения финских отрядов на земли Кольского края (по-фински это звучит красиво: «реткикунта») в одном только 1918 г. служит тому хорошим примером.

Надо отметить одно печальное обстоятельство. После очередной проигранной войны (1809 г.) Швеция, уже превратившись в третьеразрядное европейское государство, стала использовать для военного давления на своего «наследственного врага» новое государственное образование — Финляндию. Само возникновение независимой Финляндии было санкционировано постановлением большевицкого Совнаркома в декабре 1917 г., но победа в разгоревшейся гражданской войне белых финнов над финнами красными была обеспечена в немалой степени активной шведской помощью. Это было и оружие, и офицеры Генштаба, и добровольцы (в шведской бригаде воевали также норвежцы и датчане).¹ Немалую роль в шведских усилиях играл тот факт, что белые финны, которыми командовал «швед по происхождению, финляндец по образованию... образцовый наемник»² генерал-лейтенант русской службы К. Г. Маннергейм, официально дрались не столько против финляндской Красной гвардии («мятежников»), сколько против «рюсся». Даже начало этой т. н. «Освободительной войны» К. Г. Маннергейм относил к разоружению русских гарнизонов в Похьянмаа.³

¹ Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2003. С. 106, 109.

² Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1 и 2. М.: ОГИЗ, 1941.

³ Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 140.

Особенно активно Швеция помогала Финляндии в Зимней войне 1939–1940 гг. В Суоми отправилось порядка 8000 добровольцев (из общего числа 11 500),¹ причем некоторые из них имели боевой опыт, полученный в Испании, где они воевали на стороне республиканцев! Из шведов сформировали две добровольческие бригады, из которых непосредственно в боевых действиях приняли участие два батальона. Кроме этого, отдельные подразделения шведских лыжников вели бои на севере Карелии самостоятельно. Активно воевали 29 шведских летчиков,² составившие 19-ю авиационную флотилию финских ВВС, насчитывавшую в своем составе 17 истребителей «Gloster Gladiator I» и «Hawker Hart». Они прикрывали группу «Лапландия» генерал-майора К. М. Валлениуса.³ В этой войне отметились и датчане — против Красной армии воевала датская добровольческая бригада.⁴

Разумеется, представители скандинавского форпоста западной цивилизации приняли участие и во Второй мировой войне, на стороне гитлеровской Германии. Финны вступили в т. н. «войну-продолжение», а остальные, как оккупированные, так и нейтральные, пошли в ряды германских войск.

Причем (как представители т. н. «германских народов») они служили не в Вермахте, а в войсках СС, претендовавших на роль новой гвардии, если не новой аристократии, «Тысячелетнего рейха».⁵

8 октября 1938 г. расторопный администратор, начальник Главного управления СС Готтлоб Бергер добился разрешения рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера осуществлять набор в войска СС лиц «германских народностей», то есть иностранцев, которых нацистские расовые теоретики признали родственными немцам. К таким народам были отнесены голландцы, фламандцы, датчане, норвежцы и шведы. Как только появилась такая возможность, Бергер стал открывать вербовочные пункты в странах «германских народностей», которые к 1941 г. оказались оккупированными немецкими войсками. Все, кроме Швеции. Впрочем, Дания до августа 1943 г. утешала себя странным статусом «занятой», а не оккупированной, страны, проводившей формально нейтральную политику. Гитлеровцам это не слишком мешало, а потом они устроили в Дании привычную им оккупацию, разогнав правительство и распустив армию.

¹ История Второй мировой войны. В 12 тт. Т. 3. М., 1974. С. 363.

² Аптекарь П. Советско-финские войны. С. 351–352.

³ Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 тт. Т. 1. СПб.: ООО «Издательство “Полигон”», 2003. С. 448.

⁴ Аптекарь П. Советско-финские войны. С. 352.

⁵ Кормилицын С. В. Орден СС. Иезуиты империи. О чем не принято говорить. СПб.: Питер, 2008. С. 80–92; С. 146–156.

Впрочем, не забыли и финнов: им, не арийцам, право службы в войсках СС было даровано особым приказом рейхсфюрера СС Г. Гиммлера в 1941 г. Всего за годы войны через войска СС прошло 8000 норвежцев, 7500 датчан, 2000 финнов и 300 шведов.¹

За что они сражались? Отнюдь не только за «торжество арийской расы» и против «еврейского большевизма». Командир Добровольческого корпуса «Данмарк» штурмбанфюрер Кристиан фон Шальбург даже выступил с заявлением, в котором тем, кто будет сражаться на Восточном фронте в рядах легиона, обещались в будущем плодородные русские земли. Вероятно, здесь фон Шальбург, полудатчанин-полурусский, уроженец России, говорил и о своих заветных мечтах, ему очень хотелось вновь стать помещиком: «Молодые датские фермеры, сражающиеся в рядах Датского легиона, вносят вклад в освоение новых земель на Востоке, и это они делают также и для самих датских фермеров. Датские фермеры, как придет время сменить мечи на орала, смогут использовать свои навыки на огромных пространствах. При благоприятных условиях, созданных победой Германии и Европы, абсолютно естественно, что когда будет проводиться распределение восточных земель, семьи тех, чьи мужчины сражались на фронте, будут иметь приоритет. И в самой Дании каждый может быть уверен, что те датчане, которые или уже сражаются, или еще будут сражаться, не забудут своих корней. Люди, прошедшие службу в войсках СС и ставшие поселенцами на Востоке, станут ядром датских колоний, они подготовят дорогу другим своим соотечественникам, которые придут туда позже. Не в последнюю очередь из-за этого мои люди в Датском легионе понимают, что они вносят свой вклад в расширение Дании и, кроме того, заставляют иностранцев испытывать уважение к названию нашей страны».

Надо сказать, что обещание земель («жизненного пространства») было важным направлением эсэсовской пропаганды, направленной на вербовку западноевропейских «германских» добровольцев.

Кроме отдельных «легионов» («Норге», Добровольческий корпус «Данмарк», Финский добровольческий батальон), из этих добровольцев было создано специальное соединение — 5-я добровольческая (впоследствии танковая) дивизия СС «Викинг», которую составили полки «Германия», «Вестланд» и «Нордланд».

Даже название полка «Германия» подчеркивало, как это не парадоксально, его немецкий состав. Дело в том, что понятие Germania использо-

¹ Семенов К. К. Войска СС. М.: ЯУЗА, Эксмо, 2004. С. 27.

валось для определения земель, населенных людьми «германского языка» и «германской культуры», без оглядки на государственные границы. Для собственно Германии используется другое понятие — Deutschland. Кстати, именно это заставляет современных бундесбюргеров не петь первую строфу государственного гимна «Германия, Германия превыше всего», ведь там говорится:

«Германия, Германия превыше всего,
превыше всего в мире,
если она для защиты
всегда по-братски держится вместе!
От Мааса до Мемеля,
От Адидже до Бельта.
Германия, Германия превыше всего,
превыше всего в мире!»

Маас протекает в Нидерландах, Бельгии и Франции, Адидже (по-немецки Эч) — находится в Италии, пролив Бельт находится в Дании, а Мемель — это нынешняя Клайпеда. Это явная (а может быть, намеренная?) путаница Germania и Deutschland, при том, что гимн был сочинен в 1841 г. для Германского союза.¹ Но добровольцев СС в ту пору это все только вдохновляло. Правда, следует отметить, что особенности обучения военному делу в войсках СС, реалии Восточного фронта и, что было немаловажным, совершеннейшая политическая неопределенность, которая ожидала оккупированные гитлеровцами страны в случае победы Рейха, довольно быстро сбили первоначальный энтузиазм. В самом деле, скандинавские добровольцы, как и вообще добровольцы из самых разных стран, воспитанные в других обычаях и идеях, внезапно оказались в тоталитарном государстве, под началом носителей типично прусского духа, которые не понимали, да и не хотели понимать, людей другого национального происхождения.² Например, группенфюрер СС Эйке, командир дивизии «Мертвая голова», давал такую характеристику не уроженцам Рейха: «Среди этнических немцев находится большое количество людей, которых можно назвать умственно отсталыми. Многие не умеют читать и писать по-немецки. Они не понимают подаваемых им команд и склонны к неповиновению и безделью».³

Дошло до того, что отслужившие по контракту в СС норвежские легионеры вернулись в Норвегию и там предприняли кампанию по срыву вербовки в СС! Какая уж там Germania...

Командованию СС приходилось импровизировать. В феврале 1943 г. на базе полка «Нордланд», выделенного из дивизии «Викинг», была развернута вторая «скандинавская» дивизия — 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия «Нордланд» (полки «Данмарк» и «Норге»)¹. Шведы составили 3-ю — особую, «шведскую», — роту разведывательного батальона этой дивизии. Надо сказать, что эти скандинавские СС вынуждены были в полном смысле слова драться до последнего — остатки «Нордланда» сложили оружие в Берлине в мае 1945-го.

До последнего воевал и норвежский батальон 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд», один из двух, посланных правительством Квислинга на Восточный фронт, — он капитулировал перед британцами тоже в мае.

Кстати, не стоит считать скандинавов на службе в СС «такими же солдатами, как и все», по известным словам канцлера К. Аденауэра. Эсэсовцы легиона СС «Норге» действовали и в карательных операциях, то есть они непосредственно участвовали в военных преступлениях нацистов.²

Военная судьба датчан тоже была примечательной: их подразделения постоянно входили в состав формирований, созданных из соединений СС «Мертвая голова» (SS Totenkopfverbände), главной задачей которых была охрана концентрационных лагерей. Датчане служили в дивизии «Мертвая голова» (в ней был создан 3-й танковый полк СС «Данмарк»³) и 1-й мотострелковой бригаде СС. С самого начала формирования эта бригада предназначалась для борьбы с партизанами и проведения карательных операций против мирных жителей; очень скоро она заслужила сомнительную славу одной из самых жестоких карательных частей. Эти подразделения с ядром из концлагерной охраны отличались особой безжалостностью и бесчеловечным отношением к пленным и мирному населению.⁴ Так что боевой опыт скандинавских эсэсовцев включал в себя и участие в позорных для любого солдата операциях, совместно с самыми настоящими «подонками СС» вроде зондеркоманды Дирлевангера. Утешает только одно — все же в движении Сопротивления приняло участие гораздо больше норвежцев и датчан.

¹ Вассерман А. Скелеты в шкафу истории. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 220, 227.

² Хене Х. Орден «Мертвая голова». М.: Центрполиграф, 2006. С. 395.

³ Ковтун И. И. Дивизия СС «Мертвая голова». М.: Яуза-пресс, 2009. С. 182.

¹ Семенов К. К. Войска СС. С. 124.

² См., напр.: Жуков Д. А. Русская полиция. М.: Вече, 2010. С. 165.

³ Ковтун И. И. Дивизия СС «Мертвая голова». М.: Яуза-пресс, 2009. С. 308.

⁴ Там же. С. 198–200, 203, 277.

Печальная традиция принимать участие чуть ли не в каждом вооруженном конфликте против русских сохранилась у некоторых скандинавов до сих пор. На стороне украинских националистов, заливающих кровью Донбасс в 2014 г., воюют и скандинавские «добровольцы» (по сообщениям СМИ, по меньшей мере два десятка, это члены нацистских партий). Особенно «прославился» шведский снайпер Микаэль Стил, бывший солдат шведской армии и национальной гвардии, который и не скрывает своего желания убивать русских. Как и того, что он их убивает.¹

В чем же причина такого странного желания драться против русских по любому поводу? В чем причина активной антирусской политики, которую сейчас демонстрирует формально нейтральная Швеция (Финляндия, по крайней мере, свой «традиционный нейтралитет» не рекламирует, будучи связана обязательствами Евросоюза, а Дания и Норвегия и вовсе члены НАТО)?

Представляется, что здесь мы сталкиваемся с феноменом, который доктор психологических наук М. Решетников обозначил как «избранная (историческая) национальная травма». «Поколение, получившее в “наследство” массовую национальную травму, вынуждено не только постоянно помнить о ней, не только оплакивать и пытаться пережить ее, но будет обязательно стремиться к ее признанию (например, холокост или армяно-турецкая резня), а иногда — и к отмщению (даже через столетия)».² Такими «травмами» для шведов является Великая Северная война, а для финнов, с их совсем молодой государственностью, которой нет и столетия, — Зимняя война и «война-продолжение». Антирусская пропаганда и участие в антирусских войнах для части шведского и финского обществ являются своеобразной психологической компенсацией за проигранные войны прошлого.

Сложнее с норвежцами. На мой взгляд, «национальной травмой» норвежцев стало многовековое подчинение власти Дании и Швеции, утрата государственного суверенитета, восстановленного только в 1905 г. Все это сопровождалось крайней бедностью, скомпенсированной только в последние полвека нефтяными деньгами. А единственная война, которую за время своей новой независимости вела Норвегия, очень быстро завершилась оккупацией страны — королевство было захвачено гитлеровцами за 60 дней.³

¹ Интервью с ним было показано на канале «Россия-1» в программе «Вести» 6 августа 2014 г. (эфир 20.00).

² Решетников М. Идеи и психозы // Литературная газета. 2014. № 30. С. 9.

³ 100 битв, которые изменили мир: Дания и Норвегия-1940. М.: «Де Агостин», 2014. С. 28.

Мурманск — самый большой в мире город за Северным полярным кругом. Фото Дмитрия Чистопрудова

Воспитанный датчанами и шведами страх перед Россией на фоне воспоминаний о «славной эпохе» викингов, перед которыми веками трепетала Европа, породил странный феномен норвежской политики следования в жестком антирусском фарватере, определяемом Великобританией. Это и членство в НАТО, и постоянные провокации против русских судов в арктических морях, и предоставление своей территории под британские маневры...

В этом ключе следует понимать и проведение политики в стиле «мягкой силы», которая вызывает у русских православных патриотов закономерное возмущение. На первое место в этой политике разложения русской нации и русской веры я бы поставил попытки расколоть единство русского народа на Севере России путем конструирования какой-то невиданной и неслыханной «поморской нации» со своим особым языком (т. н. «поморской говорей»), «поморским Новым годом», «национальным» костюмом и (разумеется!) своей особой, нерусской религией. Правда, с ней апологеты новой «нации» пока четко не определились: то какое-то никому не ведомое «язычество заволоческой чуди» («предков поморов», поморы-то — не русские) выдумают, то к раскольничьему «поморскому толку» обратятся. Причем вся эта странная деятельность «поморских» активистов, группирующихся не только вокруг Поморского института в Архангельске, но и ресторана «Треское», проводится на норвежские деньги и при непосредственном участии высокопоставленных норвежских политиков.¹

¹ Во всех подробностях об этом см.: Семушин Д. «Поморский вопрос» и Русская Арктика. М.: Регнум, 2013.

Однако, надо отметить, цивилизационная история при этом не забывается — все это делается на фоне активно формируемого «учения» о какой-то «циркумполярной» цивилизации, куда входят норвежцы, «поморы» (разумеется, об этой антирусской деятельности не знают далекие от всех этих идеологических игр и настоящие поморы из Умбы, Варзуги, Чаваньги, Зимней Золотицы, Лопшеньги, Яреньги и других сел и деревень) и саамы (вместе с чукчами и эскимосами), но не входят русские... Да, и главным отличием этой «цивилизации» от всех остальных объявляется трансграничность.

На мой взгляд, сложившиеся особенности настроений и политики северных соседей России обязательно надо учитывать. И лечить — интеграцией северных стран и мощной военной силой России, обеспечивающей мир на Севере. Мир, ибо у России нет агрессивных замыслов относительно скандинавских стран. И в отношении других, не северных, стран тоже. Наш исторический опыт властно диктует одну внешнеполитическую максиму — не надо заходить за границы исторически сложившегося «поля» своей цивилизации. Ошибка в этом отношении — Польша, разделенная в три приема (причем Россия действовала вместе с Пруссией и Австрией), — дорого стоила Российской империи. Страны западноевропейского Севера в это «цивилизационное поле» не входят. А дальше — выбор за скандинавами и финнами. Хотят ли они продолжать играть многовековую (и провальную для них) роль цивилизационного форпоста? Или будут важным мостом между двумя цивилизациями — западной и русской православной?

Следует обратить внимание и на следующий важный факт социальной психологии. Русские не относятся к шведам (да и к другим народам Севера) как к «наследственному врагу». Мы — народ-победитель. А православный победитель великодушен.

Значение Русского Севера как цивилизационного форпоста никуда не исчезло и в XXI веке. Более того, сейчас это значение лишь возросло, что связано с резким усилением роли Арктики как в экономической, так и в геополитической сферах жизни человеческого сообщества. Арктика (а это в значительной мере Русский Север) — это не только гигантская кладовая нефти, газа (91 % природного газа сконцентрирован в Арктической зоне, из них 11 % разведанных месторождений находится на шельфе Баренцева моря¹) и других полезных ископаемых. Это еще и важнейший военно-стратегический регион. Достаточно напомнить, что именно над Арктикой про-

¹ Макарова А. Край глобальных возможностей // Аргументы и факты на Мурмане. 2014. № 31. С. 11.

легает самый короткий путь подлета крылатых ракет «вероятного противника» к нашим рубежам. Бесполезно заниматься экономическим освоением Арктики, не решив задач военной защиты этих земель.¹ Поэтому усиление северного форпоста нашей православной цивилизации становится насущной задачей российской политики в XXI веке.

¹ Александров О. На арктическом фронте // Литературная газета. 2014. № 25. С. 3.

Героическая оборона Колы во время Крымской войны

СКОПЕЦ Петр Вячеславович,
миссионер-катехизатор
Кольского благочиния (г. Мурманск)

Вступление

11(23) августа этого года исполнится 160 лет героической обороне г. Колы. В 1853 г. Началась Крымская война. Она велась не только в Крыму, но и на Кавказе, Балканах, Черном и Балтийском морях, на Дальнем Востоке и на Севере. Она принесла беды и разрушения не только на юге России (знаменитая оборона Севастополя), но и на поморских берегах Архангельской губернии. Сожжение портового города Колы — «столицы русской Лапландии» — не что иное, как варварский разбой со стороны англичан и безответственность центральных и региональных чиновников по отношению к колянам, которые не смогли дать им достойный отпор.

Подготовка к обороне

22 февраля 1854 г. в Архангельской губернии было введено военное положение, и на общем со-

брании 10 марта горожане, обеспокоенные тем, что Кола может быть атакована неприятелем, решили стать на защиту города. Но в городе не было ничего, кроме местной инвалидной команды с одними ружьями, малом количестве боевых патронов и отсутствием пушек, поэтому городничий Шишелов просил военного губернатора Романа Платоновича Боиля прислать оружие, боеприпасы и роту стрелков. Губернатор прислал в Колу капитана А. И. Пушкарева, 100 кремневых ружей, причем 15 из них оказались неисправными, а также 2 пуда пороха и 6 пудов свинца.¹

В июне 1854 г. в северных русских водах появилась англо-французская военная эскадра и два английских корабля были замечены у Сеть-наволока (входа в Кольский залив) примерно в 60 верстах от Колы. В связи с этим приступили к эвакуации казенного имущества, ценностей, училищной библиотеки и архивов.²

Организатором обороны города стал Андрей Мартынович Бруннер, который прибыл в Колу 5 августа и наметил опорные точки на случай нападения. В Коле, кроме того, что было прислано из Архангельска, имелось 96 годных к употреблению ружей и две пушки,³ одна из которых была неисправна. Кроме инвалидной команды в составе 50 солдат и трех унтер-офицеров Бруннеру удалось вооружить 40 человек гражданского населения. Многие жители находились в то время на промысле в море, были абсолютно неопытны в стрельбе и не имели собственных ружей.⁴ Бруннер распорядился соорудить небольшие земляные окопы на Еловом мысе (западном берегу Кольского залива напротив ж.-д. станции Кола) для укрытия стрелков и приказал установить в устье Туломы пушку, рассчитанную на стрельбу шестифунтовыми ядрами, предварительно осмотрев берег и сделав промер фарватера.

Оборона и сожжение

9 августа в Кольский залив вошел пароход «Миранда», на котором находилось 16 пушек и около 200 матросов.⁵ Недалеко от Абрам-мыса англи-

¹ Сорокажердьев В. Кольский острог — город Кола: страницы истории. 1517–2010. Кола, 2010. С. 83.

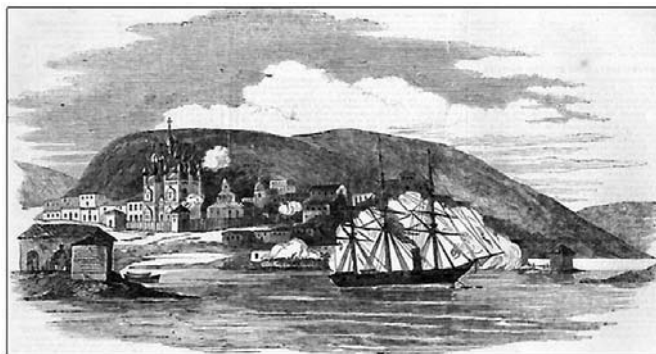
² Ушаков И. Кольский острог (1583–1854): военно-исторический очерк // Кольские карты. Электронная ст. http://www.kolamap.ru/library/1960_usakov.htm.

³ Сорокажердьев В. Кольская оборона: мифический герой Гагарка // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4. С. 24.

⁴ Бруннер А. Донесение Р. П. Боилю от 8 августа 1854 г., г. Кола // Там же. С. 42.

⁵ Ушаков И. Борьба жителей Кольского края с англо-французскими захватчиками в годы Крымской войны. Из книги «Кольская земля» // Там же. С. 13.

Нападение английского корвета
Миранда на Колу в 1854 г.
Гравюра XIX века

чане захватили рыболовную шняку крестьянина Ивана Пайкачева, в которой вместе с ним находился Федор Иванов, сосланный в Колу за бродяжничество, буйство и кражи. Федор Иванов перешел на сторону врага и помог провести корабль, хорошо зная фарватер. Но англичане, видимо, не сильно доверяли ему, поскольку потратили более суток, разъезжая на трех катерах и делая замеры глубин залива, чтобы подойти к городу. Федор Иванов — ссыльный питерский бомж, известный как Гагарка, о котором появилось впоследствии множество легенд.¹²

Надежда на то, что англичане не сумеют подойти близко к Коле, не оправдались, и 10 августа 1854 г. в 6 часов вечера «Миранда» под переговорным флагом вошла в устье Туломы, где находилась кольская батарея, и остановилась примерно в 120 м от берега и в 400 м от острога. Отсюда ей была открыта лишь одна сторона города. Высокий берег реки прикрывал другую часть селения, так называемую «Верховскую слободку». Поставив корвет на якорь, командир «Миранды» Эдмунд Лайонс отправил к берегу шлюпку с парламентарием, который вручил лейтенанту Бруннеру ультиматум:

«Нижеподписавшийся капитан Ее Британского Величества парового корабля “Миранда” сим просит немедленной и безусловной сдачи укреплений, гарнизона и города Колы со всеми снарядами, орудиями и амуницией и всеми какими бы то ни было предметами, принадлежащими российскому правительству.

Если эти условия будут приняты, то гарнизон имеет через час по получении сего сложить свое оружие на открытом месте вне города, а офицеры отдать свои шпаги и все сделаться военнопленными. Оружие муж-

Нападение английского
парохода-фрегата «Миранда»
на Колу в 1854 г.
Художник П. А. Кузнецов

чин — жителей вооруженных (по отобранию одного гарнизона) также должно быть сдано в то же время.

Если эти условия будут в точности исполнены, то город будет пощажён и частная собственность останется сохраненной, но укрепления будут разорены и все правительственное имущество будет или разорено, или взято.

В случае же непринятия вышепрописанных условий рекомендуется, чтобы все женщины и дети немедленно оставили город. По получении сего дается час на присылку ответа. Если же по прошествии сего срока не будет прислан ответ или, если и будет прислан, но не будет содержать в себе безусловного принятия вышепрописанных условий, то начнется бомбардирование».¹

Бруннер отказался сдавать Колу, и большинство жителей были готовы пожертвовать своим имуществом ради защиты города. Женщины и дети с поклажей покинули город. Воспользовавшись туманом, Бруннер решил убрать английские бакены (деревянные буйки).

Нашлись добровольцы: ссыльнопоселенцы — отставные канцеляристы А. Мижуров, В. Васильев и кольский мещанин Григорий Немчинов. Они на руках перенесли баркас, без шума спустили на воду и под носом у неприятеля перетаскивали раншину (парусно-гребное промысловое судно) на другое место, а бакены сняли и вывезли на берег.

11 августа в 2.30 ночи началась бомбардировка города. Посыпались ка-

¹ Сорокажердьев В. Указ. ст. // Там же. С. 25–28.

² Коржов Д. Подвиг, которого не было // Мурманский вестник от 23.10.2004. Электронная ст. <http://www.mvestnik.ru/shwpagn.asp?pid=20041023799>.

¹ Давыдов Р., Попов Г. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург, 2005. С. 99.

ленные ядра, бомбы, конические ружейные пули, начиненные легковоспламеняющимся веществом. Пушка, установленная на берегу, смогла сделать по захватчикам только один выстрел. Она была подбита снарядом, которым ранило Василия Горбунова и Ивана Филиппова.

Загорелись соляной магазин, дома и стены старинного острога. Потеряв орудие, Бруннер с отрядом отступил под защиту берега Туломы. При переходе были ранены Ксенофонт Федотов и Дмитрий Гавриков.¹

В разных частях города вспыхивал пожар. Одно- и двухэтажные деревянные дома стояли скученно, по улочкам тянулись дощатые тротуары — все это представляло прекрасную цель для вражеских огненных зарядов. Русский гарнизон был настолько решителен, что даже тогда, когда орудия его главной батареи были подавлены, долго вел по кораблю пальбу из ружей, пока капитан Лайонс не послал лейтенанта Макензи со шлюпками оттеснить их.

В седьмом часу капитан Лайонс высадил десант. Шестьдесят вооруженных матросов сошли на Монастырский остров. Его защитники за час до десанта из-за начавшегося прилива покинули затопляемую часть берега, перебравшись на городскую сторону реки. Кладбище, хлебный магазин, Троицкая церковь остались незащищенными. Но прицельный огонь защитников не позволил захватить англичанам весь остров. Они подпалили хлебный магазин, караульный дом и отступили к шлюпкам. На повторную высадку не решились.

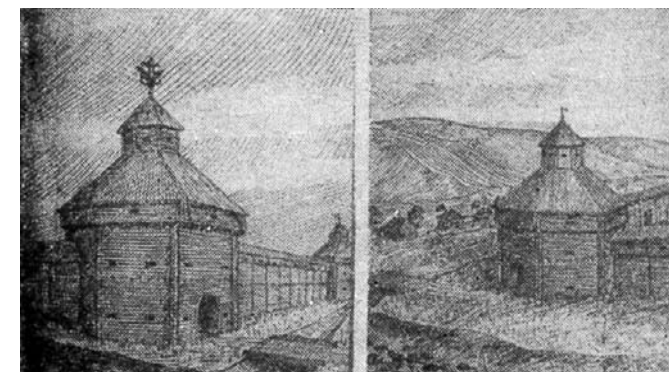
«Миранда» и сама едва не погибла в огне. Во время прилива корабль течением потащило к берегу, где гудело пламя и откуда ветром несло снопы искр. На корабле задымились паруса, их пришлось спешно убирать и непрерывно поливать забортной водой палубу. Опустили второй якорь. С большим трудом моряки удержали свой корабль. Поздно вечером пальба прекратилась, и пароход после нового промеривания фарватера отошел в глубь залива.

Почти вся Кола выгорела. За двадцать часов бомбардировки сгорели колокольня, часовня, казенные магазины, 92 жилых дома и Воскресенский собор.² Сохранились две каменные постройки, уцелевшие до сегодняшнего времени, — это Благовещенская церковь и дом уездного казначейства — первые каменные здания на Кольском полуострове.

¹ Сорокажердьев В. Кольская оборона: мифический герой Гагарка // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4. С. 24.

² Там же. С. 25.

Башни Кольского острога, Егорьевская и Никольская

На следующий день англичане безрезультатно пытались бомбить уцелевшую верхнюю часть города, но дружными усилиями инвалидной команды их удалось отстоять от огня. Сгорел только один дом, уцелело 18.¹

В полдень «Миранда» ушла в море и в 17 часов появилась в Мотовской губе, где в устье Западной Лицы прятались шхуны кольских купцов Базарного и Шабуниной, оснащенные для отправки в Норвегию или в Архангельск, и несколько поморских судов. Суда захватчики спалили, а шхуны с работниками отправили как трофеи в Англию.

Последствия

Варварское сожжение северного городка, не имевшего промышленного и военного значения, глубоко возмутило российскую общественность. Сотни жителей остались без крова, имущества, средств к существованию накануне зимы и вынуждены были переехать на временное жительство в Кемь и другие селения Архангельской губернии. В результате нападения казенные и частные убытки в городе, по списку городничего Шишелова, составили 51507,81 рублей.² В марте 1855 г. в Коле насчитывалось 13 человек, и те готовились к выезду.³ В результате бомбардировки один человек был легко контужен, трое легко ушиблено, погибших не было.⁴ Всего колянами за время

¹ Бруннер А. Рапорт г-ну архангельскому военному губернатору, управляющему и гражданского частию (Р. Боилу) от 13 августа 1854 г., г. Кола // Там же. С. 44.

² Городничий Шишелов. Именной список о количестве казенных и частных убытков, понесенных в городе Коле от неприятельского нападения в 11 и 12 числа августа 1854 г. // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4. С. 56—59. (суммировано).

³ Ушаков И. Кольский острог (1583–1854): военно-исторический очерк.

⁴ Бруннер А. Рапорт г-ну архангельскому военному губернатору, управляющему и гражданского частию (Р. Боилу) от 13 августа 1854 г., г. Кола. С. 44.

обороны было израсходовано 1182 патрона и один орудийный заряд.¹ Из соседних губерний в адрес погорельцев присылались пожертвования, в Архангельске проводились благотворительные концерты и театральные постановки в помощь пострадавшим жителям Беломорья и Колы. Чтобы восстановить Колу и уезд, правительство ввело повышенные пошлины сроком на пять лет на суда, заходящие в этот порт, считая с навигации 1855 г.

Отличившихся в бою наградили: Андрея Бруннера и Ксенофонта Федотова орденом Святого Владимира 4-й степени, колян Григория Немчинова и лекарского ученика Ивана Балашова серебрянными медалями «За усердие» на Георгиевской ленте. Ссылных канцеляристов Андрея Мижурова и Василия Васильева, участвовавших вместе с Немчиновым в ночной вылазке по снятию бакенов, перевели в Архангельск и освободили от ссылки.

В конце августа «Миранда» ушла на родину, а через год участвовала в бомбардировке Севастополя, где Эдмунд Лайонс был смертельно ранен и скончался от гангрены 11(23) июня 1855 г.²

Дальнейшая история церквей в Коле

Как уже говорилось, в Коле сгорели Воскресенский собор, колокольня и часовня во имя прп. Трифона. Осталась кладбищенская Троицкая Церковь, которая продолжала действовать до 1933 г. и была разобрана на дрова. Отдельно хочется сказать о сожженном деревянном Воскресенском соборе. Он был построен в 1684 г. и имел 19 куполов, 21 метр в длину и 38 метров в высоту. В храме было два придела — свт. Николай Чудотворца и вмч. Георгия. В 2013 г. вышла книга «Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII — середины XIX веков», в которой подробно описан интерьер собора. Эта книга особенно ценна тем, что в ней содержится опись всех церквей и часовен 1853–1854 гг. Таким образом можно практически полностью установить ущерб, причиненный собору пожаром. В нем находилось множество икон, Евангелие в серебряном окладе, серебряные крест, священнослужебные сосуды, кадило, дарохранительница и т. д. В настоящее время в Коле работает инициативная группа, выступающая за воссоздание собора.

Как пишет Владимир Сорокажердье в книге «Кольский острог — город Кола», от Благовещенской церкви остались стены, пять колоколов весом

¹ Давыдов Р., Попов Г. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. С. 101.

² Давыдов Р. Кола глазами неприятеля // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 4. С. 19.

Вид на Колу с Монастырского острова. Фото конца XIX в.

в 18; 4; 2,5 пуда и два колокола по 1,5 пуда, 40-пудовый колокол растопился. Однако в Описи имущества Кольского Воскресенского собора и приписных к нему церквей и часовен 1853–1854 гг. указывается, что на колокольне находилось семь колоколов весом: около 70 пудов, 18 пудов 18 фунтов, 11 пудов 11 фунтов 4 пудов, 2 пудов 20 фунтов, 1 пуд 20 фунтов и в 20 фунтов.¹ В 1855 г. Святейший Синод выделил на восстановление храма 8514 рублей, купец Мартемьян Базарный отремонтировал его за 7014 рублей, и 8 ноября 1867 г. церковь была открыта. В 1931 г. было решено закрыть храм, а в 1937 г. — даже снести Благовещенскую церковь. 19 октября 1937 г. был расстрелян настоятель храма — протоиерей Константин Мелентьев, а 28 октября Президиум Ленинградского облисполкома запретил сносить церковь. Богослужения в Коле прекратились до 1946 г. В 1960 г. храм был снова закрыт и в 1968 г. был признан памятником истории и культуры. В 1976 г. в здании был произведен капитальный ремонт. С 1984 г. там работал музей поморского быта, а в феврале 1992 г. храм был передан верующим и действует до сих пор.²

¹ Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII — середины XIX веков: Сборник документов / Сост. и авт. ст.: Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. С. 327.

² Сорокажердье В. Кольский острог — город Кола: страницы истории. 1517–2010. С. 138–141.

Викторийная проповедь русских архиереев в период Северной войны 1700–1721 гг.

ГРИГОРЬЕВ Антон Борисович, научный сотрудник центра истории богословия и богословского образования, старший научный сотрудник Музея книги РГБ

Русско-шведская война 1700–1721 г., получившая в исторических исследованиях наименование «Северной», стала одной из самых продолжительных и кровопролитных кампаний XVIII века с участием Российской империи. Продолжавшаяся с переменным успехом 21 год и закончившаяся чрезвычайно выгодным для России Ништадским миром, Северная война стала тяжелейшим испытанием не только для императора Петра Великого, но и для всего русского народа, привела к созданию в России боеспособной регулярной армии и мощного флота, а небольшой городок Малороссии Полтава стал символом непобедимого русского оружия. Ведение подобной войны потребовало чрезвычайно напряженного не только экономических возможностей государства, но и поддержания морального

духа войск в условиях непопулярного и сталкивающегося с серьезным сопротивлением правления Петра Первого.

Церковь, естественно, не могла остаться в стороне от таких масштабных исторических событий. И сегодня из проповедей великих архиереев петровского времени, звучавших некогда с амвонов соборов и церквей, мы можем заключить, как эта кампания с ее поражениями, триумфами и, наконец, долгожданным миром воспринималась населением. В границах одной статьи невозможно охватить весь комплекс гомилетического наследия первой четверти XVIII века, поэтому автор решил ограничиться наиболее интересными авторами и словами. К числу великих проповедников петровской эпохи необходимо причислить митрополита Стефана Яворского, архиепископа Феофана Прокоповича, архиепископа Феофилакта Лопатинского и архимандрита Гавриила Бужинского, на тот момент обер-иеромонаха флота. Каждый из них по-своему оценивал Северную войну, ее победы и наступление мира, каждый видел свои трудности и проблемы прохождения этого исторического пути.

Первые годы Северной войны, как известно, были для России неудачными. Выход Дании из антишведской коалиции, поражение России в Нарвском сражении были трактованы в проповедях митр. Стефана как школа смирения, прежде всего для монарха, а последовавшие затем победы как награды за это смирение.¹ Как справедливо отмечено Никодимом А., цикл викторийных проповедей владыки Стефана, относящихся к первым годам Северной войны, важен именно как историческое свидетельство.² Десять слов, рассмотренных Никодимом А., как ни удивительно, посвящены не только победам, но и поражениям русского оружия.³ Его исследование носит исчерпывающий характер, и по этой причине в данной статье будет уместно обратиться к более поздним проповедям митрополита Стефана Яворского. Легко заметить, что эти проповеди продолжаются до 1711 г., то есть до событий, уничтоживших дружеское приятие между патриаршим местоблюстителем и царем.

¹ «И сия то есть фундаментальная вина, для чего Господь Бог Монарха нашего и Его тривенечное Царство возносит от силы в силу, от славы в славу, от победы в победу, за Его смирение». Цит. по: *Филарет, архиеп.* О церковно-ораторских произведениях преосвященного Стефана Яворского // Воскресное чтение, 1850–1851, XIV, С. 262.

² *Никодим А.* Неизданные проповеди местоблюстителя патриаршего престола Рязанского митрополита Стефана Яворского. Девять торжественных проповедей // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе, 1863, XXII. С. 253.

³ «Слово приветствующее около Пскова и в Ливонии, по поражении под Нарвою полученных и похвальное знамения царского гербового. 1702 года» // Там же. С. 255.

Петр I водружает крест
на месте погребения
павших воинов,
28 июня 1709 г.

В проповеди 1715 г. «Слово в неделю мироносиц увещательное до воинов, надходящу походу воинскому, сказанная в Санкт-Петербурге в 1715 году на слова “Не ужасайтесь: Иисуса ищите Назорянина распятого” Марка 16, ст. 6»¹ мы уже не находим панегирика царю-победителю, без которого немыслимы проповеди всех прочих великих риториков. Напротив, эта проповедь отдает всю славу и святость воинского подвига простому солдату. Имя Петра, или титулование царя, самодержца и т. п., характерное для ранних панегирических и викторийных проповедей, в этом слове не упоминается ни разу. Прикровенно и иносказательно Стефан дает современному ему обществу весьма суровую нравственную оценку: в этом обществе, как выясняется, никто не является бескорыстным и чистосердечным служителем Христа. «Мнози убо на сем свете, которые ищут Иисуса, но не распятого... Инии ищут Иисуса в вертепе Вифлеемстем, идеже при Иисусе лежит злато, от волхвов принесенное, и не так Христос, яко при Христе злато, сердца их привлекает. Инии ищут Иисуса, идеже хлебами, чудесне умноженными, Христос насыщает, и не так ищут Иисуса, как хлеба куса. Инии ищут Иисуса в Кане Галилейстей, идеже доброе вино от воды сделанное щедро дается, инии ищут на высотах Фаворских между светлостями, идеже лице Христово сияет, яко солнце. Тии суть, которые на высокия власти вожделение имут... Се тако много искателей видим, которые ищут Иисуса, или паче своя поль-

¹ Проповеди блаженных памяти Стефана Яворскаго, преосвященного митрополита Рязанскаго и Муромскаго, бывшего местоблюстителя престола патриаршаго, высоким учением знаменитаго, и ревностно по благочестию преславнаго. М. 1804. Ч. 1. С. 55.

Стефан Яворский, митрополит Рязанский
и Муромский

Страница рукописи Феофиakta Лопатинского, архиепископа Тверского

зы... А Иисуса распятого кто ищет? Мироносицы. <...> Коликое безчестие мужескому полу».¹

Не стоит думать, что эти аллегории являются реализацией привычного для Яворского иносказательного стиля риторики. Здесь ясно видим и отзвук «фискального дела», и осуждение фаворитизма и лицепрятия, с годами все более проявляющегося при царском дворе, и общее падение нравов как знати, так и народа.

Ожидаемо, по заявленной теме проповеди, чуть ли не единственными достойным в полной мере христианского звания оказываются воины, проходящие перед лицом смерти от вражеского меча такой тяжкий и полный лишений и такой нескончаемо долгий путь. «Обаче да не будет укоризна и поношение и нашему мужескому полу: покажу я вам на сей проповеди моей, кто от мужеска полу ищет распятого Иисуса. <...> Воини ищут страждуща, тернием венчана, крест носяща, на кресте распята и кровь изливающа. <...> Сие с болезнию искание Иисуса служит воином, ибо и тии могут рещи ко Иисусу: боляща искахом Тебе. Всяк воин может рещи: Тебе, мой Иисусе люблю, и Тебе ищай страдальческую, и сраспинаюся крещению Твоему

¹ Там же. С. 55–56.

Феофан Прокопович,
архиепископ Новгородский

<...> тесным и прискорбным путем ищем Тебе, Иисусе наш. Не виличайся убо, Палестино, своими мироносицами, ищущими распятого Иисуса, мало таких у себе имаши, а у нас их есть премногое множество. У нас что воин, то мироносец».¹ Защитник Отечества объявлялся носителем всех главнейших, с точки зрения митрополита Стефана, христианских добродетелей: «Первое миро — любовь. Се имате над всеми люблениями большую и начальствующую любовь, яко душу свою за него положить! То любовь прямая Христова <...>

Сицеву имате к нам, треплаженнии воины, любовь! Велия ваша любовь, егда с нами сожительством соединяетесь, но большая любовь ваша, егда с нами разлучаетесь... крепка, яко смерть, любы! <...> Второе миро — мироупование на Бога <...> Таким миром наполнены, вижду, алавастры сердец ваших, прехрабрии воины! С таким миром ищите распятого Иисуса, верующее несомненно, яко уповающего на Господа милость обидет! А я с ангелом восклицаю: не бойтесь, не ужасайтесь, Иисуса ищите распятого. <...> Третье миро духовное имели мироносицы — миро мужества и дерзновения. Не великое то мужество, женщинам итти к воину, о которых ведают, что с женами не воюют, то мужество идти дерзновенно к таким воину, у которых смерть готова».²

Гавриил Бужинский, епископ
Рязанский и Муромский

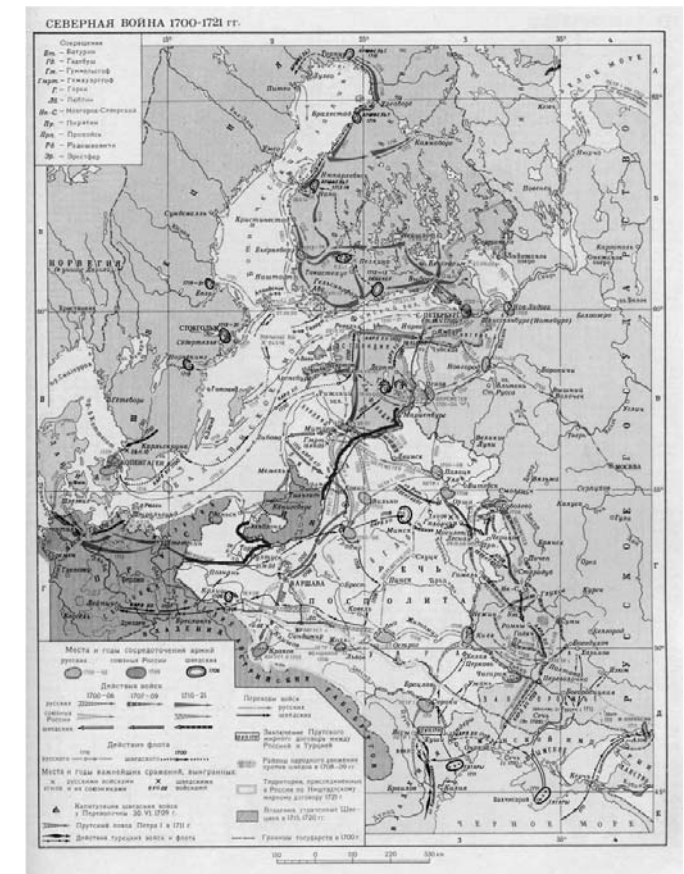
Смерть — особенная тема для проповеди перед солдатами. Преосвященный Стефан хорошо понимает, что такое животный страх смерти и какого напряжения сил требует преодоление этого страха, и в этом месте «Слова» уже не находится места для возвышенных образов апокалиптического всадника или державного орла Российского.³ Проповедник сознательно принижает образ смерти, лишая ее ареола ужаса и неизбежности: «Всяко животное от естества своего боится смерти <...> по разсуждению, смерть воинская есть яко маска устрашающая, которую комедианты на

¹ Там же. С. 57–59.

² Там же. С. 61, 66, 68, 71–72.

³ См.: Никодим А. Указ. соч. С. 261, 265.

Северная война 1700–1721 гг.

лица иногда носят. Открыешь машкару, аж лице хорошее! Тако и смерть воинская, по-видимому, есть страшная машкара, а по истине есть живот».¹ Смерть за Отечество провозглашается идеалом жизни христианина, третьим и главнейшим столпом, на котором зиждется государство: «Что же речем о воинах? Бояться ли воины смерти? Отвещаю: воин мужественный, свободную совесть от греховныя тяжести имущий, смерти не боится <...> смерть воинская только от мнения есть страшна, а не от самой истины <...> а в самой истине желаемая <...> велия бо пользы в себе имеет. Какая пользы? А малая ли то польза подражати Христу и послушливым бытии даже до смерти влаstem, от Бога учиненным? А малая ли то польза, тому ж Христу подражати, и душу свою положить за други своя? А малая ли то польза за церковь святую, за веру православную, за Отечество свое умирати <...>

¹ Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского... Ч. 1. С. 84.

Фрагмент диорамы Полтавской битвы

и живот свой превременный на вечный изменить, и за смерть воинскую безсмертную получитьи и себе и своему роду славу?»¹

Нельзя, однако, сказать, что проповедь Стефана полностью аллегорична и лишена исторических реалий. «Прежде четырех лет имели мы баталию с неприятелем большим, который держит полторы части света, неприятель велик, многих царств и провинций разоритель, нарицают его нецьи бичем всея вселенныя, а хотя мы его тогда и не побороли, за великою скудостью провиантов и фуражу, однакож довлеет нам победы и похвалы, что ему не дали побороли нас».²

Удивительна и необычна проповедь официального проповедника русского флота обер-иеромонаха³ Гавриила (Бужинского) «Слово о победе, полученной у Ангута, егда Российским гребным флотом пленен шведский Шаутенбейнахт с фрегатом и не малым числом других судов».⁴ Личность и судьба о. Гавриила весьма неординарна. Будучи возвышен митрополитом Стефаном, который выписал его из Киева и сделал преподавателем Славяно-греко-латинской академии, Бужинский вскоре совершенно отходит от

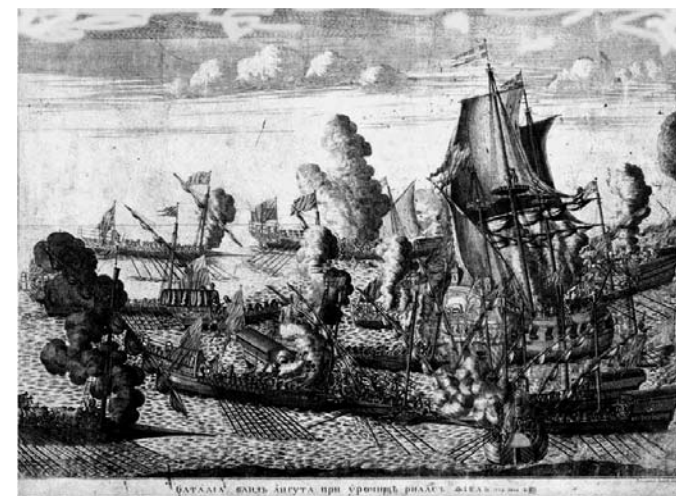
¹ Там же. С. 81, 83.

² Там же. С. 76.

³ О служении, правах и обязанностях обер-монаха на флоте см.: Смирнов А., *прот.* История флотского духовенства. Ч. 1. Пг., 1914. С. 66–70; Беляков А. П. История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков дореволюционной России http://krotov.info/libr_min/02_b/el/yakov_0.htm

⁴ Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах. Слово о победе, полученной у Ангута, егда Российским гребным флотом пленен шведский Шаутенбейнахт с фрегатом и не малым числом других судов. СПб., 1720.

Битва при Гангуте. Гравюра

своего покровителя и примыкает к священнослужителям круга архиепископа Феофана Прокоповича и является последовательным противником как католицизма, так и консервативного направления Православия. Владыка Евгений (Болховитинов) отмечал нарочитые отличия языка проповедей Бужинского от традиционной аллегорически украшенной проповеди, находя в нем обилие варваризмов и грубость выражений, но, вместе с тем, обильные и умные обороты мысли.¹ Проповедуя на стоянке кораблей Ингерманландии в Ботническом заливе при острове Ламеланд, о. Гавриил обратился к морякам с проповедью, лишь внешне посвященной Гангутскому (Ангутскому) сражению.² Лишь завершая свою речь, он упомянет: «российское воинство в регуле воинской не искусно было, но Бог праведнейший <...> научаше руце их на ополчение и персты их на брань, и тако иже мняхуса аки птицу Россию в руках своих имети <...> воспомянути оныя акции в Полше, Литве, Померании <...> победы под Калишем,³ под Лесным,⁴ под Полтавою

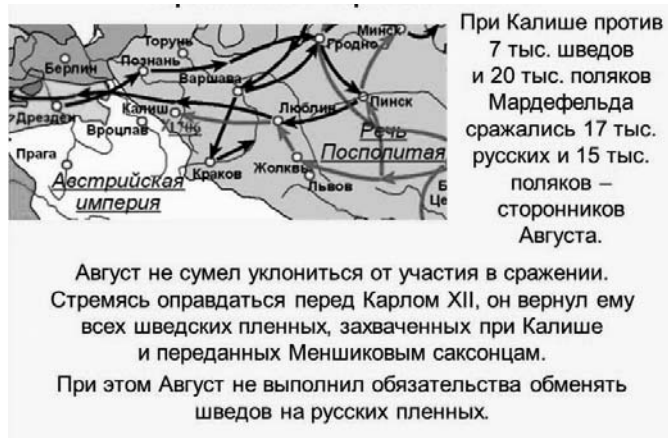
¹ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. М., 1995. С. 58.

² См. об этом: Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.

³ Калиш — старейший город Польши. Битва при Калише состоялась 18 октября 1706 г. между польско-шведским корпусом под командованием генерала Марденсфельда и Лещинского и русско-польско-саксонским войском под командованием короля Августа II и светлейшего князя Меншикова. Сражение было чрезвычайно жестоким и кровопролитным, но окончилось победой русских войск, став первой крупной победой в Северной войне.

⁴ Лесная — белорусская деревня близ Могилева. Битва при Лесной состоялась 14 сентября 1708 г. между корпусом шведского полководца Левенгаупта и корволантом Петра I. Главным итогом сражения стала потеря шведскими войсками обоза с продовольствием, предназначавшимся для основных сил короля Карла XII. Познее Петр назовет битву при Лесной «матерью Полтавской баталии».

Сражение при Калише

<...> и ныне остатнюю надежу Господь Бог начал искореняти <...> флот морской, крепкий <...> аще бы увидел льва или слона от малых зверей побежденного, тако и zde <...> малыя российскийя галеры, шведскому фрегаты елефанту,¹ сиесть слону, и не мало ботам одолеша <...> токмо увидеша корабли шведския, кораблей российских, не возмогли сего не сотворити, дабы низпущением флагов своих российскийя флаги не почтили».²

По этому отрывку можно видеть, что все основные победоносные сражения уже совершились (впереди были заключительные сражения — флотское при Гренгаме и беспрецедентный десант русской армии на окраины Стокгольма). Однако вся довольно обширная проповедь посвящена полемическому богословию против христианских пацифистов, проповедующих войну как абсолютное зло. «Слово о победе при Ангута» начинается веле-речивым пассажем о войне. «Воспоминающе частыя победы и торжества, ими же украсил, или тако возглаголю, увенчал Россию премилосердый Бог <...> Богу благодарение всегда победители нас творящему о Христе Иисусе (2 Кор. 2, 14)³ Но понеже в мимошедшем месяце благодарствующе Богу триипостасному при воспоминании Полтавской виктории богодарованной <...> ныне за благо сотворим Слышателие, паче же во всех тех баталиях подвизавшиеся трудники и доблии победоносцы <...> не слово или разсуждение, но краткий дискурс в нынешний день представим. Не наречем еллинским последующе обыкновениям, побед и торжеств отцем Марса онаго, или

Проповедь анабаптистов.
(Иоанн Лейденский на
крещении девушек.
Художник Иоганн Карл Бэр.
1840)

материю Беллону,¹ их же тако именовашу неверствующии: мы же простым именем, но истинным, якоже всякому известно всех викторий и триумфов, мать и вину правильную, праведную и законную **брань или обще войну** именовати имамы. А понеже тако есть, всем любовни суть победы, всем приятна торжества, всем сладостное есть над врагами одоление... но едва ли сицеваго обрящеши, еже бы о матери побед и торжеств брани доброе произнес слово. Вси на сию порицают, воздыхают и что чудно, и между самими воиствующими везде ея укоризны слышатся. Редкий между черными вранами белый <...> тако редкий или едва слышанный брани доброжелатель. Многия такожде от начала войны сея бяху торжеств прославления от проповедников слова Божия, но начальницу и мать всех торжеств никтоже доселе достойною прославил и возвеличил проповедию <...> правильная брань от самого Бога тогда начинается, егда властитель за честь Божию и Государство свое оную начинает, и яко браней правильных Бог помощник, неправильных же превратитель. Матери победы брани <...> терпит и в настоящая многия поругания и укоризны <...> мнозии человецы явишася, иже укоризны своя на брань многими книгами и великими волюминами написаша, за которое свое мнение, тако от церкви Божией еретиками именованни и прокляти, якоже от власти гражданской недостойни добрых людей сожительства и дружества вмененни... развратники и прельстители народа нареченни».²

¹ Сдавший в ходе боя шведский флагман носил наименование «Элефант».

² Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах. Слово о победе, полученной у Ангута... Л. 11об.—12.

³ Там же. Л. 1.

¹ Беллона — в римской мифологии, кормилица (или сестра) Марса, богиня объявления войны и подземного мира.

² Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах. Слово о победе, полученной у Ангута... Л. 1–2.

Менно Симонс, основатель движения меннонитов

Кто же эти «развратники и развратители»? Бужинский показывает себя богословом школы именно Яворского, а не Прокоповича, последовательно полемизируя со всеми религиозными течениями, преимущественно протестантского толка, известными ему противниками идеи праведной войны. К таким автор относит манихеев, которые: «егда двоих творцев быти учаху, единого благаго <...> другого же злаго, от которого всякия вещи злыя сотворенны, тогда в сицевое безумие произошли, яко от неких тварех глаголати дерзаху, аки бы ония по естеству своему злыя суть <...> аки бы брань яко некое злое создание по естеству ея неподобало творити <...> Сие безбожное мнение сокрушает Августин, против Фавста манихейския ереси земнаго поборника:¹ что, рече, хулиши во брани? Сие ли яко мнозию умирают когда-либо имущии умерети, да господствуют и жительствуют в мире, имущии жити: сие обвиняти зайцев есть боязливых, а не мужей благочестивых. Вторыи такового же безумия подражатели обретаются именуемии анабаптисты² <...> понеже всем вам европейския чуждыя страны прошедшимю. Мню, сии еретицы известны суть <...> яко не токмо христианом брань творити не лет глаголют, но и все начальство гражданское, всю власть и магистрат политический отменяют, и право меча, недостойное быти христианской власти, во еже казнити законопреступников дожно полагают, в Новом Завете брань творити, или кровь виноватых пролияти возбраняют <...> воистину сии химеры...³

По сих еще новейшия суть вейгелианы,⁴ их же Англия и Голландия полна есть, их же начальник Вейгель в постилле⁵ своей положил, яко <...> ниже оборонительную брань начинать <...> ни единого преступника главою каз-

¹ Имеется в виду сочинение блаженного Августина «Против Фавста» (Contra Faustum manichaeum).

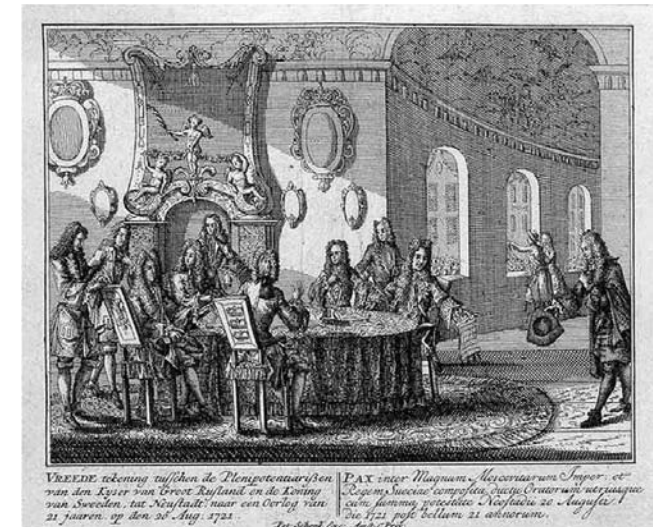
² Имеются в виду голландские анабаптисты-меннониты, принявшие идеи пацифизма от Симмонса и Марпека.

³ Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах. Слово о победе, полученной у Ангута... Л. 2об–3.

⁴ Здесь Бужинский ошибается. Вейгель и вейгелиане, составлявшие мистическое учение о внутреннем свете как источнике мудрости, действовали в основном в Саксонии, в середине XVII века были запрещены и разгромлены и вряд ли могли наводнить своими последователями Англию и Голландию. О пацифизме вейгелиан Бужинскому могло быть известно из трудов Вейгеля, которые начали публиковаться в 1609 г.

⁵ Церковной проповеди (латинизм).

Подписание Ништадтского мирного договора

нити подобает. Равнии сим анабаптисты и социниане¹, которых в венгерских и немецких землях немалое число, иже толкующи Божию заповедь, не убиеш, не токмо всякую брань отменяют, но воров и всяких злодеев убивати возбраняют <...> Тоежде утверждают арминияни² и фотиниани³ и мнозии от наших неразумных раскольщиков⁴. <...> Все они <...> кривотолковники Священнаго Писания».⁵

В этом перечислении интересно то обстоятельство, что еретиками-пацифистами являются в основном представители государств, враждебных в Северной войне России. Возможно, то, что Саксония, как родина вейгелиан, в этом списке не упоминается, связано именно с тем, что она выступала как союзница России. Таким образом, раскольники ставились в ряд не только с политическими и военными противниками России, но и с еретиками. Аргументация Бужинского в защиту доктрины справедливой войны довольно обширна, хотя по большей части заимствована у митрополита Стефана. Как и Стефан во многих своих трудах, о. Гавриил в середине проповеди переходит на вопросно-ответную форму: «Христос, глаголют, возбра-

¹ Социниане — антитринитарная секта протестантского происхождения, распространенная в Польше, Голландии, Англии и Германии. Отличались крайними пацифистскими воззрениями.

² Арминияне — протестантская секта Голландии. Были убежденными пацифистами.

³ Фотиниане — еретики IV века, последователи Фотина, епископа Сирмского. Упоминание их в одном ряду с протестантскими сектами трудно объяснить.

⁴ Как отмечает еще Никодим: «Некоторые (раскольники) уклонялись от военной службы под тем предлогом, будто война есть дело не нравственное, что виновник ее сатана, что она противник есть христианскому закону». См.: Никодим А. Указ. соч. С. 252.

⁵ Гавриил (Бужинский), обер-иеромонах. Слово о победе, полученной у Ангута... Л. 5.

Памятная медаль,
посвященная Ништадтскому
мирному договору

нил христианом брани творити, понеже повелел врагов своих любить <...> брани властителей христианских правильныя, не суть противныя люблению врагов, но паче согласныя, сим бо самим врагов своих тщатся от насильствия обратити и призвати их к миру, последовательно же к любви и дружеству <...> словеса сия изреченна суть не в обществе ниже к сему надлежат. Что до всего Государства надлежит, дабы хищников, разорителей, достояния Божие разграбляющих любить <...> сия словеса частных человек любления врагов своих частных же <...> приводят к сему мнению повеление Божие, в Бытиях в главе 9 изъявленное, идеже сице повелевает Ноеви Бог: проливаяй кровь человеку, в нея же место его пролиется, а нигдеже тако, яко в бранех кровь проливается, убо брани запрещены суть. Ответ: разбойническая и насильническая убийства возбраняются. Инии же не разсуждающе речения метафорического или аллегорического, просто приемлют словеса Священного писания <...> Яко оружия христианская, не суть плотская но духовная, тако есть воистину, но ты сам Божественный Павле стани посреде нас, и утоли прение наше, открий нам о каковом оружии духовном глаголеши, аще оружие духовное, то подобает и врагам духовным быти, понеже вещественное не вещественному вредити не может».

Среди многих доводов от Священного Писания Бужинский приводит и следующий: «В книзе Иисуса Навина повелевает Бог Иисусу укреплятися: укрепися и буди силен, и возмужай зело <...> жены ваши и дети ваши да живут в земли, вы же да прийдете вооружени пред братиею вашею всяк крепок, и поборите по ним... <...> сотник Корнилий Кесарийский, который за воинство свое, ниже от Бога отриновен, ниже от Петра апостола крестившаго его, увещан ко оставлению воинства».¹ Там же упоминается притча

о брачном пире¹ как пример справедливого насилия. В итоге богословие Бужинского о справедливой войне заключается выводом о справедливом Суде Божиим, предающем Швецию как несправедного агрессора во власть России, ведущей не захватническую, а справедливую войну.

Долгожданное наступление мира, подписанного в Ништадте, вызвало в России всеобщее ликование. Закончена была война, в которой поначалу не было надежды победить, благодаря которой был создан Российский флот и обеспечен выход России к мировым торговым путям, возвращены утерянные в прошлом исконно русские территории. Закончилась война, вызвавшая разорение государства, известные репрессии по отношению к Церкви и демографический кризис вследствие утраты пятой части мужского населения. Тем не менее, ликование было всеобщим. Митрополит Стефан в нем уже не участвовал. Во всяком случае, «Слова о Ништадском мире» авторства Яворского мы не имеем. В торжествах по случаю установления мира приняли участие два других великих проповедника — Феофилакт (Лопатинский) и Феофан (Прокопович), на тот момент непримиримые противники. Сравнение их проповедей дает нам ясную картину, как два архиерея представляли себе войну и тот мир, который должен был последовать по ее окончании.

Первым с торжественным словом выступил архиепископ Феофилакт (Лопатинский). Его проповедь наполнена радостью о наступившем мире: «О сем на прославление Бога, отъемлющего брани и подающего мир человеком, нам же на пользу и радость душевную. Да вопрошают любопытнии: которое время и лето есть щастливое кому? Да ищут его в звездах суесловнии астрологи, буесловнии язычестии волсви, и жерцы в птицах, во утробах животных всяких, в водах, огне, воздухе и земли, суеверцы забобонные во всяких случаях. Аз утверждаю сие быти благополучнейшее время и лето, в котором благословил Бог люди своя миром, и сим всеполезнейшим, и не на едино, но на множайшая безконечная лета».²

Воинственная риторика Бужинского в изложении Лопатинского окрашена в более спокойные и миролюбивые тона: «Мир во всех благ потребных в житии сем человеку ходатай есть, и сам собою приятнейший есть, паче всех желаемых и честных вещей в мире сем. Ради мира и праведная война честна есть, а не сама собою, понеже мир рождает по победах, похищенное и неправедно удержанное от неприятеля возвращает своему владыце и от неприятеля, не любящего правды и мира, защищает. Инако война сама собою не имела

¹ Там же. Л. 4об, 5об, 8об, 10.

¹ См.: Мф. 22, 1–14.

² Феофилакт (Лопатинский). Слово о благодарованном мире. М., 1722. Л. 2об.

Объявление императора
Петра I Отцом Отечества

бы места и чести между человеки». ¹ Более того, война тогда только возможна и необходима, когда исчерпаны все мирные дипломатические средства. «Идеже бо, мир тамо и прочая в жизни сей потребная. Идеже мир, тамо всякое довольство». Победа и мир со Свейской короной есть, по мнению Лопатинского, величайшее благодеяние Божие, учитывая, какое количество врагов, внутренних и внешних, ополчилось на Россию: «Во время тоя войны прозабла крамола Астраханская, польское непостоянство и смятение, детронизация короля Августа и всяя короны поколебание, Мазепаианская измена, Булавинская, Некрасовская и прочии недостойны воспоминания, союзников превращение и примирение с неприятелем прежде окончания войны, турецкое мироломное восстание, татарского крымского хана злоба и козни, кубонцев нападения воровская, аглинское искусьительное исхождение с флотом не единожды. И сицевыя ли вины такового конца было чаяти?» ²

Победа видится преосвященному как подвиг народа, который, несмотря на «нужды, алчбы, жажды, знои, мразы», прошел практически по всей Европе. Разделяет он и скорбь по погибшим и чаёт их пребывания в Царствии Небесном. Однако главная заслуга победы в Северной войне принадлежит помазаннику Божию «единого неодоленного Монарха нашего, по имени своему Камня, и сего несокрушимаго дражайшаго Адаманта, иже тяжчайшая каменей бремена понесе на себе и сокруши их, вся несовершенства бывшая в войске исполни: флот, без которого бы такового доброго конца войны никогда не было, созда, оружие тупое на выях вражиих изостри. И таковая дела и вещи к войне потребныя, и всему государству всеполезныя, во времена са-

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. Л. 6.

мая войны соверши, каковыя и без войны совершити было бы вечныя похвалы и славы достойно». ¹ Подобно тому, как страннолюбивый Авраам за свое гостеприимство удостоивается явления ангелов и праотческого именованья, так и Петр — миротворец — достоин носить звание Отца Отечества. «Здравствуй вечно, с вечным миром, государь наш царь ПЕТР Великий, Отец Отечества, Всероссийский император, на многия лета, аминь» ² — радостно завершает свою проповедь архимандрит Феофилакт.

Совершенно другую картину рисует перед нами Феофан (Прокопович) в своем слове, ³ сказанном 28 дней спустя. Если проповедь Лопатинского исполнена радостного чаяния мирного жития, то проповедь Феофана — исторический экскурс, цель которого — сформировать политическую программу для дальнейшего развития государства. И эта программа носит отнюдь не мирный характер. Если Петр Первый предстает в проповеди как истинный родитель всех побед и достижений Северной войны, то все окружение царя, как ближнее — родня, так и дальнее — вельможи, духовенство, да и весь народ — лукавые и страшные предатели, всеми силами стремившиеся истребить державнейшего Отца. Прокопович не считает Россию просто жертвой иноземной агрессии, для него действует неизменное для политики право сильного: «ненавистник чей, сильный и яростный, и добре вооруженный, и всякия к одолению удобства имущий, напал на нелюбимаго себе человека, нечающего и неоружнаго и спящаго». ⁴ Более того, для Прокоповича война — не трагедия народа и государства, но в данном конкретном случае — причина, побудившая страну к развитию. Всячески возвысив, «подобно спартам», шведское воинское искусство, архиепископу Феофану о довоенной, допетровской России и «говорить стыдно».

Среди проповедников, после Яворского и Бужинского, вошло в обыкновение сравнивать Северную компанию с деяниями святого Александра Невского и даже празднование Ништадского мира установлено было в день памяти святого князя, но пафос древних побед Прокопович требует оставить: «А где речь о войне шведской: молчите пожалуйста». Россия вступает в войну с войском необученным. Само существование стрелецкого войска было «подобно гангрене». Объявление войны Россией Шведской короне Прокопович считает поступком как минимум опрометчивым, сделанным как бы

¹ Там же. Л. 7 об.

² Там же. Л. 9 об.

³ Феофан (Прокопович). Слово о мире со Швецией. СПб., 1723.

⁴ Там же. Л. 5–5 об.

спросонья, не подумав. С другой стороны, Швеция представляла собою сильнейшего геополитического противника, проводившего последовательную агрессивную политику на Востоке и в Восточной Европе. Победа над превосходящим во всех отношениях противником Феофаном усвоится, конечно, милости Божией, но самое главное выражение этой милости было в даровании России такого монарха, как Петр. Петру и только ему одному принадлежит честь и заслуга столь славных побед. Между тем Российская держава оказывается настолько слепа и неблагодарна, что с самых малых лет богоданного императора окружают ложь, предательство и угрозы убийства. Прокопович последовательно рассказывает нам историю царевны Софьи, представляет дело царевича Алексея, предательство Мазепы. Петр предстает в проповеди одиноким гением, противостоящим всем, понесшим все виды предательства: «было уже на него восстание, и Каиново на брата, и Авесоломово на родителя, и Исмаилово на свободного, и Симеево на государя, и Иудино на Христа Господня».

Как легко заметить, Прокопович идет значительно далее в сравнении, чем Феофилакт, уподобляя Петра Авелю, царю Давиду, да и самому Христу. Уподобление Христу носит довольно последовательный характер, но «прославление, не по равенству, не по подобию, Христово». Весьма трудно понять, что этой фразой хочет сказать Феофан, если не предположить, что в лице Петра он прославляет величайшего монарха мироздания, подобного Царю царей.

Итоги войны, по мысли Прокоповича, показывают, что война была необходима России как для упрочения ее положения среди европейских стран, так и для упорядочения ее внутренней политики. Нет никаких сомнений, что здесь Феофан повторяет мысли самого Петра. Мир — не повод к успокоению. На волне военного успеха Прокопович призывает Петра продолжить реформы внутри государства. Интересно, что Феофан является противником милостей простому народу, считая, что «изобилие» наступит не по милости монарха, а когда «переведется множество тунеядцов, искоренятся татбы и разбой, и искусство Економическое заведется».¹ Невозможно не признать мудрости новгородского архиерея, предпочитавшего единовременному благодеянию, ради празднования победы, последовательное облегчение участи народа через борьбу с расхитителями, установление прочной экономики и повышение уровня образования. Но сам же Феофан рисует тяжелую картину противостояния Петру со стороны русского общества.

¹ Там же Л. 12.

Амвросий Юшкевич,
архиепископ Новгородский

Конный портрет Императрицы Елизаветы Петровны со свитой.
Художник Георг Пренер. 1744–1755

После Ништадтского мира проповедь о Северной войне появляется в истории гомилетики еще раз спустя 23 года. Формально она была связана с другой русско-шведской войной, попыткой реванша в 1741–1743 г. 25 июля 1744 г. архиепископ Амвросий (Юшкевич) вспомнит о Северной войне в «Слове в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьего благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскойскою и Короне шведскою мире, при высочайшем присутствии Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския, и Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и обрученныя Невесты Его, Ея Императорскаго Высочества благоверныя Государыни Великия Княжны Екатерины Алексеевны, проповеданное в Москве в Соборной Успенской церкви Синодальным Членом Преосвященным Амвросием, архиепископом Новгородским».¹ В проповедь о победе над Швецией Амвросий вплетает проповедь о победе над засилием иностранцев-еретиков с приходом новой императрицы: «Первое и самое преважнейшее дело есть Божие и чудо Его

¹ Амвросий (Юшкевич), архиеп. Слово в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного третьего благодарения, о состоявшемся вечном между Империею Российскойскою и Короне шведскою мире, при высочайшем присутствии Всепресветлейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския, и Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича, и обрученныя Невесты Его, Ея Императорскаго Высочества благоверныя Государыни Великия Княжны Екатерины Алексеевны, проповеданное в Москве в Соборной Успенской церкви Синодальным Членом Преосвященным Амвросием, архиепископом Новгородским. М., 1744.

есть умирение и освобождение от гонения церкви наша православная, которая до благополучного на Родительский престол Ея Императорского Величества вступления в великом бедствии и утеснении пребывала. Ибо попущением Божиим за грехи наша предана была в неволю бессовестных человеков, под которых несносным игом, о коль несказанное тиранство, нестерпимая мучительства и гонения, от соседних же и иностранных народов, посмеяния и ругательства претерпевала, изрещи того невозможно. Воспомянем токмо себе, в каких она в то время плачех и утеснениях обреталась, когда видела явственно собственных сынов своих, наших возлюбленных братьев <...> одних от себе отторгнутых, других повреждением и ядом заблуждений еретических убиенных и отравленных (из которых многие еще и донныне тем же ядом напоенные душат и грызут утробу матери своей Церкви святыя), иных мучительно под другими видами за веру казненных, прочих же проповедовать и писать о вере нашей православной под лишением живота запрещенных. <...> Икону Христову и Его Пречистую Матере и прочих святых Божиих публично безчестили и жития оных за басни и сонныя мечтания вменяли и ругались. Сынов же ее благочестно оных почитающих неверными идолопоклонниками и суеверцами называли. Пост святой Великий с начала Христианства по образу Христа Господа <...> принятый <...> и вселенскими соборами утвержденный, вымыслами поповскими, фарисейским лицемерием злословили <...> весь обще чин духовный, равно с простым народом вменяли и почитали, ни единого в нем посвящения и характеру пастырского не признавали, и для того сами собою пастырей и священников без суда правильного низлагали, предающе оных на узы и темницы, на преисподняя заключения и безвестныя ссылки. <...> лютость она бросилась было зверски и на убожество монашеское на лица Богу посвященная <...> мняше неразумно, что в тех убогих келиях великия сыщут сокровища и богатства, того ради одних под претекстом <...> тайного делу безчеловечно мучили, других на ругательство и презрение веры нашей разстригали и в солдаты отдавали, третьих в <...> безлюдныя ссылки на край света посылали, а новых на их места принимать и постригать накрепко запрещали и таким образом монастыри и места святыя везде опустошили, молитвы и жертвы Богу приносимыя упразднили».¹

Как можно видеть, по мысли Юшкевича, внутренний, скрытый враг оказывается едва ли не страшнее внешнего, а предостережения Яворского, Бу-

жинского, Лопатинского и отчасти Прокоповича об опасности отхода от чистоты православного христианского вероучения в полной мере сбылись в последовавшем после Петровского правления: «Что убо делает с нами Господь милосердый, увидел злобу над нами и над душами нашими <...> что уже не токмо на дом его Божественный, но и на самыя тайны Сыном Его возлюбленным изливанием крови зделанныя <...> безстрашно вооружаются и слуг Его домашних мучат и убивают <...> стерпеть больше не мог такого безчестия, сделал чудо на весь свет неслыханное <...> воскресил Петра Великого и Екатерину Премудрую в Первой Елисавете Петровне <...> и тако чрез оную освободил церковь свою святую от гонения».¹

¹ Там же. Л. 3–4об.

¹ Там же. Л. 7.

Норвежское предпринимательство на Европейском Севере России в преддверие и в годы Первой мировой войны

ТЕВЛИНА Виктория Валерьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Арктический Университет Норвегии — Университет Тромсе; профессор, Северный (Арктический) федеральный университет

При анализе исторических корней процесса проникновения иностранцев на север России необходимо отметить, что они берут свое начало еще с середины XVI века, когда открытие на государственном уровне связей с Англией через Архангельский порт и появление иностранных купцов из Англии, Голландии и Германии стали одной из основных причин экономического оживления края. Век спустя благодаря обороту экспортных и импортных товаров Архангельская губерния стала местом «наиболее развитого денежного хозяйства» в России. Так, на севере стали возникать: канатные фабрики, одна из которых находилась недалеко от Архангельска,¹ сахарные заводы, а также фирмы, занимавшиеся торговлей, мореходным промыслом.

¹ Андреевский А. И. Фабрично-заводская промышленность Севера накануне Мировой войны // Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края. Архангельск, 1920. С.76

Между тем, с середины XIX столетия начался постепенный упадок только что народившегося промышленного производства на Европейском Севере России, толчком к которому послужила отмена в 1852 г. льготы для одной из ведущих отраслей производства — сахарной промышленности, лишившейся получения возвратной пошлины. В торгово-коммерческом отношении Архангельск продолжал оставаться одним из первоклассных российских портов, откуда шли товары как на внутренний, так и на внешний рынки. Но и здесь, по сравнению с деятельностью других российских портов, наблюдался спад. Отдаленность губернии от центральных регионов России, особенно сказавшаяся в годы Крымской войны (1853–1856), плохое состояние путей сообщения, малонаселенность края отпугнули от региона многих российских купцов, промышленников и коммерсантов. Это же обстоятельство коснулось и иностранцев.

Промышленность и торговля Поморского края, во многом снижавшая свои темпы и масштабы развития с 1840-х гг., к началу 1860-х гг. окончательно свелась лишь к морским и речным промыслам, судостроению, солеварению и незначительной торговле. Ситуация усугублялась и тем, что 5 марта 1862 г. Высочайшим повелением императора Александра I Архангельск как один из крупнейших военных портов был упразднен, сохранив в себе лишь гидрографическую часть и управление маяками и лоцией.¹ Существование самостоятельного Архангельского военного порта оказалось обременительной статьей расходов для государства и повлекло углубление застойных явлений в крае.

Что касается норвежского бизнеса, то впервые норвежцы наладили контакты с русскими людьми в 1840–1850-е гг. и лишь в приграничных районах на Северо-Западе России вдоль Мурманского берега в сфере торговли продовольственными товарами, небольшим количеством лесных материалов и лесных изделий из дач Поморского края.²

Великие реформы 1860–1870-х гг. в России послужили толчком к быстрой капитализации экономики страны. С другой стороны, пришло сознание того, что помощь иностранного капитала не будет в этом случае лишней. Начало XX века стало наиболее важным этапом в проникновении норвежских предпринимателей на Север (первоначальный этап пришелся на 1860–1890-е годы). Так, в начале 1900 г. в Кемском уезде Архангельской гу-

¹ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919. С. 114.

² Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), Ф. 1152, оп. 5, д. 103, л. 20.

Количество китов у Святого Носа в конце XIX в.

бернии открыло свою работу лесопромышленное акционерное общество «Ковда», которому принадлежал лесопильный завод в селе Ковда.¹ Управляющим завода был назначен норвежец Оскар Вагер (Oscar Wager), брат Карла Вагера (Carl A. Wager), руководившего заводами фирмы в районе г. Сундсвалля в Швеции.² На основании устава, утвержденного в России за полгода до начала дея-

тельности компании, ее основной капитал составлял 600 тыс. рублей, разделенных на 1200 именных акций по 500 рублей каждая сроком на 10 лет, которые принадлежали английским и норвежским подданным.³ Цепью общества стало «развитие действий парового лесопильного завода, находящегося в устье реки Ковда, а также торговля лесными материалами внутри Империи и за границей». Завод компании, закупивший оборудование в Швеции, имел 6 рам с ежегодной производительностью в 6 тыс. стандартов.⁴ Однако вначале денег все равно не хватало. Потребовалось еще около 400 тыс. рублей (или 720 тыс. крон) для завершения строительства завода и оплаты труда нанятых вначале 15 шведских, а затем и русских рабочих.

Первые два года для компании были крайне неудачными, и поэтому английские компаньоны, которые находились под норвежским руководством, не только начали сомневаться в предприятии, но и вскоре вышли из него. Карл Вагер подвергся критике на заседании правления головной компании «English Strand Wood Company» и был признан виновным в неудачах «Ковды» на Севере России.⁵ Когда выяснилось, что убыток от завода достиг уже в первый год 25 тыс. фунтов стерлингов, было решено, не дожидаясь окончательного разорения, продать завод и все дела фирмы шведским лесопромышленникам или реконструировать предприятие. Решением лондонского совета фирма все же была преобразована в акционерную компанию «Мурманское пароходство» («Murman Coast Company Ltd») с основным капиталом в 150 тыс. фунтов стерлингов, и «Ковда» стала ее филиалом.⁶ Несмотря на

все реорганизации, дела в «Ковде» шли плохо, хотя Карл Вагер лично приехал в село Ковда, чтобы возглавить компанию на месте. В 1904 г. пришлось пойти на крайнюю меру: продать завод шведской компании в Сундсвалле за 80 тыс. крон.¹ Таким образом, только начав свое дело в России и вложив в него значительные средства, компания вынуждена была, в силу неразвитой инфраструктуры, транспортных магистралей, нехватки квалифицированных рабочих, малого срока для полного запуска завода и ряду других обстоятельств, требующих больших средств, прекратить свою деятельность.

Практически та же участь затянувшейся организации дела и неудач постигла норвежское акционерное общество «Сюдварангер» (в ряде архивных документов звучит как «Зюдварангер»), взявшее в аренду водопад Харефос на реке Паз в Александровском уезде Архангельской губернии в 1907 г.² Следуя примеру «Ковды», доверенный инженера Йоганна Кнюдцена Йоганн Беренс обратился в государственное Управление землеустройства и земледелия России с ходатайством о приобретении в аренду на 99 лет водопада на реке Паз, Пазрецкого падуна, расположенного в Александровском уезде, в двух верстах от церкви святых Бориса и Глеба, и участка земли из территории, уступленной России Норвегией по конвенции 1826 г.

В ответ на прошение о практическом использовании «сил природы» Министерство иностранных дел Российской империи ответило отказом, заявив, что «отдача иностранному акционерному обществу земли, в частности у Борисоглебской церкви, представляется нежелательной, т. к. все усилия наших властей за последние годы были направлены к недопущению в этой пограничной полосе иностранцев. Кроме того, аренда знаменовала бы собою отказ от попыток ограждения края от норвежского влияния и закрепления его в России».³ Против разрешения на открытие дела выступил и Архангельский губернатор И. В. Сосновский (губернатор в 1907–1911 гг.). Однако, по сообщению российского императорского консула, располагавшегося в Финнмарке (провинция Норвегии, граничащая с Россией), «лесной ревизор и лесничий стали отмерять святую землю по обеим сторонам Пазы трем новым конкурентам: Шапошникову, желающему открыть лесопильный завод, сыну Кнюдцена, который хочет строить завод для передачи электрической силы в Норвегию на недавно открытые залежи железной руды, и Лунду,

¹ Овсянkin Е. И. Деловые люди Поморья // Правда Севера. 1992. 21, 21 февраля.

² Bjorklund J. From the Gulf of Bothnia to the White Sea // The Scandinavian economic history review. 1984. P. 34.

³ Sejersted F. Veien mot ost // Langholm S., Sejersted F. (red.) Vandringer. Oslo, 1980. P. 184.

⁴ Указатель действующих в Империи акционерных компаний и Торговых Домов // Под. ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. С. 1935.

⁵ Bjorklund J. Ibid. P. 34.

⁶ Bjorklund J. Ibid. P. 35.

¹ Ibid.

² Ibid. (В оригинале Сюдварангер звучит как Syd-Varanger или Siudvaranger; река Паз в норвежском переводе звучит как Pasvikelva).

³ РГИА, ф. 387, оп. 28, д. 672, л. 7–8.

Лопари и норвежские колонисты. Фото 1903 г.

планирующему заняться лесозаготовительным производством».¹

При проверке благонадежности конкурентов выяснилось, что уполномоченный Шапочникова, уезжая домой, передавал свои полномочия Кнюдцену-отцу, который, в свою очередь, являлся в деле доверенным лицом своего сына. «Так что, вероятно, эти лица конкуренты для виду, а на самом деле это одна компания, во главе которой стоял Кнюдцен, стремящийся захватить всю землю по обеим берегам Паза и сосредоточить пограничную торговлю в своих руках», — к такому выводу пришла торговая инспекция по данному прошению. Опасения властей о вероятном ущербе российским лопарям в местности вокруг Пазрецкой церкви были вполне обоснованны, поскольку норвежцы имели большой опыт в торговых делах и могли обойти русских просителей. С другой стороны, предложенная аренда водопада и земли вокруг него в данное время была выгодна обеим сторонам, т. к. требовала освоения. Поэтому по решению министра землеустройства и земледелия России оба берега реки Паз вокруг Пазрецкого падуна, в силу уже имеющейся принадлежности их к России, были без дальнейших опасений отданы в долгосрочную аренду.² Право на первое устройство было предоставлено обществу «Сюдварангер» на 5 лет, начиная с 1907 г. К 1913 г., в силу принятых на себя обязательств, норвежцы вместе с российскими предпринимателями построили на реке Паз Пазрецкий каскад из 7 небольших гидроэлектростанций. По сути, компания стала пользоваться водопадом мощностью 7,5 тыс. лошадиных сил. Более того, на его основе компания устроила также шлюз для про-

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

пуска плотов и небольших судов.¹ В ходе работ были улучшены и лесенки для плавания рыбы на Пазрецком водопаде, что позволило улучшить ловлю семги. При этом российские власти требовали, чтобы во время промысла норвежцы не смели пересекать государственных границ России.

К 1913 г. срок соглашения истек, и общество было вынуждено прекратить свои действия. Оно явно оставило свой след в развитии отдаленного Александровского уезда и еще раз подтвердило наличие творческой инициативы, опыта, настойчивости и стремления улучшать социально-экономическое развитие края, которыми обладали деловые люди из Норвегии.

Существенным вкладом норвежских предпринимателей в экономику Архангельской губернии стал также построенный в 1911 г. жителями Драммена Турлефом Бакке (Thorleif Bache) и Йенсом Вигом (Jens Vig) лесопильный завод в Онеге. Более того, Турлеф Бакке, будучи активным человеком, одновременно купил в Онеге еще один лесопильный завод вместе с уже упоминавшимся выше К. Вагером, представителем фирмы «Ковда», и в течение двух последующих лет организовал вместе с Й. Вигом и К. Вагером фирмы «Бакке и Виг» и «Бакке и Вагер». Он начал заниматься как лесопилением, так и экспортом леса за границу. Интересно то, что фирма «Бакке и Виг», имея контору в норвежском Драммене,² работая на собственные капиталы, для отправки леса со своего завода в Онеге пользовалась дополнительными средствами от английской фирмы «Фон Морган и К» в размере 2/3 от стоимости отправляемого в навигацию леса.³ Кроме того, в 1916 г. фирма «Бакке и Виг» открыла при заводе свое торговое предприятие, оборот которого составил за год 30 тыс. рублей, а прибыль порядка 10 %.⁴ Общий же оборот производственных мощностей компании в 1917 г. достиг более 0,5 млн рублей, а прибыль — 15–20 %.⁵

В аналогичном финансовом состоянии в годы Первой мировой войны находилась и фирма «Бакке и Вагер», которая для лесозаготовок и продажи лесоматериалов со своего Онежского завода также, пользуясь задатками от «Фон Морган и К» и отправляя все счета и главные книги в свою контору в Драммене, имела до 15 % прибыли в России, или 44 тыс. рублей при обороте в 0,3 млн рублей.⁶ Отправка товаров за границу вышеназванными ком-

¹ Там же. Л. 14.

² РГИА, ф. 387, оп. 28, д. 672, л. 89–90.

³ ГААО, ф. 13, оп. 6, д. 70, л. 2.

⁴ ГААО, ф. 51, оп. 18, т. 3, д. 134, л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 4.

паниями продолжалась до конца Гражданской войны в России, пока не произошла смена властей в Северной области и не возрос, по данным исполняющего обязанности королевского норвежского генерального консула, до 154 тыс. фунтов стерлингов их долг в Англии и Норвегии, который привел к неспособности фирм «Бакке и Вагер» и «Бакке и Виг» вести дела дальше.¹

Накануне и в годы Первой мировой войны, стремясь воспользоваться нуждами военного времени, возможностью вложить и приумножить капиталы в производство и поставки необходимых фронту и тылу товаров, в северных областях Европейской России развернули свою деятельность не только норвежские, но и российские бизнесмены. При этом они все чаще стали учреждать и развивать совместные предприятия, чего не происходило столь активно в конце XIX века. Очевидно, это было выгоднее с финансовой и организационной точек зрения. Более того, думается, пришел и опыт вести дела совместно, умение договариваться, распределять обязанности и средства. Однако, как отмечалось в отчетах ряда работников Министерства иностранных дел Норвегии, «появление и деятельность фирм в военные годы была обусловлена конъюнктурой войны, избыточной для инвестиций».²

В 1913 г. на Архангельском Севере появилось лесопромышленное общество «Прютц и К», учрежденное в Архангельске активистом «норвежской лесной агентуры» Фредериком Прютцем. На основании устава, утвержденного 29 декабря 1913 г., общество было создано для «приобретения и эксплуатации лесов, лесопильных и иных лесотехнических заводов; для выделки бумажной массы из дерева; для устройства и эксплуатации лесных пристаней; для внутренней и заграничной торговли лесными материалами, а также перестройки и эксплуатации зданий в Архангельске и других местностях».³ Компания, приобретая большие лесные массивы для вырубki леса в Туломе близ Колы и позже в ряде других мест в Архангельской губернии, начала успешно осуществлять свои планы.⁴ Основой капитал общества составил 3 млн рублей, разделенных на 30 тыс. акций по 100 рублей каждая.

К слову, новообразованная фирма Ф. Прютца (F. Prytz) фактически способствовала приходу на рынок России Шиенской (близ Телемарка) компании «Союз и К» («Union Co»), которая еще с 1911 г. вела поиски возмож-

Норвежская семья Ойен.
Колония Цып-Наволоок.
Фото 1915 г.

ностей развития своей деятельности на Востоке.¹ Иными словами, «Прютц и К» стала как ее проводником, так и компаньоном, не потеряв при этом своей самостоятельности. Хотя в изученных документах о Шиенской фирме мало что встречается.

В августе 1915 г. после утвержденного в Архангельской фабричной инспекции чертежа фирма «Прютц и К» приступила к постройке лесопильного завода в Архангельском уезде по реке Маймакса близ дер. Козлики. На примере данного завода хотелось бы кратко описать, как выглядел типичный лесопильный завод и какие замечания, в частности, получали его владельцы от фабрично-заводской инспекции при строительстве для последующего устранения для обеспечения большей безопасности. Например, центральным был амбар (цех), где отсутствовала необходимая наружная лестница. К амбару примыкал шлюз для подъема бревен из воды, однако в случае завода Ф. Прютца прочные окованные ставни для предупреждения обратного падения бревен внизу подъема и на половине своей длины отсутствовали, и др.²

Показательна судьба фирмы Ф. Прютца, типичная для тех предпринимателей, которые остались работать в России в годы Первой мировой и даже Гражданской войн. Так, после национализации его компании 21 марта 1920 г. внутренние активы фирмы перешли к Советскому правительству. Ф. Прютц немедленно начал переговоры о ликвидации и дивидендах фирмы, которые необходимо было вернуть, ведь активы компании были записаны на счете Международного департамента Норвегии, хотя это прямо не говорилось. Ситуация вызвала разное политические и экономические от-

¹ Там же. Л. 4.

² См.: Utenriksdepartamentet (UD), P2P 1a/18, mappe 1.

³ Sejersted F. Ibid. P. 188.

⁴ РГИА, ф. 95, оп. 11, д. 2409, л. 86.

¹ См.: Vogt B. Art. om F. Prytz // Norsk Biografisk Leksikon / Arntzen J. G., Helle K. (reds). Oslo, 2003. V. 7.

² ГААО, ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 428—429.

ношение в России.¹ Между тем, Фредерик Прютц, взяв немалый кредит за границы, закупил лес и в 1923 г. организовал новую фирму «Русснорвего-лес», или Русско-Норвежское Онежское лесное акционерное общество (фирма стала концессионной). Заключив несколько выгодных соглашений на распиловку и экспорт лесной продукции, новая фирма работала почти до 1928 г., периода завершения НЭПа. Столкнувшись с советскими властями по поводу неполного перевода валюты за проданный лес и требованием возместить ущерб, лесопромышленник фактически игнорировал эти требования и выехал из России, тем самым завершив в ней свою деятельность.²

Своеобразным подтверждением инвестиционных возможностей и привлекательности идеи развития всех сторон бизнеса в военное время на севере России стали новые предложения российских властей. В самый разгар Первой мировой войны, в августе 1916 г., при Лесном департаменте России состоялось особое совещание по выработке мероприятий для более полного использования лесов севера. После совещания была издана записка «Очередные задачи казенного лесного управления после войны», где излагались намерения российского правительства произвести распродажи лесных материалов в течение трех послевоенных лет. Предложение Лесного ведомства сводилось к мысли о предоставлении частным предприятиям в долгосрочную эксплуатацию отдельных северных лесных угодий.³ После публикации проектов совещания в ряде российских и зарубежных изданий посыпались заявки от французских, бельгийских и английских бизнесменов, которые хотели бы вложить солидные средства в разработку нетронутых лесных богатств и развитие российской лесной промышленности.

Не обошлось и без норвежских предпринимателей. Так, в российскую миссию в Христиании от имени норвежского лесопромышленного товарищества «Г. Лунгвист и Э. Фроде» поступило прошение разрешить осмотреть казенные лесные участки, назначенные правительством для долгосрочной концессии в Архангельской губернии после соответствующего решения особого совещания.⁴ Кроме просьбы об осмотре группа норвежских промышленников, желая осуществить вложение капиталов в северные предприятия, обратилась в Министерство внутренних дел и Министерство землеустройства и земледелия за более подробными разъяснениями об ус-

ловиях участия норвежцев не только в лесном деле, но и в рыболовстве, эксплуатации водопадов, судоходстве и горной промышленности. В декабре 1916 г. был составлен проект ответов на все интересующие предпринимателей вопросы, где, в частности, говорилось, что право на использование лесов может быть приобретено на конкурсной основе при условии постройки целлюлозного или писчебумажного заводов сроком на 36 лет, но без права приобретения лесов в собственность. Для устройства заводов отводятся в аренду, с правом последующего выкупа, участки размером не более 500 десятин.¹ Помимо эксплуатации лесов в проекте говорилось о праве организации сплава леса и оборудовании флотилии, а также о возможности использования водопадов на основании соглашения.

Что касается российского правительства, то оно обещало всяческую поддержку в развитии «концессионного района» как в деле отвода для рабочих и служащих казенных земель под поселки, устройства сельскохозяйственных и скотоводческих хозяйств на льготных условиях, так и предоставления льгот на беспошлинный ввоз оборудования и основных продуктов питания в начальный период деятельности компаний. Однако устройство подъездных путей к заводам и месту вырубок, проведение мелиоративных работ, поиски специалистов и руководителей предприятий при необходимом ограничении иностранных подданных до 1/3 по отношению к русским отдавалось на волю и средства предпринимателей.²

Под влиянием принятых правительственных решений, а также из-за желания вкладывать заработанные на войне средства в кредиты, норвежские инициативы в Северной России резко усилились. Так, в 1916 г. норвежцами О. Лундом (Otto Lund), Ч. Соммерфельдом (Chr. Sommerfelt), Б. Расмуссеном (B. Rasmussen), Ф. Бертельсеном (F. Berthelsen) и их российскими коллегами было учреждено «Русско-норвежское лесопромышленное акционерное общество» («Russisk-Norsk Skogindustri A/S»). Стартовый капитал составил 3,5 млн крон, распределенных между компаньонами из Шиена, Драммена и Бергена.³ В России устав компании на основании прошения норвежского подданного А. А. Ваннага был утвержден 29 декабря 1916 г.⁴ Целью фирмы стала «эксплуатация лесопильных, лесоперерабатывающих и других заводов для механической и химической обработки дерева, произ-

¹ Fredrik Prytz arkiv. Norge Riksarkivet. Hyllenr, 3B 049, Eske 6.

² ГААО, ф. 1, оп. 7, д. 286, л. 1.

³ ГААО, ф. 13, оп. 6, д. 73, л. 8.

⁴ РГИА, ф. 387, оп. 20, д. 72220, л. 15.

¹ РГИА, ф. 387, оп. 20, д. 72220, л. 1.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Sejersted F. Ibid. P. 187.

водства из дерева всякого рода продуктов, использование продающихся на сруб лесов, а также торговля продуктами производства этих заводов и собственно лесом».¹ Основной капитал для применения непосредственно в России составил 3 млн рублей, распределенных на 3 тыс. акций по 1 тыс. рублей каждая. Среди акционеров, явившихся на первое собрание фирмы в Санкт-Петербурге 20 января 1917 г., были 15 норвежцев, среди которых находились: Отто Лунд — 406 акций (150 голосов), Карл Бакке — 10 акций (5 голосов) и другие известные норвежские предприниматели.²

Что касается практических шагов, предпринятых Русско-норвежским лесопромышленным акционерным обществом на Севере, то помимо приобретенного права и начала валки леса вблизи города Котлас Вологодской губернии в объеме 1 млн. кубом. со сплавом его в Архангельск было спроектировано и начато впервые строительство железной дороги через Котлас к норвежской границе.³ В проекте было и открытие целлюлозной фабрики. Кроме того, в октябре 1917 г. Управление работ Мурманского торгового порта в лице заведующего работами инженера Салова и «Русско-норвежское лесопромышленное акционерное общество» в лице директора-распорядителя А. А. Ваннага заключили договор о постройке девяти разборных домов зимнего типа для рабочих (около 1400 кв. м) и о содействии в их доставке через Варде и Александровск (ныне — Полярный).⁴ Окончательным сроком погрузки домов в Христиании был назван декабрь 1917 г. Стоимость 1 кв. м дома составила 100 крон, а общая сумма — 140 тыс. крон. Для сборки домов в Россию был командирован техник. Уже через месяц после подписания контракта дома были привезены на Мурманский берег. Однако дело осложнилось тем, что, несмотря на выплаченный 20 % задаток, власти не спешили платить остальную сумму на протяжении еще трех месяцев. В течение этого времени дома лежали в разобранном виде, качество их стало ухудшаться, печи к домам оказались дороже, чем предполагалось, и в результате фирма понесла дополнительные расходы в размере 60 тыс. крон.

Таким образом, стоимость отправки, покупки и страховки домов повысилась до 200 тыс. крон, которые норвежцы потребовали выплатить в ближайшие сроки наличными.⁵ Рассчитывать на финансовую помощь россий-

Рыбный стан Гавриловское.
Гравюра конца XIX в.

ского правительства в условиях, когда в стране шла революционная борьба и разгоралось пламя Гражданской войны, вряд ли было возможно. Поэтому в первых числах февраля 1918 г., при содействии британской военной миссии, английскому правительству была послана телеграмма с просьбой открыть кредит на 200 тыс. крон на покупку, страхование и доставку домов для рабочих Мурманской железной дороги, а также для офицеров и солдат тех частей, которые располагались в Мурманске.¹ В итоге дело было завершено удачно. Это позволило, кроме договора о покупке домов с фирмой и ее фабриками в Христиании, начать разрабатывать планы поставки Мурманской больницы (в разобранном виде) на сумму 1,3 млн крон.² Однако этой сделке в силу активных политических перемен не суждено было осуществиться.

Весной 1917 г., при непосредственном участии уже успешно работавшей почти 4 года фирмы «Прютц и К», на Северо-Западе России появилась еще одна акционерная компания — «Русская лесная промышленность» («Russian Forest Industry LTD»), которая также внесла свой вклад в концессионные проекты российского правительства. Ее возглавили уже известный нам предприниматель из Норвегии Ф. Прютц (F. Prytz), а также Н. О. Юнг Фернлей (N. O. Young Fearnley), Г. Хартман (G. Hartmann), Ч. Виг (Chr. Vig) и Э. К. Кяр (Elias C. Kiar). Акционерный капитал общества составил довольно большую сумму — 8 млн крон.

Во владении фирмы оказались два лесопильных завода в Онеге и один в Маймаксе, недалеко от Архангельска. Проработав чуть более полугода,

¹ РГИА, ф. 23, оп. 13, д. 821, л. 21.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Sejersted F. Ibid. P. 187.

⁵ РГИА, ф. 95, оп. 11, д. 2409, л. 38.

¹ Там же. Л. 76.

² Там же. Л. 38.

компания в течение 1917–1918 годов дважды брала займы в размере более чем 150 млн крон.¹ Это свидетельствовало об определенных финансовых и производственных трудностях, постигших компанию в трудные военнореволюционные времена, сопровождавшиеся и инфляцией.

После создания новыми властями потребительского общества при заводе фирмы в Маймаксе компания фактически прекратила свою деятельность,² так и не реализовав своих перспективных планов и не сумев получить прибыль от вложенных средств в три лесопильных предприятия на севере России. В 1920 г. общество было национализировано.³

С началом Первой мировой войны на лесопильных заводах «Норда», «Бакке и Вагер» и предпринимателей Я. Е. Макарова, товарищества «Русанов сын» и др. прошли собрания уполномоченных больничных касс, на которых принимались решения о помощи семьям мобилизованных на войну.⁴ На эти цели было выделено около 3 тыс. куб. Члены правления и комиссий компании «Бакке и Вагер», кроме того, перечислили на нужды воинов свою премию за 1914 г.⁵ Собирались пожертвования на дрова для семей защитников в годы Первой мировой войны (15 руб. в месяц).⁶

При всех лесопильных предприятиях были открыты заводские лавки, торговавшие как товарами первой необходимости, так и рабочим инвентарем. Так, в 1914–1916 гг. в заводских лавках в Печорском крае среди продуктов питания были: мука, хлеб, изюм, пастила, какао, шоколад, колбаса, мясо, 17-20 сортов сыра и т. п. на общую сумму около 19 тыс. руб.⁷

Из стремления иностранцев обосноваться на севере вытекало и их желание заключить долгосрочные договора, не менее чем на 20-25 лет и более (это стремление ограничивалось «Уставом Торговым» лишь до 12 лет), а также пристальное внимание к инфраструктуре. Подтверждением этому служат построенные в начале XX столетия при большинстве заводов иностранных фирм торговые лавки, больницы, школы. Так, «Бакке и Вагер»,

¹ SSB (Statistic Sentral Burou of Norway), Statistiske meddelelser 1918–1921, s. 174–175, <http://www.ssb.no>.

² РГИА, ф. 23, оп. 13, д. 882, л. 2.

³ *Solverud J. Speculanter i jobbetid. En analyse med basis i aksjetegnerne i selskapet Russian Forest Industry LTD varen 1917.* Oslo: Universitetet i Oslo, 1992. P. 66.

⁴ Там же, ф. 110, оп. 1, д. 21, л. 131. Предыдущий источник — не архив, значит, «Там же» писать нельзя. На какой архив дается эта ссылка? — Ред.

⁵ Там же. Л. 133.

⁶ Там же. Л. 204.

⁷ ГААО, ф. 357, оп. 1, д. 568, л. 53.

в 1911 г., открыв завод в 4 км от г. Онеги, сразу же построила там и «казарму» для рабочих.¹

«Стелла Поларе» 30 июня 1915 г., помимо уже существовавшей больничной кассы для нужд рабочих, построила и открыла школу при своем заводе.² Кроме того, в июле того же года фирма утвердила проект и приступила к строительству двухэтажной больницы с помещением для амбулаторных и лежачих больных.³ Больница начала работать в конце 1916 г.

На примере созданного в октябре 1915 г. проекта барака для рабочих при заводе Товарищества «Прютц и К» можно представить в целом, как были устроены рабочие и чего им не доставало. Так, жилые подворные помещения при заводе были спроектированы хорошо, но фабрично-заводской инспекцией было рекомендовано поставить сквозные двери из одной спальни в другие, чтобы в них не проникал кухонный чад и чтобы находящиеся в одной спальне не беспокоили других.⁴

Интересны данные об уровне производства на ряде норвежских предприятий и их технической оснащенности в сравнении с другими в 1913–1917 гг., когда они окрепли и могли максимально использовать свои мощности. Характерно, что количество пильных рам и производительность у компаний, начавших свою деятельность до 1913 г., была в целом выше, чем у появившихся во время Первой мировой войны и не успевших еще освоиться норвежских фирм в Онежском и Кемском уездах. Между тем, важными являются не только высокая оснащенность заводов техническими средствами, где среднее число рам достигало 6-10 ед., но и объем производства: в среднем 157,9 тыс. распиленных бревен на сумму 581,0 тыс. руб. Эти показатели намного превышали соответствующие объемы по лесопильным предприятиям Европейской России (200 тыс. руб.),⁵ что говорило о высоком уровне северной лесной индустрии, организованной норвежцами или обрусевшими иностранными подданными.

Итак, если в 1860–1890-е гг. в регионе действовало 9 крупных лесопромышленных товариществ, учрежденных иностранными подданными, к которым можно отнести и владельцев «Ульсен, Стампе и К» норвежцев М. А. Ульсена, К. К. Стампе, то в начале XIX столетия на севере учреждается

¹ ГААО, ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 143.

² ГААО, ф. 110, оп. 1, д. 25, л. 411.

³ Чертежи больницы и ее краткое описание см. там же, л. 419.

⁴ Там же. Л. 484–485.

⁵ Андреевский Л. И. Указ. соч. С. V.

еще 8-10 фирм, в основном норвежских. Они владели 14-ю лесозаводами в Печорском, Кемском, Онежском и Архангельском уездах. Из 17 лесопромышленных компаний, созданных в Архангельской губернии в пореформенный период, лишь восемь были чисто иностранными фирмами с конторами, работающими за границей или филиалами таких организаций, как: «С. А. Stuart & С», «Hockthandel Woorheen Altius & С», «Travaru Aktiebolaget Petshora», специально созданных для работы в России. Остальные 9 компаний принадлежали иностранным подданным, проживавшим на севере в качестве иностранцев или впоследствии принявших подданство.

Таким образом, в течение 1861–1917 гг. иностранцами и западными фирмами в Архангельской губернии было учреждено до двадцати различного вида крупных лесопромышленных компаний, которым принадлежало 33 лесопильных завода. Из них 11 фирм, т. е. чуть более половины, учредили норвежские подданные. Удельный вес фирм норвежцев, как и иных иностранцев, достигал не более 20-40 % в зависимости от времени учреждения компании и не превышал количество действующих российских фирм — товариществ «А. Чудинов и К», «Бр. Ружниковы», «П. Беляев наследники», «Бр. Пец», «Бр. С. и М. Кыркаловы» и др.¹

Наибольший поток норвежцев и их фирм пришелся на 1913–1920 гг., когда в преддверие Первой мировой войны и в ходе нее от севера не только потребовалось обеспечить приемку и отправку грузов для фронта и тыла, но и дать возможную финансовую поддержку фронту со стороны промышленников и купцов при сохранении ими темпов своего производства. Более того, в это время легче было взять кредиты для открытия своего дела и, соответственно, легче заработать деньги. Появление в этой обстановке инициативных, опытных, финансово независимых людей из-за рубежа, поддержанных правительством, было как нельзя кстати, поскольку дало возможность не просто сделать денежные вливания в развитие различных отраслей экономики края, но и способствовало дальнейшему подъему торговли и завызыванию многолетних связей Северного региона России с рынками и компаниями на Западе. Можно сказать, что к началу XX века лесная отрасль производства помогла региону подняться на новый уровень экономического развития. Она имела не только механически оснащенные лесопильные заводы и многомиллионный доход от их деятельности, но и давала работу значительному количеству рабочих края.

¹ Там же. С. 133.

Из опыта совместной работы по духовному и патриотическому воспитанию учащейся молодежи на базе общественной организации «Муста-Тунтури — памяти защитников полуостровов Рыбачий и Средний»

БЫСТРОВА Галина Дмитриевна, директор воскресной школы при Свято-Троицком храме г. Заполярный

Работая в средней школе, я часто просила своих ребят определиться в пространстве и времени и соотнести информацию о себе и мире.

Но когда в 1979 году в качестве классного руководителя вместе со своими десятиклассниками из отряда ГСС Бориса Митрофановича Ляха, катерника-североморца, впервые попала на районный комсомольский молодежный слет на полуостровах Рыбачий и Средний, я ясно поняла, что есть в жизни страны такие события, над которыми не властны ни время, ни пространство.

Четверо сыновей священника Озерского, погибшие на фронтах Великой Отечественной

Фото матери Валентина Озерского, штрафника (мать — жена священника отца Леонида)

... Мы поднялись на хребет Муста-Тунтури с берега губы Волоковой по красной гранитной скале и увидели стрелковые ячейки из камня, доты, дзоты, окопы, воронки, огнеметы, штабеля мин, неразорвавшиеся снаряды и гранаты, сотни гильз, останки солдат, прикованных в бетонных ячейках на линии немецкой обороны...

Все, как много лет назад. Истлевшее время здесь как будто остановилось — затаилось: казалось, вот-вот вернется ветер военной истории с его кровавым дождем, и ветреную тишину разорвут взрывы и пулеметные очереди...

Мы стояли на высоте «Погранзнак», на черте бывшей финской границы, установленной в 1920 году по Тартускому мирному договору между РСФСР и Финляндией. Именно здесь и находился пограничный знак под номером А-34, который в 1940 году при переносе границы убрать забыли. Именно здесь элитные силы Вермахта, австрийские горно-стрелковые корпуса дивизии «Эдельвейс», вторгшиеся 29 июня 1941 года на полуострова, были остановлены Красной армией.

И почти 1200 дней и ночей эта разделительная черта линии фронта определяла блокадные условия, в которых воевали защитники Советского Заполярья на полуостровах Рыбачий и Средний.

Дочь о. Леонида — Зебзеева Альбина Валентиновна в музее под Муста-Тунтури

Необходимо дать небольшую географическую справку: полуострова Средний и Рыбачий расположены на северо-западной оконечности Кольского полуострова, на 340 километров севернее Полярного круга и на 60 километров севернее 69 параллели. Полуострова как бы нависают над Печенгским заливом, и с них просматривается внутренний и внешний Варангер-фьорд. Недаром в 40-х годах XX века Рыбачий называли «гранитным линкором».

Здесь мы своими глазами увидели, в каких суровых полярных условиях воевали советские солдаты и моряки на скалах Муста-Тунтури, и поняли, какой силой духа им нужно было обладать, преодолевая слабую человеческую плоть, чтобы не только выжить, но и победить.

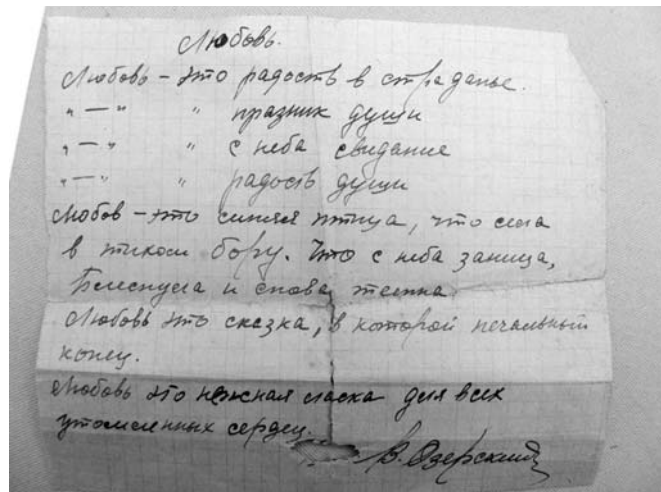
Тогда, в конце 70-х, нам казалось, что мир будет вечным, страна — сильной и могучей, что наши родители, прошедшие Великую Отечественную войну, победили зло в этом мире навсегда.

Но в 90-х, несмотря на всеобщее воспитание в годы советской власти в духе патриотизма и интернационализма, мы оказались не готовы к пониманию происходящего и к защите Отечества. Словом «патриот» в 90-х клеймили, как врагов. И СССР распался.

А Россия осталась.

Терзаемая врагами, внутренними и внешними, она устояла, а мы, оставшись без ориентиров, без ставшей бесполезной идеологии, растерянные, очнулись от морока и сделали печальный вывод, что строки из «Думы» М. Ю. Лермонтова — это о нас:

Письмо с фронта Валентина
Леонидовича Озерского

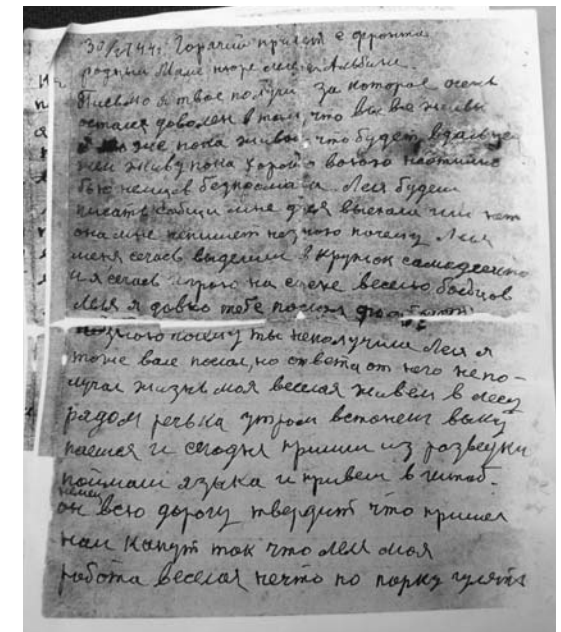
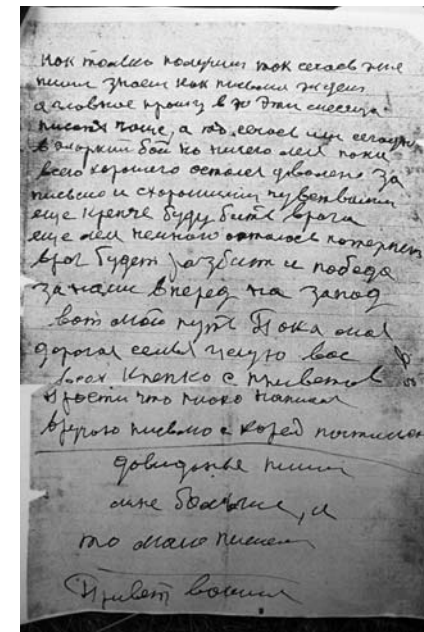
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

В поисках равновесия и сил многие из нас обратились к Иисусу Христу, к поучениям святых отцов, которые как будто знали, что произойдет в будущем, и, предвидя нашу беду, написали книги и стихи, в которых мы, потрясая неужесточенные, несмотря на наше образование, вдруг нашли и, главное, приняли ответы на терзавшие нас вопросы:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

У него же, святителя Филарета (Дроздова), так блистательно полемизировавшего с А. С. Пушкиным, довелось прочитать: «Отечество — это пред-

Письмо с фронта Валентина Леонидовича Озерского

градие Царствия Небесного». Не «Град обреченный», о чем шумели во время перестройки «народные витии», а предградие Царствия Небесного! Любовь к Богу, поняли мы, учит любить Отечество, а любовь к Отечеству учит нас любить Бога.

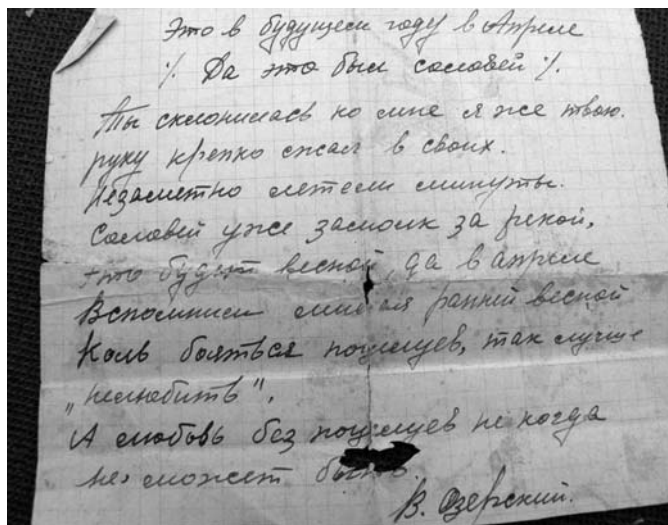
Поэтому во время каждой Литургии в церкви звучит молитва Господу: «О Богохранимем стране нашей, властех и воинстве ея, о граде сем, всяком граде, стране и верою живущих в них Господу помолимся».

Пришло новое понимание содержания слова «патриотизм». Патриоты строят свою страну, созидают и любят ее. Патриоты не разрушают страну и, тем более, не отдают ее врагу. Это делают предатели.

А ненависть к прошлому не только взрывает настоящее... Ненависть лишает наших детей будущего. Без знания прошлого, каким бы оно ни было, нет у них будущего.

Поэтому в Заполярном в 1992 году по инициативе православных верующих был создан Свято-Троицкий храм и приход. В 1996 году при храме открыта воскресная школа, с учащимися которой мы с благословения протоиерея Александра Маркова обратились к изучению связей нашего Трифонов-Печенгского монастыря с северо-западными монашескими обителями России.

Письмо с фронта Валентина Леонидовича Озерского. Последнее его письмо датировано 1944 г.

По благословиению митрополита Мурманского и Мончегорского Симона совершили паломничества в Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Павло-Обнорский, Свято-Троицкий Михайло-Клопский, Варлаамия Хутынского, Юрьев монастыри, побывали на Анзерских и Заяцких островах, в Ферапонтово и Варзуге, готовя доклады, исследуя историю монашеских общин и бескровную монастырскую колонизацию севера.

Изучили жития святых Александра Невского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, соловецких святых Германа, Зосимы и Савватия, наших местночтимых святых, в первую очередь, Трифона Печенгского, Феодорита Кольского, совершавших здесь, на далеком Севере, равноапостольный подвиг просвещения и сбережения саамов и русских людей. Нельзя было не вспомнить Иону Печенгского, преподобномученика Гурия Печенгского, брата Трифонова монастыря, убиенную в 1589 году (всего 116 мучеников), преподобного Астерия, Авксентия и Тарасия Кашкаранских, священномученика Моисея (Кожина), преподобномученика Феодора (Абросимова).

Они, подобно тем, о ком пишет апостол Павел в Послании к Евреям, «угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи»; «другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления»; «те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:33–40).

Рядовой Ходжиев И. Х.

Установка мемориальной доски воину Ходжиеву Исе Ходжиевичу на южной части полуострова Средний

Через деяния святых, через проекцию открывшегося нам тысячелетия русской истории, полного битв и борьбы за право Русской Православной Церкви быть, существовать стране и народу, открылась связь времен.

По-другому мы поняли и трехлетнее стояние советского воинства на полуостровах во время Великой Отечественной войны, и слово «священная» из песни «Идет война народная, священная война» открылось в прямом его значении: «священная» означает «христианская», потому что это была война против нацизма и фашистского бесчеловечного, сатанинского, истребительного неравенства.

Узнав о деятельности Печенгской районной некоммерческой общественной организацией «Муста-Тунтури — памяти защитников полуостровов Рыбачий и Средний» на базе поселка Геологов под высотой «Погранзнак», мы начали сотрудничать с ней.

Подвигли к этому инициативы боевых офицеров Северного флота, которые на местах воинских захоронений на полуостровах установили часовни Георгия Победоносца, Александра Невского (в поселке Геологов), Андрея Первозванного, небесных покровителей российского воинства.

Митрополит Симон в 2010 году благословил создание гражданско-патриотического духовно-исторического молодежного центра имени Александра Невского на базе ПРНОО «Муста-Тунтури» в поселке Геологов на перешейке полуострова Средний. С образованием в 2013 году Северомор-

Вечная память...

ской и Умбской епархии преемственность была сохранена, и руководство Центром перешло к епископу Митрофану.

Центр имени Александра Невского был учрежден для проведения многодневных походов по местам боевой славы, изучения обстоятельств противостояния в течение 1200 дней и ночей Красной армии и фашистов на хребте Муста-Тунтури, изучения истории Трифонов-Печенгского монастыря, освоения северных земель и воспитания в детях любви к своей Родине.

Началась совместная с членами ПРНОО «Муста-Тунтури» работа над проектами «Непобежденные», «Православная инициатива», **Центр имени Александра Невского**, «Молодежный слет “На скалах Муста-Тунтури” к 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье». Участвуют в ней члены прихода Свято-Троицкого храма под руководством протоиерея Александра Маркова, монахи и трудники Трифонов-Печенгского монастыря во главе с игуменом Даниилом (Топоевым).

Все эти проекты призваны активизировать работу по духовному, патриотическому и историческому воспитанию детей и молодежи.

Крепнет организационная и материально-техническая база, благодаря объединению усилий многих людей, предприятий и организаций: это ветераны и их потомки, депутаты Мурманской областной думы А. Д. Крупадеров, Б. В. Пищулин, М. В. Ильиных, А. В. Попов, руководство ОАО «Кольская ГМК», морские пехотинцы Северного флота, Региональная Общественная приемная Д. А. Медведева, поисковики из отряда «Петсамо», администрации населенных пунктов Заполярный, Корзуново, Печенга и Печенгского района, ОАО «Русский лосось», иеромонах Давид (Дуби-

После работ по установке памятной доски

На высоте Погранзнак

нин), настоятель храма Воскресения Христова, Бахрушинский гражданско-патриотический центр и другие.

В прошедшем июле, благодаря поддержке депутатов Мурманской областной думы и епархии Правительством Мурманской области принято решение о выделении земли под музей. Земельный участок будет передан Североморской и Умбской епархии РПЦ для осуществления совместной деятельности с ПРНОО «Муста-Тунтури — памяти защитников полуостровов Рыбачий и Средний».

Музей Боевой славы в поселке Геологов под высотой «Погранзнак», созданный в начале 2000-х годов председателем ПРНОО «Муста-Тунтури» Ю. А. Кобяковым совместно с добровольцами и писателем М. Г. Орешетой, офицером-поисковиком Д. В. Дуlichem, ежегодно посещают от 6 до 12 тысяч человек. Благодаря тому, что Ю. А. Кобяков вместе с супругой Валентиной Михайловной 20 лет в летне-осенний сезон проживают в поселке Геологов, удалось сберечь и музей под открытым небом на линиях обороны, оградив его от черных копателей.

Через музей Боевой славы проходят все воины Северного флота, которые участвуют в учениях на полуостровах.

Юрий Александрович, хранитель музея и удивительный рассказчик, днем и ночью — в полярный день они неотличимы — принимает ветеранов и их потомков, байкеров, туристов, молодежные группы, поисковые отряды. Как хранитель музея и часовни святого благоверного князя Александра Невского Ю. А. Кобяков отмечен молодыми путешественниками и сам стал народным героем в сети интернет.

Им на скалах Муста-Тунтури обнаружены несколько сбитых во время воздушных боев самолетов военного времени, вывезены останки летчиков и организованы их почетные погребения. В совместной работе с поискови-

ками из отряда «Петсамо» Ю. Биденко, А. Биденко, А. Ничипоруком в 2012–2013 гг. установлены имена экипажей, найдены родственники, с которыми состоялись встречи, поддерживается регулярная связь.

ПРНОО «Муста-Тунтури» ведет переписку с членами Президиума ветеранов КСФ А. Г. Мордовиным, О. Д. Девятовым, с ветеранами, штабом Северного флота, с членами Российского географического общества, учеными, с правительством и СМИ Чеченской республики. Собраны материалы к изданию книги о защитниках полуостровов Рыбачьего и Среднего на основе воспоминаний ветеранов, их родственников, предоставляющих фотографии и документы, свои воспоминания.

Цели, поставленные организацией в 2007 году, нашли общественное признание и отмечены в 2014 году в День Победы знаменательным в жизни ПРНОО «Муста-Тунтури» событием — о музее Боевой славы на Муста-Тунтури и работе общественной организации в 2014 году 9 Мая перед Парадом Победы рассказали на Первом канале в фильме «**Камни и сталь**» (http://www.1tv.ru/sprojects_utro_video/si33/p77123). Кроме этого, появился материал и в газете «Советник Президента» (http://www.sovetnikprezidenta.ru/125/2_obschestvo.html, <http://www.sovetnikprezidenta.ru>).

Таким образом реализуется социально ориентированная направленность деятельности ПРНОО «Муста-Тунтури» по сохранению памяти о войне, сохранению всего сделанного добровольцами-патриотами России за последние 30 лет и воспитанию современного поколения детей, молодежи и взрослых. В книге отзывов музея Боевой славы немало благодарных откликов. Вот один из них: «Одно дело ходить в музей о войне, а другое — ходить ногами по войне. Вечная память защитникам Родины!»

Часто пишут благодарственные слова дети и внуки воевавших и погибших солдат. Сама жизнь открывает такие истории, которые никакое воображение не придумает, и тогда думаешь: «У Господа забытых нет». Приведу два примера из 2013 года.

Первая история. Осенью 2013 года из Чечни пришел в поселок Геологов Муслим Шамсудинович Алиев, уроженец села Новый Шарой Ачхой-Мартановского района Чеченской республики. Он пришел с пакетом архивных документов и с одной только целью: разыскать могилу своего родственника, воевавшего в наших местах в годы Великой Отечественной войны. Его дядя Ходжиев Иса Ходжиевич, 1915 года рождения, служил пулеметчиком в 15-м отдельном пулеметном батальоне 23-го Укрепрайна (УР) 14-й армии Карельского фронта с 22 июня 1941 года по 1 марта 1942 года. 1 марта 1942 го-

Наши ребята Великой Отечественной

да убит в бою и похоронен на западном побережье полуостровов Рыбачий — Средний.

15-й отдельный пульбат боевое крещение получил в тяжелых боях на скалах Большого и Малого Муста-Тунтури 29 июня 1941 года. Именно бойцы 15-го пульбата в самый критический момент отстояли знаменитую высоту «Погранзнак». В каких условиях воевал Иса, можно узнать из книги «Поле боя — берег» командующего СОР Северного флота генерала Сергея Ивановича Кабанова, принимавшего от 14-й армии «хозяйство» летом 1942 года: «Пулеметы — станковые и ручные — большей частью в открытых гнездах и окопах, лишь некоторые в дзотах. Впереди только проволока на рогатках в один ряд и спираль Бруно».

В результате длительного поиска обнаружено достоверное место захоронения бойца. В 2014 году на берегу губы Волоковой молодежью лагеря имени Александра Невского установлена мемориальная доска с портретом Исы Ходжиевича Ходжиева, которую на свои средства изготовила ПРНОО. Ходжиевых было четыре брата, все воевали, память о погибших бережно хранится в семье.

Вторая история. Летом 2013 года в Большое Озерко из Перми по приглашению военного комиссара Печенгского района Андрея Кустюкова приехала поклониться могиле отца дочь Валентина Озерского, 1914 года рождения, погибшего в июле 1944 года. Но когда зашла речь о том, в каких войсках служил отец, Альбина Валентиновна замаялась и увела разговор в сторону.

Уезжая, она оставила для музея Боевой славы на перешейке полуострова Средний благодарственное письмо, которое ребята воскресной школы прочитали вечером у костра. И так получилось, что вслед за этим начали читать воспоминания художника, краснофлотца и бывшего «ботика»-штрафника Георгия Возлинского о том, как воевал он под этой же высотой «Погранзнак», под которой у нас разбиты палатки и горит костер.

И вдруг при чтении звучит фамилия Озерского, а дальше объясняется, почему Озерский попал в штрафную роту и как погиб:

«Над баталером Озерским однополчане решили пошутить и спрятали комплект белья — 2 месяца (отправлен после суда на 2 месяца служить «ботиком», как по аналогии с названием малых судов каботажного плавания называли бойцов, носивших под огнем противника все грузы на опорные пункты. — Г. Б.), а он был убит, не дойдя в первой же ходке до КПП».

Мы сидели у костра и решали, надо ли написать о нашей находке Альбине Валентиновне. Мальчишки все как один решили, что дочери, надо узнать правду об отце. Батюшка Александр, вернувшийся в понедельник после воскресной службы в Заполярном, парней поддержал, сказав, что родня должна знать: «Озерский — невинно убиенный».

Сообщили о произошедшем в Пермь и, видимо, сняли большой груз с души 75-летней дочери. Обвинение сына священника в воровстве, суд, положение штрафника были тяжелым бременем для семьи. 6 августа 2014 года Альбина Валентиновна снова приехала в поселок Геологов, чтобы в день 100-летия своего отца 10 августа и в год семидесятилетия со дня гибели возложить венок на его могилу. На мемориале Большое Озерко ребята из Центра имени Александра Невского прикрепили фотографию Валентина Озерского, трое священников отслужили по убиенному сыну священника литию.

Все четыре брата Озерских, ушедших на Великую Отечественную, как и Валентин, не вернулись с фронтов. Альбина Валентиновна привезла для передачи в музей фотографии отца и его письма с фронта, которые показала на встрече в Центре и музее, а в книге отзывов музея Боевой славы она написала слова благодарности в адрес его хранителя Ю. А. Кобякова.

Теперь род Озерских по праву авторитетного свидетельства, приведенного в воспоминаниях Г. М. Возлинского, найденного нами практически на месте событий 70-летней давности, может быть уверен в славном продолжении памяти о своих предках из рода в род. Воистину «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано» (Мф. 10; 26–27).

Скауты устанавливают еще одну мемориальную плиту

Ежегодно учащиеся воскресной школы, пребывающие в молодежном центре имени Александра Невского, посещающие музей Боевой славы, проводят длительные пешие походы по линии обороны, ремонтируют мемориалы, строят колокольню, изучают боевые действия. Вместе со священнослужителями Александром Марковым, Сергеем Шерфетдиновым, игуменом Даниилом (Топоевым) проводят богослужения в часовнях, участвуют в проведении панихид по погибшим воинам. Прихожане Свято-Троицкого храма г. Заполярный собрали средства и приобрели два колокола для часовни Александра Невского. И теперь над скалами, поселком и музеем Боевой славы ежедневно звучит их звон.

В Центре имени Александра Невского сложился свой распорядок: ведь за неделю пребывания на полуострове Средний многое надо успеть сделать. Все прибывшие размещаются в палаточном городке.

В 2014 году под хребтом Муста-Тунтури состоялась встреча четырех отрядов. Это были ребята, их родители и учителя из воскресной школы при Свято-Троицком храме г. Заполярный под руководством протоиерея Александра Маркова, кольские скауты с координатором общественной организации иеромонахом Иоанном (Суходоловым) из г. Мурмаши, представители Бахрушинского гражданско-патриотического центра (г. Москва) и вело-клуба «Пилигрим» (г. Североморск). Трифонов-Печенгский монастырь помог с транспортом: отец Досифей на старенькой «Ниве» с прицепом доставил наше продовольствие и помог разбить палаточный лагерь. Также на один день приезжала группа из г. Заозерск с ознакомительной целью.

В Центр имени Александра Невского прибыли люди самых разных возрастов: от 2 до 75 лет, а дети в основном были из многодетных православных семей.

Каждые утро и вечер в часовне святого благоверного великого князя Александра Невского проходили богослужения. На мемориалах у батареи Ф. М. Поночевного, на воинском братском захоронении в п. Большое Озерко у памятника медсестре, на мемориале у госпиталя рядом с часовней священниками были отслужены литии по усопшим воинам. Вся неделя была занята многокилометровыми пешими походами по местам боевой славы, знакомством с историей Трифонов-Печенгского монастыря и освоения Русского Севера. У вечерних костров дети и взрослые вместе пели песни военных лет и духовные, разговаривали о мире и войне, истории и вере. Взрослые участники слета организовывали военно-спортивные игры, проложили полосу препятствий. Было много соревнований и игр, которые делали досуг прибывших не только приятным, но и здоровым. И, конечно, ребята хорошо потрудились.

Дети и взрослые вместе с протоиереем Александром Марковым, иеромонахом Иоанном (Суходоловым) работали над реставрацией памятника советским войнам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Они привели в порядок огромное воинское захоронение у госпиталя рядом с часовней: обрезали поросль молодняка, зачистили и покрасили ограду и звезды на плитах, убрали траву и сухостой. Были установлены три мемориальные плиты. Было продолжено возведение колокольни у часовни Александра Невского.

В организации наших экспедиций в 2014 году помог транспортом директор и организатор фирмы «Острова» Владимир Плигин, к. м. с. по парашютному спорту (он постоянный участник прыжков на Северный полюс, совершил более 2000 прыжков), профессиональный фотохудожник Александр Степаненко.

Такие вот знакомства и сама возможность «летучего» объединения и совместной работы людей для увековечивания памяти павших, без сомнения, остаются знаковыми событиями в жизни не только детей, но и взрослых.

Москвичка Марина Серикова, мать пятерых детей, с которой мы в течение двух лет переписываемся и согласовываем планы, пишет об отношении к поездкам в гражданско-патриотический духовно-исторический Центр имени Александра Невского, предвзято свое письмо эпиграфом:

У здания музея обороны Рыбачьего

Мы не умрем мучительной жизнью,
мы лучше верной смертью оживем.

В. Высоцкий

Я честно отвечаю на Ваш вопрос — почему мы сюда приезжаем неожиданно третий раз и, Бог даст, приедем еще.

На полуострова Рыбачий и Средний наша семья впервые попала три года назад. Для нас это было время «подрастания» наших детей, мы искали язык, на котором говорить с ними о Боге, о смерти, о том, как жить человеку и ради чего.

«Любить и слушать Бога» — это очень отвлеченные для ребенка понятия. Мы им говорим о Заповедях Божьих, а они, отвернув о нас головы, спрашивают: «Вы о чем, родители? Вы объясните нам то, что вокруг нас и свяжите это с Заповедями!»

Говорить с ребенком о Боге, на мой взгляд, надо не словами Закона Божьего (это должно прийти позже), а словами нашей с вами Жизни. Иначе дети не понимают и начинают лукавить нам и самим себе. Примеры такого отношения к Богу и к Церкви встречаются очень часто. Мы в храме видим много детей и мало подростков.

Детям необходима наша искренность. То, что мы сильно любим, и то, к чему стремится наша душа, — вот что слышат и чему внемлют наши дети. И это то, что вынесут они потом из своего детства и передадут дальше. Что свято для нас, будет свято и для них.

У меня пятеро детей, и я могу сказать — здесь они задают нам такие

У памятника погибшим воинам. Протоиерей Александр Марков и скауты

основополагающие вопросы, каких не услышишь от них дома. Только ради этого стоит преодолевать такие расстояния и раз за разом приезжать на Муста-Тунтури и разговаривать, рассуждать, отвечать на вопросы и разводить руками от собственного неведения. Мы приезжаем сюда разговаривать со своими детьми. И показывать им, что для нас, их родителей, эта земля святая. Здесь люди отдавали свои жизни во имя Жизни других, шли на верные мучения ради свободного будущего, годами терпели немыслимые сегодня лишения ради общего дела — Победы.

Побывав с детьми здесь и пережив рядом с ними секунды искреннего сопереживания и сочувствия нашим соотечественникам, мы можем встать и сказать — это и наша Победа, и мы, так же, как они, в нужную минуту пожертвуем собой ради общей Жизни. И наши дети тогда искренно согласятся с нами.

По-моему, это и есть Закон Божий.

...Тишина над полуостровами Рыбачий и Средний, как все признают, особенная. Здесь поневоле вспоминаешь слова из Канона ко Пресвятой Богородице о Христе как «начальнике тишины». Здесь, в тишине, понимаешь, какой подарок на долгие 70 лет мы получили от отцов и дедов. Понимаешь, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:3).

В нынешних обстоятельствах слова Патриарха Кирилла, сказанные в этом году на Рождественских встречах, воспринимаются как аксиома:

«Патриотизм — это средство и способ выживания, способ формирования общности, которая называется народом».

Последовательная и не очень заметная работа таких организаций, как ПРНОО «Муста-Тунтури — памяти защитников полуостров Рыбачий и Средний», отодвигает истлевшее время войны, которая вновь грозит прорваться из прошлого и захватывает будущее.

Об этом свидетельствует книга отзывов из музея Боевой славы.

Из Книги отзывов:

«17.08.2012 г. Группа из 9 человек и двух БТРов. Огромное спасибо за показ и рассказ! Экскурсия замечательная» (командир пилотируемой группы «Стрижи» на МиГ-29 гвардии полковник А. П. Макаренко).

«То, что Вы делаете, возможно, самое главное сейчас — для детей, молодежи, для нашего будущего. Спасибо! Именно в таких местах живет История и память» (москвичи).

«Огромная благодарность за интересный и исторически правдивый рассказ о защите родных северных рубежей и победы нашего народа! Очень познавательно! Спасибо хранителю истории и музея Ю. А. Кобякову, администрации Печенгского района. С уважением, туристы из г. Апатиты».

«Огромная благодарность за проделанную колоссальную работу по восстановлению хронологии событий и сохранению памяти о наших дедах. Их подвигу нет равных!» (экспедиция клуба «Микробус», г. Киев, Украина).

«Огромное спасибо за познавательную лекцию. Очень радует, что есть люди, которые помнят и пытаются сохранить память о наших воинах, их подвигах. Пока есть история, существует и наш народ» (дети из п. Ревда и Ловозеро).

Русская Православная Церковь в годы Гражданской войны (краткий обзор на примере Архангельской губернии и епархии)*

БАРДИЛЕВА Юлия Петровна, кандидат
исторических наук, доцент кафедры
истории МГГУ, г. Мурманск

Октябрьская революция 1917 г. и последующая Гражданская война кардинальным образом изменили государственно-церковные отношения в России. Русская Православная Церковь стала рассматриваться как наследие контрреволюционного прошлого, выразительница «буржуйской» идеологии, служанка самодержавия. Такое отношение к религии и церкви как к социальному институту во многом было связано с тем, что в рамках новой государственности совмещать христианские ценности с призывами к мировой революции было невозможно.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века»), проект № 14-11-51001.

Русская Православная Церковь, несмотря на снижение религиозности населения России с начала XX века, продолжала играть важную роль в жизни страны, по сути дела, выполняя вместо государства и общества ряд важнейших функций в сфере начального образования, благотворительности, социального служения. Неслучайно поэтому новая государственная власть поспешила вытеснить Церковь из всех этих сфер, лишить ее имущества, прав юридического лица и запретить обучение религии подрастающего населения страны. Однако и эти мероприятия первых месяцев послереволюционного развития страны не сломили духовенство и верующих в их борьбе за реализацию на практике своего права на свободу совести. Тогда новая власть, воспользовавшись военным положением в стране, взяла курс на тотальное уничтожение Церкви как одного из своих идеологических противников. О том, как это происходило (на примере судеб духовенства и верующих Архангельской епархии), пойдет речь в данной статье.

В условиях Гражданской войны, когда власть большевиков не распространялась на всю территорию России, проведение новой религиозной политики носило фрагментарный характер. В центральных губерниях страны она имела в основном вид планомерных мероприятий, тогда как на юге выливалась в открытый террор против оказывающего сопротивление духовенства. Были особенности проведения новой линии в государственно-церковных отношениях и на территории Архангельской епархии. Так, например, практическое осуществление декрета Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (более известный среди населения как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») во всей Архангельской губернии, и в частности на Кольском Севере, началось позже, чем в других регионах страны, из-за неустойчивости структур советской власти до ухода иностранных интервентов в феврале 1920 г.,¹ а также деятельности Временного правительства Северной области.

28 февраля 1918 г. всем губисполкомам и горисполкомам было направлено специальное циркулярное письмо «Об отношении к религиозным обществам», в котором отмечалось, что вышеупомянутый декрет «заложило прочное основание освобождению трудовых масс от насильственного навязывания... вероучений, и верующим и их обществам декрет обеспечил

¹ Михайлов С. В. Отношения государства и церкви на Архангельском Севере в 1920–70-е гг. (краткий обзор) // Религиозная жизнь Архангельского Севера. История и современность / Под ред. проф. Лукина Ю. Ф. Архангельск, 1997. С. 22, 23.

полную возможность думать, верить и учить согласно внутреннему убеждению».¹ Главным образом, подчеркивалась «освободительная» роль нового законодательства: советская власть «борется лишь за то, чтобы церковь, религия, духовенство перестали быть орудием государственной власти, порабощения и эксплуатации неимущих»,² «отказывается использовать это старое орудие управления (Церковь. — Ю. Б.) и господства над массами».³

Церковь также сразу и однозначно выразила свое отношение к данному законодательному акту. Постановление Священного Собора от 25 января (7 февраля) 1918 г. по поводу декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви» гласило: «декрет... представляет собою, под видом закона о свободе совести, злое посягательство на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения». За любые попытки его проведения в жизнь полагалась церковная кара для виновных, вплоть до отлучения от Церкви. Через два дня после вышеуказанного постановления появляется и воззвание Священного Собора «К православному народу», в котором содержался призыв всем верующим объединяться вокруг своих храмов и пастырей в «союзы для защиты заветных святынь».⁴

Первые же попытки советской власти провести вышеуказанный декрет в жизнь вызвали искреннее недоумение и возмущение жителей Архангельской губернии и епархии. На общем собрании прихожан Кольского Благовещенского собора 4 февраля 1918 г. при решении вопроса о содержании прихожанами священнослужителей и храмов по новому законодательству коляне отметили: «Все население Кольского полуострова без исключения православное. Все мы даем государству и воинов, и материальные средства, и неужели же государство откажет верным сынам своим, здесь, на далеком севере, в материальной помощи на устройство ими своей церковной и религиозно-нравственной жизни». В конечном итоге собрание верующих постановило просить Поместный собор сделать все возможное для неуклонного обеспечения духовенства жалованьем от казны, с учетом распростра-

Допрос контр-
революционеров.
Художник И. Владимиров.
1919

нения на него тех же привилегий, которыми пользуется чиновничество окраин.¹

Это обращение показывает, что население края не могло поверить, что государство может принять подобный декрет, и что надежда на благополучный исход решения вопроса и силы Собора еще теплилась. Однако уже в марте того же года на очередном собрании, прочтя и подвергнув критике указанный декрет и обсудив послание Патриарха «О событиях дня», было решено содержать священника собственными местными силами.²

Епархиальные власти и прихожане г. Архангельска высказались по поводу проводимых советской властью антицерковных мероприятий и декрета более жестко и категорично. Так, в статье «Штурм Церкви» отмечалось, что «ни о какой свободе совести для православных говорить не приходится... народ отучают от необходимости обращаться в важнейших случаях жизни к Церкви... враг хитер: он справедливо думает, что пока еще православные успеют приспособиться к новым условиям, многие отпадут от веры, вырастет безрелигиозное поколение и силы Церкви будут ослаблены, подорваны. Не будет у Церкви никаких материальных средств, не будет подготовленных руководителей, между тем пропаганда безбожия под оболочкой социализма будет вливаться целыми пудами книг и брошюр». Во многом эти эмоционально высказанные опасения оказались

¹ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

³ Красиков П. А. Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1970. С. 194.

⁴ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М.: «Пропилей», 1995. С. 115–116.

¹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 236. Лл. 5, 5 об.

² Там же. Л. 6.

вполне реалистичным прогнозом — вспомним хотя бы о том, как впоследствии проводилась массовая антирелигиозная работа в 1920-е–1930-е гг.

6 и 13 февраля (по старому стилю) 1918 г. прошли собрания священнослужителей и верующих всех приходов г. Архангельска. Они требовали установления действительной свободы вероисповеданий, призывали население встать на защиту народных святынь и достоинства верующих, сплотиться вокруг храмов против расхитителей церковно-приходского имущества, оставить в школах преподавание Закона Божия, не признавая выпущенный советской властью декрет как выражающий взгляды ничтожного меньшинства, а потому неправомерно изданный от имени народа.¹

В начале марта 1918 г. в Мурманске высадились десанты английских, французских и американских интервентов. С этого момента и вплоть до конца февраля 1920 г. распространение действия «церковной» политики советской власти на Кольском полуострове прекратилось. Ко времени прихода интервентов в области государственно-церковных отношений на Кольской земле было сделано немного: ликвидированы священники на флоте и в армии, большинство из которых, как, например, протоиерей Павел Воронов, нашли себе место в разных приходах края и впоследствии были законоучителями при школах и училищах.²

Однако вплоть до высадки войск интервентов в Архангельске 2 августа 1918 г. на Кольском Севере продолжали действовать некоторые установления прежней власти: с апреля 1918 г. все церковно-приходские школы Александровского уезда были переданы в ведение Народного Комиссариата Просвещения и финансировались из его кредита,³ финансирование священников и приходов продолжалось за счет сил только самих верующих, что подтверждал в мае 1918 г. Александровский уездный Совдеп в письме на имя благочинного протоиерея Василия Мартынова.⁴

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов в Архангельской губернии в связи с принятием декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви» был вопрос о преподавании Закона Божия в школах. Пожелавший остаться неизвестным автор статьи в газете «Красный набат» так объясняет причины прекращения преподавания Закона Божия в школах: во-первых, потому что догматические вещи непонятны детям, не могут быть ими усвоены

и поняты; во-вторых, этот предмет долгое время был оружием буржуазного класса, при помощи которого в незащищенную душу ребенка пытались вложить извращенное миропонимание, что существующий миропорядок на земле установлен Богом и грех ему противиться, а это впоследствии отнимало у взрослого человека силы и желание построить счастливую, светлую жизнь на земле.¹

Любые попытки населения выступить в поддержку преподавания Закона Божия в школах сталкивались с острой критикой. Некий неизвестный автор в статье ««Нечужой». Тоже «Родитель»» осуждает хирурга Гренкова, выступившего на собрании родительских комитетов г. Архангельска в поддержку вопроса о преподавании Закона Божия в школах, о чем, при участии священника Попова, была составлена резолюция.²

Помимо введения декрета «Об отделении церкви...» духовенство Архангельской епархии и жителей Кольского полуострова весьма тревожил вопрос о судьбе Печенгской волости. 1 марта 1918 г. СНК и революционное правительство Финляндии заключили дружественный договор, согласно которому Россия уступала Финляндии район Печенги³. Руководство Архангельской епархии выразило закономерную обеспокоенность последствиями данного соглашения и выпустило обращение «К духовенству Архангельской епархии (для самого широкого распространения среди прихожан)». В нем отмечалось, что с потерей Печенги Русский Север и вся Россия лишится приморской территории с богатейшими рыбными промыслами, незамерзающими гаванями, останется без важного культурного центра на Мурмане, традиционных религиозных святынь — Трифоно-Печенгского монастыря и Пазрецкого прихода. Всех верующих призывали выступить с протестом «против вопиющего расчленения России» и во имя спасения русского достоинства.⁴ Этот протест духовенства был услышан и поддержан жителями ряда волостей Кольского Севера.

Известия Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов опубликовали телеграмму, полученную из Печенги и содержащую протест против договора с Финляндией. Ее подписали жители Вайда губы, Червяной

¹ Закон Божий // Красный набат. 1918. 8 июня. С. 1, 2.

² «Нечужой». Тоже «Родитель» /// Известия Архангельского губернского исполнительного комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов и Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 8 марта. С. 3.

³ Захаров В. Печенга в период интервенции и гражданской войны. Очерк 4 // Советская Печенга. 1982. 18 мая. С. 3.

⁴ К духовенству Архангельской епархии... // Архангельские епархиальные ведомости. 1918. № 101, 2(15) апреля. С. 3.

¹ Архангельские епархиальные ведомости. 1918. № 1 (15 (28) января). С. 5–7; Архангельские епархиальные ведомости. 1918. № 4 (2 (15) марта). С. 1, 2.

² ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Л. 16 об.

³ ГАМО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁴ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 236. Л. 18.

колонии (причем и финское население тоже), Маловолокской волости Печенгского общества.¹

В это же время, после подписания Брест-Литовского мира, в Печенге появились английские войска, которые оставались там до октября 1919 г.² Как впоследствии отмечалось в ведомости Трифоно-Печенгского монастыря, обитель оказала неоценимую помощь при устройстве обороны Печенги, помогая строительными материалами и постройками, вместила «на жительство в зданиях своих защитников союзных войск за время борьбы с Финляндией и большевизмом в 1918 и 1919 г.»³

Пересмотр советского законодательства в отношении Церкви и верующих активно проходил с момента высадки союзных сил (интервентов) в Архангельске 2 августа 1918 г. В честь этого события в церквях повсеместно прошли торжественные богослужения. Одним из первых постановлений Верховного Управления Северной области были восстановлены свободы совести, слова, печати, собраний и союзов, дарованные после Февраля 1917 г. В августе же 1918 г. под руководством настоятеля кафедрального собора г. Архангельска протоиерея И. З. Лелюхина был создан Союз духовенства и мирян Северной области.⁴

Союз призвал людей воинского возраста записываться в ряды русского и союзнического войска для защиты Отечества и воссоздания великой России «добровольно, не ожидая приказа о наборе». Союз духовенства и мирян призвал все причты, приходы и иные церковные организации Архангельской епархии оказать широкую поддержку выпускаемому областным управлением «Займу доверия» для восстановления денежного хозяйства области. Личный вклад можно было внести пожертвованием золотых и серебряных вещей, денег, приобретением билетов займа.⁵

Одним из важнейших вопросов в строящихся отношениях Церкви и Верховного Управления (Временного Правительства) Северной области стал вопрос о сохранении преподавания Закона Божия в учебных заведениях Архангельской губернии. Уже в первый день высадки союзников в «Ар-

Красноармейцы позируют на фоне оскверненной церкви

хангельских епархиальных ведомостях» была опубликована статья о необходимости сохранения преподавания Закона Божия и решительном отпоре верующих «всяким посягательствам на религиозную совесть». Отдел Народного образования Верховного Управления Северной области буквально сразу же отреагировал на требования Церкви и верующих изданием особого циркуляра, который был разослан педагогическим советам всех учебных заведений Северной области. Закон Божий был оставлен в числе обязательных предметов для школы, но с определенными оговорками: ученики могли освобождаться от него по заявлению родителей или опекунов, неуспеваемость по данному предмету или освобождение от него не могли служить препятствием для перевода в следующий класс, изучающие Закон Божий должны исполнять и все обряды религиозного культа, а оплата законоучителям назначалась такой же, как и у других преподавателей.¹

Постоянное преподавание Закона Божия велось на Кольском полуострове в Кольском двухклассном приходском училище и в Мурманском высшем начальном училище на протяжении всего 1918 г. (по другим приходам записей в клировых ведомостях по этому вопросу нет). Часто инициатива о сохранении этого предмета принадлежит самим прихожанам. Так, например, общее собрание граждан Гавриловского общества 4 августа 1918 г. просило благочинного назначить к ним в приход священника, который мог бы обучать детей и удовлетворять духовные потребности христиан.² Плату за обучение священникам вносил, однако, не Отдел Народного образования, а сами прихожане.

¹ Известия Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 26 марта. С. 3.

² Мацак В. Печенга-Петсамо-Печенга // Печенга. 1996. 2 марта. С. 2.

³ ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 31. Л. 28.

⁴ Вестник Верховного Управления Северной области (ВВУСО). 1918. 10 августа. С. 1; Михайлов С. В. Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. С. 64.

⁵ В Союзе духовенства и мирян // ВВУСО. 1918. 30 августа. С. 3; В Союзе духовенства и мирян // Возрождение Севера. 1918. 27 августа. С. 3.

¹ На защиту религиозного обучения // Архангельские епархиальные ведомости. 1918. 2 (15) августа. С. 1; Хроника. О преподавании Закона Божия // Возрождение Севера. 1918. 18 сентября. С. 3.

² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 330. Л. 12 об, 16 об; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.

Понимая всю сложность и неопределенность ситуации в стране, Верховное Управление Северной области не спешило с принятием новых законов в сфере государственно-церковных отношений. Поэтому, признав «ничтожным» декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», оно призвало основывать дальнейшее отношение государства к Церкви на постановлениях Временного Правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести». Однако расходы по содержанию церковно-религиозных учреждений возлагались теперь на религиозные общины. В русле сохранения прежнего церковного законодательства в воинских частях вновь была введена церковная присяга. Приказ по Белой армии от 25 октября 1918 г. установил в войсках плату за исполнение всех церковных треб. При главном штабе Белой армии была утверждена должность главного священника Северного фронта.¹

Значительные изменения по сравнению с советским законодательством затронули регистрацию актов гражданского состояния. Согласно постановлению III Временного Правительства Северной области (ВПСО) от 22 февраля 1919 г. «О гражданском браке, расторжении браков и актах состояния, совершенных на основании декретов советской власти», все заключенные или расторгнутые браки были признаны «не имеющими силы и значения законно совершенных» и не устанавливающими соответствующих правовых последствий. Запись же о рождении или смерти в советских учреждениях объявлялась не имеющей юридической силы. Для признания всех их законными необходимо было сделать новую запись в метрических книгах, которые велись Церковью.²

Достаточно серьезную реформу провело Временное Правительство Северной области в отношении земельной собственности Церкви. Первые постановления по земельному вопросу были приняты еще 14 и 21 сентября 1918 г. На протяжении последующего года они получили свое развитие и дополнения. 16 февраля 1919 г. вопрос о церковных, причтовых и монастырских землях рассматривался земельной комиссией при губернском земстве. На собрании присутствовали представители епархиального совета, которые отметили, что в нем поднимался вопрос о полном возвращении

всех земель, которые были захвачены у церкви крестьянами, но в настоящее время совет не считает подобное решение целесообразным. При обсуждении вопроса в земельной комиссии был выработан проект об этих землях. 26 февраля на земельном совещании при Временном Правительстве Северной области окончательно было признано нецелесообразным восстанавливать права церквей и монастырей на ранее принадлежавшие им земли.¹

4 апреля 1919 г. правительство Северной области наконец-то приняло закон «О передаче монастырских, архиерейских, церковно-причтовых земель в ведение земства», которым власти пытались примирить интересы крестьян, приступивших в послереволюционный период к переделу этих земель, и духовного ведомства. В ведении монастырей оставались земли в том размере, который был им необходим как самостоятельной трудовой земельной общине, или если они имели культурно-историческое значение. Церковно-причтовые земли передавались земству во всем объеме, а причт наделялся землей по норме, установленной из тех земель, которые раньше находились в его пользовании, путем соглашения между волостным земством и церковно-приходским собранием. Все вопросы о распределении земель духовного ведомства решали волостные и уездные управы.

Закон от 4 апреля 1919 г. в целом не получил одобрения. Правые круги оценили документ как «политическую ошибку», а духовенство — как «попечение своих прав». К началу 1920 г. церковно-причтовые земли были приняты земством лишь в 23 приходах из 275. В то же время губернаторская земская управа решила оставить за крестьянами в 1919 г. часть монастырских земель, которые и так уже находились в их пользовании.²

По сути, этот закон не внес в реальную жизнь почти ничего нового: он признал де-юре захват и пользование крестьянами монастырскими и причтовыми землями, которые де-факто наблюдались с самого момента революции. Так, в бланках описания земельных владений монастыря, отправленных Трифоно-Печенгской обителью 22 октября 1919 г. на имя отдела земледеления особой земельной комиссии ВПСО, отмечалось, что со времени революции из монастырских владений отошло 1200 десятин покосной земли

¹ ВВПСО. 1919. 6 апреля. С. 1; Возрождение Севера. 1919. 22 февраля. С. 2; Возрождение Севера. 1919. 1 марта. С. 1.

² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 5915. Оп. 1. Д. 6. Л. 48; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 150–151.

¹ Хроника. Церковь и государство // Возрождение Севера. 1918. 24 сентября. С. 2; Зайцев В. А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. С. 125.

² Вестник Временного Правительства Северной Области (ВВПСО). 1919. 25 февраля. С. 1.

в пользу местного населения. В последние годы монастырь был почти совершенно вытеснен со своих земель из-за «разбойничьих поступков», в особенности колонистов из Червяной, которые собирали гагачий пух на принадлежащих обители Айновых островах. Поделены к 1919 г. были и рыболовные тони: как указывается, еще в 1918 г. «все рыболовные тони и участки отошли в равноправное пользование с окрестными жителями», а с торгов, за 500 рублей, были выделены монастырские участки в ст. Лодейном и по р. Печенге. Однако монахи не таят на местных жителей обиды, отмечая, что в 1919 г. «монастырь пользуется участками без стеснения со стороны» последних. Монастырь по-прежнему занимался хозяйственной деятельностью, однако сокращалось поголовье скота, замерла жизнь в мастерских.¹

Что же до причтового землевладения на Кольском полуострове в 1918–1919 гг., то из-за недостаточно полного учета в клировых ведомостях за эти годы проследить его весьма сложно. Так, Кольским приходом в 1918 г. было получено за пожни 350 рублей, а за рыболовную тоню «Пейва» — 40 рублей. В Понойском приходе за тот же год от причтовой семужьей тони «Попова Лахта» получили 9 000 рублей дохода. В Печенгском же приходе, напротив, семужьи тони в марте 1918 г. были отняты местным населением.² В целом положение северных приходов Кольского полуострова было весьма сложным. Еще в июле 1918 г. Духовная консистория обращала внимание на затруднительное положение Пазрецкого прихода, который лишился прежних средств к существованию и прихожан («лопари рассеялись»). В 1919 г. причт из-за большой нужды был командирован из Пазреки в другие приходы. Не в лучшем состоянии пребывал и Китовский приход. В августе 1918 г. священником Н. Н. Гусевым была подана жалоба в Тетринскую волостную земскую управу о краже несколькими злоумышленниками «из молодежи» картофеля с пяти грядок. Священник призвал сельское общество и управу «принять меры по отысканию и вразумлению грабителей и бесчинников и ... навсегда пресечь в обществе грабежи, уличные безобразия и беспорядки от хулиганов — тайных большевиков».³

Бедственное положение священников и монашествующих подчас подталкивало их мысли о снятии сана и поиске нового для себя занятия. Так, например, 21 сентября 1918 г. монах Нарцисс из Кожеозерского монастыря

написал рапорт в Архангельскую Духовную консисторию следующего содержания: «Глубоко подумав и исследовав свою сравнительно недолгую монашескую жизнь, я пришел к заключению, что по своей слабости и безволии я не способен к монашеству, а не желая обманывать людей и лицемерить, решил снять сан и монашество перейти в первобытное состояние... Никаких увещаний выслушивать не желаю и считаю излишним». Священник Павел Иванович Васильев из Кандалакшского прихода высказал в своем рапорте в ноябре 1918 г. сходные мысли: «Я человек слишком слабый, маловерный и неспособный, как показала моя четырехгодичная служба в сем сани, для того чтобы считаться пастырем... Решение мое снять сан бесповоротно, а посему могущие быть увещания и вразумления — бесполезны».¹

Отношения Церкви и Временного Правительства Северной области носили двусторонний характер. Однако это вовсе не означало стремления духовенства к активной политической деятельности. Скорее можно говорить о попытках Церкви оказать новой власти моральную поддержку. Так, например, повсеместно устраивались торжественные богослужения, проповеди и молебны о даровании победы «христолюбивому воинству», Церковь и ВПСО совместно выступали за ограничение публичных зрелищ и увеселений в период Великого поста.²

О стремлении Церкви отмежеваться от политических дел красноречиво свидетельствует обращение протоиерея Иоанна Лелюхина, в котором он отмечает, что когда Церковь «вступает в согласие с партиями, она то терпит поражение, то поддерживается людьми, делающими из нее пугало или знамя известного строя, и мимолетная сила, придаваемая религии союзом с партиями, с лихвой возмещается потерей истинного ее авторитета».³

Описывая деятельность Церкви в Северной области, ряд советских авторов давал ей одностороннюю оценку, включая попытки выхода на международную арену. В частности, В. А. Зайцев указывает, что стремление обратиться к мирной конференции в Версале сопровождалось клеветой на советскую власть, партию большевиков и политику Советского государства в области государственно-церковных отношений.⁴

¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1365. Л. 1; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1369. Лл. 1–1об.

² ³ Отечество. 1919. 11 января. С. 1; Отечество. 1919. 14 января. С. 1; Отечество. 1919. 1 марта. С. 2; Отечество. 1919. 6 марта. С. 2.

³ Протоиерей Иоанн Лелюхин. Отношение Церкви к государству (анализ работы реформаторского проповедника фр. Берсье) // Отечество. 1919. 16 июля. С. 1.

⁴ Зайцев В. А. Указ. соч. С. 127.

¹ ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 31. Лл. 1, 3, 27, 31, 40, 43.

² ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 330. Лл. 8, 44; ГАМО. Ф. И-67. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ ¹ Из жизни наших приходов на окраине Севера // Архангельские епархиальные ведомости. 1918. 2 (15) июля. С. 3; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 340. Лл. 3–6об; ГАМО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 63. Л. 37.

Однако текст протеста, врученного 16 апреля 1919 г. Союзом духовенства и мирян председателю Временного Правительства Северной области Зубову через делегацию в составе И. Попова, Д. С. Соколова и К. А. Матфеева¹, заставляет нас усомниться в такой оценке. Протест был вызван политикой большевиков в отношении Церкви на территориях Архангельской губернии, где они установили свою власть: «Правительство народных комиссаров не только запечатывает храмы, но и обращает их в чайные, казармы и даже кинематографы... Духовенство подвергается пыткам и мучениям».²

В протесте были указаны некоторые священники, пострадавшие на территории Архангельской губернии (все они были замучены и убиты): «В Пинежском крае священник Михаил Шангин убит, тело его разрублено на куски. В Печорском крае протоиерей Аифал Суровцев был многодневно бит, а затем расстрелян и тело его сброшено в реку. Там же священника Иосифа Распутина, 60-летнего старца, привязали к телеграфному столбу и убили залпом, а тело оставили грызть собакам, угрожая смертью всем, кто вздумал бы хоронить его. Подобным же варварским способом убит протоиерей Шенкурского женского монастыря Николай Попов. Псаломщика Селецкого прихода Афанасия Смирнова расстреливали за совершение панихиды над умершим союзником — французом, и когда он, раненный, имел силы бежать, был пойман, снова поставлен над собственноручно вырытой могилой и убит.

Жизнь за монастырскими стенами и удаление от мирских дел не предохраняют от насилий гонителей. Жестоким образом убиты настоятель и насельники Кожеозерского монастыря, оказывавшего широкую помощь окрестной бедноте; а монастырь разграблен...»³

Подобного рода обращение, на наш взгляд, является не попыткой клеветать на советскую власть, а стремлением прекратить кровопролитие и гонения на веру. Отчаявшись справиться со сложной ситуацией собственными силами, Церковь стала искать поддержку за рубежом в лице христианского духовенства. Речь, прежде всего, ведется о налаживании контактов с архиепископом Кентерберийским. Помимо религиозной помощи Церковь была

заинтересована в оставлении в губернии английского десанта как залога своей безопасности.

По предложению протоиерея И. Лелюхина учрежденный собор Соловецкой обители обратился к христианам Англии с телеграммой (11 августа 1919 г.), в которой православное духовенство выражало уверенность в том, что английские верующие не откажутся ходатайствовать перед своим правительством и обществом о том, «чтобы военные силы Англии оставались еще в Архангельске и в иных местах Северной области».¹ Однако надежды Церкви на Англию оправдались лишь наполовину. Лондонский архиепископ прислал сочувственное письмо духовенству и мирянам Северной области и объявил о своем намерении организовать в декабре 1919 г. торжественное молебствование за всех христиан, страдающих на Востоке. Также в Лондоне было создано «Общество единения английской (англиканской) и восточной православной церковью». Но отменить решение правительства о выводе английских войск с Северного фронта архиепископ Кентерберийский, безусловно, был не в силах.²

Опасения о возможном распространении большевистских идей и мероприятий на территории Северной области высказывались и в прессе. Так, на страницах «Мурманского вестника» писали: «Большевизм не в состоянии опровергнуть ни одной черты в христианских заповедях и стремится их уничтожить... В России случилось двойное богохульство: чужеродных правителей и части одичавшего и озверевшего народа... Эти несчастные русские... вернулись к первородному греху, продали своего Бога и Спасителя, продали родину и государство свое... на новое распятие народа русского на кресте...»³

Жители Княжьей губы (Кольский полуостров), как и архангелогородцы, полагали, что «пребывание в нашем крае союзных войск является крайне необходимым, так как только они могут спасти нас от финско-германского нападения».⁴ В истории этого местечка в период Северной области есть трагичная страница, которая связана с так называемой Княжегубской трагедией. 8 октября 1919 г. здесь были расстреляны 17 княжегубцев, в том числе подросток-партизан, 2 крестьянина из северокарельских деревень и 2 фин-

¹ Блинов Н. Попы и интервенция на Севере. Архангельск: Севкрайгиз, 1930. С. 11.

² Валентинов А. Черная книга. «Штурм небес» // Волга. 1991. № 5. С. 117.

³ Иеродиакон Феофил (Волик). Явление Божией Матери в Архангельске: благословение на мученический подвиг // Архангельская и Холмогорская епархия. Официальный сайт.: http://www.arh-eparhia.ru/publications/?ELEMENT_ID=32016 (дата обращения: 10.09.2014).

¹ Обращение к христианам Англии // ВВПСО. 1919. 16 августа. С. 2.

² Зайцев В. А. Указ. соч. С. 127, 128.

³ Большевик — богохулен и безнравственен // Мурманский вестник. 1919. 23 августа. С. 1.

⁴ Возрождение Севера. 1918. 15 августа. С. 4.

ских красногвардейца.¹ В течение долгого времени роль Церкви в этой трагедии оценивалась как антигуманная, контрреволюционная, — отмечалось, что наряду с белогвардейцами в вынесении смертного приговора участвовал и местный священник Богданов.² Однако есть, по крайней мере, несколько причин, чтобы не согласиться с такой трактовкой.

Во-первых, канонически ни единый священник не может участвовать в вынесении приговора, обрекающего на смерть. Единственное, чем может ограничиваться его участие при вынесении смертного приговора, так это исповедью и причащением приговоренных к казни, если они выразят свое согласие на это. Во-вторых, в деле «по поводу ареста граждан за пособничество врагу», хранящемся в Национальном архиве Республики Карелия, ничего не говорится о прямом участии или присутствии священника во время расстрела. Он обвиняется в заявлении в следственную комиссию Мурманского ревкома в том, что в момент восстания крестьян Княжой губы 30 сентября 1918 г. по собственной инициативе выступил с речами и убедил крестьян сложить все оружие у церкви. После этого Богданов вскинул над колокольной белый флаг и в деревню вошел карательный отряд подполковника Судакова, а после был произведен расстрел (командир партизанского отряда Пospelов, написавший об этом, указывает 27 человек расстрелянных). Обвинить священника можно лишь в том, что он надеялся на урегулирование отношений мирным путем после сдачи на милость победителя. В-третьих, есть весьма интересный документ, подтверждающий невиновность священника Богданова. Это протокол № 12 общего собрания жителей Княжой губы от 21 апреля 1920 г. На собрании рассматривался вопрос об освобождении ряда односельчан, арестованных 3 апреля 1920 г. по обвинению в эксплуатации чужого труда, сотрудничестве с белыми и союзническими войсками и в выступлениях против советской власти, среди которых упоминается и священник Богданов. Решение собрания явно свидетельствует об их невиновности: «Мы находим, что вышеупомянутые граждане ... за все время пребывания белых местных и союзнических банд не выступали ни открыто, ни тайно, не замечены в пропаганде против советской власти... Если и были какие неправильные действия с их стороны, то /их/ мы объясняем тем, что ... под угрозой уничтожения всей деревни полковником Судаковым ... они и сделали некоторые ошибки... Мы, граждане и гражданки, пострадавшие от белых банд в лице своих мужей и сыновей, находим выше-

упомянутых лиц ... совершенно невиновными». На этом собрании присутствовало около 80 человек,³ и думается, что, перенеся гибель собственных близких, они не стали бы оправдывать виновных.

Пока Церковь налаживала отношения с властями Северной области и обустривала свое существование, представители советских партийных органов, которые контролировали часть Архангельской епархии и губернии, выдвигали свои предложения по религиозному вопросу.

Еще в июле 1919 г. проблемы отношения к религии и Церкви стали предметом обсуждения на I Архангельской губернской конференции РКП (б). Общим стало мнение, что член партии не может иметь никакого отношения к религии как к пережитку старой буржуазной идеологии (И. Булатов), что даже сочувствующий партии не может быть верующим (Тимме). Предложено было бороться с религией путем систематической пропаганды, однако, «избегая нетактичных выступлений», стараясь «в деревне не задевать религиозный фанатизм, потому что он от этого усиливается». В июле того же года окружной отдел ЗАГСа Архангельского губисполкома направил в местные отделы директиву об обязательном изъятии у церквей метрических книг, оставлении их копий на местах и отправке подлинников в центральный отдел ЗАГСа.⁴

Несмотря на то, что 1918 — начало 1920 г. — это период идейной и организационной неразберихи в политике местных органов советской власти по отношению к Церкви, уже с конца 1918 г. планировались и проводились «мероприятия», свидетельствовавшие о приближающейся трагедии Церкви. Речь идет о вскрытии святых мощей в губернии. В ряде сборников указывается, что в этот период были вскрыты лишь мощи Артемия Веркольского (20 декабря 1918 г.), однако планы архангельских властей были значительно обширнее. В VIII отдел (ликвидационный) Наркомюста в январе 1920 г., незадолго до прекращения полномочий ВПСО, из отдела юстиции г. Архангельска была направлена телеграмма, в которой перечислялись святые Архангельской епархии: мощи Зосимы и Савватия в Соловецком монастыре, «пользующиеся огромной популярностью и привлекающие множество почитателей из всех мест республики», мощи Вассиана и Ионы, Антония Сийского, Трифона Печенгского. Особо в телеграмме подчеркивалось, что «ликвидацию их, и особенно Соловецких, придется произвести безот-

¹ Береснев Н. Партизаны Княжегубья // Кандалакшский коммунист. 1987. 30 апреля. С. 3.

² ГАМО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 277. Л. 21–23.

³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 6/185. Л. 2; ГААО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 513. Лл. 134–135.

⁴ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Лл. 17, 18; ГААО. Ф. Р-884. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2, 3.

лагательно». Власти при этом выражали надежду на понимание или, по крайней мере, индифферентность населения и сочувствие молодежи в этой акции. Вскрытие мощей рассматривалось, как и везде, в качестве одной из мер в борьбе с суевериями.

К началу 1920 г. в Северной области обострились экономические проблемы. Одним из последних решений в сложившейся непростой обстановке, принятых Временным Правительством Северной области в январе 1920 г., можно считать утверждение расходной сметы Епархиального управления на 1920 г., принятой на сумму 251 600 рублей. Также был открыт кредит в размере 696 767 рублей для Трифоно-Печенгского монастыря из средств, оставленных англичанами. Но эти решения так и остались на бумаге. 18 февраля 1920 г. ВПСО сложило свои полномочия.¹

Возвращение большевиков в Архангельск и восстановление советской власти на Кольском полуострове в феврале 1920 г. означало реализацию на практике Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, начало массовых закрытий храмов и монастырей, изъятие церковного имущества и зданий у верующих, репрессии против духовенства.

Святые воины, почитаемые на Севере

ГРАЦИАНОВА Наталья Петровна,
заведующая учебной частью епархиальных
катехизаторских курсов во имя св. Феодори-
та Кольского, г. Мурманск

Одна из особенностей русской агиографии — большое количество житий воинов. Есть целые периоды, когда прославляемыми воинами становились святые князья, и в основном это период удельной раздробленности — XII–XIII века. Разумеется, выдающиеся военные заслуги сами по себе не могут служить основанием для прославления в лике святых. Почитаемые Православной Церковью святые воины прославлены или как мученики, или как страстотерпцы, или как подвижники веры, а не на основании их воинских заслуг. Апостол Павел в Послании к христианам Коринфа сказал: «Каждый смотри, как строит... каждого дело обнаружится... и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон» (1 Кор. 3, 10–15). Стать свя-

¹ Михайлов С. В. Отношения государства и церкви на Архангельском Севере в 1920–1970-е гг. (краткий обзор) // Религиозная жизнь Архангельского Севера. История и современность / Под ред. проф. Ю. Ф. Лукина. Архангельск: Б. и., 1997. С. 23; О святых мощах (сборник материалов) / Сост. М. Долгинов. М.: Политиздат, 1961. С. 57; ГААО. Ф. Р-215. Оп. 1. Д. 47. Лл. 5, 5 об; Михайлов С. В. Государство и церковь... Дис.... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. С. 73, 74.

тым через исполнение воли Божьей призван каждый христианин, поэтому в течение земной жизни человек должен стремиться к святости. А из истории Церкви мы знаем, что какое бы общественное положение ни занимал человек, императором ли он был или простым рабом, он одинаково мог быть прославлен Церковью за святость жизни. Обилие святых воинов-князей, заметим, отличает нас от греческой агиографии, где за 1000 лет истории Византии канонизированы всего четыре правителя.

Особенностью же северной агиографии является то, что здесь самое большое количество святых — это преподобные — монахи. Но, тем не менее, то обстоятельство, что Русский Север является цивилизационным форпостом, определило то, что и почитаемых святых воинов много. Особенно это касается соборов двух епархий: собора Новгородских святых и собора Псковских святых.

Более того, именно на севере жила и была прославлена одна удивительная святая — равноапостольная княгиня Ольга, которая в иконографии изображается не только в полном княжеском облачении, но зачастую с мечом в руке.

Разумеется, северная русская святость имеет свои особенности, но она не может быть оторвана от почитания общерусских святых. Вспомним, что самые почитаемые воины Русского Севера — это первые наши святые, прославленные в чине страстотерпцев, — князья Борис и Глеб.

А покровителем Русского Севера после переноса его святых мощей в Свято-Троицкую Лавру в Санкт-Петербурге стал святой благоверный князь Александр Невский.

Есть города, где почитание святых воинов является основой их жизни. В первую очередь, это Псков — город святой княгини Ольги, которая основала главную святыню города — храм Святой Троицы. Это единственный город, где княгине Ольге поставлено два памятника.

Еще два святых воина особо почитаются во Пскове. Это святой Довмонт Псковский — в крещении Тимофей, который не потерпел ни одного поражения, и святой Гавриил Псковский выдающийся военачальник.

Святой благоверный князь Довмонт (Домант) Псковский, князь Нальшанский, был родом из Литвы и сначала ревностно исповедовал язычество. В 1265 году, спасаясь от междоусобиц литовских князей, был вынужден бежать из Литвы и с 300 литовскими семьями пришел во Псков. Псковская земля стала его второй родиной. Здесь, по выражению летописца, «дохнула на него благодать Божия», когда со всей своей свитой он принял свя-

Святой благоверный князь
Довмонт Псковский

тое Крещение с именем Тимофей и сподобился великих даров от Господа. Уже через год за доблесть и истинно христианские добродетели псковичи избрали его своим князем. В течение 33 лет он управлял городом и был единственным князем за всю историю Пскова, который сумел так долго прожить в мире и согласии с псковским вечем. Он был справедлив и строго следил, чтобы и другие были справедливы, щедро творил милостыню, принимая нищих и странников, благоговейно чтит церковные праздники, покровительствовал храмам и монастырям и сам основал обитель в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Через брак с дочерью великого князя Дмитрия, внучкой святого благоверного князя Александра Невского, он породнился с русским великокняжеским родом. Князь Довмонт, как и святой Александр Невский, был славным защитником Русской земли. Основная заслуга благоверного князя

Довмонта как полководца и государственного деятеля состоит в том, что в течение многих лет он надежно защищал северо-западную границу Русского государства от неприятельских нападений.

В 1268 году князь Довмонт был одним из героев исторической битвы при Раковоре, где русская рать одержала победу над датскими и немецкими войсками. Перед каждой битвой святой Довмонт приходил в храм, полагал свой меч к подножию святого престола и принимал благословение духовника, который препоясывал ему меч.

Святой Довмонт сделал псковскую крепость неприступной. В память о славном защитнике города каменная оборонительная стена, возведенная святым князем рядом с Кромом в конце XIII века, была названа Довмонтовой, а территория, огражденная стеной, до сих пор называется Довмонтовым городом. У святого защитника «Дома Святой Троицы» был еще один благочестивый обычай: в благодарность Господу, именем Которого он одерживал победы, не зная поражений, благоверный князь Довмонт рядом с Кремлем возводил храм в честь того святого, в день памяти которого одерживал победу. Ставили там храмы по особым обетам и другие жители Пскова. Небольшая территория нынешнего Довмонтова города была сплошь по-

крыта храмами. (Первый храм в честь святого Довмонта-Тимофея был построен в Довмонтовом городе в 1574 году).

Свою последнюю победу доблестный князь-воин одержал 5 марта 1299 года на берегу реки Великой, где он с малой дружиной разбил большое немецкое войско. Святой князь Довмонт, не дожидаясь, пока соберется большое псковское войско, вышел навстречу врагу с дружиной и изгнал свято-татцев за пределы Русской земли.

Через несколько месяцев святой благоверный князь Довмонт-Тимофей скончался и был погребен в Троицком соборе Пскова. Летопись свидетельствует: «Бысть же тогда жалость велика в Плескове мужам и женам, и малым детям по добром господине благоверном князе Тимофее». Псковичи вспоминали, как святой князь заботился о них в мирные дни и особенно когда городу угрожала опасность, как вел их в бой со словами: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Постоим за Святую Троицу!»

Вскоре после кончины князя его стали почитать как святого заступника пред Богом, молитвенно охраняющего нашу землю от врагов и бедствий. День памяти 20 мая (2 июня н. ст.).

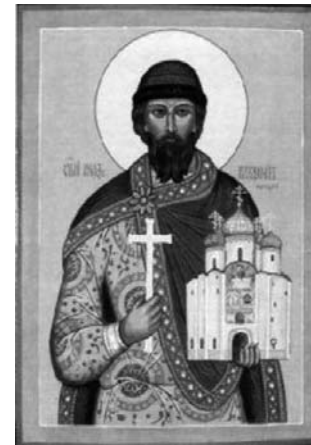
Святой благоверный князь Всеволод-Гавриил Псковский

Благочестивый князь Всеволод (в крещении Гавриил) Псковский заложил каменный храм во имя Святой Троицы. Латинствующие народы все боялись самого имени святого и не смели нападать на Псков. Святой князь Всеволод-Гавриил княжил в Пскове год с небольшим. Память 11 февраля, 22 апреля (перенесение мощей), 27 ноября (обретение мощей) и в соборе Псковских святых.

Традиция почитания этих святых была сильна даже в секуляризованном XIX веке. Тогда герой войны 1812 года, спаситель Санкт-Петербурга от Наполеоновского нашествия генерал-фельдмаршал Витгенштейн получил на герб девиз с меча святого князя Гавриила, хранившегося во Пскове: «Чести моей никому не отдам».

В соборе Новгородских святых почитается **Владимир Ярославич (1020–1052), благоверный князь Новгородский, чудотворец.**

Память его совершается 4 октября в день кончины. Это старший сын благоверного великого князя Ярослава Мудрого, родился он в 1020 году.

Святой благоверный князь Владимир Ярославич Новгородский

Святой благоверный великий князь Мстислав Владимирович. Миниатюра Царского титулярника, 1672 г.

Явление святителя Николая новгородскому князю Мстиславу

В 14 лет отец сделал его наместником в Новгороде. В управлении княжеством ему помогали воевода Вышата и святой епископ Лука Жидята. Возмужав, князь стал отважным защитником страны и благочестивым христианином. Святой Владимир построил в Новгороде Софийский собор, который был заложен в 1045 году и освящен 14 сентября 1052 года епископом Лукой. Благочестивый воин не только заботился об укреплении княжества (по его приказу сооружена в Новгороде каменная крепость), но и усердно поучался в законе Господнем. Известно, что в 1047 году для него были переписаны пророческие книги с толкованиями. Скончался святой князь 32-х лет 4 октября 1052 года, через 20 дней после освящения Софийского храма, и мощи его были положены в созданном им храме.

Мстислав Владимирович Великий, в крещении Феодор (1076–1132), великий князь Киевский, святой благоверный. Старший сын Владимира Мономаха. Память 15 апреля. Родился 1 июня 1076 года в Смоленске, от брака Владимира с Гидой Гаральдовной, королевной английской. Когда ему было всего 12 лет, его дед, великий князь Киевский Всеволод Ярославич (1078–1093), отправил внука княжить в Новгород. Новгородцы полюбили юного князя. В 1095 году они изгнали князя Давида, который ушел в Смоленск, и специально ходили в Ростов за благоверным князем Мстиславом.

После смерти деду святой Мстислав занял свою вотчину Ростовский стол. В 19 лет юный князь одержал блестящую победу над своим дядей, черниговским князем Олегом. Князь Олег убил его брата Изяслава и захватил Ростов и Суздаль, принадлежавшие благоверному князю Мстиславу.

Святой благоверный князь
Александр Невский

Святой не хотел проливать неповинной крови. Он желал примириться с дядей и просил его довольствоваться наследованным городом – Рязанью. Но Олег уже собирался в поход на Новгород. Тогда благоверный князь Мстислав разбил его в сражении (1096), и Олег, потеряв Суздаль и Ростов, едва укрылся в Муроме. Святой Мстислав снова предложил мир и просил лишь вернуть пленных. Олег притворно согласился, и благоверный князь Мстислав распустил войско. В празднование великомученику Феодору Тирону, в субботу первой седмицы Великого поста, он спокойно сидел за обедом в Суздале, когда гонцы принесли ему весть, что князь Олег стоит на Клязьме с войском. В одни сутки благоверный князь Мстислав собрал войско и через 4 дня, когда к нему подошел брат, дал новое сражение. Олег в страхе бежал в Рязань, а святой Мстислав освободил пленников, вышел из Муромской земли и затем примирил Олега с великим князем Святополком (1093–1114) и своим отцом Владимиром Мономахом.

Благодарный за милости Божии, благоверный князь заложил в 1099 году на Городище вблизи Новгорода храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Именно для этого храма было написано знаменитое Мстиславо-

Святая великая княгиня Ольга

во Евангелие, дорогой оклад которого был сделан в Константинополе. В 1114 году благоверный князь заложил в Новгороде церковь во имя святителя Николая. Этот храм был знаком признательности святителю Николаю за исцеление. В тяжелой болезни благоверный князь усердно призывал на помощь святителя, мощи которого незадолго перед тем были перенесены в Бари (1087). Святитель Николай в видении повелел послать в Киев за своей иконой, указав вид и меру. Посланные за иконой люди были задержаны на острове Липном разыгравшейся на Ильмене бурей. На четвертый день они обрели на воде ту самую круглую икону, которая была показана в видении. Больной князь приложился к иконе и получил исцеление. Впоследствии на месте явления иконы, на острове Липном, был устроен монастырь с каменным храмом во имя святителя Николая.

Святой князь почитался еще при земной жизни. Писец Мстиславова Евангелия называл его благоверным и христоролюбивым. Изготовитель оклада Мстиславова Евангелия, Наслав, писал о себе: «Много труда подъял я и печали. Но Бог утешил меня молитвой доброго князя... Дай Бог его молитву всем христианам».

Житие святого благоверного князя было помещено под 15 апреля в сербском богослужебном Прологе конца XIII–начала XIV века. Этот Пролог был

Святой благоверный князь
Мстислав (в крещении Георгий)
Храбрый, Новгородский, князь
(+ 1180), память 14 июня

переписан с более раннего болгарского, источником для которого послужил русский оригинал. Под 15 апреля читается житие благоверного князя Мстислава в Болгарском Синаксаре 1340 года. В этих Прологах память святого благоверного князя Мстислава поставлена наряду с памятью святой равноапостольной великой княгини Ольги и святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Эти факты свидетельствуют о широком почитании святого благоверного князя Мстислава в славянских странах.

Почитались и почитаются на Руси святые северные князья Мстислав (в крещении Георгий)

Храбрый, Новгородский, князь († 1180, память 14 июня, благоверный Василий Новгородский, князь († 1219, память 4 октября), благоверный Феодор Ярославич Новгородский, князь, брат святого Александра Невского († 1233, память 5 июня), благоверный великий князь Александр Невский, в схиме Алексий († 1263, память 30 августа, 23 ноября).

Как было отмечено выше, только лишь выдающиеся военные заслуги не могут служить основанием для прославления в лике святых. К примеру, при неизменном признании исторических заслуг Александра Васильевича Суворова как великого полководца за истекшее с его кончины время в Русской Православной Церкви не наблюдалось почитания его как подвижника православного благочестия. Почитаемые Православной Церковью святые воины прославлены, кроме своих ратных подвигов, как достойные христиане, мученики или. Русское христолюбивое воинство на практике воплощало слова Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Апостол Павел писал об основных христианских добродетелях, сравнивая верующего именно с воином: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6, 14–17). Именно так поступало русское воинство в критические моменты истории. И именно Север — форпост Русской цивилизации и ее щит — дал такое множество святых почитаемых воинов.

Вторая мировая война на исторических землях монастыря преподобного Трифона Печенгского

КОРЖОВА Наталья Брониславовна,
выпускница Свято-Феодоровских
катехизаторских курсов, г. Мурманск

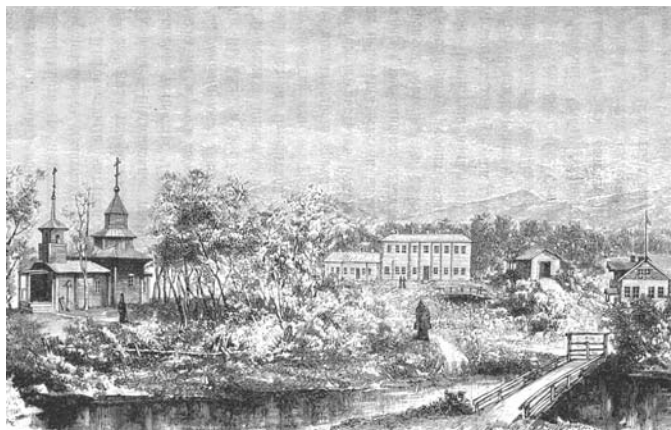
Октябрь 2014 года... Торжества на Кольской Земле... Ровно 70 лет назад в такие же октябрьские дни Советская армия изгнала немецко-фашистских захватчиков из древней Печенгской земли.

Но совсем забыли мы, что земля эта, обильно политая кровью советских солдат в годы Второй мировой войны, помнит и кровь святых мучеников. Давайте вспомним наш Печенгский монастырь — каким он был в те дни.

В 1533 году именно здесь, на краю земли, в суровой Лапландии, монах Трифон основал скромный северный монастырь.

Начиналась обитель с маленького храма на реке Печенга, освященного во имя Святой Живоначальной Единосушной Троицы, но вскоре значение обители Божией на Крайнем Севере стало столь велико и для веры православной, и для госу-

Старый монастырь на Печенге

дарства Российского, что в 1556 году волею царя Иоанна Грозного в собственность монастыря были отданы огромные территории практически всего Мурманского побережья Кольского полуострова.

В жалованной грамоте Иоанна Грозного Печенгскому монастырю от 22 ноября 1556 года было сказано: «...по нашему Царскому благочестию Печенгского монастыря Пресвятые Живоначальные Троицы настоящему игумену Гурию с настоящей братъею, равно как и всякому будущему игумену того же монастыря с будущею братъею... пожаловали Мы в вечное владение на Мурманском берегу Ледовитого океана морские губы: Мототскую, Лицкую, Урскую, Пазрецкую и Нявдемскую для пользования в море всякими рыбными промыслами и тем, что выкинет на берег из моря... равно как для пользования морским берегом, землею, островами, реками и ручьями с вершинами их, тонями... с лесами, лесными озерками и звериными логовищами, а также с лопарями, нашими подданными... со всеми их луговыми угожьями и доходами и денежными царскими податями и волостными оброками...»

Таким образом, для любого, кто хоть немного знаком с географией и историей Кольского края, очевидно, что именно в районе этих «губ: Мототской, Лицкой, Урской, Пазрецкой и Нявдемской» и проходили сражения Второй мировой войны. На исконно монастырской земле.

Ровно шесть лет длилась эта разрушительная война. И практически пять из них вражеские сапоги — и финские, и немецкие, и русские — топтали монастырскую землю. Волею судеб монастырь оказался в эпицентре политических, экономических и военных международных событий.

Война — это не только боевые действия. В военное время люди живут

Дореволюционные снимки
монастырского храма апостола
Андрея Первозванного и Николая
Чудотворца в Баркино

Raimo Rämösen kok.
Apostoli Andreuksen ja Pyhän Nikolaoksen kirkko Parkinassa. Se on rakennettu v. 1911–12 luostarin lahjavaroilla.

Raimo Rämösen kok.
Sisäkuvaa Apostoli Andreuksen ja Pyhän Nikolaoksen kirkosta Parkinassa.

привычной мирной жизнью (по крайней мере, пытаются), но в совершенно других условиях. Перефразируя известный афоризм, «монастырь не в бревнах, а в ребрах», я постараюсь рассказать и о «бревнах», т. е. о жизни братии монастыря, и о «ребрах», в данном контексте — о монастырских землях.

В 40-х годах XX века на реке Печенга, на своей родной земле, правда, в составе иноземного государства, Финляндии, доживала свой век немногочисленная братия русского православного монастыря преподобного Трифона. Почему же монастырь, основанный в 1533 году на русской земле и существовавший много веков на русской земле, вдруг оказался финским? Чтобы понять это, надо вернуться на 20 лет назад, когда «большая политика» круто изменила жизнь маленького северного монастыря.

В 1917 году в России произошла революция, разделившая историю государства на «до» и «после».

После Гражданской и Первой мировой войны 14 октября 1920 года между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой в г. Юрьеве (позже Тарту) был подписан мирный договор. Среди прочих условий этого договора были и условия перераспределения приграничных территорий. Один из пунктов гласил:

«К Финляндии на Севере, в Заполярье, отходила вся Печенгская область (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачьего, от губы Вайда до залива Мотовского, и большая часть полуострова Среднего, по линии, проходящей через середину его перешейков...»

И далее:

«...российское имущество в Финляндии переходит автоматически в финскую собственность»

Древняя русская «Печенга» стала именоваться «Петсамо».

(И именно в финский период появилось название «Луостари», это слово так и переводится с финского языка — «монастырь»).

Вот таким образом русский православный монастырь в Печенге оказался на территории Финляндии. Мало того, практически все имущество монастыря было передано Финскому государству.

Хорошо это было или плохо? Вопрос неоднозначный. Безусловно, русский древний монастырь должен существовать на русской земле. Но финны дали возможность монастырю элементарно выжить. Финляндия физически сохранила все монастырские строения и святыни.

Послевоенные остатки церкви в Баркино. Фото 1990-х гг.

Главный монастырский храм Рождества Христова в Печенге после 1920 года стал лютеранской кирхой

Что было в это время с Советском Союзе с монастырями, храмами и священнослужителями — известно. Их просто массово и повсеместно уничтожали.

В устроении монастыря преподобного Трифона на Печенге есть одна особенность. Всегда, начиная с XVI века, практически с самого основания монастыря, со времен Преподобного Трифона, жизнь братии одновременно проходила в двух центрах обители: один в устье реки Печенга, на распутье дорог, — это хозяйственный центр монастыря; другой — в месте слияния рек Печенга и Мана, в пустыни, — центр уединенной молитвы. В финский период их называли «Петсамо» и «Луостари».

В каждом центре были свои святыни: в Петсамо — храм Рождества Христова, воздвигнутый и освященный в 1911 году над мощами 116 мучеников Печенгских. В Луостари — трехпрестольный Сретенский храм (строился с 1707 года, пристраивались новые пределы в 1893 и 1896 годах — Успенья Богородицы и Зосимы и Савватия Соловецких). Храм находится, можно сказать, над мощами самого основателя обители Преподобного Трифона Печенгского.

Это основные святыни монастыря. Кроме них на территории области Петсамо находились еще четыре храма: два храма в бывшей колонии Баркино (финн. Паркинна): двухпрестольный храм святителя Николая Чудотворца и апостола Андрея Первозванного (1912 года постройки) и так называемая «старая рыбацкая церковь» преподобного Трифона Печенгского, перенесенная сюда из Печенги в 1900 г. И еще два одноименных храма, освященных во имя первых русских святых, благоверных князей Бориса и Глеба, находились на границе с Норвегией.

1940 год. Летный финский отряд самовольно занимает здание главного братского монастырского корпуса в Луостари

Один из этих храмов по преданию был построен еще в 1565 году самим преподобным Трифоном, второй — в 1874 году по воле Великого Князя Алексея Александровича.

Все эти святыни охранялись финским государством, поддерживались в порядке, но уже не считались монастырской собственностью, а были собственностью государства — Финляндии. Братии монастыря была оставлена только церковь в Луостари.

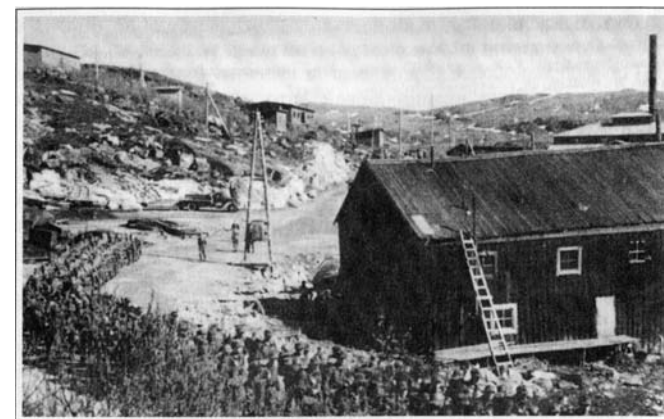
В Сретенском храме совершались ежедневные богослужения по православному уставу. Здесь было все необходимое для жизни монахов: жили в братском корпусе, тут же занимались хозяйством, тут же принимали паломников — при монастыре была гостиница. Много народу приезжало посмотреть на «экзотику» Финляндии — древний русский православный монастырь, да и мощи преподобного Трифона, покоящиеся под спудом в серебряной раке, притягивали сюда людей разного вероисповедания и лопарей, коренных жителей Лапландии. За 400 лет у каждого из них, можно сказать, на генетическом уровне сформировалась потребность хотя бы один раз в жизни помолиться на могиле Трифона.

Главная же монастырская святыня, храм Рождества Христова в центре провинции Петсамо, был преобразован в лютеранскую кирху. Там служили финские священники, но, надо отдать должное, они помогали братии монастыря Трифона. Особенно Юрье Ряме.

Так и жили. Государство не сильно обижало. Монахи молились, и по их молитвам Господь миловал всех людей.

Но наступил год 1939. Над миром повисла очередная «мировая» война. Мирный период в жизни монастыря потихоньку подходил к концу. Я упо-

1941 год. Стройными колоннами двигались немецкие войска к Полярной линии фронта, нисколько не сомневаясь в молниеносной победе

минала, что положительным моментом в передаче монастырских земель Финляндии было то, что в целостности сохранены были все святыни и сооружения обители. Но это до тех пор, пока никто не посягал на них.

Первая война на Печенгской земле — «финская», стодневная, зимняя 1939–1940 гг. Сложная психологически война: война отечества исторического, России (Советского Союза) и отечества нынешнего (Финляндии).

Как же она началась для монахов, живших в монастырской пустыни, в Луостари?

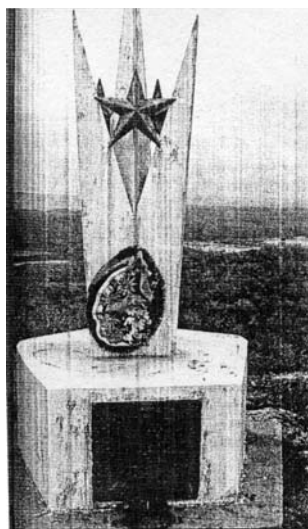
Братия состояла из 14 человек во главе с настоятелем, иеромонахом отцом Паисием (Павел Варлаамович Рябов), назначенным Священным Синодом из числа братии в 1932 году.

Вот как вспоминают первый военный день в обители современники:

«... 3 декабря 1939 года прошли слухи, что война реальна и близка. Уже несколько дней говорили об эвакуации из приграничных территорий вглубь страны людей, документов и грузов.

Но в монастырь никаких указаний на этот счет не поступало, да и настоятель монастыря, отец Паисий, об этом не позаботился. Монахи почувствовали себя в своем монастыре брошенными и беззащитными, когда утром прямо над монастырем пролетели вражеские самолеты и раздались звуки пулеметных очередей.

Около четырнадцати часов того же дня монахи увидели, как спокойно и планомерно загораются все самые лучшие здания монастыря. В большой спешке поджог исполняли три вооруженных финских солдата. Они исполняли приказ сверху. Начали с гостиницы. Прежде чем начать поджигание Главного Братского корпуса, они крикнули находящимся внутри монахам, чтобы те

Много героев явилось миру в ходе Петсамо-Киркенесской операции. Один из них Анатолий Бредов. Скромный памятник на месте гибели на 2-м километре дороги Спутник — Титовка (сопка Придорожная)

немедленно убирались. Но один из монахов вместо того, чтобы спасти собственную жизнь стал одеждой гасить пламя.

Так был спасен от возгорания Главный (Братский) корпус. Он, правда, ровно через год сгорел, но это было уже после заключения мирного договора».

Братский корпус удалось сохранить, но ущерб монастырскому имуществу от первого военного дня 3 декабря 1939 года был огромный.

Сгорели дотла 14 монастырских зданий: гостиница, баня, мастерские: сапожная и столярная, продовольственный склад, хлев-коровник, конюшня, пекарня. Сгорело все движимое имущество монастыря. Скот спасли, но лошади были отобраны для нужд армии.

Общую сумму монастырского ущерба, уничтоженного в этот день, оценивали более чем в 2 миллиона финских марок.

Вот и получается, что когда русский монастырь стал собственностью финского государства, фин-

ны радели о его сохранности, но как только возникла угроза потерять эту собственность, финны предпочли уничтожить то, что и не создавали, лишь бы оно не досталось другим.

Что же дальше происходило в монастыре 3 декабря 1939 года? Финны отступили. Монахами овладел страх, они не знали, что делать. Делать было нечего, вся братия вместе с настоятелем, отцом Паисием, стала ждать. Скоро появились вражеские солдаты (русские) с командой «Руки вверх!»

Убедившись, что финских частей на территории монастыря нет, стали тушить пожар, чтобы он не распространялся далее.

Монахи говорили, что попали в руки большевиков. Их сразу же разделили.

Отца Паисия заперли отдельно, в его келье, приставили охрану. Буквально через несколько дней к нему вошли без стука, велели одеться потеплее, посадили в машину и вывезли в неизвестном направлении. В монастырь отец настоятель никогда не вернулся.

Всех остальных собрали вместе, заперли в келье казначея иеромонаха Ионы и ограничили контакты с внешним миром.

Церковь заняли солдаты. Всю церковную утварь и книги подняли на чер-

Регент монастыря отец Леонид первым покинул родную Печенгскую землю и соединился с валаамской братией

дак и там хранили. Очень жаль было монастырскую библиотеку. Она была огромная и очень ценная в 1172 тома, много рукописных книг XVI–XVII веков. Это никого не интересовало. Более того, значительная часть библиотеки была пущена на растопку печей, судя по переплетам и обгоревшим корешкам, обнаруженным впоследствии монахами.

Естественно, ни о каких богослужениях речи не шло.

Так прожили три месяца. Война должна была вот-вот закончиться. В феврале 1940 года Мурманский Обком ВКП(б) принял постановление «О перевозке и размещении на территории Мурманской области граждан, переселенных с территории Финляндии, занятой частями Красной Армии». В соответствии с этим решением все население, оставшееся на месте после отступления финнов, вывозилось вглубь территории Кольского полуострова.

Монахи, как и все прочие жители Петсамо, были вывезены с родной земли. Вначале — в Мурманск, на теплоходах «Герцен» и «Турксиб», далее в вагонах-теплушках до Пулозера, а затем на оленях в сторону Ловозера. Поселили монахов вместе с другими переселенцами на 40-м километре тракта Пулозеро — Ловозеро. Все деньги забрали и направили на ремонт дороги.

Прошел еще почти месяц. Война закончилась. Монахов освободили. Спросили, желают ли они остаться на родине (в Советском Союзе). Расхваливали достижения советского государства, напоминали о русском происхождении. Но практически все монахи категорически отказались оставаться в бывшем отечестве.

Лишь один человек — послушник Федор Семенович Абросимов — решил остаться жить и работать на родине. Он сделал первый шаг к мученическому венцу.

Через три месяца его арестовали. Обвиняли в шпионаже и диверсии против советского государства и в сотрудничестве с врагом народа отцом Паисием. Но Феодор был непреклонен. Богу служил — да! Трудился — да! Все остальное — нет!

Настоятель монастыря —
о. Паисий. 28 декабря 1940 г.
в день памяти преподобного
Трифона принял мученическую
смерть на Бутовском полигоне

В августе 1940 года Федора Абросимова приговорили к 8 годам лагерей. Через год достаточно молодой и крепкий мужчина в лагере умер. Через 62 года был канонизирован в лике Исповедников и Новомучеников российских.

Все остальные решили вернуться в монастырь, на Печенгу.

Им объявили, что они могут возвращаться в Финляндию, позволили взять с собой 500 финских марок и продуктов по 50 кг на каждого. Предстоял нелегкий путь в родную обитель на Печенге.

Казалось — недалеко. В мае 1940 года монахи приплыли на пароходе в Лиинахамари. Далее — в Петсамо. Но перед тем, как вернуться в Луостари,

в родной монастырь, им пришлось 2,5 месяца провести в карантине в приграничной зоне (Виртаниеми). Лишь к середине августа монахи прибыли в монастырь.

Что же увидели там?

Кругом — следы войны. Жить монахам было негде: главный братский корпус был самовольно занят личным составом финского аэродромного полка, ведь рядом находился военный аэродром.

(Через несколько месяцев, 24 декабря 1940 года, он сгорел дотла. Строили монахи свой жилой корпус с 1886 по 1891 год, это было двухэтажное деревянное здание 22 м длиной, 8 м шириной и высотой без чердака 6 м).

Монахи поселились в маленьком домике, в общей келье.

Главное, удивительным образом сохранились святыни, и прежде всего — храм. «Святая белая церковь» — так нежно величали иноки свой храм. Служили редко, 3 раза в неделю, но и за это благодарили Бога.

Трудно было. Братия малочисленная, немолодая: всем перевалило за седьмой десяток. Сил у них было немного. Не хватало ни масла для подсвечников, ни свеч, ни муки для просфор. И тогда монахи предприняли первую попытку переселиться с родной земли. Куда же?

Военное кладбище
в Печенге

Судьбу монастыря Трифона разделил и Валаамский монастырь. Ладожское озеро, с островами, на которых и жила братия, также стало территорией Финляндии. Так было до «зимней» финской войны. После же ее окончания мирный договор 1940 года оставил Петсамо Финляндии, а Ладожское озеро с территорией Валаамского монастыря вернул Советскому Союзу. Валаамская братия не желала жить «под большевиками». Монахи спешно нашли свободную маленькую усадьбу Паппиениеми в центральной части Финляндии и переехали туда. Неподалеку разместился еще один мужской монастырь — Коневский.

Вот туда и устремились взоры печенгских монахов. Они захотели соединиться с русскими собратьями во Христе, живущими в Финляндии, и обратились с этой просьбой к архиепископу Валаамского монастыря Герману. Владыка прислал на Печенгу своего наблюдателя отца Исаакия с ревизией. Тот приехал, посмотрел и признал состояние дел в Печенгском монастыре удовлетворительным. Собрав братию, он посетовал на крайне трудное положение дел Финской православной общины в Паппиениеми. Живут монахи в совершенно неприспособленных условиях на чужой территории. Здесь же на Печенге все значительно лучше. Мирные условия. Ремонтируются здания, люди приспособляются. Особенно важно было для всей православной общины в Финляндии то, что Печенгский монастырь существует на своем первоначальном историческом месте.

Все 12 печенгских монашествующих вынуждены были согласиться с вы-

водом отца Исаакия, но единодушно выразили просьбу прислать нового настоятеля.

О прежнем отце Паисии ничего не было известно. Многократно обращались в разные инстанции, в министерство иностранных дел — безрезультатно. Монахи не знали, что отец Паисий осужден как враг народа, приговорен к расстрелу и приговор приведен в исполнение на Бутовском полигоне в день памяти преподобного Трифона — 28 декабря 1940 года.

Нового настоятеля, к сожалению, так и не прислали. Но монахи продолжали жить, молиться и трудиться на своей родной земле. Относительный мир продолжался еще один год.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. 26 июня 1941 года и Финляндия в очередной раз вступила в войну с Советским Союзом, и, будучи союзницей фашистской Германии, открыла свои границы для немецких войск, и немцы совершенно свободно вступили на святую древнюю русскую землю.

Одним из мест их базирования как раз и был Луостари. Целая немецкая дивизия, 3-я горнострелковая, в полном составе расположилась здесь в июне 1941 года. И именно отсюда начала она свое наступление на советские войска. Это место было глубоким немецким тылом, и войска этой дивизии до конца 1944 года находились здесь.

Вспомним, что именно в Луостари находился один из трех военных аэродромов, вначале — финский, затем там стали базироваться немецкие воздушные войска.

И тут же — монастырь...

Естественно, монахам переносить такое соседство было крайне тяжело, и уже во второй раз предприняли они попытку переселиться на Валаам.

Непростое дело — переселение. Для этого необходимо не только согласие обителей, но и Священноначалия — Церковного управления. И ездили монахи лично, и письма писали.

В архивах сохранилась часть этой переписки. Давайте прочитаем и почувствуем всю тяжесть жизненных условий немолодых монахов.

Переписка о переселении братии Трифона-Печенгского монастыря в Финляндию

В Церковное управление от Настоятеля Валаамского монастыря Игумена Харитона (30 января 1943 года).

Один из солдат немецкой
горнострелковой дивизии
«Эдельвейс» в Петсамо

Вследствие предписания Церковного управления от 19 января 1943 года за № 178, настоящим имею доложить следующее:

«... 7 октября 1942 года к нам в Паппиниеми прибыл иеромонах Печенгского монастыря Варсонофий и по поручению братства названного монастыря просил о принятии их хотя бы на временное жительство в Валаамский монастырь, так как в данное время из-за ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ПЕТСАМО, ЖИЗНЬ В ЭТОЙ ОБИТЕЛИ СТАЛА СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНОЙ.

Архиепископ Герман со своей стороны также предложил им обратиться ко мне с просьбой принять их на Валаам.

Но в виду того, что в Паппиниеми у нас большой недостаток в помещении, между тем Печенгским инокам по долгу совести необходимо оказать помощь, то мы с Наместником вверенного мне монастыря, иеромонахом Исаакием, по этому вопросу лично переговорили с игуменом Маврикием, настоятелем Коновского монастыря, находившимся тогда на Новом Валааме. Последний согласился принять к себе печенгских монахов, так как помещение для них у него оказалось.

Этот проект по телефону мною был сообщен архиепископу Герману, от которого последовал мне следующий ответ: «Все равно, какой монастырь их примет, лишь бы только кто их приютил».

Ответ этот мною тут же был передан игумену Маврикийу и иеромонаху Варсонофию, и оба они вечером того же 7 октября уехали в Куопио, к Владыке архиепископу Герману, для окончательного решения этого вопроса.

Спустя некоторое время ко мне поступило письмо иеродиакона Печенгско-

го монастыря Леонида, от 16 того же октября, с просьбою принять его на Валаам, где теперь находится и бывший его духовник схиигумен Иоанн.

На это прошения я ответил моим письмом от 24 числа того же октября, в котором объяснил нашу скудость в помещении, сообщил и о том, что Коневский монастырь принимает их, и закончил письмо следующей фразой: «Коль скоро у вас насыщенная потребность для духа быть не в Коневце, а на Валааме, то одного-то как-нибудь поместим, хотя бы в одной келии с вашими отцами: Антонием и Алексием. В виду тяжелого испытания для вас, мы должны помогать друг другу, тем более нашим собратиям-монахам».

Согласно этого письма иеродиакон Леонид прибыл к нам и помещен втроем с указанными отцами.

Таким образом, он временно укрылся у нас от неминуемой смерти, которой так подвержены монахи Печенгского монастыря по случаю частой и усиленной бомбардировки их обители.

Согласно предписанию Церковного Управления, помянутого выше, при сем почтительно представляю подробное письменное объяснение иеродиакона Леонида о причинах, побудивших его покинуть Петсамо и временно приютиться у нас.

Ему 65 лет, здоровье его и нервы сильно разрушены, и он действительно нуждается в том, чтобы оказать ему христианскую помощь.

В Церковное Управление:

от иеродиакона Печенгского монастыря Леонида (30 января 1943 года)

«... По поводу моего ходатайства о помещении меня в братство Валаамского монастыря имею честь почтительно сообщить следующее.

В виду военных действий, происходящих ныне в районе Трифоно-Печенгского монастыря, жизнь там стала совершенно невозможной и смерть начала постоянно витать над нашими главами.

В силу всего этого мы тогда посоветовались между собою и уполномочили нашего духовника иеромонаха Варсонофия съездить к архиепископу Герману и в Валаамский монастырь, чтобы приискать себе место, где можно было бы, хотя бы временно, укрыться от страдальческой смерти, ожидающей нас в Петсамо.

Иеромонах Варсонофий посетил Валаамский монастырь и изложил нашу просьбу, но в виду недостатка здесь помещений принять здесь всех нас оказалось невозможным, но настоятель Коневского монастыря, игумен Маврикий, находившийся тогда на новом Валааме, дал нам свое согласие на водворение

в его обители, на что последовало затем и его благословение архиепископа Германа.

По причине моего всегдашнего стремления на Валаам я обратился тогда к настоятелю сей обители к о. игумену Харитону с просьбой хотя бы на первое время приютить меня в вверенном ему монастыре, на что и получил его согласие.

Однако не без внутренней борьбы решился я покинуть родную мне Печенгскую обитель, где положил начало моего монашеского жития и Божию помощью прожил 40 лет и где надеялся закончить дни моей земной жизни.

Но с открытием здесь военных в Петсамо жить здесь стало совершенно невозможно и невыносимо: прежде всего мы лишились нашего святого храма, занятого ныне военными, отчего все наши богослужения мы вынуждены совершать в том же помещении, где и сами живем; большинство монастырских построек сожжены и уничтожены, отчего жить приходилось вместе и скученно, причем тут же помещались и военные, у которых часто по вечерам происходили шумные и людные собрания, продолжающиеся иногда до поздней ночи, которые сопровождаются передачей по радио, громким пением песен и плясками с лицами инпола; тут же в нашем коридоре военные чистят своих лошадей, все это необходимо переживать и с этим надо мириться, потому что выйти некуда и уйти некуда невозможно.

В июне 1942 года одна из воздушных бомб наибольшей силы упала в нашем районе в такое место, где было большое подземное озеро, расположенное несколько выше Петсамо, отчего подземная вода, вырвавшись на поверхность земли, со страшной и сокрушительной силой, огромною волною и стремительным потоком ринулась в нашу местность, стывая и разрушая на своем пути все, что она встречала.

В довершение наших бедствий, за последнее время усилились особенно воздушные ночные налеты и сбрасывание бомб огромной разрушительной силы, причем самая темная полярная ночь превращалась в яркий день; мощные прожекторы испускали много света и с аэропланов пускались светящиеся шары, ярко освещавшие всю окрестность, а с неба в это время падали страшные бомбы, производившие оглушительные взрывы и разрушения... Бомбы эти часто падали вблизи нас и уничтожали все живое, этим же самым оне и нам угрожали... Однажды вблизи меня, с расстояния всего лишь 20 шагов, упали одна за другою сразу четыре таких бомбы, по милости Божией меня не убившие, но страшно оглушившие.

Эти два события: внезапное стихийное наводнение, происшедшее на моих

глазах, и падение около меня четырех бомб, подействовали на меня так удручающе и болезненно, что я отчасти утратил память, потерял самообладание, лишился спокойствия духа, стал болезненно-нервным — чего ранее у меня никогда не было.

Поэтому, опасаясь дальнейшего ухудшения моего здоровья, утраты здравого рассудка и внезапной страдальческой смерти, побудили меня немедленно оставить Петсамо, чтобы на время укрыться на Валааме.

На основании всего здесь изложенного покорнейше и убедительнейшее прошу Церковное Управление милостиво войти в мое страдальческое положение и предоставить мне возможность поселиться в Валаамском монастыре, хотя бы впредь до времени.

П. с. Настоящее прошение было уже написано, как из Петсамо от иеромонаха Варсонофия пришло письмо с сообщением, что вскоре после моего выезда из Петсамо произошел очередной налет, причем была разрушена немецкая гостиница и пострадало несколько барачных корпусов, были убитые и раненые. В монастырской церкви от сотрясения воздуха вылетели стекла.

Вот такие страдания выпали на долю монахов. Иеродиакон Леонид, может быть, острее всех воспринимал происходящее, потому что был человеком творческим, певчим и имел более тонкое восприятие мира...

Вот еще несколько личных писем

Письмо Печенгского иеромонаха о. Ионы наместнику Валаамского монастыря после событий, описанных в предыдущих письмах:

Ваше Высокопреподобие.

Отец наместник и благочинный
(орфография сохранена)

Во первых, поздравляю Вас с новым годом. Желаю Вам душевного спасения и телесного здравия. Братия наша уезжают. Отец Левонид уехал к вам 30.12. Отец Варсонофий собирается скоро уехать на Коневец. Нас остается 4 человек. Что нам делать. Я Иона и эконо́м, на работу мы неспособны. Как нам посоветуете поступить. Тут нам жить тоже неудобно, когда было 6 человек тогда еще можно было жить. Одежды и денег на наш век хватит. Ежели поедем я все должен тут оставить. У нас есть мука около 500к. и сухарей 60к. Неужели это вести с собой. Или продать нуждающимся?

Тяжелейший рельеф печенгских тундр делал условия боевых действий крайне сложными. Все победы здесь мерялись высотами...

Прошу Ваших святых молитв.
Простите Отец Исакий за нескладное письмо. Желаю вам всего доброго.
И. Иона 31.12.

Еще одно письмо о. Ионы (через полгода, орфографию также сохраняем):

Христос посреде нас.

Много уважаемый Отец Исакий.

Во первых желаю Вам Милости Божией и Всякого Благополучия в жизни Вашей. Мы все Вам шлем низкий поклон. Иона, Варсанофий, Акаки, Досефей и Анатолей. Мы пока все здоровы. Я Вас вздумал спросить На счет братского сгорелого корпуса. В каком виде это дело находится, будет ли какое вознаграждение за корпус. Тут после Вас была комиссия на счет поломанного онбара. Оценили 8000 марок. Сейчас толико пришли бумаги, что деньги будут уплачены. Погода у нас стоит переменная. Перепадают дожди. Трава растет хорошо. Скоро будем косить...

За работу могу расплатиться рыбой соленой треской. Семги нету, сами не ловим, а купить — промышленники плохо продают. За реку Печенгу в монастыре работают мост. Мост будет на цементовых столбах или на быках. Пока все спокойно. Простите. Прошу Ваших св. молитв.

Иеромонах Иона 15.07.

Из этих писем видно, в каких условиях приходилось жить монахам Печенгского монастыря.

В Валаамском монастыре единодушно принимается решение: *«ввиду тяжелого испытания для вас, мы должны помогать друг другу, тем более нашим собратиям-монахам»*.

И постепенно все печенгские иноки перебираются в местечко Паппиеми. Там и сейчас находится православный финский монастырь — Новый Валаам.

Первым, в конце 1942 года, переехал иеродиакон Леонид.

Последние монахи покинули родную обитель в июне 1944 года за три месяца до разрушительной Петсамо-Киркенесской операции, стершей с лица земли их святую белую церковь. Слава Богу, что они этого не увидели.

Чтобы завершить рассказ о трифоновской братии, скажу, что жили они в Финляндии дружно и достаточно долго. Казначей обители иеромонах Иона прожил 8 лет, отошел ко Господу 28.10.1952 года. Духовник обители иеромонах Варсонофий прожил 13 лет, отошел ко Господу в июле 1957 года. Все печенгские братья похоронены на монастырском кладбище.

Но особого упоминания заслуживает печенгский инок отец Акакий — он прожил в Финляндии еще долгие 40 лет и в возрасте 110 лет отошел ко Господу 30 января 1984 году. Все эти годы жил праведной богоугодной жизнью в трудах и послушании, являя собой образец монашеского трифоновского служения.

Отец Акакий был последним не только из печенгских монахов, это был самый последний русский монах на Новом Валааме, и с его кончиной завершился целый этап истории Трифоно-Печенгского монастыря.

Литература

- Кабанов С. И. Поле боя — берег. М.: Воениздат, 1977.
 Орешета М. Г. О чем молчат скалы. Мурманск, 1998.
 Похлебкин В. В. Великая война и несостоявшийся мир. 1941–1945 гг. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999.
 Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и Советского Союза за 1000 лет в именах, датах и фактах. Книга 1: Войны и мирные договоры: Справочник. М.: Международные отношения, 1995.

Микульский С., Абсалямов М. Наступательные бои 99-го и 31-го стрелкового корпусов в Заполярье (октябрь 1944 г.). М.: Воениздат, 1959.

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье 1941–1944 гг. М.: Воениздат, 1963.

Румянцев Н. М. Победа Советской Армии в Заполярье: Десятый удар (1944 г.). М.: Воениздат, 1955.

Щербаков В. И. Заполярье — судьба моя. Мурманск, 1994.

Симонов К. М. На Рыбачьем и Среднем: Кольский край в художественной литературе. Мурманск, 1962.

Акт инспекторской проверки Трифоно-Печенгского монастыря от 18.02.1941 г. / Пер. с финского Мацак В. А. // Мир Севера. Мурманск, 1999. № 5–6. С. 64–67, 72–74.

Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005.

Заполярный плацдарм: Сб. научн. статей. СПб., 2005.

Материалы различных военных интернет-сайтов.

Кировск и кировчане в годы Великой Отечественной войны

ПИВОВАРОВА Татьяна Викторовна,
начальник отдела ИАДиИПС
Государственного архива
Мурманской области в г. Кировске

Война — это большая беда. 22 июня 1941 г. она пришла в города, села и деревни нашей огромной страны. Справиться с ней могли только всем миром, и вклад в Победу над врагом вносили и те, кто сражался на фронтах, и те, кто оставался в тылу. Свою немалую лепту в Победу внес и наш маленький город Кировск.

Нашей целью стало изучение архивных материалов, рассказывающих о том, какой вклад внесли кировчане в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., в Мурманской области было объявлено военное положение.

Кировск оказался прифронтовым городом, поэтому жизнь кировчан нужно было срочно перестраивать. Следовало четко провести мобилизационные мероприятия, организованно и срочно эва-

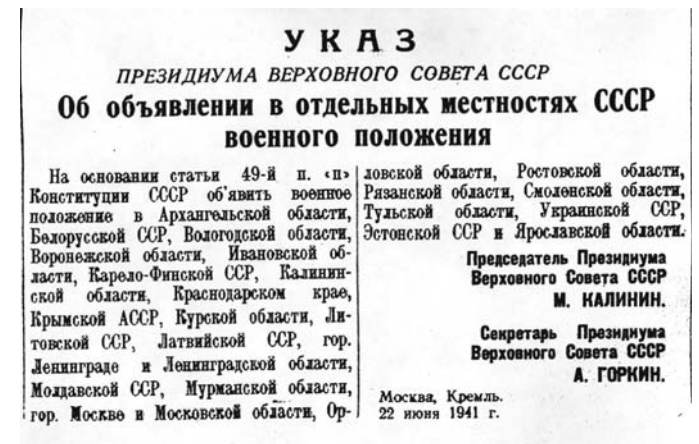
куировать население и ценное оборудование, перевести экономику района на военные рельсы, обеспечить строительство оборонительных рубежей и противовоздушных объектов — вот круг вопросов, которые предстояло решать в первые дни войны.

При этом нельзя было допустить, чтобы паника и растерянность овладели людьми. В нашем городе этого не случилось.

Мобилизация

В первые же дни войны районный военный комиссариат стал местом сбора многих кировчан. К началу 1942 г. Кировский район направил в армию 4456 человек. Кировчане находились в общем строю защитников Родины. Были кировчане и участниками партизанских отрядов «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья», организованных на территории Мурманской области.

Указ о введении военного положения

Следует отметить, что основное население нашего региона составляли спецпереселенцы, «бывшие кулаки» и члены их семей. Известно, что именно в деревнях, в сельской местности жили и трудились глубоко и искренне верующие люди. Основы христианства закладывались с детства. Несмотря на тяжелое и унижительное положение, в котором оказалась эта часть населения, они смогли сохранить в себе лучшие качества: терпение, уважение, веру, трудолюбие и любовь к своей Родине.

Серьезным экзаменом гражданской зрелости «бывших кулаков» стала Великая Отечественная война. Перед лицом нависшей опасности подавляющее большинство спецпереселенцев проявили понимание своего гражданского долга перед Отечеством. Многие из них обращались с заявлениями

Сведения ЦСУ Кировского района о численности населения

К началу 1942 года в действующую армию из Кировского района были призваны 4456 человек		
Населенный пункт	Количество населения (человек)	
	На 12 февраля 1939 г.	На 1 августа 1942 г.
Город Кировск	21184	5288
Кукисвумчоррский поссовет	9051	1893
Апатитский поссовет	2422	2007
Зашейковский поссовет	4363	1914
Ёно-Бабинский сельсовет	1921	426
Экостровский сельсовет	1164	416
ИТОГО:	40105	11944

Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 11. Л. 39., Ф. Р-187, Оп. 1. Д. 63. Л. 1-2.

ми к руководителям местных органов самоуправления, подавали заявления в военкомат с просьбой направить их на фронт добровольцами, хотя признавали, что в силу лишения их гражданских прав им будет отказано. И действительно до 1942 г. члены раскулаченных семей в Красную армию не призывались. Массовый призыв на фронт членов семей «бывших кулаков» осуществлялся в соответствии с постановлениями Государственного Комитета Обороны СССР № 1575СС от 15 апреля 1942 г. и № 2100СС от 22 июня 1942 г. На фронт и в действующую Красную армию призывали не только юношей, но и девушек-спецпереселенцев. Факты свидетельствуют о том, что спецпереселенцы с честью и достоинством выполнили свой гражданский долг перед Родиной. Позабыв о грабеже и насилии со стороны советской власти, они защищали эту власть, проявляя массовый героизм и самопожертвование. В 1943 г., по обнаруженным в архиве УВД Мурманской области данным, из городов Кировск, Мончегорск, станции Апатиты, совхозов «Индустрия», «Нивастрой-2» было направлено на фронт 574 юношей и девушек из числа спецпереселенцев. Примеры мужества и отваги проявляли на фронте не только мужчины, но и женщины. В семье Прасковьи Васильевны Смоляниковой, высланной в 1931 г. из Ленинградской области на станцию Апатиты, как она пишет в биографии, «не зная за что», на фронт были призваны сын и дочь. Сын после ранения и контузии вернулся домой инвалидом Великой Отечественной войны 3 группы. Дочь за храбрость была награждена медалью «За отвагу».¹

¹ Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004. С. 198, 199, 201, 204.

Среди спецпереселенцев, призванных на фронт, был и Николай Михайлович Гудовский, самый известный местный поэт. В короткие минуты передышки между боями он писал своей жене письма, нередко в стихотворной форме. Приведу здесь одно из них, и пусть это стихотворение из фронтового блокнота Николая Гудовского, возможно, несовершенно с литературной точки зрения, но в нем солдат искренне говорит о своих чувствах к родным, близким, вере в победу над фашизмом.

Сегодня тихо. Бестревожна ночь.
Любимая, привет тебе сердечный!
Как ты живешь? Здорова ль наша дочь?
По вечерам скучаете, конечно?
Ну что ж — война, и это неизбежно.
Кому ж теперь живется безмятежно?
Но ты, жена, будь тверже и смелей,
Смотри вперед. Я в нашу встречу верю,
Как верю в славу Родины моей,
В ее победу над фашистским зверем.

Тяжелые испытания выпали на долю тех, кто остался в городе. Братья и отцы ушли на войну. Их надо было заменить, чтобы работа предприятий не ослабевала.

Бомбардировки

Почти сразу после начала военных действий фашистская авиация стала совершать воздушные налеты на Кировск. Уже в июне немецкие летчики бомбили рудник, железную дорогу, жилые кварталы.

Конечно, Кировск не может сравниться с Мурманском, который из всех городов Заполярья пострадал от бомбежек больше всего и был практически превращен в руины. Однако и нашим землякам, оставшимся в годы войны в городе, не однажды пришлось пережить ужас от налетов вражеской авиации.

В результате бомбардировок городу был нанесен ощутимый урон, повреждены промышленные объекты, объекты коммунального хозяйства, энергосистемы, культурно-бытовые учреждения.

28 июня 1941 г. при бомбардировке вражескими самолетами зданий и сооружений АНОФ было сброшено 27 бомб по 250-500 кг каждая. Кроме

Здание апатит-нефелиновой фабрики комбината «Апатит» после бомбардировки 28 июня 1941 г.

разрушений и повреждений этот налет принес и человеческие жертвы: 3 человека погибли при разрыве бомбы в центральной химлаборатории.

Город бомбили и в июле, августе, сентябре 1941 г. и в 1943 г.

Серьезно пострадал от бомбежек и жилой фонд нашего города. Частично были разрушены дома по ул. Комсомольской, пр. Ленина, Индустриальной, Хибиногорской улице.

Особенно сильные разрушения враг причинил промышленности нашего города. Практически все предприятия пострадали от бомбежек.

Бомбардировками враг надеялся дезорганизовать работу предприятий, посеять панику среди людей. Но этого не произошло. Кировчане выдержали, демонстрируя героическое поведение в борьбе с пожарами, при тушении зажигательных бомб, ликвидации последствий бомбардировок.

Эвакуация

Так как город находился, как мы уже отмечали, в прифронтовой зоне, возникла необходимость эвакуации людей и оборудования предприятий в глубокий тыл страны.

В июне — августе 1941 г. людей или вывозили по железной дороге, или довозили до Кандалакши, а дальше по Белому морю в Архангельскую область. Из сводки о населении Кировского района Мурманской области за 1941 г. следует, что количество проживающих на этой территории только за 6 месяцев с июня по ноябрь 1941 г. сократилось почти в 2 раза (с 46357 чел. до 26730 чел.).

После завершения эвакуации и мобилизации мужчин численность населения Кировска сократилось почти втрое. Вместо 45 тысяч человек, жив-

Выписка из регистрационной книги актов по учету ущерба, причиненного городу немецко-фашистскими захватчиками

№ п/п	Наименование предприятий и организаций	Дата нанесенного ущерба
1	Артель инвалидов им. 8 Марта, г. Кировск	31 августа 1941 года
2	1-ый участок энергоснабжения Кировской железной дороги, ст. Кандалакша	28 июня 1941 г., 21 мая 1942 г., 8 октября 1942 г., 16 марта 1943 г.
4	Кировская райконтора связи, г. Кировск	13 апреля 1943 г.
5	Кировский районный отдел "КОГНА"	14 апреля 1943 г.
6	ЦВР Коллиора, г. Кировск	13 августа 1941 г.
7	Деревянный завод, г. Кировск	14 апреля 1943 г.
8	Термоледкомбинат, г. Кировск	30 июля 1941 г.
9	Хотранспортивная контора Кировскторга, г. Кировск	23 сентября 1941 г., 14 апреля 1943 г.
10	Кинотеатр "Большевик", г. Кировск	28 июня 1941 г.
11	Гораздуправление, г. Кировск	14 апреля 1943 г.
12	Кировский райисполком, г. Кировск	2 июля 1941 г.
13	Ботанический сад, г. Кировск	14 апреля 1943 г.
14	Хлебокомбинат, г. Кировск	23 сентября 1941 г., 14, 20 апреля 1943 г.
15	Поларно-опытная станция ВНИИ, ст. Хибинь	31 марта 1943 г.
16	Кировская стройконтора, г. Кировск	29 сентября 1941 г.
17	Северный горно-химический комбинат «Апатит», г. Кировск	28 июня 1941 г., 27 августа 1941 г., 2913 и 22 апреля 1943 г.
18	Рыбтрест, ст. Апатиты	1 июля 1941 г.
19	Дом ребенка Облдетдела, г. Кировск	28 июня 1941 г.
20	Театр кукол, г. Кировск	28 апреля 1943 г.

ших в Кировском районе до войны, осталось 13,5 тысяч взрослых и около 5 тысяч детей.

Предприятия города переориентировались на изготовление военной и оборонной продукции.

Комбинат «Апатит» — фронту

Из предприятия, выпускавшего продукцию сугубо мирного характера, комбинат «Апатит» превратился в предприятие исключительно оборонного значения (к 01.12.1941 на комбинате из 3000 человек осталось 226).

Опытный химический завод в системе комбината «Апатит» — единственный цех, который с начала войны не только не свернул работу, но перешел на мобилизационный режим и за 5 месяцев расширил свою базу.

На опытном химическом заводе был налажен выпуск гранулированного и желтого фосфора для начинки зажигательных авиационных бомб, а также горючей смеси «КС», применяемой против танков.

В 1942 г. коллектив механической мастерской рудника начал массовый выпуск штыков к русской винтовке. Кроме этой продукции мехмастерская рудника занималась производством мин. Мастерские стройдвора обеспечивали опытный химический завод ящиками, жестяными банками под фосфор, работали над изготовлением ручных гранат.

Для нужд фронта комбинат «Апатит» производил следующие виды продукции: горючую смесь «КС»; гранулированный фосфор; бутылки с горючим; авиационные бомбы; элементы к пулеметам «ШКАС» и ПВ-1;

мины М-50 (производство с декабря); ручные гранаты РГД. Всего на предприятии было налажено производство свыше 20 различных видов важной оборонной продукции.

Командование Карельского фронта прислало на имя секретаря Кировского райкома ВКП(б) и директора комбината «Апатит» письмо, в котором говорилось: «Ваш опытный завод и комбинат в целом за время Великой Отечественной войны сделали большой вклад в оборону нашей Родины, бесперебойно давая Карельскому фронту продукцию боевого значения».

Помощь фронту

Как уже отмечалось выше, с началом войны предприятия города и района перестроили свою работу на военный лад.

Так, Кировский деревообрабатывающий завод увеличил выпуск лыж, нарт, саней, лыжных палок. Именно трудящиеся Кировского ДОЗа уже к 15.10.1941 первыми в области изготовили пробную партию лыж (300 пар). Продукция этого предприятия пользовалась большим спросом. Перед нами письмо заместителя начальника разведотдела Северного флота, в котором содержится просьба о получении 50 пар лыж из бука или карельской березы для особых лыжных отрядов.

К концу 1941 г. в Кировском районе была проведена большая работа по выполнению военного задания по строительству аэродрома на сумму около 3,5 млн. рублей.

Кировчане не только выполняли задание трудовинности, но и внесли весомый материальный вклад в фонд обороны. За 5 месяцев было собрано: отчислений из заработной платы и наличных денег 757 тыс. руб., облигаций Госзаймов — на 349 тыс. руб., на строительство танков — 20 тыс. 900 руб., на постройку эскадрильи «Советское Заполярье» — 83 тыс. рублей. Собрано теплых вещей для армии — 1600 различных предметов. На подарки бойцам собрано 60361 руб. Кроме того, к 7 ноября собрано и закуплено подарков для раненых бойцов, находящихся в госпитале, на 7 тыс. руб.

За этот период в районе было проведено 5 субботников по уборке урожая, выкатке леса и т. п. и отработано 12 тыс. человекоднев. Все заработанные на субботниках деньги были перечислены в фонд обороны.

Рассказывая о войне, нельзя не вспомнить и о таком важном деле, в котором участвовали кировчане, как строительство оборонительных рубежей на Мурманском, Кандалакшском и Лоухском направлениях. С первых же дней войны наши земляки строили окопы, траншеи, блиндажи, землянки,

ДЗОТы. Враг подходил к Мурманску и Кандалакше, старался захватить Кировскую железную дорогу. Чтобы преградить путь противнику, началось строительство оборонительных сооружений. Это строительство было настоящим подвигом. Люди мирились с лишениями, недостатком питания и с раннего утра и до позднего вечера работали и в дождь, и в холод, зачастую по колено в воде.

Продовольственная проблема

С самого начала войны остро встал вопрос продовольственного обеспечения.

Фактически уже зимой 1941 г. Кольский полуостров оказался отрезанным от центра страны. В декабре 1941 г. немцы захватили Петрозаводск, перерезали Кировскую железную дорогу — основную магистраль, связывавшую наш край с центром страны.

Подвоз продуктов прекратился, поэтому людей надо было обеспечить местным картофелем, овощами, молоком и т. д. Без преувеличения, борьба за продовольствие в годы войны была борьбой за победу.

О продовольственной политике военного времени

Следует отметить, что в городе была введена карточная система: хлеб отпускался по строго установленным нормам, крупа, рыба, мясо также реализовывались в пределах установленных месячных фондов, сахар и жиры в продажу без разрешения облторготдела не выпускались.

Основными сельскохозяйственными предприятиями в те годы были совхоз «Индустрия» и колхоз «Заполярный труд», располагавшийся в пос. Тик-Губа.

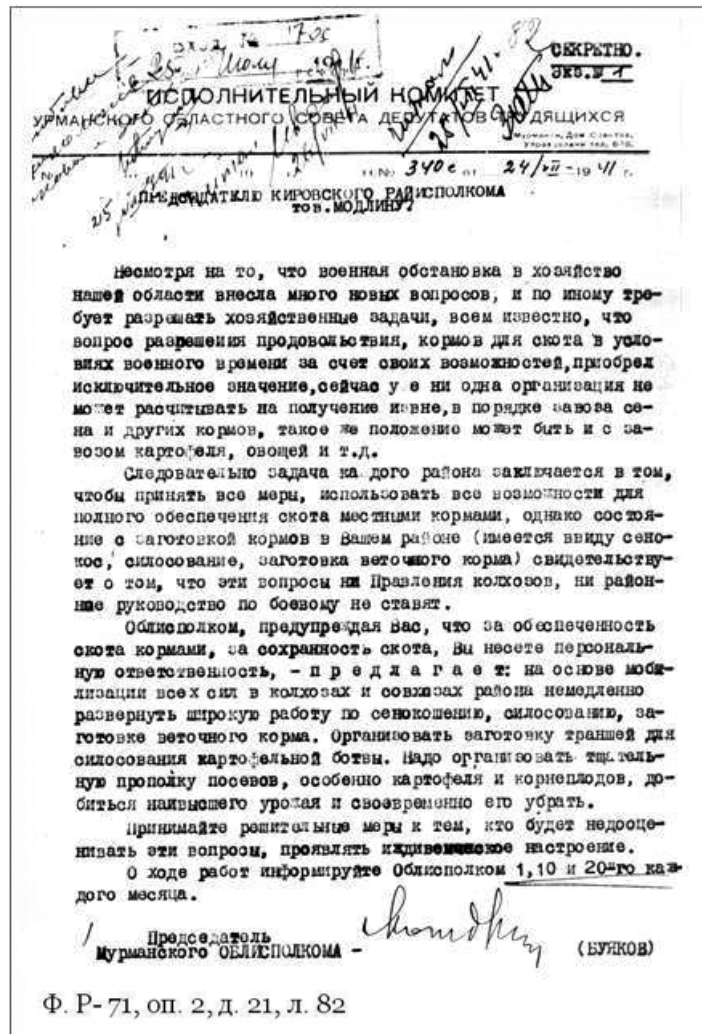
Для решения продовольственной проблемы число подсобных хозяйств было значительно увеличено. Кроме растениеводства в них занимались разведением коров, свиней. Практически каждое предприятие, школа, больница имели свое подсобное хозяйство, свой огород.

Подсобное хозяйство «Индустрия»

К проведению сельскохозяйственных работ привлекалось все трудоспособное население. В посевную и уборочную работали круглые сутки, рабочий день длился 10–12 часов. Кроме того, в уборке урожая принимали участие бойцы воинских частей, расквартированных в г. Кировске.

Наряду со взрослыми на полях работали кировские школьники. О том,

О продовольственной политике военного времени

как они работали, скажет тот факт, что два кировских школьника — учащиеся средней школы № 11 Юрий Тешев и Валентин Плетнев — были отмечены на областной Доске Почета.

Кроме того, жителям Кировского района вменялось в обязанность заготавливать грибы и ягоды. Приказом директора комбината «Апатит» от 14.07.1943 были установлены нормы заготовки дикорастущих грибов и ягод: «на одного работающего грибов — 10 кг, ягод — 12 кг; на неработающего (взрослого) грибов — 30 кг, ягод — 36 кг». Нормы, как видим, были довольно высокими.

Продовольственная проблема решалась через развитие подсобных хозяйств

Ф. Р-179, Оп. 12, Д. 1546, Л. 800

Помощь госпиталям

С первых месяцев войны требовала разрешения и такая важная задача, как организация госпиталей в Кировске. По распоряжению Мурманского облисполкома уже с июля 1941 г. в школе № 1 г. Кировска и в школе № 3 поселка Кукисвумчорр начали свою работу два госпиталя № 1442 и № 1445 для эвакуированных с поля боя раненых солдат и офицеров. Но в документах архивного фонда Кировского райисполкома за 1941 г. есть сведения о работе еще одного госпиталя № 1021, из чего можно предположить, какими ожесточенными и кровопролитными были бои на Кольском полуострове.

Работа эвакуационных госпиталей на территории Кировского района

В связи с тем, что один из госпиталей вынужден был изменить свою специализацию с терапевтической на хирургическую, изготовление недостающих хирургических приборов — скальпелей — было также налажено на комбинате «Апатит».

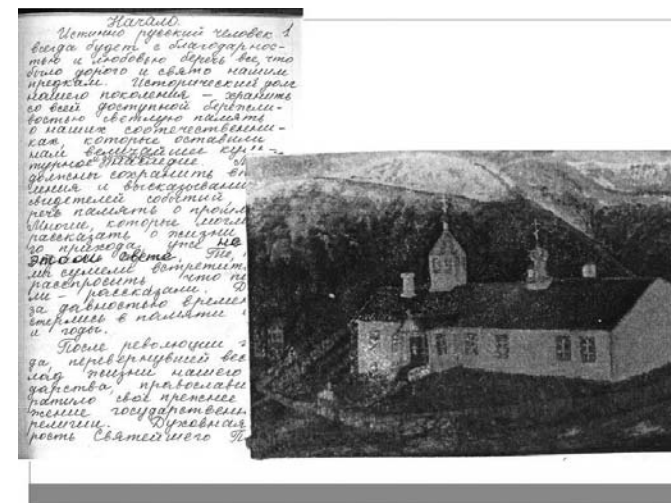
А как не вспомнить заботу кировчан о раненых бойцах, находившихся на излечении в госпиталях, оборудованных в нашем городе. Примеров этому множество. Так, в порядке шефства комбината «Апатит» над госпиталем № 1442 были радиофицированы палаты, оборудованы читальный зал и клуб. Девушки, отработав на производстве, забыв об усталости, дежурили по ночам в палатах, по просьбе раненых бойцов писали письма родным. Большую помощь раненым оказывали кировские школьники, устраивая для них концерты художественной самодеятельности.

Конечно, на долю тех, кто пережил весь ужас этой страшной войны, выпало очень много испытаний. Но мы можем и должны гордиться тем, что в победу над фашизмом кировчане внесли весомый вклад. Достаточно сказать, что 2350 кировчан были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а 1162 — медалью «За Оборону Советского Заполярья».

К сожалению, мы не можем документально доказать, что в военные годы в нашем городе был действующий храм, но можем с уверенностью сказать, что в эти трудные годы верующие объединялись и молились о скором окончании войны, возвращении родных живыми и здоровыми с поля брани. Утверждать это нам позволяют воспоминания наших земляков. Дух взаимопомощи, сострадания и милосердия к бойцам Красной армии руководил всеми действиями и поступками кировчан. Поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ. И тот факт, что Свято-Казанский храм был построен в первый же год после войны именно в г. Кировске, конечно, не случаен: более 70 % населения нашего региона (я имею ввиду спецпереселенцев) были воспитаны на законах православия и в то же время сознавали, что Советский Союз — их гражданская Родина, радости, успехи которой — их радости, а неудачи — их неудачи.

21 июля 1946 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия епископ Леонтий освятил Свято-Казанский храм на улице Полярной, 24. Во всей округе наш храм был единственным, и сюда съезжались люди из Мончегорска, Ловозера, Зашейка, Полярных Зорь, Апатитов, Оленьей, Африканды, Тик-Губы, Варзуги, Зеленоборска, Умбы и прилегающих поселков. Обращались люди даже из Кондопоги, Княжой, Лоухов, Полярного.

Первый православный храм города Кировска

Когда читаешь воспоминания прихожанки храма Александры Дмитриевны Лапицкой, еще раз убеждаешься, что для Господа невозможного нет. Александра Дмитриевна рассказывала, что ее мама, Мария Лапицкая, одна ездила в Москву к Сталину: «Без паспорта (у выселенцев долго не было паспортов), без денег, уповая лишь только на волю Божию. Никакого препятствия не было. Села в поезд без билета, никто ее даже не заметил, ничего у нее не спросил. Приехала в Москву — и Кремль легко нашла». Мария была на приеме у Сталина и получила документы, разрешающие постройку церкви в г. Кировске.

Сейчас в нашем городе два храма, и каждый верующий может с благоговением помолиться о тех, кто положил свою жизнь за наше счастье.

Работа по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения во внеурочной и урочной деятельности

ХОМЕНКО Ольга Викторовна, заместитель директора по УВР МБОУ СОШ № 7 ЗАТО, г. Североморск

(Статья содержит описание системы работы в школе по формированию духовно и нравственно развитой личности, развитию творческих способностей, сохранению и укреплению православных традиций, вечных общечеловеческих духовных ценностей).

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики. Следовательно, необходимо возрождение национального духа в сознании российских детей, так как именно ребенок младшего школьного возраста наиболее восприимчив к эмоционально-ценностному, духовно-нравственному развитию и гражданскому воспитанию.

Ценности личности формируются в семье, неформальных сообществах, в сфере массовой информации и т. д. Но наиболее системно, последовательно и глубоко духовно-нравственное развитие и воспитание личности происходит в сфере общего образования, где оно обеспечено всем укладом школьной жизни. Именно в образовательном учреждении, главной целью которого является воспитание ответственного гражданина, сосредоточена не только интеллектуальная, но и духовная, и культурная жизнь обучающегося.

В каждом образовательном учреждении создана Программа духовно-нравственного развития и воспитания, направленная на воспитание в ученике гражданина и патриота, на раскрытие способностей и талантов учащихся, подготовку их к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. В нашей школе разработана и реализуется программа «Я — гражданин России», созданная на основе требований ФГОС, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России по образовательной программе начального общего образования, закона «Об образовании в Российской Федерации».

Общие задачи духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени начального общего образования классифицированы по направлениям, каждое из которых, будучи тесно связанным с другими, раскрывает одну из существенных сторон развития личности гражданина России:

- мы — патриоты России (общесекторное),
- мы творцы и труженики (социальное),
- знание — сила (общеинтеллектуальное),
- вершины духа (духовно-нравственное),
- в здоровом теле — здоровый дух (спортивно-оздоровительное).

Приоритетной линией при этом является забота о физическом, психическом и нравственном здоровье детей, но именно патриотизм включает в себя все направления воспитательной деятельности в начальной школе.

Цель работы по воспитанию патриота — это развитие в личности высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление личности, обладающей позитивными ценностями и качествами, способной проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества.

Задачи патриотического воспитания младших школьников включают:

- формирование понятия о большой и малой Родине, первоначальных знаний о ее истории, исторических личностях;
- воспитание бережного отношения к жизни и ко всему живому;
- привитие трудовых навыков, формирование уважительного отношения к труду другого человека;
- воспитание уважительного отношения к общественной собственности, к собственности другого человека.

Реализация задач происходит в процессе обучения (урочная деятельность), во внеклассной работе, во внеучебных мероприятиях (внешкольная деятельность) в постоянном взаимодействии и тесном сотрудничестве с семьями учащихся и другими субъектами социализации — социальными партнерами школы.

Формы работы мы используем самые разнообразные: деловые игры, классные часы, встречи с интересными людьми, беседы, викторины, коллективные творческие дела, смотры-конкурсы, выставки, соревнования, экскурсии, поездки, походы, трудовые дела, знакомство с историческим про-

шлым малой родины и Отечества, знакомство с традициями и обычаями русского народа, фольклором.

Учебная деятельность дает возможность развивать у учащихся нравственные качества личности в процессе изучения любого предмета. На уроках русского языка формируют особое отношение к слову, языку, его колориту и мудрости, воспитывают толерантность, учат решать коммуникативные задачи, осваивать этикетные формы обращения и поведения, развивают воображение. Педагоги используют обучающие тексты, содержащие ориентацию на формирование уважения к национальным ценностям, языку.

Учебники «Литературное чтение» содержат фольклорные произведения народов России, литературные тексты мастеров художественного слова, тексты исторического содержания, работая с которыми дети постигают простые и вечные истины: сострадание, сочувствие, любовь к другим людям, к Родине, чувство гордости за свою страну. На примерах из русской и зарубежной литературы идет формирование основ морали, определенного поведения, обусловленного принятыми в обществе представлениями о добре и зле, допустимом и недопустимом.

На уроках истории источником духовно-нравственного воспитания служит изучение православного наследия русской истории (материал о Сергии Радонежском, Серафиме Саровском); патриотического опыта русских и советских полководцев («Наука побеждать» А. В. Суворова, «Талант и мужество маршала Жукова»); шедевров русского искусства и выдающихся деятелей науки («М. Ломоносов — наш первый университет», «Жизнь

и творчество гениального композитора П. И. Чайковского»). Работая над сообщениями, докладами о жизни деятелей эпохи, дети понимают, какими нравственными качествами должен обладать человек, чтобы его имя жило в веках.

Эффективным приемом нравственного воспитания являются и познавательные проблемные вопросы: «Иван Грозный: жестокий господин или Царь-батюшка?», «Петр I: злой гений или отец нации?», «Екатерина II: хитрая императрица или умный государственный деятель?» и т. д. Данные задания помогают активизировать мыслительную деятельность учащихся, вызывают желание быть причастными к великим деяниям народа.

Помогают формировать позитивное отношение ребенка к окружающему миру, другим людям и самому себе сюжетно-ролевые игры, сценки («Дружба народов», «Встреча с генералом», «Герои космоса» и т. п.), игры («Вещи из короба»).

Содержание курса «Математика» способствует воспитанию трудолюбия, уважения к интеллектуальному труду, стремления к познанию. Материал учебников обогащен культурными и ассоциативными связями с литературой, живописью, историей, в них находят свое отражение знаменательные события нашей Родины.

Учебники курса «Окружающий мир» дают возможность формировать знания о природе, человеке и обществе, работать над осознанием характера взаимодействия между ними и на этой основе воспитывать экологическое отношение к окружающему миру. Педагоги расширяют представления учащихся о своем крае, природных условиях и ресурсах, об особенностях взаимодействия человека, природы, общества; воспитывают бережное отношение к природе и продуктам труда человека, задают образцы служения Отече-

ству, формируют чувство сопричастности к жизни России и гордости за свою Родину, народ и историю.

Музыка и изобразительное искусство помогают решать задачи патриотического, эстетического воспитания учащихся, формируют творческое отношение к жизни. Обучение строится на основе лучших культурно-исторических и национально-культурных традиций народов России.

Музыка помогает создать нужный эмоциональный настрой. Например, при изучении темы «Вставай, страна огромная» дети слушают отрывок из Седьмой симфонии Шостаковича, а затем отображают на бумаге свои эмоции, чувства и переживания.

Большое внимание уделяется проектной деятельности учащихся. Именно в данном виде деятельности наиболее успешно может быть организована среда для реализации замыслов детей, осуществления ими морально-нравственного выбора не на словах, а на деле.

Богатый материал по духовно-нравственному воспитанию содержат уроки, посвященные Великой Отечественной войне. Детям обязательно рассказывают о боевых действиях войск Северного и Карельского фронтов, Северного флота и Беломорской военной флотилии против немецких и финских войск на Кольском полуострове, в Северной Карелии, на Баренцевом, Белом и Карском морях в июне 1941 — октябре 1944 г.

Работая над вышеуказанной темой, учащиеся разыскивают материал о своих родственниках, участвовавших в войне. Так в школе появился уголок памяти «Наши деды — герои». Преемственность поколений, знание корней своего рода сегодня особенно актуально, ибо с каждым годом наша связь с прошлым становится все слабее, уходят традиции. А ведь именно любовь к близким, верность семейным обычаям, память о тех, кого уже нет с нами, наполняют жизнь смыслом.

Много нового и интересного узнают дети о жизни предков, выполняя проекты по построению своей родословной. Ребята творчески подходят к выполнению задания, что способствует не только закреплению интереса к истории своей семьи, но и формированию личности ребенка.

Обширную базу средств и возможностей для реализации духовно-нравственной программы развития обучающихся дает курс ОРКСЭ. В качестве наиболее важных механизмов, способствующих освоению содержания кур-

са, выступают эвристические методы, исследовательский метод, метод моральных дилемм и дискуссий. Любой выбранный модуль курса позволяет дать школьникам представление о многообразии и взаимопроникновении религиозной и светской культур, предоставляет возможность обсуждать нравственные вопросы и вопросы светской этики с опорой на те культурные особенности и традиции, которые наиболее интересны детям.

Мы прививаем ученикам уважительное отношение к семье, друг к другу, к государству и через внеклассные мероприятия. Первый урок в День Знаний, классные часы в Дни воинской славы России в школе посвящены Родине, героическим страницам ее истории, культуре. Мероприятия патриотической направленности традиционно проводятся и ко Дню защитника Отечества: уроки мужества, «Смотр строя отрядов», «Песни в солдатской шинели», «А ну-ка, мальчики!», конкурсы рисунков и боевых листков. 1 марта ежегодно проходит торжественная линейка памяти героя России Марка Николаевича Евтюхина, чье имя с гордостью носит наша школа.

Классные коллективы совместно с учителями ведут шефство над ветеранами микрорайона. В канун Дня Победы при активном участии ребят и педагогов проходит Неделя боевой славы, в ходе которой проводятся такие мероприятия, как акция «Подарок ветерану», уборка военных захоронений, возложение цветов к мемориалам героев войны. Участвуя в них, дети чувствуют, что они являются частью огромной страны, что они граждане России, россияне. Начиная знакомство детей с малой Родиной — города, где они живут, мы постепенно подводим их к пониманию того, что город —

Воспитание граждан страны

часть большой страны, а дети — жители России, граждане страны, у которых есть права и обязанности.

Немалая роль в нравственном воспитании обучающихся принадлежит краеведению. Это самая доступная сфера творческой деятельности ученика и учителя. Каждый педагог использует краеведческий материал с целью воспитания любви к родному краю, чувства гордости за свой народ.

Чтобы помочь ученикам убедиться в неповторимом своеобразии родных мест, организуем участие детей в таких областных литературно-краеведческих конкурсах, как «Храмы России», «Берег России». Победители этих конкурсов награждаются путешествием по Терскому берегу. Дети возвращаются из поездки по краю, пораженные его строгой красотой, богатой историей, необыкновенной природой. До отъезда и после возвращения они стараются больше узнать о родных местах и рассказать другим о храмах земли Кольской, о людях, событиях.

В поездку победители отправляются с площади Первоучителей города Мурманска после рассказа Михаила Григорьевича Орешеты о маршруте путешествия и возложения цветов к памятнику.

Первая остановка по маршруту — деревня Ковда. Это одно из самых старых и больших поселений Кандалакшской губы, расположенное в устье одноименной реки. Дети осматривают главную достопримечательность старинного поморского села — Свято-Никольскую церковь, замечательный памятник русского деревянного зодчества на Севере России, любуются красотой нетронутой природы, домами, поднимаются на холм, где стоит поклонный крест.

На второй день путешественники приезжают в Умбу — старейшее славянское поселение Кольского полуострова. Из рассказа экскурсовода они узнают, что это поморское село впервые упоминается в 1466 г. Здесь сохранилось много старинных изб, большинство жителей — коренные поморы. Деревня очень живописна, стоит у впадения в море реки Умбы. Школьники посещают музей поморского быта, где знакомятся с историей заселения Терского берега и жизнью местного населения.

Обучающимся очень нравится экспозиция музея, они узнают много интересного, рассматривают предметы труда и быта поморов Терского берега, создавших наиболее рациональные для Севера промысловые снасти, типы жилищ и одежду. Девочки любят праздничными костюмами, вышивкой, кружевами, сплетенными местными мастерицами, мальчики с восхищением рассматривают резьбу по дереву. Внимательно осмотрев экспозицию и прослушав рассказ экскурсовода, дети понимают, что в предметах, представленных в музее, отразилось врожденное чувство красоты и меры местного населения.

На ночлег путешественники располагаются в Оленице — небольшом селе на берегу одноименной реки при ее впадении в Белое море. Первые упоминания об этом населенном пункте относятся к XVI веку, именно с этого времени поселение стало известно как «живущая тоня» (летнее поселение ловцов семги).

Приехав в село, где в настоящее время проживает менее 50 человек, дети обязательно идут благоустраивать захоронение: убирать мусор, красить ограду. Производит впечатление на детей и митинг у обелиска погибшим сельчанам, и возложение цветов павшим героям.

Самое примечательное сооружение в деревне Кашкаранцы — деревянная церковь Тихвинской иконы Божией Матери, которая стоит на месте древней часовни, построенной на святом месте — могилах преподобных Астерия, Авксентия и Тарасия Кашкаранских, Соловецких. Михаил Григорьевич рассказывает путешественникам о событиях, связанных с именами этих подвижников, происходивших во времена, когда на месте нынешнего поморского села находился небольшой монашеский скит.

Затем путешественники отправляются к часовне Преподобного Безы-

мянного Инока Терского. Маленькая, почти игрушечная деревянная часовенка возведена в 2003 г. на просторном, наполненном шумом прибоя берегу Белого моря. Старая часовня простояла на могиле почитаемого Инока до середины XX века, затем была разрушена и недавно возродилась в новом обличье.

Дети посещают и село Варзуга — самое древнее русское поселение на Кольской земле (возникновение относят к XIII–XIV векам), расположенное по обоим берегам одноименной реки в 25 км от устья. А река Варзуга — место, «откуда есть пошла Русская Земля» на Крайнем Севере Европы — колыбель Мурманской области.

Автобус привозит детей на центральную площадь. Здесь расположен храмовый комплекс, традиционная северная «тройка»: церковь летняя, церковь зимняя, колокольня. Летняя церковь — Успения Пресвятой Богородицы — самый известный из памятников кольского деревянного зодчества. Она идеально вписана в природный ландшафт побережья реки и композицию всего села, образуя с ними гармоничное целое.

Вторая церковь, святителя Афанасия Великого с приделом преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецких чудотворцев (Афанасьевская церковь), 1854 г. постройки, по площади помещения существенно превосходит Успенскую.

Возрожденная в 2002 г. колокольня Успенского комплекса служит своеобразным маяком: с одной стороны, несет духовный призыв, созывая варзужан на богослужения, а с другой — в прямом смысле слова указывает людям путь в полярной ночи.

Познакомившись с храмовым комплексом на правом берегу, путешественники перебираются на левый, Никольский, берег Варзуги, где было еще два собора. Определила название этой стороны села церковь Святителя Николая Чудотворца с приделами пророка Божьего Илии и преподобного Сергия Радонежского, построенная в конце XIV века.

Вслед за Никольской церковью в Варзуге на левом берегу реки появилась церковь во имя Святых апостолов Петра и Павла. Петропавловская церковь, построенная в 1864 г., была самой певческой, «намоленной» и любимой приходом и продолжала действовать в советское время дольше других церквей.

Посетив Варзугу, дети обычно задаются вопросом: а почему в этом древнем селе было столько храмов? Какова роль церкви в жизни прихожан? Поразмыслив, они вспоминают древнюю мудрость: не хлебом единым жив че-

Сотрудничество семьи и школы

ловек, но и словом Божиим. И находят ответ: храм сближал и объединял людей. В церкви они слушали чтение священных книг, участвовали в хорошем пении, собирались для обсуждения злободневных вопросов. Здесь начиналась и заканчивалась жизнь верующего: в храме крестили детей, венчали вступающих в брак, отпевали умерших, сюда шли на исповедь и причастие, приходили получить благословение священника на добрые дела, заказывали молебен. А значит, без храма нельзя было обойтись, поэтому когда церковь ветшала или сгорала, строили новую, по возможности более красивую и величественную.

Размышляя о роли церкви в жизни человека, группа доходит по узенькой тропочке до девятиметрового Золотого креста, который установлен в честь 590-летия Варзуги на горе Никольской стороны. Там, где он поставлен, находилось древнее городище, укрепление первых варзужан, разгромленное пришедшими из Скандинавии норманнами в 1419 г. Год этот считается годом рождения села Варзуга. Но люди жили здесь и раньше — если в 1419 г. сюда пришли разорять Варзугу 500 человек «мурманов на бусах и шнях», значит, поселение варзужского погоста уже было известным и богатым. Следовательно, дату возникновения варзужского городища следует отнести к более раннему времени.

Около церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Пречистинской стороне села, Михаил Григорьевич вручает грамоты победителей Мурманского областного литературно-краеведческого конкурса «Берег России». Для детей это очень памятное событие: невозможно забыть момент, когда получаешь награду за «профессионализм и творческий подход в исследова-

нии культурного богатства Отечества», стоя у подлинной жемчужины православного зодчества, одной из самых древних деревянных церквей, дошедших до нашего времени.

Эта поездка, прикосновение к святым местам Терского берега, запоминается на всю жизнь. Возвращаясь в Мурманск, дети рассуждают о том, что людям, имеющим власть, необходимо обратить внимание на развитие таких мест, как Терский берег. Это уникальный район Русского Севера с сохранившимися культурно-историческими памятниками, своеобразной этнической культурой и традициями природопользования. В вымирающих старинных прибрежных селах Терского берега сконцентрированы наиболее яркие проявления культурных традиций, наши святыни, которые необходимо сохранить.

После поездки, ставшей для многих глотком великой истины, появляются такие проекты, как «История освоения и заселения Терского берега», «Тайны Свято-Никольской церкви (д. Ковда)», «Заступничество Тихвинской иконы Божией Матери в селе Кашкаранцы», «Летняя — Успения Пресвятой Богородицы — церковь села Варзуга». Такие экскурсии открывают детям новые страницы истории родного края, воспитывают интерес и любовь к малой родине, учат мыслить.

Одним из необходимых условий духовного, нравственного и интеллектуального развития ребенка является сотрудничество семьи и школы. Без общности с родителями, без эмоциональной и этической поддержки со стороны семьи воспитание будет неполноценным и недостаточно эффективным. Включение родителей в школьную жизнь становится для ребенка подтверждением значимости его учебной деятельности, что позитивно отражается на желании ребенка учиться, преодолевать трудности и стремиться к успеху, имеет решающее значение для организации жизни, формирования духовности и нравственности младшего школьника.

Таким образом, в результате реализации Программы духовно-нравственного развития и воспитания у учеников укрепляются правильные нравственные ориентиры, формируется система истинных духовных ценностей, в которой важнейшее место занимают любовь к Родине и чувство долга. Мы уверены: ребенок, знающий свои корни, свои права и обязанности, уважающий закон, вырастет настоящим человеком. Человеком, который в будущем станет ответственным за могущество своей страны, ее честь и независимость, за сохранение природы, материальных и духовных богатств.

Северная оперативная группа. Южный фланг

КИРОШКО Андрей Петрович,
член Союза журналистов России,
обозреватель газеты «Вечерний Мурманск»

Предисловие

13 августа 1941 г. бойцы двух мурманских партизанских отрядов, «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман», вышли из Мурманска, где в течение нескольких месяцев проходили специальную подготовку, и пешком отправились к высоте «Ударной», которая станет местом их постоянной дислокации на два с лишним года. Уже после войны дата 13 августа стала считаться началом партизанского движения в Мурманской области.

На Кандалакшском направлении действовало сразу три отряда народных мстителей — «Полярник», «Сталинец» и «Большевик». Первый из них вышел в свой боевой поход в тыл врага в июле 1942 г., то есть почти на месяц раньше, чем мурманчане. Более того, в походах эти отряды понесли гораздо большие потери, чем соединения Куроедова и Смирнова, но при этом и урон врагу они на-

несли более серьезный. Однако история «Советского Мурмана» и «Большевика Заполярья» изучена гораздо лучше, нежели деятельность их архангельских коллег. Историческая несправедливость здесь очевидна.

Увы, лесная война на юге Кольского полуострова выпала из интересов профессиональных историков и долгие годы оставалась уделом краеведов. Но и они основное свое внимание сосредоточили на изучении партизанских походов на Мурманском направлении. Те единичные работы, которые нам известны, например, очерк Александра Крячко, книга Михаила Орешеты «Тропой партизанской памяти», работы В. А. Евтушенко не дают полного представления о действиях партизан под Кандалакшей. Пробел в этой области подтверждается и отсутствием в Мурманской областной научной библиотеке даже мемуаров командира «Полярника» Даниила Подоплекина, хотя они были изданы в Архангельске еще в 1977 г. Нет в главном книгохранилище области и сборников архивных документов, напечатанных в последние годы в Архангельске, а те документы, которые сосредоточены в Государственном архиве Мурманской области, только изредка просматривались, и в некоторые папки вообще никто не заглядывал. Помимо Архангельска партизанское движение на юге Кольского полуострова изучали и в Петрозаводске. Правда, это были исследования в контексте изучения партизанской войны в Карелии в целом. К таким работам можно отнести книгу Константина Гнетнева «Тайны лесной войны» и диссертацию Олега Кулагина «Партизанское движение в Карелии и Мурманской области: объективные и субъективные факторы: 1941–1944 гг.». Последняя имеется в областной научной библиотеке и ознакомиться с ней может любой желающий.

Возможно, на изучение деятельности этих отрядов повлиял тот факт, что все они были сформированы из архангелогородцев, и большая часть документов по их боевой работе сосредоточена в Архангельске. Кроме того, свои походы поморы совершали в основном по территории Карело-Финской АССР и Финляндии, а в Мурманской области только базировались. Не исключено, что этот фактор также сказался на куда меньшем интересе кольских краеведов к архангельским партизанам как не связанный напрямую с историей Мурманской области. С этим трудно согласиться, ведь одно присутствие сотен вооруженных обученных людей в Шуми-городке (несколько километров от поселка Енский) вынуждало финское командование держать на этом участке (тыловом, заметим) подразделения, которые могли бы пригодиться в других местах.

Более того, архангелогородцы действовали в разряженном пространстве на стыке двух армий — 14-й, защищавшей Мурманск, и 19-й, дравшейся в Карелии. Будучи фактически диверсионно-разведывательным подразделением, они дамокловым мечом висели над наиболее уязвимыми пунктами коммуникаций противника. Последний вынужден был планировать все свои боевые действия исходя из угрозы возможного удара исподтишка и использовать свои наиболее мобильные и хорошо обученные войска.

Кроме этого, три партизанских отряда использовались и в качестве средства обороны, вздумай финны или немцы наступать на Кандалакшу. А это уже напрямую касается истории войны в Мурманской области. В том, что Кандалакша так и не была взята, есть и заслуга архангельских партизан.

Кто такие партизаны?

Прежде чем перейти к рассказу об архангельских партизанах, необходимо разобраться с терминологией. Ряд современных исследователей, например, Виктор Степаков, склоняются к версии, что партизанские отряды Карельского фронта следует именовать диверсионно-разведывательными подразделениями, так как они якобы не были партизанскими формированиями в классическом понимании. Другие исследователи считают подобное соотношение справедливым лишь отчасти. Так где же истина?

Изначально термин «партизан» был сугубо военным. Если мы заглянем, например, в статью «Партизанская война» Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (конец XIX века), то прочтем, что под этим понимаются «самостоятельные действия отдельных от армии легких отрядов, направляемые преимущественно в тыл и на фланги противника. Цель их состоит, главным образом, в прерывании или затруднении сообщения неприятельской армии с источниками ее довольствия и комплектования, а также в уничтожении этих источников. Успех таких действий обуславливается скрытностью и быстротой движений; поэтому и войска, для них назначаемые, состоят обыкновенно из одной конницы».

По одной из версий, «партизанами» именовали военнослужащих из состава «партий» — временных отрядов, целенаправленно и организованно создававшихся командованием русской армии, в том числе и для действий в тылу противника. Согласно этимологическому словарю Фасмера, термин «партизан» попал в русский язык в начале XVIII века либо из немецкого языка, либо из французского, и в обоих употреблялся в значении «приверженец».

Каким бы ни было происхождение слова «партизан», в военном деле оно означало военнослужащих регулярной армии, главным образом кавалерии, действующих в отрыве от своих основных сил и баз снабжения. При этом партизаны ходили по тылам противника не по своему усмотрению, а выполняя задания высшего командования.

Интересно отметить, что историография XIX века четко отделяла войну партизанскую от войны народной. К последней относили, например, сопротивление испанцев во время наполеоновских войн. Гверильясы (исп. *Guerillas*, воинство, ополчение) тем и отличались от партизан, что действовали стихийно, без общего плана и подчинения высшему начальству. Мрачным пятном легло на них и зверское обращение с пленными, чего настоящие партизаны себе не позволяли. Хотя и здесь были исключения.

В России приемы партизанской войны впервые широко применил Петр I в ходе Северной войны. Когда Карл XII, ввиду истощения запасов продовольствия, решил двинуться в Украину, Петр послал генерала Ифланда с поручением, опередив шведские войска, замедлять их движения и уничтожать средства продовольствия. Во время расположения обеих армий на зимних квартирах партизанская война сильно ослабила шведов и способствовала Полтавской победе. Вполне сознавая важное стратегическое значение партизанских действий, Петр учредил так называемые «корволанты» — легкие корпуса, предназначавшиеся для крупных партизанских операций; их кавалерийский состав иногда поддерживался легкими пушками. Примером партизанских действий в XVIII веке стал разгром корпуса Левенгаупта при Лесной в 1708 г., о котором написано во всех школьных учебниках истории.

Новый виток партизанской борьбы в России случился в войну 1812 г. До наших дней благополучно дожили сразу несколько исторических мифов из этой эпохи. Первый миф заключается в том, что идею партизанской войны первым озвучил Денис Давыдов, а мудрый Кутузов ее понял и всемерно поддержал. Давыдов, безусловно, был партизаном, но отнюдь не первым. Партизанские действия начались еще во время командования русской армией Барклаем-де-Толли. Постоянные нападения казаков, гусар, улан на тыловые части французов были повседневным явлением и никого не удивляли. Приоритет Давыдова заключается несколько в другом: он стал первым теоретиком партизанской войны. По крайней мере, в России.

Второй миф заключается в народности войны 1812 г. Как пишет журналист Владимир Воронов, изучавший документы этого периода в Российском государственном военно-историческом архиве, крестьянские отряды

существовали, «только их было просто мизерное количество. Да и партизанами — в классическом понимании того времени — назвать их сложно: по сути, это стихийно возникшие, сугубо местные, отряды самообороны, защищавшие свои дома и имущество от мародеров, — и только... Полнейшим мифом являются и рассказы о создании помещиками неких партизанских отрядов из своих крестьян», — пишет исследователь.

«А как же Василиса Кожина?! — восклицает исследователь. — Абсолютно все это миф: Василиса Кожина действительно была, но нет ни единого документа, подтверждающего ее участие в боевых действиях. Не было и встречи Кутузова с Василисой, не задокументировано награждение старостики какой-либо медалью. Никогда не существовало в природе и никакого «отряда Василисы Кожинной». Хотя в истории эта женщина отметилась, но лишь тем, что однажды участвовала в конвоировании пленных французов, зверски расправившись с одним из них».

Таким образом, документы однозначно свидетельствуют: партизанская война 1812 г. была плановой и весьма успешной частью кампании русской регулярной армии, которой руководило военное же командование. Но вопреки этим фактам в обществе сформировалось мнение о народной войне, чему немало способствовала и заинтересованность царствующего дома в создании иллюзии единения власти и народа.

Эта концепция партизанской борьбы была почти полностью воспринята и советской историографией, с той лишь разницей, что народная война однозначно ставилась на первое место, а действия регулярной армии ее дополняли. Такая точка зрения сильно повлияла и на теоретиков партизанской войны. Последняя, например, в трудах комбрига Каратыгина, рассматривалась уже как «действия вооруженных групп местного населения или выделенных из состава армии соответствующих войсковых частей, поставивших себе целью истребление противника путем нападения в моменты наименьшей способности его к сопротивлению, не связывая себя в остальных случаях вооруженным соприкосновением с врагом» (цит. по: *Боярский В. И. Партизаны и армия. Минск, 2001*). Из всех известных нам определений партизанской войны это, на наш взгляд, наиболее точное.

Увы, авторы теоретических разработок 20-30 гг. прошлого века были репрессированы, а их книги в подавляющем большинстве изъяты из библиотек, сохранились лишь единичные экземпляры. Подготовленные в это же время на специальных курсах партизанские руководители почти все разделили судьбу своих учителей. Партизанское движение Великой Отечествен-

ной войны пришлось фактически начинать с нуля, а уже после войны также с нуля начался процесс ее осмысления.

Советская историография предложила, по сути, совершенно новое определение партизанского движения как «одного из видов борьбы народных масс за свободу и независимость своей Родины или за социальные преобразования, которая ведется на территории, занятой противником; в этой борьбе вооруженное ядро трудящихся опирается на поддержку местного населения, в ней могут принимать также участие части регулярных войск, действующие в тылу врага» (БСЭ, статья «Партизанское движение»). Примат народности, массовости здесь заслоняет все. Армии милостиво разрешается принять участие в этой войне.

Из новых авторов можно, например, привести точку зрения доктора исторических наук, полковника ФСБ в отставке Вячеслава Боярского, который определяет партизанскую борьбу как «сложный общественно-социальный процесс, обусловленный рядом объективных и субъективных факторов, имеющий закономерности и стадии своего развития. Это составная часть вооруженной борьбы, направляемой на оказание всесторонней помощи армии в целях быстрее разгрома врага, а при отсутствии армии — протекающей самостоятельно и способствующей созданию в будущем регулярных формирований. Партизанская борьба возникает как организовано, так и стихийно, подразделяясь на партизанство войскового типа и партизанство-повстанчество. Последнее при отсутствии центрального руководства и организованности нередко вырождается в политический и уголовный бандитизм».

Думается, мы не зря уделили столько времени понятиям «партизан» и «партизанская война». Почти каждый российский исследователь, берясь за работу о малой войне, вынужден начинать с самостоятельного теоретического объяснения этого явления, ведь единого мнения на этот счет в российской историографии до сих пор нет. Воздерживаясь от собственных умозаключений на этот счет, мы предоставляем читателю возможность самому сделать выводы из тех материалов, которые предлагает ему данная статья.

В заключении теоретической части напомним о статье Гагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». Понятно, что речь идет уже не военном наполнении этого термина, а о юридическом. Итак, участники партизанского движения изначально не соответствуют требованиям, предъявляемым к воюющим Гагской конвенцией 1907 года, так как, участвуя в боевых действиях, маскируются под гражданское население (не

Партизанский отряд
«Полярник». 1941

имеют ни формы, ни знаков различия, оружие носят скрыто) и вынуждают оккупационные власти применять жесткие меры ко всему населению. В соответствии с Гагской конвенцией, при попадании в плен партизаны не пользуются правами военнопленных, а также предаются суду.

Статус законных комбатантов партизаны обрели только при принятии IV Гагской конвенции 1949 г., в которой были обозначены условия, при которых ополченец будет считаться комбатантом, а не уголовным преступником, и на него будут распространяться точно такие же привилегии как на солдат регулярной армии.

Сложности организационного периода

Создание первых партизанских отрядов как в Мурманской области, так и в Карелии началось сразу же после директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., в которой были сформулированы общие цели и задачи партизанской борьбы в оккупированных противником районах СССР. Они были определены следующим образом: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». В прифронтовые районы директива была передана по телеграфу с грифом «секретно», поэтому все мероприятия по

ее выполнению в части, касающейся подполья и партизанского движения, осуществлялись узким кругом партийных и советских работников в обстановке строгой секретности.

По мнению Олега Кулагина, такое положение свидетельствует о том, что в первые дни войны руководство страны не собиралось использовать народные формы борьбы с оккупантами. Но уже эта директива сама по себе, как отмечает исследователь, имела огромную политическую значимость, поскольку положила начало организованному развертыванию борьбы советских людей против гитлеровцев и их приспешников на оккупированной врагом территории. Добавим к этому, что этот документ давал юридическое основание для организации партизанских отрядов, что было очень важно ввиду предвоенных репрессий, направленных против организаторов подпольной и партизанской борьбы, которая широко проводилась в СССР в первой половине 30-х гг. XX века. Теперь эта работа снова возобновлялась. Более того, Москва требовала провести ее в кратчайшие сроки.

Еще больший резонанс вызвало первое с начала войны обращение И. В. Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. В речи И. В. Сталина нашла отражение идея создания единого военного лагеря борьбы против фашистских захватчиков, составными частями которого были советский тыл, Вооруженные силы, действия партизан и подпольщиков. В ней, в частности, говорилось, что в занятых противником районах необходимо «создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов».

В то же время ни в директиве от 29 июня 1941 г., ни в первом публичном выступлении И. В. Сталина ничего не было сказано об управлении и материальном обеспечении партизан, их взаимодействии с воинскими частями и подразделениями, попавшими в окружение. Не ставилась перед партизанами и принципиальная задача отрезать вражеские войска от источников их снабжения, что отвергало опыт прошлых войн, когда основным объектом партизанских действий были коммуникации противника.

18 июля 1941 г. вышло специальное секретное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», более четко сформулировавшее задачи партизанского движения. Они, по сути, сводились к следующему: создавать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать

все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников. Руководство партизанским движением предполагалось осуществлять через сеть подпольных организаций, для создания которых на оккупированную территорию по рекомендации ЦК ВКП(б) направлялись «наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные советской власти беспартийные товарищи», знакомые с условиями районов, в которые они направляются.

В районах, которые находились под угрозой оккупации, предлагалось организовать подпольные ячейки, заранее переводя часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение до захвата района противником. В документе подчеркивалось, что вся работа по созданию партийного подполья и партизанских формирований, а также по обеспечению их оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями должна была проводиться самими руководителями республиканских, областных и районных партийных и советских организаций.

Но, несмотря на некоторые уточнения, все вышеперечисленные постановления и инструкции, содержащиеся в них, не учитывали региональной специфики тех районов, где планировалась или уже велась партизанская борьба.

Кандалакшские отряды

Как же происходило формирование партизанских отрядов на Кандалакшском направлении? В Государственном архиве Мурманской области есть справка, составленная младшим лейтенантом госбезопасности М. А. Куроедовым 1 июля 1942 г. (ГАМО, ф. п-55, д. 4, оп. 1). Этот небольшой, но весьма информативный документ сообщает, что «в ноябре 1941 года кандалакшским городским комитетом ВКП(б) совместно с сотрудником УНКВД товарищем Харебиным (в тексте документа фамилия указана без инициалов) был сформирован один партизанский отряд численностью в 157 человек. Затем к январю месяцу 1942 года отряд переформирован на три отряда численностью каждый в 50 человек».

Отряды не имели какого-либо специального названия и обозначались номерами. Командиром первого отряда был назначен Полежаев М. И., комиссаром Верещагин И. И. Командиром и комиссаром второго отряда стали соответственно Силин М. Д и Селезнев А. А. Командиром третьего отряда стал Хомич В. К., комиссаром Кузнецов А. А.

Далее М. А. Куроедов пишет, что к декабрю 1941 г. были определены ме-

ста базирования партизан, которыми стали районы возле лесопункта Сенной, реки Лувенга, станции Номозеро и Кудозеро. Здесь были вырыты шесть ям под тайники: из них три находились на реке Лувенга, в остальных пунктах по одной. Однако очень скоро стало ясно, что в связи с провалом немецко-финского наступления на Кандалакшу эти районы не отвечают всем требованиям базирования. Другими словами, они находились достаточно далеко от мест будущих боевых действий партизан. Виду этого продовольствие для отрядов, хотя и было забронировано, не было доставлено в тайники и хранилось на складах Кандалакшторга. Интересно отметить, что директор данной организации, Иван Трофимович Кузьмин, числился в списках командно-политического состава партизанского отряда Кандалакши на должности помощника командира по материально-техническому обеспечению.

Работа продолжилась и в 1942 г. В феврале всем отрядам были выделены топографические карты. В марте-апреле командиры и комиссары закончили дневные областные сборы начсостава. Некоторые партизаны-кандалакшане также прошли спецподготовку: восемь человек закончили курсы связистов; пятеро прошли подготовку саперов-подрывников; двое стали санинструкторами. Часть партизан (видимо, имеется ввиду комсостав) получили оружие — револьверы системы «Наган», но кандалакшскому отряду так и не суждено было поучаствовать в войне. Почему?

В самом начале 1942 г., то есть в тот момент, когда кандалакшане получали карты, оружие и учились воевать, руководство Карело-Финской ССР обратилось в Архангельский обком с просьбой о помощи. Дело в том, что первый военный год обернулся для карельских партизан весьма ощутимыми потерями. При этом подавляющая часть населения временно оккупированных районов Карелии была эвакуирована на восток, оставшиеся были загружены работой в тылу до предела. Взять пополнение карельским партизанам было неоткуда.

Откликнувшись на просьбу товарищей из Карелии, Архангельский обком КПСС принял решение о формировании партизанского отряда. Дело поручили областному управлению НКВД. Уже 12 февраля 1942 г. начальник управления подписал приказ «О формировании партизанского отряда». Вот его текст:

«Для переброски в тыл противника Карельского фронта сформировать к 17 февраля 1942 г. партизанский отряд трехзвездного состава. Отряд укомплектовать за счет личного состава истребительных батальонов и взводов разведки при народном ополчении. Отряду присвоить кличку «Полярники»».

Приказом от 13 февраля политрук запаса Даниил Андреевич Подоплекин был назначен командиром, лейтенант запаса Петр Романович Карелин — начальником штаба отряда. За подписью ответственных сотрудников УНКВД по Архангельской области были составлены подробные характеристики командного состава отрядов, а также списки первых бойцов и медицинских работников. Последней причиной, по которой горожане Кандалакши не смогли принять участие в войне в составе «своего» отряда, стал... Мурманск. Хорошо известно, что именно летом 1942 г. в областном центре было создано два партизанских отряда — «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья» и часть кандалакшан, в первую очередь тех, кто прошел спецподготовку, были зачислены в эти соединения. В частности, комиссар кандалакшского отряда № 2 Селезнев стал комиссаром «Большевика Заполярья».

Командир

Даниил Андреевич Подоплекин родился 24 декабря 1910 г. в селе Волчий Овраг Чембарского уезда Пензенской губернии. Был председателем колхоза «Красный Октябрь» Подосиновского района Северного края (1933–1934), секретарем Черевковского райкома ВЛКСМ (1934–1937), заведующим коммунальным отделом Черевковского райисполкома Архангельской области (1938–1939). В 1940 г. политрук роты Ленинградского военного округа, участник войны с Финляндией. В 1940–1942 гг. — председатель Маймаксанского районного совета Осоавиахима Архангельской области.

По характеристике командования Даниил Андреевич отвечал всем качествам партизанского командира. Вот как отзывался о нем первый секретарь Центрального комитета компартии Карело-Финской ССР 30-40-х годов, генерал-майор Г. Н. Куприянов: «Вдумчивый, без излишней горячности, он умел глубоко анализировать любую сложную обстановку, хорошо изучал людей, глубоко и всесторонне оценивал сильные и слабые их стороны. Обладая прекрасными волевыми качествами, Подоплекин в бою показывал личный пример. Он был требователен и строг, когда дело касалось соблюдения воинской дисциплины и выполнения боевых приказов, вежлив и прост в обращении с людьми». Подоплекин был представлен к званию Героя Советского Союза, но звание так и не получил.

В 1944–1952 гг. — секретарь Онежского и Беломорского райкомов партии, в 1952–1962 гг. возглавлял политотдел, партком Архангельского тралового флота, в 1962–1966 гг. — Архангельский обком профсоюза работни-

ков пищевой промышленности, затем был председателем областного штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы.

Подготовка партизан проходила в деревне Лявла. Боец отряда «Полярник» Петр Дьячков в своем дневнике («Трудные дороги войны», Архангельск, 2010) писал: «19 февраля 1942 года. Выдано оружие: старинные английские пулеметы “люис” и немецкие винтовки. Винтовки все заржавели, даже у некоторых отверстия заросли. Чистили дня по три».

Санинструктор отряда Анна Григорьевна Архипова (в девичестве Зелянина) впоследствии вспоминала: «К партизанскому делу готовили серьезно, без поблажек. Предстояло ходить в рейды за линию фронта в разведку и для совершения диверсионных актов. Подрывное дело, хождение по азимуту, стрельба из автомата, винтовки, пулемета и пистолета были в программе обучения. Через месяц учебы — пешие походы без груза. Потом из плащ-палаток пошили вещмешки. Стандартная нагрузка на плечах партизана — 45 кг. Для мужиков и девушек одинакова. Взялся — тащи».

Мстители Карелии

Первоначально история «Полярника» была связана с партизанскими действиями на юге Карелии, поэтому имеет смысл рассказать о становлении партизанской борьбы в этой республике.

Партизанские отряды в Карелии начали создаваться сразу после директивы 29 июня 1941 г. Была создана тройка в составе секретаря ЦК КП(б) А. С. Варламова, заместителя председателя Совнаркома КФССР М. А. Исакова и наркома государственной безопасности М. И. Баскакова. Этой тройкой был сформирован руководящий состав тринадцати партизанских отрядов. В порядке выполнения указаний ЦК ВКП(б) и директивы НКГБ № 168 в республике были образованы тройки для организации и руководства партизанскими отрядами на местах в приграничных и пограничных районах. В каждую тройку входили ответственный партийный работник ЦК КП(б) КФССР, представлявший будущего командира отряда, оперативный сотрудник органов госбезопасности (помощник командира отряда по разведке) и работник партийно-советских органов (комиссар отряда).

Важную роль в создании и руководстве партизанскими отрядами в первые месяцы войны наряду с партийными органами играли органы госбезопасности, которые действовали на Карельском фронте в тесном контакте с местными партийными комитетами и военным командованием. В частности, органы НКВД-НКГБ КФССР активно участвовали в подборе кадров

для партизанских отрядов, обеспечивали отряды оружием и снаряжением, организовывали тайные базы с продовольствием и боеприпасами на оккупированной территории, проводили разведывательные и контрразведывательные мероприятия в интересах партизанских формирований, осуществляли их агентурное обеспечение, организовывали и поддерживали связь партизан с большой землей. В течение первого года войны НКВД республики, по сути дела, руководил боевой деятельностью партизанских отрядов на Карельском фронте.

Подобная картина складывалась и в других частях СССР, где формировались, а затем и действовали партизанские отряды, и специально для работы с партизанскими формированиями в НКВД СССР был создан 4-й отдел. В связи с этим 25 октября 1941 г. решением бюро ЦК КП(б) КФССР штаб по руководству партизанским движением был распущен и практическое руководство партизанскими отрядами Карельского фронта было передано НКВД республики. В период оформления акта по передаче в НКВД КФССР партизанских отрядов в тылу противника действовало 17 отрядов общей численностью 1196 человек.

С передачей руководства партизанскими отрядами НКВД КФССР оперативные задачи для партизанских отрядов были конкретизированы. До этого штаб по руководству партизанским движением не мог контролировать деятельность всех партизанских отрядов и не имел о них полной информации, в то время как агентурное обслуживание отрядов проводил НКВД, а боевым использованием очень часто занимались командиры частей действующей армии. Это приводило к тому, что в период с июля по ноябрь 1941 г. конкретных и четко сформулированных задач с определенным набором тактико-стратегических средств для партизанских отрядов республики фактически не было. НКВД устранил этот недостаток, поставив перед партизанами довольно узкие задачи диверсионно-разведывательного плана.

Но на этом построение партизанской организационной структуры не закончилось. Весной 1942г. произошла передача партизанских отрядов из ведения 4-го отдела НКВД Штабу партизанского движения при Военном совете Карельского фронта. В секретной инструкции заместителя наркома внутренних дел В. Н. Меркулова Народному Комиссариату Внутренних дел КФССР от 13 июня 1942 г. говорилось: «... В равной мере не подлежат передаче штабам партизанского движения разведывательно-диверсионные группы, как действующие в тылу противника, так и подготовленные для переброски через линию фронта, разведывательная агентура, курьеры и связ-

ники для связи с резидентами и агентурой в тылу противника ...». Разведывательная агентура НКВД перестала работать на партизанские отряды. Для некоторых партизанских отрядов это решение имело катастрофические последствия, но об этом чуть ниже.

Для партизан же Карельского фронта организационные неурядицы закончились летом 1942 г., и связаны они как раз с архангельскими отрядами. Почти одновременно с прибытием «Полярника» в район Кандалакши в Мурманской области было образовано два партизанских отряда — «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья». А когда в августе 1942 г. к «Полярнику» присоединились «Большевик» и «Сталинец», возникла ситуация, при которой ШПД КФ, дислоцировавшийся в Беломорске, в силу территориальной отдаленности от партизанских отрядов не мог оперативно ими руководить. Это привело к новым структурным изменениям в управлении партизанским движением на Карельском фронте. 10 октября 1942 г. был подписан приказ ШПД о назначении майора Г. И. Бетковского начальником оперативной группы ШПД при Военном Совете 14-й армии. Помимо оперативной группы северной части Карельского фронта такая же структура появляется и для управления партизанскими отрядами на южном крыле Карельского фронта. К 1943 г. эта схема руководства партизанским движением региона сложилась окончательно. Штаб северной оперативной группы располагался в поселке Зашеек Мурманской области. Под управлением майора Бетковского оказалось пять отрядов: «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья», действовавшие на Мурманском направлении, и «Полярник», «Большевик» и «Сталинец», воевавшие на Кандалакшском направлении.

В Заонежье

Для того чтобы продолжить рассказ о действиях архангельских партизан, перенесемся на юг Карелии.

Здесь руководство партизанским движением прибегло к попытке стратегического использования крупных партизанских соединений. 6 декабря 1941 г. в целях оказания максимальной помощи частям Красной армии в районе Заонежья, а также для более массированного и эффективного удара по гарнизонам противника, расположенным на западном побережье Заонежского залива, была сформирована 1-я партизанская бригада, в состав которой на январь 1942 г. входило 8 партизанских отрядов. В декабре 1941 г. перед партизанской бригадой была поставлена задача овладеть Большим

Клименецким островом и уничтожить ряд гарнизонов противника в Заонежском районе. В стратегическом плане эта операция планировалась в связи с предполагаемым наступлением войск Красной армии Медвежьегорской оперативной группы. Нападение партизан в Заонежье должно было отвлечь как можно большее количество сил противника. В случае успеха войск Медвежьегорской оперативной группы партизанская бригада должна очистить весь Заонежский район от противника, закрепиться там и создать базы для действия других партизанских отрядов.

В результате атаки партизан несколько гарнизонов противника были разгромлены, но объективно удержать Большой Клименецкий остров в течение долгого времени партизаны не могли. Наступление наших войск на Медвежьегорск 11 января было приостановлено и финны получили дополнительную возможность перебросить из Петрозаводска силы для уничтожения бригады при поддержке артиллерии и минометов. Потеряв 15 человек убитыми и 39 ранеными, бригада вынуждена была вернуться на свои базы. Таким образом, стратегическая задача в использовании партизанской бригады выполнена не была. Дерзкий тактический ход — преодоление большим соединением (631 человек) открытого пространства в 25-30 километров по льду Онежского озера — заставил финское командование спешно укрепить побережье Большого Клименецкого острова. Впоследствии, по мере укрепления финнами западного берега Онежского озера, партизанская бригада провела ряд небольших операций уже силами отдельных отрядов, небольших разведывательных и диверсионных групп.

Сразу после этих в боев на юг Карелии перебрасывается отряд «Полярник». Если быть совсем точным, тогда отряд еще назывался «Полярники». Множественное число фигурирует в документах вплоть до лета 1942 г., и только ближе к осени буква «и» окончательно уходит из его окончания. «Полярник» был передан в распоряжение 1-й партизанской бригады.

«Наш отряд состоял из трех взводов, — пишет в своем дневнике Дьячков. — С прибытием нашего отряда в Шалу и как раз в это время погиб весь состав 5-го отряда карелов. Как единица таковой выбыл. И вот наш отряд и заменил его полностью и получил название отряд № 5 с 4-го марта». И чуть далее: «Первый месяц партизанщины. Март 1942 года. Отряд № 5 «Полярник» имеет потери: убитых четыре человека, тяжело ранен один человек. Питания было недостаточно, мясо — редкость, рыба — тоже, жиров нет, крупа гречневая — одна шелуха, хлеба 300–600 граммов и очень плохого качества».

«Полярник» был введен в дело без какой-либо подготовки. Задание штаба бригады предусматривало совершить выход отряда в Заонежский район, занятый противником. В этом мартовском рейде проявились все недостатки тактической подготовки отряда. В самом начале пути отряд был обнаружен и обстрелян противником, не выполнил задание и имел двух убитых, двух раненых и трех пропавших без вести. Последующая операция также была неудачной.

Подарок судьбы

Отряд № 5 находился в составе 1-й партизанской бригады до 13 июня 1942 г., а потом был выделен в самостоятельную единицу и переброшен на Кандалакшское направление.

Вообще же приказ о передислокации, последовавший в апреле 1942 г., стал для архангелогородцев поистине судьбоносным. В конце июня, когда «Полярник» готовился воевать на новом месте, 1-я бригада в полном составе (а это более 600 бойцов) вышла с заданием разгромить штабы 2-го армейского корпуса в Поросозере и 7-го армейского корпуса в Кондопоге. Задача изначально была невыполнима. Дело осложнялось еще и тем, что именно летом 1942 г. началась распря между начальником центрального штаба партизанского движения Пантелеймоном Пономаренко и главой НКВД Лаврентием Берией. Последний долго сопротивлялся созданию штабов партизанского движения. Когда же такой орган наконец был создан и партизанские отряды перешли в подчинение центральному и республиканским штабам партизанского движения, возникли сложности. Применительно к Карельскому фронту это выглядело так. По данным В. И. Боярского, ШПД и руководимые им отряды остались без агентурной сети и специалистов разведчиков. Из тринадцати партизанских отрядов только в одном остался заместитель по разведке, да и то малоопытный работник. Ранее добытые через агентуру и разведгруппы данные о противнике также остались в НКВД КФССР. Карельский ШПД и партизанские силы оказались в тяжелом положении, а их база разведывательной информации крайне сузилась.

Планы летней кампании 1942 г. формировали еще чекисты, а осуществлять их пришлось совершенно другим людям. Бригада Григорьева вышла в поход, по сути не располагая свежими разведанными об объекте диверсий и обстановки вокруг них. Результат оказался катастрофическим: финны очень быстро обнаружили движение в своих тылах и точно определили его конечную цель.

Партизанская бригада продолжала двигаться вперед, сопровождаемая с тыла и флангов финскими группами преследования. Почти ежедневно возникали мелкие стычки, появились раненые, которых требовалось нести на носилках. Продукты кончились, а снабжение по воздуху не налаживалось. 29 июля 1942 г., когда до Поросозера осталось сорок километров, из Беломорска пришел приказ выходить в свой тыл, по пути уничтожая гарнизоны противника.

Отступление бригады превратилось в беспрецедентный поединок с преследовавшими ее финскими подразделениями. Вдвое превосходявший партизан противник так и не смог остановить их. Но выход из тыла врага дался нашим бойцам страшной ценой. Многие умерли от голода. Ослабевших и не могущих идти далее либо бросали, либо пристреливали. Иван Григорьев к этому времени погиб, и автором этого дикого приказа большинство выживших считают комиссара бригады Николая Аристова. Участь раненых была незавидной: при прорывах их просто-напросто бросали.

Редкие выбросы продуктов с воздуха иногда приходилось с потерями отбивать у противника, который, казалось, был повсюду. Именно с этим связана одна из самых больших трагедий в истории бригадного рейда — потеря отряда «Мстители», которым командовал А. Попов. 7 августа 1942 г. с высоты 195,1 м отряд был направлен за продуктами, выброшенными в пяти верстах от маршрута бригады. Он ушел и не вернулся — ни к назначенному сроку, ни через сутки, ни через месяц. Лишь через тридцать лет, когда в глухом лесу были обнаружены останки 70 партизан, стало ясно, что отряд не пропал без вести, как значилось в официальных документах, а погиб в бою, сражаясь в окружении.

Переправа на плотках через Елмозеро, проходившая под огнем противника, а затем форсирование топкого двухкилометрового болота стали для партизан последним смертельным испытанием в этом трагическом походе. Ранним утром 25 августа 1942 г. вчетверо поредевшая цепочка усталых, измотанных людей вышла к реке Сегежа возле поселка Услаг Сегежского района Карелии. Позади остались 57 дней немилосердных страданий, пятьсот километров узких и длинных таежных троп, 26 смертельных схваток с противником, непрерывный голод, 6 прорывов через заслоны и окружения. Живыми вернулись чуть более 150 человек.

«Полярник» мог разделить судьбу бригады. Мог потерять 90 % своего состава или сгинуть, как «Мстители». Но этого не произошло. В этот раз.

Материально-техническое обеспечение

Образование при военных советах армий так называемых оперативных групп ШПД, с одной стороны, создавало более гибкую систему управления партизанским движением, но, с другой стороны, с точки зрения материально-технического обеспечения партизанских отрядов, находящихся в подчинении этих оперативных групп, последствия некоторой децентрализации управления были неоднозначными. По сути дела, на руководство оперативными группами ШПД возлагалась не только задача оперативного управления партизанскими отрядами, но и их снабжения. Как следует из предписания С. Я. Вершинина руководству Северной оперативной группы, «обеспечение данных отрядов вооружением, продовольствием, снаряжением, хозяйством и принятие мер по устранению недостатков...» вменялось в обязанность Г. И. Бетковскому. А последнему проблемы обеспечения партизанских отрядов приходилось решать, опираясь на местные ресурсы и хозяйственные связи, так как ШПД КФ, расположенный в Беломорске, оставлял за собой лишь функции разработки общих стратегических и тактических задач для партизанских отрядов, а также информационную и контролирующую функции.

Но возможности Бетковского были тоже не беспредельны. Он сумел решить проблему снабжения отрядов Мурманского направления. В докладной записке С. Я. Вершинину и секретарю Мурманского обкома КП(б) Максиму Старостину он предложил разместить основную партизанскую базу недалеко от дислокации воинских частей. Бетковский писал, что «...отряды, находясь в хозяйственной зависимости от 82-го погранполка и дислоцируясь рядом с ним, значительно выигрывают в успешном разрешении вопросов по материальному обеспечению и питанию...». Он также указывал, что соседство с полком значительно облегчает связь с отрядами.

Похожим способом решались проблемы и архангельцами. В своей книге Александр Крячко так описывает ситуацию. 19 июня 1942 г. отряд «Полярник» прибыл в Ковдозеро, старинное поморское село, расположенное недалеко от Кандалакши. Об этом радиogramмой известили секретаря Мурманского областного комитета ВКП(б) М. И. Старостина. В свою очередь, Максим Иванович позвонил первому секретарю Кандалакшского горкома партии Г. В. Елисееву и просил оказать помощь продуктами, обмундированием, а также пополнить отряд людьми, хорошо знающими местность и финский язык.

Затем Подоплекин вместе с комиссаром отряда и Г. В. Елисеевым съезди-

ли в штаб 19-й армии. Выслушав доклад Д. А. Подоплекина о прибытии отряда под Кандалакшу, командующий армией генерал-майор С. И. Морозов тут же сообщил свое решение: снабжать партизан продовольствием по нормам воинских частей, обмундировать немедленно, вооружить и обеспечить боеприпасами по мере надобности. Начальнику штаба армии и начальнику разведотдела было приказано разработать порядок поддержания радиосвязи. Командиру 122-й дивизии приказано обеспечить переброску партизан за линию фронта.

Вспомним, что во время формирования отряда «Полярник» бойцам выдали винтовки «Маузера» и английские пулеметы «Льюис». Почему не наше оружие? Скорее всего, это произошло потому, что отечественных трехлинейек не хватало даже Красной армии. То же и с пулеметами. Более того, документы, которые приводит в своей диссертации Кулагин, говорят о том, что организаторы партизанского движения в Карелии изначально исходили из предположения, что партизаны должны были обеспечивать себя оружием за счет трофеев.

Однако воевать пришлось не с немцами, а с финнами, штатным оружием армии и добровольческих подразделений у которых были винтовки Мосина. Последних осталось много на складах еще с тех времен, когда Финляндия входила в состав России. Финны справедливо решили, что никакого смысла проводить перевооружение своей армии нет. Правда, они модернизировали трехлинейку, в частности создали новый патрон. Но этот новый боеприпас можно было использовать и в винтовках советского производства. Другое дело, что финский патрон не подходил к нашим пулеметам, к которым приходилось получать патроны отечественного производства.

Теперь становится ясным, почему после перебазирования «Полярника» под Кандалакшу бойцам было выдано оружие отечественного производства. Дело было не в желании воевать исключительно советским арсеналом, а просто в более простом обеспечении оружия боеприпасами. Здесь и запасы противника помогли. В первый боевой поход в Заполярье архангелогородцы отправились, имея на вооружении каждого взвода по 2 ручных пулемета и 3 автомата, у остальных бойцов были винтовки. Правда, от немецких винтовок «Маузера» полностью не отказались, их было достаточно много, в частности ими вооружали вновь прибывшее пополнение.

С течением времени соотношение автоматического оружия и винтовок увеличилось в пользу первых. Например, по данным Кулагина, на 14 июня 1943 г. в отряде «Полярник» числилось 78 винтовок, одна автоматическая

винтовка, 31 пистолет-пулемет Шпагина, 10 ручных пулеметов и один пистолет-пулемет Дегтярева. В отряде «Сталинец» на этот же период — 74 винтовки, 7 пулеметов, 20 автоматов (каких именно, в описи не сообщается), 10 пистолетов, 50 583 патрона и 450 гранат. По воспоминаниям партизан, которые приводит Константин Гнетнев, к автомату выдавался только один диск, поэтому о быстрой перезарядке в бою не могло быть и речи. Счастливым считался тот, кому удавалось каким-то образом заполнить второй диск.

Пулеметы у архангельских партизан были только ручные, в основном «Дегтяревы». Станковых не было, как не было и минометов, даже легких. Интересно отметить, что пока «Полярник» находился в южной Карелии, часть его бойцов прошла подготовку для использования ротных минометов. Как пишет в своем дневнике Дьячков, партизаны даже сдали экзамен, с первого же выстрела поразив мишень. Но применять минометы под Кандалакшей было невозможно: тащить это громоздкое оружие и боеприпасы к нему в рейд на сотни километров — задача невыполнимая.

Кроме патронов к личному оружию, которых было по 300–400 штук, не считая тех, что уже находились в магазинах, в рюкзаке у каждого партизана были 3–4 гранаты, толовые шашки и термитные шары. Последние использовались для поджога деревянных строений — домов и мостов. В поход брали еще и мины. Их закладывали на дорогах, а также минировали лыжни — противника, когда устраивали засады, или свои, когда отступали, преследуемые финнами. Дополнял картину вооружения народных мстителей финский нож.

Было в арсенале и специальное оружие. Это так называемые «БраМиты» — винтовка или карабин с дульной насадкой для бесшумной стрельбы (в названии устройства «зашифровано» указание на изобретателей — братьев Митиных). Один «БраМит» выдавался на отделение или взвод и применялся для снятия часовых. Бесшумность стрельбы достигалась за счет специальных прокладок-уплотнителей, которые следовало заменять через каждые пять выстрелов. Частенько в походах, когда продукты были на исходе, «БраМиты» использовались для охоты: шума нет, а мясо есть.

Связь с большой землей осуществлялась при помощи рации. Здесь все было очень не просто. В отзыве начальника отдела связи ШПД КФН Меркешина о проделанной работе в период с июля 1942 г. по 1 января 1944 г., которые приводит в своем исследовании Кулагин, дается своеобразная периодизация развития средств связи у партизан на Карельском фронте. К перво-

му этапу был отнесен период с июля 1941 по ноябрь 1942 г. включительно, который характеризовался почти полным отсутствием устойчивой радиосвязи между партизанскими отрядами и центром. Это объяснялось как отсутствием переносных радиостанций, так и отсутствием у ШПД собственного радиоузла, когда связь с отрядами поддерживалась через радиоузлы разведотдела и Управления связи Штаба Карельского фронта, которые и без того были перегружены работой. Второй этап, с декабря 1942 по апрель 1943 г., был отмечен усилившейся подготовкой радистов, подбором наиболее удобных мест для работы радиостанций и изучением особенностей радиосвязи в Карелии и Мурманской области. В силу данных обстоятельств в этот период радиосвязь еще не совсем обесценивала надежное управление отрядами. Третий период, с мая 1943 г. до окончания деятельности партизанских отрядов на Карельском фронте, характеризовался надежной и бесперебойной работой средств связи.

Не обошли эти проблемы и радистов «Полярника». Например, в своем донесении о зимнем походе 1942–1943 гг. Даниил Подоплекин пишет, что «установить связь через нашу промежуточную станцию не удалось. Поэтому тов. Зурова (радистка отряда) работала, как и в прошлых походах, через радиостанцию погранбатальона, находящуюся в поселке Слюдоразработок».

Найти данные о вещевом довольствии нам не удалось, но в Государственном архиве Мурманской области есть документ, описывающий обмундирование партизан Мурманского направления. У бригады Подоплекина, скорее всего, дела обстояли похожим образом. Итак, на одного человека приходилось: полушубок — 1 шт., валенки — 1, шаровары ватные — 1, шапка-ушанка — 1, рубаха суконная — 2, кальсоны теплые — 2, перчатки зимние — 1, подшлемники — 1. Командирам вместо теплой рубахи полагался свитер, а также шаровары и гимнастерка суконные по одной штуке. Женщинам помимо вышеуказанного выдавались полушерстяные чулки и трико с начесом, а партизанкам на командных должностях — шерстяная юбка, джемпер и шарф.

В каждом отряде были опытный фельдшер и две-три санитарки с курсовой подготовкой (здесь и далее цитируется по Кулагину). Характерными для партизан заболеваниями оставались недуги, вызванными суровыми природно-климатическими условиями и нелегкой походной жизнью: истощение, простудные заболевания, желудочные и сердечно-сосудистые болезни. Количество партизан, не участвовавших в боевых операциях по болезни,

часто превышало количество временно выбывших по ранению. За врачами и фельдшерами отрядов и учебных пунктов ШПД закреплялись задачи по проведению противоэпидемических мероприятий и иммунизации личного состава партизанских отрядов, а также по контролю за качеством питания и состоянием обмундирования партизан в походе и на отдыхе. Медицинские работники должны были проводить беседы и лекции по оказанию первой медицинской помощи.

Получить квалифицированную помощь партизаны могли только в тыловых госпиталях. Проблема эффективной помощи раненым во время походов так и не была решена до конца военных действий в Заполярье. Да и что можно было сделать с тем набором медикаментов, которые выдавали партизанам? Индивидуальные пакеты, сульфидин, пирамидон, стрептоцид, хинин и опасная бритва — вот все, что имел под рукой медработник в боевом походе. Напомним о трагедии бригады Григорьева, когда раненых и ослабевших расстреливали свои же. К сожалению, подобные случаи были и под Кандалакшей. Правда, их было немного, и каждый из них позже подвергся расследованию. Но случаи, когда бойцы отказывались нести раненых или делали это крайне неохотно, случались постоянно, и командирам приходилось буквально под угрозой крайних мер принуждать людей нести раненых в тыл.

Шуми-городок

После перебазирования под Кандалакшу архангелогородцы стали действовать на стыке двух армий — 14-й, защищавшей Мурманск, и 19-й, дравшейся в Карелии и оборонявшей Кандалакшу. Это было очень тяжелое время. 19-ю армию только что переформировали заново. Опытных военных в ней оставалось немного, контингент оказался в основном необстрелянным. Правда, и у партизан с боевым опытом поначалу было не лучше. Но опыт — дело наживное. Партизаны дамокловым мечом висели над наиболее уязвимыми пунктами коммуникаций противника, и тот в своих действиях вынужден был учитывать возможность получить неожиданный удар в тылу.

Приказы партизаны получали непосредственно из штаба партизанского движения Карельского фронта (ШПДКФ), расположенного в Беломорске, а тот, в свою очередь, работал в тесной связи с командованием фронта. Как уже говорилось выше, курировал партизан майор Г. И. Бетковский, начальник оперативной группы штаба партизанского движения при военном совете 14-й армии.

Место базирования самих партизан определилось не сразу. Как пишет Александр Крячков, сначала оно располагалось в районе станции Нярозеро. В конце 1942 г. было принято решение сменить место, так как во время перехода линии фронта у партизан были определенные трудности. Базу перенесли в район поселка Слюда. Однако немецкой разведке удалось узнать о передислокации, и базу стали бомбить и обстреливать из дальнобойной артиллерии. Большие потери понес отряд «Сталинец». В итоге партизаны перебазировались в четырех километрах от поселка Ена. С чьей-то легкой руки она получила название Шуми-городок.

Тяжело в учении

Подготовка, как правило, была непродолжительной, но весьма насыщенной. Например, перед весенним походом 1944 г. учеба длилась с 13 по 17 марта. Она включала в себя политзанятия (8 часов), минно-подрывное дело (8 часов), военную топографию (4 часа), тактику (6 часов) и огневую подготовку (8 часов). Занятия начинались в 10.00. В 16.00 объявлялся трехчасовой перерыв, в 19.00 занятия возобновлялись и продолжались до 21.00.

В Шуми-городке проводились и основные мероприятия по политической работе, за которые отвечали комиссар и политруки отрядов. Скушать бойцам не давали. Как пишет в своем донесении комиссар отряда «Большевик» Николай Ипатков, за три летних месяца 1943 г. например, было проведено 8 партийных собраний, 41 политбеседа, выпущено стенных газет — 3, боевых листовок во взводах — 17, коллективно прочитана со всем личным составом следующая художественная литература: «Полководец Кутузов», «Наполеон», «Финляндия без маски», «Лиза Чайкина», «Слепой музыкант», «Радуга», «Багратион», «Бруски». Индивидуально прочитали: «Война и мир» — 16 человек, «Хлеб» — 22 человека, «Как закалялась сталь» — 14 человек, «Поднятая целина» — 8 человек, «В людях» — 11 человек.

Каждому партизану начислялась зарплата, которая рассчитывалась из его среднего заработка до поступления в отряд. Сколько же зарабатывали партизаны? Документы Мурманского государственного архива дают ответ на этот вопрос. Например, командир отряда «Сталинец» Василий Гонтаренко, до войны работавший начальником отдела кадров «Уралмашстроя» (отряд «Сталинец», в отличие от «Полярника», формировался не только из жителей Архангельска: в нем с самого начала служило много свердловчан), получал 900 рублей в месяц. При этом комиссар отряда Арсений Афа-

насьев, до войны бывший первым секретарем Няндомского райкома ВКП(б), зарабатывал 1300 рублей ежемесячно. Это была самая высокая зарплата в отряде. А самая низкая — у бывшего охранника «Онеглага» Якова Алферова — 380 рублей. В «Сталинце» он последовательно занимал должности командира отделения в разных взводах. При этом его «получка» была ниже заработка его подчиненных. Например, рядовой боец Михаил Боровой имел зарплату как у командира отряда — 900 рублей. А все дело в том, что до поступления в отряд Михаил Александрович являлся начальником лесобиржи Онежской сплавконторы Главсеврыбпрома. Запомните эти цифры, нам они еще понадобятся.

Поскольку партизаны находились на полном обеспечении, то тратить в прямом смысле кровно заработанные деньги было особо не на что. Но эти средства были сильным подспорьем оставшимся в тылу семьям бойцов и командиров, поэтому семейные партизаны оформляли документы, по которым их родственники могли получить эти деньги.

Иногда партизан отправляли в дом отдыха под Кандалакшу, и там у тех из них, кто имел средства, появлялась возможность их потратить. А так как понятие досуга в русском представлении весьма однообразно, то возникала реальная угроза падения дисциплины. Чтобы этого не произошло, отдыхающих нагружали тренировками и политзанятиями.

Но было бы неправильно считать, что люди строго соблюдали сухой закон. Здесь надо отдать должное командному составу бригады: начальство четко понимало бессмысленность каких-либо запретов, поэтому не особо препятствовало, если у кого-то из их подчиненных «душа просит». Видимо, поэтому алкоголь особых проблем с порядком не создавал.

Из воспоминаний медсестры отряда «Полярник» Анны Зеляниной: «У меня всегда была с собой фляжка с водкой. У мужиков такое богатство, конечно, не задерживалось. Чаще всего у них в ход шли легендарные “жми-дави” — железные банки с парафином, пропитанным древесным спиртом (так в оригинале. Видимо, это ошибка, поскольку древесный (метилловый) спирт является сильнейшим ядом. — А. К.) Каждому выдавалось по пять банок для бездымного подогрева пищи. Парафин отжимали через тряпку, получая с банки по сто граммов мутной жидкости. Омерзительный вкус скрашивали томатным соком. Учить ли русских мужиков извлекать минимум удовольствия из максимума дряни?»

Несколько слов надо сказать о взаимоотношениях людей внутри отряда, хотя полную картину ввиду небольшого объема нашего очерка дать не полу-

чится. Остановимся на отдельных моментах. Из воспоминаний бойца отряда «Полярник» Петра Дьячкова следует, что первоначально эти отношения были не лучшими. Все происходило от того, что в отряде было много лагерных охранников, которые относились к другим бойцам как к зэкам. «С нами, рядовыми, — пишет Дьячков, — непосредственно командиры обходились очень худо». В ход шли «мат, угроза оружием, махание кулаками, окрики непристойные, и мы не могли понять почему, так как все мы старались из последних сил и возможностей. А оказалось, что большинство командиров из охраны, из лагерей».

Но война быстро расставила все по местам. В ходе боевых действий стало ясно, кто на что способен. А потом оказалось, что наличие в отряде профессионалов-охранников очень даже полезно.

Первые походы — первые успехи

В первый боевой поход «Полярник» вышел 23 июня. Ему предстояло мелкими диверсионными группами действовать в районе железной дороги Алакуртти — Куолаярви.

Поход был успешен: пущен под откос воинский эшелон, взорваны мосты через реку Тенниейоки и на шоссе на дороге Алакуртти — Куолаярви — Савукоски совершен налет на гарнизон противника, взорвана пяти-тонная машина с оружием. Мост взрывали так. 19 июля, минуя вражеские посты, достигли намеченного объекта. В течение дня и вечера вели наблюдение, рассчитали, сколько потребуется зарядов взрывчатки, распределили обязанности между бойцами. Глубокой ночью сняли часового, быстро заложили мины, облили мост горючим, и он загорелся. После этого группа без потерь отошла в лес.

Следующий поход стал еще более удачным. Подорваны 4 воинских эшелона, взорваны мосты на участках шоссе на дороге Алакуртти — Кайрала и Куолаярви — Савукоски.

Появление хорошо подготовленных диверсантов на территории Финляндии стало, вероятно, для финского командования полной неожиданностью. Иначе трудно объяснить не только удачные действия партизан, но и их минимальные потери. Например, во втором походе «Полярник» потерял убитыми семь человек, из которых четверо по собственной оплошности подорвались на минах, а один был расстрелян за трусость. Таким образом, боевые потери составили всего два человека.

Были случаи, близкие к комичным. Взвод партизан численностью 18 че-

ловец под командованием Анатолия Пискова вышел на железную дорогу, чтобы пустить под откос воинский эшелон. 7 октября партизаны заминировали железнодорожное полотно, тщательно замаскировали заряды и укрылись в полусотне метров от дороги в ожидании. Выводившийся на рельс колесный замыкатель, который приводил мину в действие, следовало установить перед самым подходом поезда.

В 21 час по дороге с фонарем прошел патруль, мин он не обнаружил. Но патруль еще не успел скрыться, как показался поезд, направлявшийся к фронту. Александр Долгин на глазах у финнов выбежал из укрытия и набросил колесный замыкатель. Финны, видя, что у дороги кто-то копошится, окрикнули его. Долгин не обратил на окрик никакого внимания. Тогда один из финнов поднял автомат и стал целиться. Но Долгин не растерялся. Он поднялся во весь рост, громко выругался и погрозил финну кулаком. Тот в недоумении опустил автомат. Воспользовавшись замешательством, Долгин бросился от полотна дороги, мощный взрыв отбросил его в сторону, поезд потерпел катастрофу. Сидевшие в засаде партизаны открыли по уцелевшим вагонам огонь.

Финский ответ

Такие прогулки в своем тылу финны долго терпеть не собирались. И когда 30 ноября 1942 г. архангелогородцы силами уже трех отрядов снова направились в рейд, противник дал жесткий отпор. Соединение потеряло убитыми и пропавшими без вести 86 человек, еще пять человек были расстреляны за трусость, 19 ранены и обморожены. Задание уничтожить 10 эшелонов выполнено не было. Справедливости ради надо сказать, что врагами партизан стали не только финские войска, но и холод и голод. Выяснилось также, что многие из бойцов плохо владеют лыжами. Они, обессиленные, отставали от общей колонны и попросту замерзали. Были случаи, когда из диверсионных групп в 10-12 человек до своих баз доходили только 2-3. Целиком не вернулись группы Кононова (25 человек) и Пискова (11 человек). Погиб в том походе и Александр Долгин, грозивший кулаком финскому патрулю. Исчезли, растворились в финских лесах 14 человек группы Белова, а вышедшие их встречать 17 бойцов под руководством командира отряда «Сталинец» Александра Цветкова попали в засаду и погибли в бою.

Очень красноречиво говорит об этом страшном походе отрывок из дневника комиссара партизанского отряда «Полярник» Диомида Майзера:

«2 января. Прибыли Павлов и Афанасов со своей группой. Задание не

выполнили — не дошли до объекта. Тем не менее, эта группа имеет потери: один взорвался на летней финской мине, один умер от истощения, трех человек оставили в пути, не могущих дальше двигаться; первый шел хорошо, но отстал от отряда. Я и другие товарищи были чрезвычайно возмущены таким отношением к человеку. Послали для оказания помощи группу Костылева, который в 18 км от лагеря нашел два обнявшихся замерзших трупов. Картина потрясающая. Это лежит на совести командования группы.

3 января. Вернулся из разведки Сажин, нашел своих двух бойцов, которых оставил при выходе. Оба товарища найдены мертвыми в шалаше. Люди умерли от голода. Сегодня вечером пришли в лагерь Третьяков и санитарка Шура. Пришли измученные и обмороженные. Голодом они шли с 26 декабря, т. е. шесть дней. На КП мы все сразу же стали их приводить в чувство, особенно Шуру Попову. Валенки снять с ног не могли, т. к. они примерзли к ногам. 2 часа Соня и Нюра оттирали помороженные ноги и из 4-й степени привели во 2-ю. По словам этих товарищей (Третьякова и Поповой. — А. К.), всего из 13 человек группы вышли только вдвоем, три бойца умерли от голода, а восемь человек, в том числе и начальник штаба отряда «Большевик», остались в 60 километрах от лагеря и не могут двигаться от истощения. ...Задание ни одна из групп не выполнила».

Пополнения после этой драмы отряда не получили, но штаб партизанского движения Карельского фронта это не остановило. В феврале бригаду снова отправили в поход. В этот раз обошлось без обморожений и голодных смертей, но и результат был далек от летних походов 1942 г. — взорван один эшелон и уничтожено 300 метров телефонного кабеля...

За те два зимних похода невозвратные потери партизан составили 95 человек. Притом что за всю войну архангелогородцы потеряли 126 человек убитыми и 73 пропавшими без вести.

Кто сильнее?

Здесь необходимо отметить, что финны прекрасно понимали всю опасность партизанских рейдов в своем тылу. Как только осенью 1941 г. фронт стабилизировался, финское командование начало поиск форм противодействия, чтобы не допустить выхода партизан на свои тыловые коммуникации. В начале 1942 г. вопрос о борьбе с партизанами сначала рассматривался в финском Генеральном штабе, а затем на совещании у командующего немецкой 20-й армией генерала Дитля. Выработанные в результате двух совещаний приемы и меры борьбы предусматривали усиленное охранение сты-

ков оперативных направлений, минирование наиболее вероятных путей прохода партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп через линию фронта. С этой целью в лесу создавались целые линии охраны с системой блиндажей и дзотов, проволочных заграждений, минных полей, свето-ракетной сигнализации. На всей линии охранения располагались мелкие гарнизоны, обеспеченные телефонной связью, прорубались контрольные просеки, делались вышки, на них выставлялись наблюдательные посты. Коммуникации усиленно охранялись, скрытые подходы к мостам минировались. Местами вдоль дорог вырубался или выжигался лес. Автомашин двигались колоннами под охраной автоматчиков и бронемашин и только в дневное время. На службе охранения широко стали использоваться авиация и служебные собаки. Кроме того, из хорошо подготовленных солдат создавались специальные контрпартизанские подразделения».

Одним из характерных примеров противостояния финских войск и партизан может служить практика использования финскими подразделениями так называемых контрольно-дозорных лыжней (в летний период использовались контрольно-дозорные тропы) для обнаружения партизанских отрядов и отслеживания маршрута их движения. Командование Штаба партизанского движения и сами партизаны не сразу смогли точно определить назначение контрольно-дозорных лыжней, и партизанские отряды часто несли потери, зачастую не успев выполнить поставленные перед ними задачи. После того как назначение контрольных лыжней стало очевидным, партизаны, в свою очередь, также изменили тактику борьбы с противником, устраивая засады на лыжне финнов, минировав ее, уничтожая дозоры и промежуточные заставы. Эта тактика приносила успех, и финны вынуждены были отказаться от активного использования контрольных лыжней. Но уже весной 1942 г. противник снова изменил тактику, перейдя от охраны объектов по лыжне к разведывательной тактике по разным направлениям. Это приводило к тому, что засады на вражеские дозоры стали практически бесполезны, а разведка противника стала более основательной.

Непременным правилом в действиях врага была практика неотвратимости наказания за любые действия партизан. Еще осенью 1941 г. штаб 3-го армейского корпуса финской армии в специальном приказе, разъяснив основные положения и тактику партизанского движения, указывал, что борьба с партизанами предполагает их полное уничтожение. 14 февраля 1943 г. оперативный отдел главного штаба финской армии в своем приказе предписывал каждому подразделению выделить дежурный «партизанский

взвод», который должен был быть готовым к быстрому отражению действий партизан и организации погони. Практически в любых условиях в погоне за партизанами устремлялись финские контрпартизанские отряды и группы. Их целью было полное уничтожение партизан. Существовала отлаженная система оповещения и взаимодействия между гарнизонами, в задачу которых входило непрерывное преследование партизан по нескольким направлениям постоянно сменявшимися друг друга подразделениями финской армии и отрядами егерей. Для определения местоположения и обстрела партизан часто использовалась авиация. Преследование могло быть прекращено либо в случае полного уничтожения партизан, либо в случае ухода их на свою территорию.

Другим ярчайшим примером эффективности финских контрпартизанских мероприятий стала проблема пленных. За всю войну три партизанских отряда — «Полярник», «Большевик» и «Сталинец» — захватили лишь 10 пленных, при этом сами они в буквальном смысле слова потеряли 73 бойцов (пропали без вести). Как справедливо замечает Константин Гнетнев, «многие из них заблудились и погибли от истощения. Однако приходится признать и другое: многие из бесследно пропавших сами оказались в руках противника».

А вот что выявила наша разведка. После сверхуспешных рейдов архангельских партизан в район железной дороги Алакуртти — Куолаярви летом 1942 г. финское командование ввело новый порядок охраны этих дорог (цитируется по книге К. Гнетнева «Тайны лесной войны»): «Движение составов по железной дороге и параллельно идущей ей шоссейной дороге с 6 часов утра до 21 часа. Движение одиночных машин запрещено, можно двигаться только в составе колонны под усиленной охраной. Через каждый километр установлены контрольные будки и пеший патруль с целью обнаружения повреждения полотна дороги, мостов и установления мин. На расстоянии 150–200 метров по обеим сторонам вырублен лес, с тем чтобы видны были подходы к дорогам. Ведется сигнализация о безопасности пути движения автотранспорта по дороге. Когда автоколонна подходит к посту, часовыми производится выстрел и в случае получения ответного выстрела от очередного патруля автомашина пропускается. Если ответного выстрела нет — выясняется причина. Колонна останавливается. По железнодорожной линии патрулирование, помимо пешего, производится самолетом, иногда обстреливается вокруг остановок железнодорожного состава в особо лесных разъездах».

Неприступный Мартти

Теперь, когда мы знаем, какие контрмеры проводила финская сторона, разберем действия обеих противников на примере конкретного похода. Для описания мы взяли зимний поход 1943–1944 гг.

1 декабря 1943 г. из штаба партизанского движения Карельского фронта Подоплекину поступил приказ, предписывающий трем отрядам («Полярник», «Сталинец», «Большевик») выйти в тыл врага и разгромить финские гарнизоны в селе Мартти и на реке Нарускайоки. Маршрут партизанам был уже известен — летом 1943 г. отряд «Сталинец» пытался уничтожить гарнизон в селе Мартти, но его постигла неудача. И вот почти через полгода решено было повторить попытку — теперь уже силами всей партизанской бригады. 15 декабря соединение встало на лыжи и отправилось громить непокорный гарнизон.

Марш длился до 27 декабря и, согласно донесению Даниила Подоплекина, проходил без особых трудностей. Такие «мелочи», как сон под открытым небом, в снегу, запрет разжигать костры, стали настолько привычными, что люди уже не воспринимали их как нечто особенное.

Совсем другую картину происходящего на марше рисует отчет комиссара соединения Михаила Агафонова. «Бойцы И. и К. на привале напились пьяными и были не в состоянии нести службу по охране отряда. Боец К. уснул на посту. В отряде вскрылись позорные факты воровства продуктов у своих товарищей. Были пойманы с поличным боец С. (член ВАКСМ), похитивший табак у инструктора, и боец П. (член ВКП(б)), похитивший сало у командира взвода т. Холода. Были случаи пререкания с командирами и отказы выполнять их приказания».

Кража продуктов и сон на посту считались тягчайшими преступлениями. В партизанских отрядах Карелии за это расстреливали на месте. Архангелогородцы такой свирепости старались избегать. В данном случае все провинившиеся были исключены из партии — наказание по тем временам суровое. Даже если человеку затем возвращали партийный билет, то в его деле все равно присутствовала пометка об исключении, и это было клеймо на всю жизнь.

Жесткие меры подействовали, и дисциплина была восстановлена. Но несмотря на это, а также на большое желание людей бить врага, нападение на гарнизон Мартти снова провалилось.

Недалеко от села разведчики обнаружили лыжню финнов. Доложили командиру, и тот решил устроить засаду для захвата пленных, информация которых могла оказаться полезной при разработке плана штурма. И действи-

тельно, вскоре в расположение засады въехали сани, запряженные шестью оленями, которыми управлял один финский солдат. Будучи уверенным, что финн один, к нему подошел боец Белов. Он даже не снял винтовку с плеча. Но следом за первыми санями на некотором удалении шли еще одни. Их пассажиры, увидев советских партизан, развернулись и умчались в село. Погоня ничего не дала.

Пытаясь исправить ситуацию, Подоплекин предпринял несколько обманных маневров, надеясь ввести противника в заблуждение относительно цели движения отряда. Но финны были уже начеку. 29 декабря во время большого привала, когда командование разрешило развести костры, соединение было обнаружено финским самолетом-разведчиком, и на следующий день партизаны были атакованы пехотой противника. Однако финнов оказалось гораздо меньше, и, поняв это, они стали быстро отступать. От полного разгрома их спасло только то, что разведгруппа Явкина, высланная ранее вперед для проверки местности, не успела вернуться назад к месту боя. Видимо, ярость Подоплекина из-за ошибки Явкина была очень велика, и последний по итогам партийного собрания был исключен из партии с мотивировкой «за трусость». Его также отстранили от командования разведвзводом.

Нарускайоки

После этого боя стало окончательно ясно, что разгромить гарнизон Мартти не удастся. Командир принял решение идти на реку Нарускайоки, где располагался другой гарнизон финнов. Успех здесь казался более вероятным, поскольку пока Подоплекин маневрировал в районе Мартти, штаб партизанского движения Карельского фронта отправил в Нарускайоки разведгруппу. Таким образом, перед атакой на этот пункт Подоплекин располагал более подробной, но все же не донца исчерпывающей информацией.

Соединение партизан стало выдвигаться к району Нарускайоки 10 января 1944-го после того, как с большой земли ему было переброшено продовольствие.

15 января отряды подошли к предполагаемому месту расположения гарнизона, но высланные вперед дозоры его не обнаружили. Только внимательность одного из бойцов пикета, заметившего вышедшего на реку вражеского солдата, позволила установить, что марш совершен в правильном направлении и гарнизон где-то рядом. Вскоре его увидели и начали готовить атаку, но в этот момент партизан обнаружил противник.

В этой ситуации Подоплекин не стал дожидаться темноты, как планировал изначально, а решил атаковать сразу. По сути, приказы отдавались в спешке. Атака должна была быть проведена с трех сторон, практически одновременно всеми тремя отрядами. Непосредственно в атаке участвовало по два взвода от каждого отряда, а третьи взвода были резервными.

Первым должен был атаковать отряд «Сталинец», командир Сысуев. Однако партизаны не вышли вовремя на рубеж атаки, что привело впоследствии к серьезным потерям для всего соединения. Задержка «Сталинца» позволила немцам (гарнизон состоял именно из немцев, что до боя известно не было) сначала сосредоточить огонь на отрядах «Полярник» и «Большевик», а затем организованно отойти на запасную линию обороны. «Сталинца» сумел сдвинуть с места только повторный «окрик» Подоплекина. В атаку отряд поднял его командир Василий Сысуев, до войны бывший начальником продовольственного снабжения одного из заводов Новосибирска. Этот порыв поднял людей, но Сысуеву стоил жизни. А после сражения про Василия Терентьевича вовсе забыли — его тело оставили на поле боя. То же самое можно сказать и о политруке одного из взводов «Сталинца» Григории Сажине, — он также поднял людей в атаку, первым ворвался в расположение врага и также был убит и оставлен товарищами непогребенным.

Уже после боя, благодаря показаниям пленных стало ясно, что партизанам противостоял серьезный противник. В системе обороны противника этот гарнизон именовался «укрепленным пунктом № 3». Его охраняла 8-я рота 2-го батальона 307-го гренадерского полка 163-й немецкой дивизии. Командиром роты был лейтенант Шварц.

Землянки были соединены ходами сообщения-траншеями вокруг гарнизона на удалении 100 метров, при проволочном ограждении, подходы заминированы. На вооружении гарнизона было два 80-мм миномета, 5 ручных пулеметов МГ-38, 10 автоматов «Суоми» и трофейные русские ППШ, винтовки, 600 ручных гранат. Личный состав гарнизонов состоял из одного офицера, трех фельдфебелей, четырех унтер-офицеров, 53 ефрейторов. Сколько было рядовых, Подоплекин в своем донесении не указывает.

Итог боя таков: финнов (Подоплекин упорно называет своих противников финнами) убито 69 человек, разрушены землянки и казарма. Наши потери: 17 человек убитыми, 27 ранеными и один пропавший без вести.

Сложно сказать, почему противник не ожидал нападения. Возможно, лейтенант Шварц решил, что после неудачи под Мартти партизаны повернули назад. Ведь они обнаружены, об их присутствии известно, и любой ко-

мандир в этой ситуации должен думать о спасении своих людей. Вот «сверх-человеки» и расслабились...

Любой поход партизан завершался анализом действий по прибытии на базу. Именно в этом предметном разговоре вещи назывались своими именами и оценки давались без всяких скидок на должность, в то время как в официальных отчетах командиров действительность часто лакировалась. Не стал исключением и данный поход.

В первую очередь проводивший разбор подполковник Кирилл Бондюк отметил массу ошибок при нападении на гарнизоны в селе Мартти, из-за которых в итоге задача не была выполнена. Были ошибки и у успешной атаки Нарускайоки, приведшие к высоким цифрам потерь. Их причиной стало то, что, во-первых, финские часовые заметили нападавших и успели поднять тревогу. Во-вторых, отряд «Сталинец» не сумел вовремя выйти на исходный рубеж атаки, дав возможность противнику отойти и занять запасной опорный пункт.

К нам едет ревизор

Пока партизанская бригада с боями ходила по финским тылам, в тылу самой бригады отнюдь не было спокойно. На временно оставленной бойцами базе один за другим произошли несколько ЧП, после чего штаб партизанского движения Карельского фронта принял решение о проведении ревизии партизанского хозяйства.

Когда командир бригады Даниил Подоплекин получил сообщение, что к нему едет ревизор, неизвестно. Возможно, командование сообщило ему эту новость, когда соединение было еще в финском тылу, но, скорее всего, известие свалилось на командира только по возвращении на базу.

Представьте ситуацию: партизанская бригада более месяца провела в походе, прошла около шестисот километров. Люди хотят отоспаться, наесться, помыться. А тут вместо сна — бухгалтерские бумаги, вместо бани — уборка. В общем, аврал.

Отправляясь в поход, партизаны оставляли на своей базе несколько человек для поддержания порядка. Как правило, это были бойцы, которые в результате полученных ранее ранений не могли более принимать участия в походах. Иногда к ним присоединялись выздоравливающие, недавно выписанные из госпиталей. Так было и во время зимнего похода 1943–1944 гг. Бригада ушла в финские тылы, а стеречь базу остались трое старшин. Мы не будем называть их имена. В прошлом это были хорошие солдаты.

Первый звоночек, сигнализирующий о том, что старшины заботятся не только о своих сослуживцах, прозвенел в октябре 1943 г. Курирующему деятельности партизанских отрядов майору НКВД Бетковскому стало известно, что старшины собираются сдать помещения и имущество партизан одной из гражданских организаций. Такая предприимчивость очень не понравилась майору, но никаких особых мер он не принял. Он поступил просто: написал записку, в которой дал понять бизнесменам, что ему все известно. И все. Этого оказалось достаточно. Связываться с НКВД никому не хотелось. Предприятие старшин умерло, не успев родиться. А записка майора Бетковского и сейчас хранится в Государственном архиве Мурманской области.

8 января 1944 г., когда командир соединения Даниил Подоплекин, сидя у костра в лесу, ломал голову, как обмануть финский гарнизон в Нарусайоки, на базе случился уже более серьезный инцидент. Бойцы отряда «Полярник» Т. Т. Тимонен и Арви Сивикко без разрешения начальника гарнизона погранвойск НКВД вышли на охоту. Мало того, что они открыли стрельбу, так еще в ходе поиска зверя пересекли контрольную лыжню и этими действиями ввели пограничников в заблуждение. Те решили, что имеют дело с финской разведгруппой, и устремились в погоню. Дело могло кончиться перестрелкой, но в итоге закончилось серьезным разговором.

Последней искоркой, раздувшей пожар штабного гнева, стал натуральный пожар, случившийся на базе через два дня после лихой погони пограничников за охотниками.

Виновниками его стали те самые старшины, о которых мы писали чуть выше. В результате бессистемной топки печей сгорел один из домов, принадлежавших Ковдорскому руднику. Замначальника штаба партизанского движения на Карельском фронте полковник Федоренко приказал майору Бетковскому провести расследование инцидентов с охотниками и пожаром. И если с последним все было более-менее понятно, то вот с незадачливыми охотниками было немного сложнее. Дело в том, что Тимонен и Сивикко только числились в партизанском отряде «Полярник», на самом деле являясь бойцами разведывательной спецгруппы, действовавшей по заданию командования Карельского фронта. В Шуми-городке они только жили, в походы же с партизанами ходили, если это предусматривалось их заданием. Таким образом, Подоплекину они фактически не подчинялись, но отвечать за их головотяпство должен был именно он. Но только расследованием данных инцидентов дело не ограничилось.

Взыскать в доход государства

16 января 1944 г. начальник штаба партизанского движения Карельского фронта генерал-майор Вершинин подписал приказ о проведении проверки хозяйственной деятельности партизан. Возвращения бригады из похода решили не ждать, и уже 20 января ревизор Старцев взялся за дело, а 26 января рапортом доложил начальству о результатах проверки.

Наиболее серьезные упущения проверяющий нашел в хозяйствах «Полярника» и «Большевика». Старцев в своем докладе отметил, что хозяйственные документы «оформлялись исключительно плохо и небрежно». Продовольствие расходовалось по разного рода справкам и запискам, а не по установленным нормам. Эти справки подписывались только кладовщиком, а иногда и вовсе оставались без подписей. На складе оружия отряда «Полярник» «обнаружено 6000 винтовочных патронов, подвергнутых ржавению», в казарме под нарами — большое количество боеприпасов, грязные маскхалаты. Лыжи хранились в беспорядке, несмотря на наличие в казармах лыжных пирамид.

В отряде «Большевик» боеприпасы — гранаты, взрыватели, шашки тола — лежали вперемешку с ватниками и валенками.

К состоянию кухни и качеству пищи у Старцева претензий не было, а вот к порядку ее расходования были. Дотошный ревизор выяснил, что командир соединения Подоплекин взял сверх нормы две банки мясных консервов, полтора килограмма сахара и 700 граммов печенья — всего на сумму 406 рублей. Более серьезный проступок совершил комиссар Диомид Майзер — он выдал сверх норм харчей уже на 1780 рублей 80 копеек.

Но самым большим «несуном» оказался комиссар «Большевика» Иван Ипатков. Только сливочного масла, сала и сахара по его распоряжениям было выдано сверх нормы более трех килограммов каждого продукта. А с учетом съестной мелочевки — конфет, печенья — Иван Андреевич стал абсолютным лидером по финансовому ущербу — 7248 рублей.

Вспомним информацию о партизанских зарплатах, самая большая из которых составляла 1700 рублей в месяц. Нам неизвестно, какой доход был у Майзера, Подоплекина и Ипаткова, но у всех троих вышеуказанные суммы ущерба вычли из зарплаты. При этом применили драконовский приказ № 254, по которому сумма ущерба взыскивалась в пятикратном размере, да еще с применением повышающего коэффициента 2,5. В данном случае мы привели цифры ущерба, уже посчитанного по этой методике.

«Все сожрали за неделю»

Между тем, всему этому продовольственному беспорядку было одно простое объяснение — постоянное чувство голода. Нет, на базе партизаны не голодали, в первые дни походов тоже. Но чем дальше шли, тем меньше ели. Здесь мы подходим к одному из самых трагических вопросов партизанского движения в Заполярье, обойти который никак нельзя.

В местах, где сражались архангельские партизаны, местного населения практически не было. Были только отдельные финские деревни, в которых в общей сложности жило около 2000 человек. Понятно, что в таких условиях наши бойцы не могли рассчитывать на пополнение продовольственных запасов за счет местного населения, поэтому все брали с собой. По нормам в день на человека полагался один килограмм еды. Но в сидорах у партизан были еще патроны, гранаты, мины. Поэтому брали с собой 20 килограммов харчей, что составляло половину от общего веса вещмешка. А уходили при этом на 30-40 суток. Понятно, что продовольствия на весь поход не хватало. Приходилось экономить.

Обратимся снова к воспоминаниям Анны Зеляниной: «Походный паек — сто граммов сухарей в день, чайная ложка сахарного песка, 30 граммов сала, каша и гороховый суп в концентратах. Неприкосновенный запас — три банки 400-граммовых мясных консервов. Три коробки спичек. Пачка махорки (командирам выдавали легкий табак). Сухари перед выходом в рейд толкли в пыль, чтоб плотнее уложить вещмешок. На базе в Шумигородке били оленей. Один раз даже добыли медведя».

Самые большие потери партизаны понесли отнюдь не от огня противника, а именно от отсутствия еды. В страшном зимнем походе на стыке 1942–1943 гг. погибло 86 наших бойцов. Большая часть — от голода. «Есть по-фронтовому, разумно, с прикидкой на завтрашний день, мы еще не умели, — пишет Зелянина. — Все сожрали за неделю. Никто из нас войны и не нюхал — сплошь гражданский народ был. Вышли на лыжню, и она показала нам дорожкой в ад ...».

После этого похода командиры стали жестко контролировать расходование продовольствия. Это помогло спасти многие жизни, но чувство голода стало для партизан постоянным спутником. Отделаться от него было невозможно.

Даже на базе многие не могли наесться. А получить добавку можно было только с разрешения командования. Наиболее оголодавшие так и делали. И командиры шли навстречу, они просто не могли отказать своим бойцам.

А сделать это можно было только обходя официальные документы, лично приказав кладовщику выдать доппаек такому-то. Отсюда появлялись все эти справки и записки, никем не подписанные.

Голодные драмы

И генерал Вершинин, и полковник Федоренко, и ревизор майор Старцев, конечно, обо всем этом знали — именно поэтому расхитители государственного добра Подоплекин, Майзер и Ипатков, заплатив солидный штраф, сохранили и должность, и звания. И жизнь.

Возможно, такой, немного незаконный, способ был для командования партизанской бригады единственно возможным в тех условиях, чтобы не впадать в крайности. Опыт других партизанских отрядов показал, что закручивание гаек в продовольственном вопросе ни к чему хорошему не приводит.

Например, в карельском отряде «Вперед» по приказу командира Кирилла Бондюка боец был расстрелян за кражу одного-единственного сухаря. Дело было уже после похода, поэтому приказ расценили как несправедливый. Причем как подчиненные Бондюка, так и его высшее командование. Последнее инициировало разбирательство, которое едва не привело к расстрелу самого Бондюка. В итоге Бондюк уцелел, но на некоторое время превратился в изгоя. Его все сторонились и общались только по официальным поводам.

А на Мурманском направлении долго помнили историю трех партизан из отряда «Советский Мурман». Мы не будем называть имена этих ребят, которым в ту пору было 17-18 лет. В походе они в чем-то проштрафились, и по прибытии на базу их посадили на губу. Забыв при этом накормить. Понятно, что в голове у пацанов другой мысли, кроме как поесть, не было. И когда их наконец через три дня освободили, то первым делом они обворовали продсклад. На следующую ночь повторили налет. На третий раз их взяли. Был суд и приговор — всех троих направить в штрафную роту. Выжили ли они, неизвестно.

На фоне этих трагических случаев (а это лишь малая толика голодных драм) рассказ карельского партизана Сергея Татаурщикова, который приводит в своей книге «Тайны лесной войны» Константин Гнетнев, выглядит почти пасторальной идиллией: «Однажды вышли из похода, отмылись, отдохнули, отъелись. И я, взрослый сознательный человек, политрук взвода, чего сделал? Отошел немного от здания школы, в которой мы жили, разжег

костерок и заварил себе полный котелок перловой каши. И что вы думаете? Лежу себе рядом и ем эту кашу. Один! Весь котелок! Так и не отстал, пока, с перерывами, весь котелок не съел! Круглый солдатский котелок перловой каши!»

В Государственном архиве Мурманской области хранится интересный документ. Это протокол заседания партийного бюро партизанского отряда «Полярник», посвященного разбору поступка Павла Алексеевича Машина.

9 ноября 1942 г. дежурный по кухне доложил заместителю командира отряда, что у «т. Машина П. А., работающего поваром в нашем отряде, обнаружены излишки сала и картофеля, не заложенные в котел отряда». 200 граммов сала и ведро картофеля стали предметом серьезного разбирательства. Как заявил Машин, излишки образовались потому, что он «не имел возможности положить все в котел». Проверили — действительно не влезает! Котел оказался мал для такого количества продовольствия. В итоге повар был полностью оправдан. Озаботилось ли командование отряда приобретением котла большего размера, в документах не сообщается.

Этот в общем-то незначительный эпизод красноречиво говорит об отношении партизан к продовольственному вопросу. Речь шла, не больше и не меньше, о жизни или смерти.

Кадры решают все

На 25 октября 1942 г. партизанский отряд «Полярник» имел следующий национальный состав: русские — 79,2 %, карелы и финны — 14,85 %, украинцы — 1,98 %, прочие национальности — 3,96 %. В то же время отряд «Большевик» в своем составе имел: 89,04 % русских, 2,74 % карелов и финнов, 4,1 % украинцев, 2,74 %, белорусов и 1,37 % прочих национальностей. Схожая картина наблюдалась и в отряде «Сталинец»: русских — 85,71 %, карелов и финнов — 2,85 %, украинцев — 7,14 %, белорусов — 4,29 %. Таким образом, последние два отряда к осени 1942 г. еще сохраняли особенности национальной структуры того региона, где были сформированы. Отряд «Полярник» пополнился местным финно-угорским населением.

Этап с января по декабрь 1943 г. в плане пополнения партизанских отрядов Карельского фронта был отмечен существенными изменениями. Вместо формирования отрядов как самостоятельных боевых единиц за пределами Карелии или пополнения из групп добровольцев с начала 1943 г. рост партизанского движения в регионе идет за счет добровольцев-одиночек и организованного отбора ШПД совместно с партийными и советскими

организациями Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, Коми АССР, КФССР, Центрального штаба партизанского движения и Белорусского штаба партизанского движения. Всего за 1943 г. в партизанские отряды на Карельский фронт прибыло 476 человек. Необходимо отметить, что основная роль в организованном отборе в партизанские отряды принадлежала органам государственной безопасности. Этим занимались 4-е отделы управлений НКВД, на которые легла основная работа по подбору нужных людей для участия в партизанской борьбе.

Партийные организации подбирали кадры будущих партизан из своего актива. Достойных кандидатов приглашали на беседу в райкомы партии, где коммунистам и беспартийным предлагалось дать согласие на трудную и смертельно опасную работу в тылу противника. После согласия и соответствующей партийной рекомендации дальнейшую проверку кандидата проводили работники местных органов госбезопасности, которые вели ее уже по всем учетам: оперативным, уголовным, административным и агентурным.

Помимо партизанских кадров, подбиравшихся по линии партии, был еще один поток кандидатов в партизанские отряды, готовых уйти в тыл противника по первому призыву. Это были заключенные исправительно-трудовых лагерей НКВД. Именно данная категория в несколько раз увеличивает свой удельный вес, который в 1943 г. составил 21,69 % (больше только у категории рабочих — 25,09 %).

Наибольший процент вступавших в партизанские отряды из мест заключения приходится на 1943–1944 гг. (примерно 83 % от всего количества заключенных). Абсолютное большинство этих лиц были переданы в партизанские отряды «Полярник», «Сталинец» и «Большевик». Вот когда пригодилось наличие в этих отрядах большого количества бывших лагерных охранников.

Зэки-партизаны были неоднородной массой. Судя по номерам статей Уголовного кодекса, в партизанские отряды попадали люди, совершившие тяжкие преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, убийство в состоянии аффекта, доведение до самоубийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование. Были и люди, совершившие должностные и хозяйственные преступления — злоупотребление властью или служебным положением, бездействие власти, халатное отношение, присвоение или растрата денег или ценностей, служебный подлог, бесхозяйственность. Были также воры, грабители, похитители скота, скупщики краденого. Сроки заключения варьировались от года до 10 лет. Можно гово-

рить о наличии среди бывших заключенных как определенного процента рецидивистов, так и людей, совершивших так называемые «преступления против порядка управления (кроме особо опасных государственных преступлений)». И все же основную массу составляли бытовые и должностные преступления.

Из ИТЛ Архангельской области в марте 1943 г. прибыло 175 человек, из которых 77 человек были осуждены за бытовые преступления, 66 — за должностные. У большинства вступивших в партизанские отряды из мест заключения срок наказания подходил к концу. Характерным было отсутствие среди привлеченных в партизанские отряды лиц, осужденных по 58 статье УК. Дело в том, что «политические» заключенные, осужденные по этой статье, не попадали под указы об освобождении от наказания. Уголовники считались социально близкими. Примечательно обоснование возможности привлечение уголовных заключенных к разведывательно-диверсионной работе и партизанской деятельности, приведенное в заявлении на имя Г. Н. Куприянова сотрудником НКВД КФССР Крековым. В нем говорится, что на основании опыта работы с деклассированным преступным элементом можно сделать вывод о наличии среди этой категории (осужденных за мелкие преступления) молодых здоровых людей, имеющих твердый и решительный характер, неплохие умственные способности, которые имеют возможность принять непосредственное участие в защите Родины и вернуться в семью уже не преступниками. Тщательная военная и политическая подготовка, а также вооружение этого контингента, при наличии заградительных заслонов, исключает возможность проявления трусости и измены.

Заявления заключенных об отправке на фронт проходили соответствующую процедуру отбора. После подачи заявления на имя районного военкома документы заключенных попадали в 4-е отделы областных управлений НКВД, откуда после рассмотрения запрос направлялся в районный отдел НКВД по месту отбытия наказания вместе с инструкцией по опросу кандидата. Главными вопросами, которые необходимо было выяснить лагерному работнику госбезопасности в личной беседе с заключенным, были: установление национальности, образования, партийной принадлежности в прошлом, социального происхождения, места проживания семьи, прохождение службы в РККА, каким оружием владеет, может ли ходить на лыжах, знаком ли с топографией, компасом, подрывным, саперно-инженерным и санитарным делом, участвовал ли боях, какие районы области хорошо знает, какими языками владеет кроме русского, состояние здоровья. После соответствующего

щего опроса лагерный чекист делал вывод о готовности того или иного кандидата к партизанской жизни, который подтверждался также и донесениями лагерных осведомителей.

К этому следует добавить, что механизм использования бывших заключенных для работы в тылу противника был в данном регионе уже в некоторой степени апробирован. В Мурманской области уже с конца 1941 — начала 1942 г. существовала практика привлечения лиц из мест заключения для работы в составе разведывательно-диверсионных групп НКВД. Подобная мера была связана с большими потерями среди личного состава этих групп к концу 1941 г. и невозможностью компенсировать их за счет армейских подразделений, в которых и так был недокомплект. Характерно, что механизм работы и специфика отбора среди контингента заключенных были сходны с теми, что использовались позднее для привлечения «неблагонадежного элемента» в партизанские отряды Карельского фронта.

Среди бывших заключенных был и определенный процент бывших работников органов ШСВД и НКГБ. Такой, к примеру, была судьба Н. Ф. Артемьева, участника штурма Зимнего дворца в 1917 г., члена ВКП(б) с 1919 г., кадрового работника органов НКВД. В 1939 г. его в числе многих других сотрудников НКВД Москвы исключили из партии, арестовали и дали срок. Когда началась война, Н. Ф. Артемьев писал письма Сталину и руководителям НКВД, его услышали, освободили досрочно со снятием судимости и отправили на Карельский фронт для ведения разведывательной и диверсионной работы в тылу противника. Согласно Картотеке ШПД КФ, в ноябре 1942 г. Н. Ф. Артемьев был назначен командиром группы спецотряда НКВД КФССР, а в ноябре 1943 г. — заместителем командира отряда по разведке в партизанском отряде им. Чапаева. Был награжден орденом «Красной Звезды» и медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени.

Как отмечает Кулагин, одним из главных моментов мотивации участия этих людей в партизанских отрядах, помимо искреннего желания помочь своей стране в тяжелые для нее времена, было погашение судимости в счет их заслуг в деле защиты своей Родины. Многие из этих людей действительно искупили перед Родиной свою прежнюю вину кровью, их судимость была снята. Некоторые были награждены орденами и медалями, многие погибли в тылу врага.

Да, зэки воевали неплохо. Но при этом они привнесли в партизанскую жизнь массу отрицательных явлений, которых раньше или не было вовсе, или было мало. Воровство, неподчинение приказам и даже угрозы в адрес

командиров стали обыденным делом. Был случай (об этом свидетельствуют документы Государственного архива Мурманской области), когда очередной поход оказался под угрозой срыва из-за массового неподчинения приказам. А с воровством продуктов стало бороться почти невозможно. Дело доходило до того, что крали еду из вещмешков командного состава. Это были еще цветочки.

11 июля 1943 г. боец из заключенных по фамилии Яровой на привале отряда в тылу врага незаметно вынул затворы из оружия, стоявшего в пирамидках, и бросил в людей у костра гранату. Трое погибли на месте, а Яровой успел метнуться в лес, решив перебежать к финнам. Шоссе было всего в трех километрах от привала.

В числе погибших была и уроженка Умбы Мария Шилкова. В отряд она попала после выполнения особого задания нашей разведки в оккупированном финнами Петрозаводске. По сути, ее спрятали до нового задания. Долгое время считалось, что финны выследили женщину и подослали в отряд специального агента для ее ликвидации. В частности, эту версию озвучил Александр Крячко в своей книге «В лесах под Кандалакшей». Но архивные документы, опубликованные в Архангельске, полностью это опровергают. Гибель разведчицы — дело рук обыкновенного уголовника, не работавшего на финскую разведку, а просто спасавшего свою шкуру.

Игра в кошки-мышки

Летом 1943 г. партизаны хорошо подготовили и провели операцию «Рельсовая война». Вот что о ней вспоминает бывший командир отряда «Большевик» Георгий Артамонович Калашников:

«Мне пришлось разрабатывать операцию “Рельсовая война” на Кандалакшском направлении. Между отрядами распределили участки дороги Ручьи — Куолаярви. В каждом отряде было несколько диверсионных групп по 5-7 человек. Вся группа выходила на железную дорогу. Впереди шел пулеметчик. Второй номер — прикрытие. Сзади шла группа подрывников. Один ставил мину, то есть скобочкой прикреплял толовый шар к рельсу, второй вставлял запал, третий поджигал. Заранее были подготовлены бикфордовы шнуры определенной длины. Если минер поджигал первую мину, то она взрывалась в тот момент, когда он, поставив последнюю, уходил в укрытие. Взрыв был произведен в 24 часа.

Операция была очень удачной. В отряде не было ни одного раненого и ни одного убитого. А шуму наделали много, и пленный после этой опера-

ции показал, что все были перепуганы и решили, что в тыл вошла большая группировка советских войск с минометами и артиллерией. Когда рельсы рвались, то они летели с визгом, и делалось такое впечатление, что применяются катюши. Это одна из наиболее удачных и эффективных операций».

Всем соединением партизаны в тыл противника в 1943 г. не ходили, действуя мелкими группами, и такая практика снова привела к успеху. Партизанский отряд «Большевик» действовал в тылу противника в районе железной дороги Меркиярви — Курсу и шоссейной дороги Кемиярви — Куолаярви. Пущен под откос воинский эшелон противника. Отряд «Полярник» отправился в район железной дороги Алакуртти — Сарвиселья и шоссейной дороги Миокколахти — Куолаярви. Пущены под откос два воинских эшелона, разгромлен гарнизон. «Сталинец» оседлал шоссе Савуоски — Куолаярви. Разгромлен финский гарнизон, взорвано пять мостов, уничтожено около двух километров телефонно-телеграфной линии связи.

К концу лета 43-го финны приспособились к новой тактике партизан. Отправившийся во второй летний поход «Большевик» на пути к железной дороге был обнаружен противником и после боев возвратился на базу.

И тогда партизаны снова вернулись к действиям крупными соединениями. Более того, на помощь архангелогородцам прибыли отряды из Карелии — «Боевые друзья», имени Чапаева, «Мстители». В конце 1943-го и до окончания войны на Карельском фронте осенью 1944-го партизанская война на Кандалакшском направлении характеризовалась нападением на гарнизоны и опорные пункты финско-немецкой группировки. В частности, были разгромлены гарнизоны в Марти, Нарускайоки, Араярви, Локка. Были серьезные бои с отрядами финской армии. Но эти события еще ждут своего исследователя.

14 октября 1944 г. партизанские отряды по приказу командования влились в регулярные части Красной армии и продолжали борьбу с врагом, освобождали Прагу, Варшаву, Краков. Многие их бойцы дошли фронтовыми дорогами до Берлина.

«Сохраняя память о войне» — полнотекстовый ресурс электронной библиотеки «Кольский Север» Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки

ДЯЧОК Светлана Адиковна, главный библиотекарь отдела краеведения Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки

Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека (далее — Библиотека) — хранитель культурной памяти Кольского Севера, играющий одну из ведущих ролей в сохранении исторических, культурных, национально-этнических особенностей и традиций региона. Краеведческий фонд Библиотеки — часть общенационального культурного наследия России, ценный ресурс, имеющий научное, историческое, культурное значение для общества.

Электронная библиотека (далее — ЭБ) «Кольский Север» — наш новый проект, который пред-

ставляет собой цифровую коллекцию, обеспечивающую доступ к электронным копиям краеведческих и местных документов. В нее включены книги, периодические издания, авторефераты диссертаций, мультимедийные издания, издательства, фотодокументы, статьи из газет, журналов, сборников.

Предоставление доступа к оцифрованным изданиям, хранящимся в Библиотеке, в том числе к фонду редких краеведческих книг, является государственной услугой.

Формирование ЭБ «Кольский Север» осуществляется в строгом соответствии с действующим российским законодательством об охране авторских и смежных прав (4-я часть Гражданского кодекса Российской Федерации). Она включает:

- документы, на которые истек срок действия авторского права (ст. 1281 ГК РФ, 4-я часть);
- документы, не являющиеся объектами авторских прав (ст. 1259 ГК РФ, 4-я часть);
- документы, подготовленные сотрудниками библиотеки в порядке служебного задания (ст. 1295 ГК РФ, 4-я часть);
- документы, являющиеся объектом авторских прав при условии заключения договора с правообладателем (ст. 1286 ГК РФ, 4-я часть).

Доступ к ЭБ «Кольский Север» возможен всем пользователям сети Интернет с официального сайта библиотеки (<http://mgounb.ru>) или непосредственно на web-сайте ресурса (<http://kolanord.ru>).

Героическая оборона Заполярья 1941–1944 гг. — одна из важнейших страниц военной истории, а город Мурманск заслуженно носит звание го-

рода-героя в числе 13 российских городов. 2014 год — год празднования 70-летия Петсамо-Киркенесской наступательной операции, решающего и завершающего этапа разгрома фашизма на нашей земле; 2015 год — 70-летия великой Победы советского народа над фашизмом. К этим датам активно пополняется тематическая коллекция ЭБ «Кольский Север» «Сохраняя память о войне», посвященная Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В коллекции представлены материалы из фондов Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки, Мурманского областного краеведческого музея. Коллекция является также частью областного проекта «Героическая защита Кольского Заполярья», размещенного на сайте Комитета по культуре и искусству Мурманской области <http://war.culture51.ru>.

Web-ресурс «Сохраняя память о войне» предполагает размещать информацию в восьми разделах:

- «Книги Памяти»
- «Книги о войне»
- «Газеты военных лет»
- «Письма с фронта»
- «Военный фотоальбом»
- «Документы войны»
- «Полярные союзные конвои»
- «Петсамо-Киркенесская операция»

Уникальная и очень важная для каждого человека информация размеще-

Коллекция «Сохраняя память о войне»

на в Книгах Памяти. В 1994 г. вышла в свет первая Книга Памяти Мурманской области. Этим томом началась публикация имен наших земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. С 1994 по 2000 г. было издано пять томов о воинах, погибших, раненых в боях и пропавших без вести. Шестой том посвящен северянам, погибшим в советско-финской войне.

В апреле 2012 г. был подписан Договор об информационном сотрудничестве с Мурманским областным отделением Международного общественного фонда «Российский фонд мира». К празднику Великой Победы был реализован совместный проект Библиотеки и Мурманского областного отделения Международного общественного фонда «Российский фонд мира» «Сохраняя память о войне».

В раздел «Книги Памяти» ЭБ «Кольский Север» вошли электронные копии Книг Памяти Мурманской области, а также новые издания Мурманского отделения Российского фонда мира по увековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны и тружеников военного тыла. На сегодняшний день это самая посещаемая коллекция Библиотеки.

Раздел «Книги о войне» знакомит с историческими исследованиями, документами о войне в Заполярье, воспоминаниями ветеранов. К примеру, вы можете почитать издание «Заполярный плацдарм»,¹ выпущенное к 60-летию Великой Победы и включающее статьи историков и краеведов

¹ Заполярный плацдарм. Санкт-Петербург, 2005.

А. А. Киселева, П. В. Федорова, А. Б. Беляева и др., иллюстрированное фотографиями и картами военного Мурманска.

Большим спросом у заинтересованного читателя пользуются издания краеведа и писателя В. В. Сорокажердьева. Своеобразной Книгой Памяти стал справочник «Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939–1945: боевые биографии»,¹ в котором помещены материалы о 236 воинах Карельского фронта, Северного флота, воинах, участвовавших в боях на нашей земле, но получивших звание Героя на других фронтах. Его же книга «Тайну хранило море»,² вышедшая в свет еще в 1996 г., открыла новые факты гибели кораблей и моряков на Крайнем Севере.

О молодых солдатах Великой Отечественной, фронтовых событиях, дружбе, закаленной огнем боев, рассказывает наш земляк-кировчанин, кавалер двух орденов Славы, фронтовой разведчик Александр Борисович Савинов в документальной повести «От лесов Карелии до Борнхольма».³

С этими и другими книгами можно познакомиться на сайте ЭБ «Кольский Север».

Чем интересны нам газеты военных лет? Это — «живой» и оператив-

¹ Сорокажердьева В. В. Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939–1945: боевые биографии. Мурманск, 2007.

² Сорокажердьева В. В. Тайну хранило море. Мурманск, 1996.

³ Савинов А. Б. От лесов Карелии до Борнхольма глазами солдата. Санкт-Петербург, 2012.

ный источник военной жизни нашего края: указы, сводки с фронтов, материалы о боевых действиях Красной армии, чествование героев фронта и тяжелые тыловые будни. Вниманию пользователя предложены периодические издания, выходившие в годы Великой Отечественной войны на территории Мурманской области — «Полярная правда», «Комсомолец Заполярья», «Кандалакшский коммунист», «Териберский колхозник», «Заполярный труд», «Моряк Заполярья» и др., а также фронтовые газеты Карельского фронта и Северного флота — «В бой за Родину», «Краснофлотец», «Часовой Севера» и др.

Интересным стал случайно выбранный № 7 за 1945 г. газеты «Британский союзник», издания Министерства Информации Великобритании, выходившего в Мурманске с 1942 по 1945 гг. В нем содержится исторический очерк «Отзывы британцев о русской армии» Аллена Хотта к 27-летию Красной армии, включающий оценку премьер-министра Великобритании У. Черчилля об армии союзников. Еще 9 ноября 1943 г. он дальновидно писал «... Чудовищная машина германской власти и тирании бита и сломана превосходством русского маневра, русской доблести, русского генералитета и науки. Это поражение так серьезно, что оно вполне может оказаться роковым».¹

Героической и трагичной странице войны на Севере — полярным конвоям — посвящена публикация «В Мурманск через все преграды!» в № 16

¹ Аллен Х. Отзывы британцев о русской армии // Британский союзник. 1945. № 7. С. 7.

Военный фотоальбом

за 1945 г. «Британского союзника».¹ Участник похода капитан-лейтенант Хауард Френч рассказал о проводке крупного британского каравана с ценными военными грузами для Красной армии, обеспеченной контр-адмиралом Макгрегором. Благодаря его блестящему командованию британские потери составили 6 %, в то время как фашисты потеряли, не считая поврежденных, одну подводную лодку и двенадцать самолетов.

Конечно, исследователю интересно познакомиться с публикациями старейшего печатного органа Мурманска — «Полярной правды»: ЭБ «Кольский Север» уже предлагает к просмотру номера за 1941 и 1942 гг., готовятся и другие номера военного периода.

Новые интересные открытия и переосмысления истории ждут читателя на страницах старых военных газет.

В солдатских письмах, написанных в минуты героического подъема, неимоверной усталости или отчаяния, всегда есть надежда на лучшую жизнь после войны. Раздел коллекции «Сохраняя память о войне» «**Письма с фронта**» знакомит с почтовыми отправлениями 1941–1945 гг., письмами бойцов и командиров Карельского фронта.

Фотографии Мурманска в годы Великой Отечественной войны можно перелистать в «**Военном фотоальбоме**». Все эти редкие документы хранятся в Мурманском областном краеведческом музее.

Раздел «**Документы войны**» включает архивные документы, наград-

Полярные союзные конвои

Петсамо-Киркенесская операция

ные листы, открытки, листовки, пригласительные билеты на мероприятия и торжества периода Великой Отечественной войны.

Разделы «**Полярные союзные конвои**» и «**Петсамо-Киркенесская операция**» находятся в стадии разработки и ждут своего наполнения.

С некоторыми работами, посвященными войне в Заполярье, можно познакомиться в полнотекстовой коллекции «**Авторы Мурманска**», где представлены работы современных историков, краеведов, журналистов, писателей и поэтов Мурманска.

Так, историк-архивист Государственного архива Мурманской области А. А. Матвеева в статье «Работа железнодорожного транспорта в Мурманской области в годы Великой Отечественной войны»¹ описывает деятельность Кировской железной дороги по эвакуации людей и материалов в первые месяцы войны, по доставке грузов ленд-лиза вглубь страны. На основе архивных документов автор рассказывает о героическом подвиге железнодорожников, работавших в условиях страшных разрушений 1942 г., и трудовом подвиге послевоенного восстановления дороги.

Всегда интересно читать глубокие публикации доктора исторических наук, профессора П. В. Федорова, который поднимает в своих работах тему значения Кольского Севера в геополитике России в конкретный исторический период. Читателя ждет знакомство с его работами по региональной истории периода Великой Отечественной войны «Дарданеллы... в Заполя-

¹ Френч Х. В Мурманск — через все преграды! // Британский союзник. 1945. № 16. С. 2.

¹ Матвеева А. А. Работа железнодорожного транспорта в Мурманской области в годы Великой Отечественной войны // П Ушаковские чтения. Мурманск, 2005. С. 77–84.

Авторы Мурмана: Федоров П.П., профессор истории

Федоров П.В. : ВОЙНА В АРКТИКЕ (1939-1945 гг.): К ОЦЕНКЕ СЕВЕРНОЙ СТРАТЕГИИ МОСКВЫ

Наши шведские коллеги задали нам несколько вопросов, касающихся истории Второй мировой войны в Арктике. Поскольку их в особенности интересует точка зрения российских ученых, нам кажется целесообразным сделать несколько предварительных замечаний.

Необходимо учитывать, что историография России в советский период была сильно политизирована. В условиях ограничений свободы слова советские историки оказались в прямой зависимости от теоретических установок руководителей КПСС. Точно также и историография Великой Отечественной войны в СССР базировалась на том методологическом фундаменте, который заложил своими работами генералиссимус И.В. Сталин¹.

рье (Мурманский стратегический коридор в геополитике мировых войн)»,¹ «Заполярный плацдарм (стратегическое положение Кольского Севера в годы Великой Отечественной войны)»,² «Война в Арктике (1939–1945 гг.): к оценке северной стратегии Москвы».³

Библиотека приглашает к сотрудничеству современных авторов публикаций о Великой Отечественной войне в Заполярье, благодаря чему мы сможем расширять нашу полнотекстовую коллекцию.

Конечно же, кроме коллекции «Сохраняя память о войне», в ЭБ «Кольский Север» для любого пользователя открыты тексты книг и периодических изданий XIX–XX вв., которые не всегда есть в домашней библиотеке. В настоящий момент доступны следующие тематические коллекции:

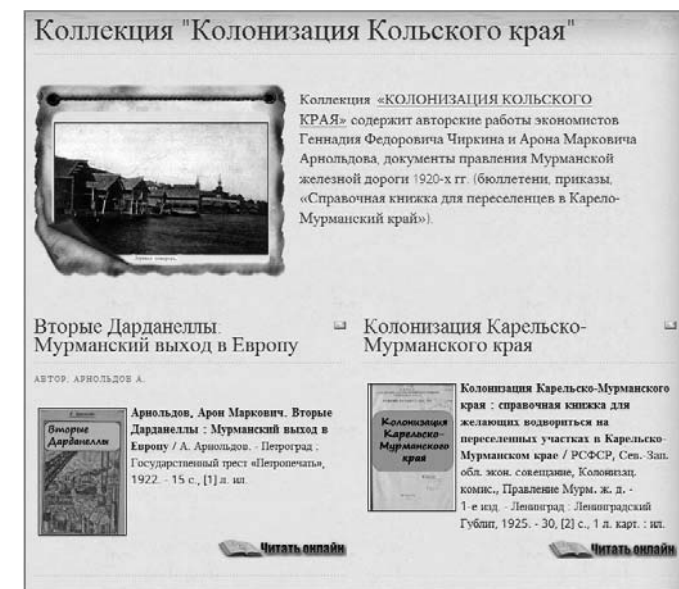
«**Колонизация Мурманского края**» – работы экономистов, документы правления Мурманской железной дороги 1920-х гг. (бюллетени, приказы, «Справочная книжка для переселенцев в Карело-Мурманский край»);

«**Исследования Мурмана**» – работы известных ученых, исследователей, путевые заметки писателей, посещавших наш край (Константин Ми-

¹ Федоров П. В. Дарданеллы... в Заполярье (Мурманский стратегический коридор в геополитике мировых войн) // П Ушаковские чтения. Мурманск, 2005. С. 30–35.

² Федоров П. В. Заполярный плацдарм (стратегическое положение Кольского Севера в годы Великой Отечественной войны) // Заполярный плацдарм. Санкт-Петербург, 2005. С. 13–19.

³ Федоров П. В. Война в Арктике (1939–1945 гг.): к оценке северной стратегии Москвы // Гуманитарные проекты стран Северной Европы в России = The humanitarian projects of the Nordic countries in Russia. Мурманск, 2006. С. 100–104.

хайлович Дерюгин, Николай Михайлович Книпович, Василий Иванович Немирович-Данченко, Афанасий Михайлович Бухтеев, Герман Федорович Гебель и др.);

«**Кольские саамы**» – материалы о промыслах, быте, обычаях, фольклоре, а также по истории и этнографии коренного народа Мурманской области. Содержит работы авторов: Василия Кондратьевича Алымова, Александры Яковлевны Ефименко, Александра Григорьевича Слезкинского, Дмитрия Николаевича Островского, Николая Николаевича, Веры Николаевны Харузиных и др. Издания представлены на русском и саамском языках;

«**Русский Север**» — издания XIX–XX вв. по истории освоения и развития северных территорий России, в т. ч. Кольского края. Включает работы историков, писателей, путевые записки путешественников, материалы о растительном и животном мире;

«**Святыни Кольского Севера**» — сочинения о духовной жизни, истории православия и православных обителей Кольского Заполярья, а также современные православные периодические издания.

В «**Периодике**» собраны электронные версии современных газет и журналов, выходящих на территории области. Пользователям доступны также краеведческие периодические издания 1920-х гг. (журналы «Вестник Мурмана», «Вестник Карело-Мурманского края», «Вестник Мурманской

железной дороги», «Карело-Мурманский край», «Красный Мурман»). Представлен архив старейшего регионального издания Мурманской области — газеты «Полярная правда» за 1936, 1938 гг.;

Раздел «Из фонда редких книг» содержит уникальные издания XIX — начала XX вв., хранящиеся в фондах Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки. Книги имеют историческую и художественную ценность.

В эпоху цифровой информации электронная библиотека «Кольский Север» делает все виды изданий доступными для всего научного и культурного сообщества. Перевод нашего краеведческого фонда в цифровой формат расширяет возможности эффективного распространения и широкого доступа к культурному наследию региона, к документам военной истории, гарантирует физическое сохранение краеведческих документов, что особенно актуально для редких и малотиражных изданий.

Издания, размещенные в ЭБ «Кольский Север», имеют высокую художественную, историческую, культурную и научную ценность. Они адресованы широкой пользовательской аудитории: ученым, краеведам, исследователям, школьникам и студентам, всем, кто интересуется прошлым и настоящим нашего края.

Веб-ресурс «Кольский Север» непрерывно развивается, представляя вниманию своих читателей новые коллекции, в том числе включающие уникальные исторические документы.

Память о воинском подвиге

*Протоиерей Сергей ШЕРФЕТДИНОВ,
настоятель Свято-Никольского прихода
п. Видяево, Североморская епархия*

У нашего народа есть особые праздники, дни, которые заставляют нас вникать в суть бытия. Через великое множество наших грехов мы как бы входим в глубину народной души, чтобы увидеть ее красоту. День Победы — особый день. В нем отблески Пасальной радости, ощущение свободы, радость победы. Крыльям нашего сердца нужна высота, нужны примеры чистоты и святости, мужества и самопожертвования. И они у нас есть. Нам не надо выдумывать ни героев, ни дат. Нам нужно только помнить, только беречь, только приумножать. Эти примеры простираются от древнего Киева, матери городов русских, до нынешней столицы нашей Родины, от лет древних до сегодняшних времен.

Недавно меня спросили: что значит для меня «Курск»? Кто для меня они — моряки погибшей субмарины? В моей маленькой человеческой жизни «Курск» — это целая эпоха, войдя в которую, я начал понимать что-то главное. А экипаж подводной лодки — это легенда, пример, это герои и од-

12 августа. День памяти экипажа подлодки «Курск». Подготовка к торжественному прохождению экипажей

новременно очень близкие и родные люди. Я знаком с ними вот уже 14 лет. Мне интересно вглядываться в них, и молиться за них мне радостно. И где-то в глубине души, под покровом этой молитвы Богу за них, я обращаюсь с молитвой к ним: «И вы, дорогие, помолитесь Богу о нас». Ведь есть знаки и знамения, есть растворенная в печали надежда, что имеют они силу пред Господом ходатайствовать о нас. Эти знаки — иконы, родившиеся как бы из пучины морской, из глубины страданий моряков. Перед этими иконами молятся их дети, матери и жены, молятся нынешние воины-подводники. Этими знамениями являются и церкви, которые как некие прекрасные цветы выросли на ниве Божьей. Обильно полита эта нива кровью подводников и слезами их близких. Потому-то в этих храмах душа человеческая как бы

Иконы, посвященные памяти экипажа АПЛ «Курск»

Георгиевская часовня в п. Видяево

Икона Божией Матери «Спасающая-на-море» в часовне при госпитале

вдыхает мир и покой. О, скольким людям даровали они своею смертью возможность найти дорогу в Божий дом, покаяться и примириться с Богом! Да разве это не знак? Разве это не плод? Память народная собирает и хранит подвиги своих сыновей и дочерей, как кирпичи и камни, и созидает из них, скрепляя молитвой, стены храма, в который не возгнушался бы войти Господь. И в этом строительстве принимают участие все: и живущие на земле, и ушедшие в мир иной, ведь у Бога все живы.

История одного памятника

Олег Тихомиров, петербургский ювелир, создатель напестольной лампы из плафона аварийного освещения АПЛ «Курск», с готовностью отозвался на еще одну добрую инициативу. Он активно включился в работу по изготовлению памятника на братской могиле в районе губы Андреева, где множество советских воинов отдали жизни за Веру и Отечество в годы ВОВ. Из рассказов поисковиков я узнал о том, что прекрасный на вид, с таким же прекрасным названием цветок иван-чай часто является указателем на то, что где-то рядом лежит неупокоенный воин, русский Иван. И родилась идея — пусть этот цветок станет символом поисковиков. Симпатия многих копателей к знаку немецких горных стрелков цветку эдельвейсу казалась мне нездоровой. Уже потом мы узнали, что этот цветок является символом вечности, цветок, восстающий из пепла.

Люди любят кипрей за многое. И за то, что кипрейный мед считается

Братская могила

самым сладким. Лесоводы говорят, что на гарях, сразу после пожара, сквозь черно-серый слой едва остывшего пепла и золы прорастают «копья» кипрея, дождавшегося своего часа. Он займет все выгоревшее пространство, тем более что других охотников нет. Кипрей будет господствовать на пожарище пять лет, после чего нехотя уступит обихожное место травам, ку-

Кипрей — символ поисковиков

Мастер Олег Тихомиров
за работой

старникам, деревьям. С годами он будет все ниже ростом, перестанет цвести, но, незаметный, останется под пологом леса. Останется, чтобы дожидаться нового пожара. И тогда он моментально захватит выгоревшую площадь — всю целиком, без остатка. Это не совсем понятно. Получается, корневища кипрея способны выжить в пекле лесного пожара, что они чем-то защищены от огня. Иван-чай не столько воскресает из праха, сколько в буквальном смысле слова восстает из пепла. Оглянитесь вокруг — высокие, в рост ребенка растения с узкими листьями, увенчанные нежными розовато-пурпурными цветками, дружным строем поднимаются на пепелищах, гарях, вырубках леса. Благородный, великодушный, милосердный иван-чай словно старается сделать так, чтобы затянулись раны, шрамы и уродливые оспины, оставленные на теле матери-земли неразумной деятельностью человека. Уже за одно это люди благодарны кипрею и часто называют его «нянькой». И только низменные, заболоченные и сильно затененные места обходит стороной кипрей — иван-чай. Недаром в старину говорили о нем: «Растение несет в себе силу Солнца и Венеры». Оттого этот цветок чахнет и утрачивает силу в тени, не может он жить без живительных лучей солнца.

Мне думается, этот цветок стал бы достойным символом наших поисковых отрядов.

Памятник Иван-чаю

МУРМАНСКИЙ ФРОНТ

1918–1920 гг.

Тучков Антон Иванович, к. и. н., руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Мурманской митрополии, координатор Военно-исторического общества «Северные стрелки»

Под Мурманским фронтом мы понимаем группировку антибольшевистских вооруженных сил, действовавших в 1918–1920 гг. на Русском Севере, в составе сухопутных и морских сил Северного фронта и подразделений государств Антанты. Русский Север как понятие тождественно Европейскому Северу России и включает в себя территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (по административному делению на 1917 г.).

Северная область — часть территории Русского Севера, находившаяся под властью антибольшевистского правительства в августе 1918 г. — феврале 1920 г. и включавшая в свой состав почти всю Архангельскую губернию, Петрозаводский и Повенецкий уезды Олонецкой губернии. Мурманский край (Мурман) представлял из себя часть Северной области — Александровский уезд и полосу отчуж-

дения Мурманской железной дороги до ст. Званка.¹ В результате успешных боевых действий антибольшевистских сил в 1919 г. территория, подвластная правительству Северной области, расширилась на значительную часть Карелии, поэтому в административном отношении она была разделена на Олонецкую и Мурманскую губернии.

События 1918–1919 гг. получили в советской литературе название «гражданская война и иностранная военная интервенция». Собственно, основная идея советских историков, сложившаяся к концу 1920-х годов, и состояла в том, чтобы изобразить Гражданскую войну как борьбу с иностранными захватчиками и белыми как их прислужниками. Представляется, что с термина «интервенция» надо снять советское идеологическое наполнение. Нами под интервенцией понимается военная помощь союзников антикоммунистическому сопротивлению в России.²

Армейские части стран Антанты были объединены в North Russian Expeditionary Force, то есть Северо-Русские экспедиционные силы.³ Белые называли войска своих союзников по-русски более привычно — Северно-Русский экспедиционный корпус.⁴ Экспедиционными силами командовали: генерал-майор Ф. Пуль, а затем, с 6 октября, бревет (то есть временный) генерал-майор Э. Айронсайд; перед самой эвакуацией союзников, с 30 июля 1919 г., на посту Главнокомандующего его сменил генерал лорд Г. Роулинсон.⁵

Войска, высадившиеся в Мурманском крае, возглавил бревет генерал-майор Ч. Мейнард (его тоже перед самой эвакуацией 30 сентября 1919 г. сменил генерал-майор Г. Седлер-Джексон⁶). Архангельская группировка получила кодовое обозначение Елоре («Беглец»), а Мурманская группировка, Murmansk Force,⁷ то есть Мурманские силы, — обозначение Syren («Сирена»), поэтому английские офицеры себя и своих подчиненных ча-

¹ Государственный архив Мурманской области (далее ГАМО), ф.р-134 И, оп. 1, д. 93, л. 60 и об.

² Ермолин Е. А. Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. М.: Посев, 1998. -С. 37.

³ Maynard C. M. The Murmansk Venture. London, 1928. P. 131 (далее — Maynard C. M.).

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области. 1919. № 8. Ст. 362.

⁵ ГАМО, ф. П-102, оп. 1, д. 38, л. 39.

⁶ ГАМО, ф. П-102, оп. 1, д. 38, л. 61.

Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 13.

⁷ Maynard C. M. P. 245.

сто так и называли — «сиренами»¹. Использовалось и обозначение Syren Force.

Следует подчеркнуть следующий важный аспект союзной военной организации — примерно с 20-х чисел октября 1918 г. генерал-майор Мейнард фактически стал самостоятельным командующим. Он, как и Айронсайд, получал приказы непосредственно от Военного министерства (War Office). А с 5 ноября 1918 г. такой порядок был подтвержден официально.²

Белые части в оперативном отношении до июля 1919 г. подчинялись союзному командованию. От союзников русские войска получали оружие, боеприпасы и снаряжение.³ Очень важным для бесхлебного севера было снабжение продовольствием, организованное союзниками (этими проблемами занималась Британская продовольственная миссия).⁴ В продовольствии особенно нуждался Мурманский край.

«Интервенция по приглашению» центральной советской власти, начавшаяся 6 марта 1918 г.⁵ и с начала июля переросшая в открытую интервенцию уже против этой самой власти «центра», но в союзе с соввластью местной, Мурманской,⁶ была попыткой командования Антанты в той или иной форме восстановить Восточный фронт против стран Четверного союза. Тем более что заключение большевиками Брестского мира превратило Мурманский край из тылового района Великой войны в самый что ни на есть фронтовой. Вторжения финских добровольческих отрядов на суше сопровождалось самым настоящим террором германских подводных лодок в прибрежных водах.⁷ Своих войск для обороны края не было: большевики еще в феврале объявили демобилизацию, и матросы Флотилии Северного Ледовитого океана вместе с солдатами бросились по домам, причем эти т. н. «категористы» (для демобилизации их разделили на 6 категорий) уезжали вместе с оружием.⁸ Реальной силой были только союзники по Антанте, тем более что английская флотилия (правда, довольно слабая) находилась на Севере с 1915 г.

¹ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918—1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 23, 217, 320.

² Maynard С. М. Р. 128, 131.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 17, оп. 1, д. 13, л. 62.

⁴ ГАМО, ф. р-1027, оп. 1, д. 2, л. 45.

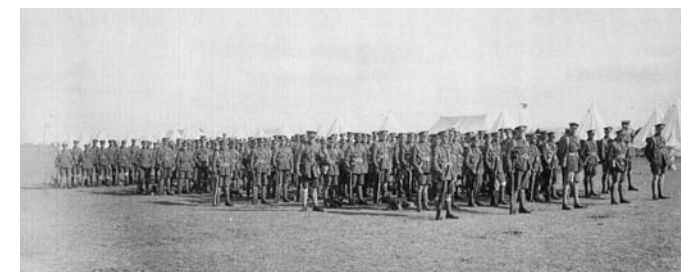
⁵ ГАМО, ф. П-102, оп. 2, д. 29, л. 29.

⁶ ГАМО, ф. П-102, оп. 2, д. 29, л. 77.

⁷ ГАМО, ф. П-102, оп. 2, д. 29, л. 46.

⁸ ГАМО, ф. 134И, оп. 1, д. 93, л. 46, 63.

Британская пехота

Союзники были крайне заинтересованы в том, чтобы в Мурманске и Печенге не появились базы германских подводных лодок. Внушала беспокойство и судьба громадных военных грузов, скопившихся в Мурманске и Архангельске (они не были вывезены Временным Правительством). Большевики, до ноября 1918 г. бывшие фактическими союзниками немцев, как представлялось союзникам, вполне могли передать эти грузы Германии. Для противодействия этим опасностям и была начата интервенция.

Она и определила тот «дрейф» местной соввласти, который привел вначале к высадке 170 королевских морских пехотинцев, а затем и многотысячных союзных отрядов. В результате численность экспедиционных сил была доведена до 42 тысяч 400 солдат и офицеров 16 национальностей.¹ Правда, ход событий привел и к смене антантовских соратников по антигерманской борьбе. Белые — антибольшевики и не социалисты, с ядром из кадрового офицерства разогнанных большевиками Русской армии и флота, — стали естественными союзниками Антанты, а красные (большевики) — такими же естественными врагами, как «немецкие наймиты». Бытовала иллюзия, что удастся очень быстро разгромить большевиков, а потом обрушиться на основного врага — «германа».

На этой волне надежд на союзников и быстрой победы над большевиками в Мурманском крае начали формировать новую, Мурманскую армию.

1 августа 1918 г. временно исполняющий обязанности командующего вооруженными силами Мурманского края Гапонов (сам командующий или комрусилами Звегинцев участвовал в десанте на Архангельск, который он тонко назвал командировкой²) издал приказ № 8 «О формировании Мурманской армии» на добровольной основе. Возраст добровольцев определялся от 18 до 45 лет. Пригодность к военной службе («медицинское свидетель-

¹ Army. The Evacuation of North Russia. 1919. Presented to Parliament by Command of his Majesty. London, 1920. P. 44–45 (далее — Army. The Evacuation of North Russia).

² ГАМО, ф. р-919, оп. 1, д. 3, л. 39.

ство и установление качественного уровня годности») проводилось русскими военными властями. Подчеркивалось, что военное обучение будет проводиться так, как оно велось в Русской армии, и что «команда будет подаваться по-русски».

Подразделения новой Русской Мурманской армии являлись «частью союзных сил»; командный состав взводов и рот (для более крупных не было людей) был русским, но сами взводы и роты по мере формирования присоединялись «первое время» к союзным подразделениям (в Мурманске — к пехотной роте 29-го Лондонского полка, в Кандалакше — к Сербскому батальону, в Кеми — к британской морской пехоте; только на ст. Сорока русский отряд составлял отдельную часть, но «под наблюдением и командованием Британского начальника Кемского отряда»; общее руководство, таким образом, принадлежало союзным командирам). Довольно интересно решался вопрос об уставах: чины армии, говорилось в приказе, «будут подчинены правилам военного устава, выработанным совместно с Мурманским Краесоветом, но пока русские части присоединены к союзным единицам, будет настойчиво проводиться Британская дисциплина».¹

Все резко изменилось после окончания Великой войны. Главнокомандующий Северно-Русского экспедиционного корпуса Э. Айронсайд получил от Генерального штаба такой приказ о задачах корпуса: «Ваша задача в Северной России — держать позиции до тех пор, пока местные русские не смогут вступить в борьбу. Вам необходимо подготовиться к зимней кампании. Это не шуточное дело!»²

В Мурманском крае столкновения с большевиками носили в 1918 г. эпизодический характер, и основная борьба союзников и спешно формируемых под патронажем британского бривет генерал-майора Ч. Мейнарда добровольческих русских рот Мурманской армии генерал-майора Звегинцева³ развернулась против белых финнов, стремившихся с весны 1918 г. перерезать Мурманскую железную дорогу и захватить мурманское побережье и часть Карелии. Именно эта угроза, а также ожидание вторжения немецких войск из Финляндии, заставили Мейнарда держать значительную часть союзнических сил в Печенге (450 моряков с крейсера «Кохрейн», 500 морских пехотинцев, 200 сербов, половина Сассекского пехотного полка, отдельная пуле-

Британцы на лыжах

метная рота, 2 батареи 105 мм пушек¹) и в Коле (1200 итальянцев, с ядром из 67-го пехотного полка бригады «Наполи» и до 400 моряков морской десантной партии²), где был создан кольцевой укрепленный район, прикрывавший стратегически важный Мурманский порт. И это при том, что общая численность Murmansk Force на 1 декабря 1918 г. составила всего 15 000 человек (7000 британцев, 3000 союзников, куда входили французы, сербы и итальянцы, и больше 4000 русских, карел и финнов), из которых 10 000 были комбатантами, то есть могли непосредственно участвовать в бою.³

К зиме 1918 г. все четыре войсковые группы финских добровольцев (под командованием лейтенанта Вилламо, старшего лейтенанта Валлениуса, подполковника Мальма и сенатора доктора Ренвалля), общей численностью более 2000 человек, были отброшены в Финляндию.⁴

Ударной силой Мейнарда в борьбе с белофиннами в 1918 г. были те же самые финны, только «красные» — Финский Мурманский легион, — и карелы, составившие Королевский Ирландский Карельский стрелковый полк. Солдаты-добровольцы этих частей были обучены и вооружены англичанами, и командовали ими английские офицеры.⁵ С воздуха этих красных бойцов на службе Его Величества поддерживали самолеты с авиаматки «Найрана» бывшего австралийского пассажирского парохода.

¹ Валлениус М. Петсамо. Кеуруу. Отава, 1994. С. 52–53 (на фин. яз.).

² Maynard С. М. Р. 104.

³ Maynard С. М. Р. 132.

⁴ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920 гг. М.: Наука, 1975. С. 23–26; Maynard С. М. Р. 88–131.

⁵ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 41, 45–63.

¹ ГАМО, ф.р-919, оп. 1, д. 3, л. 42–43об.

² Айронсайд Э. Архангельск. 1918–1919 гг. // Зброшенныя в небытие. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 216.

³ ГАМО, ф.р-919, оп. 1, д. 3, л. 42–43об.

Зима 1918–1919 гг. прошла в боях местного значения, набегах, разведывательных поисках и подготовке «сиренами» и белым командованием, которое возглавил Генерального штаба подполковник Л. В. Костанди, весеннего наступления.

Белые провели мобилизацию, пополняли и обучали 2-й Северный стрелковый полк (им командовал полковник Парков, потом его сменил полковник Боков¹), приступили к созданию собственной артиллерии, посылали в рейды по красным тылам партизанские отряды (удалось набрать и подготовить до 1000 партизан, которыми командовал полковник Кругляков).

Союзники формировали и готовили к наступлению 7 мобильных колонн, учились ходить на лыжах (их поставила нейтральная Швейцария) и управлять оленьими упряжками (у саамов купили 600 нарт). Обратили внимание и на маскировку — часть взводов получила непривычную для европейцев новинку — белые маскировочные комбинезоны.

После того, как бревет генерал-майор Айронсайд сменил Пуля на посту Главнокомандующего North Russian Expeditionary Force, был наведен порядок в продовольственном снабжении. На севере продовольственный вопрос стоял очень остро, что непосредственно отражалось на боеспособности белых войск. В начале белый солдат получал в день 1 фунт хлеба, 2 банки консервов, а в месяц 4 фунта сахара и 100 рублей деньгами.² Для сравнения: летчики Славяно-Британского авиационного корпуса в составе сил Елоре (элитная часть из русских офицеров) получали в день полкило хлеба или галет, 1/3 банки мясных консервов, около полкило селедки, сало, а курящие 25 папирос в неделю.³

Что поражает в этих пайках, так это их крайняя недостаточность для северных условий. Под это британские интенданты пытались подвести, если это сказать корректно, этнографическую базу. С их точки зрения, русские, будучи жителями севера, привыкли питаться рыбой и употреблять мало жиров. Но интереснее всего тот факт, что это была лишь половина английского пайка! Выходит, с точки зрения генерал-майора Пуля за одну и ту же службу полный паек получали «белые люди», а «русские туземцы» должны были радоваться и половине. Надо отдать должное Айронсайду — почти сразу после вступления в должность он уравнил пайки русских и союзников.⁴

¹ ГАМО, ф.р-920, оп. 1, д. 1, л. 58.

² Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 6, оп. 4, д. 362, л. 1–3.

³ Куликов В. Славяно-британский авиакорпус на Севере России // Авиамастер. 1999. № 1. С. 11.

⁴ Айронсайд Э. Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Архангельск, 1997. С. 249.

Белая пехота

В основу питания и русских, и союзников был поставлен британский паек, достаточно сытный и даже относительно разнообразный (он включал 25 продуктов питания, от двух видов консервированного супа и «корнби-фа» (говяжьей тушенки с бобами) до пикулей и варенья¹), как бы ни жаловались на него офицеры Его Величества. Правда, были и специфические жалобы на питание: если русские роптали на отсутствие в пайках ржаного хлеба, то британским джентльменам была не по вкусу добытая у местного населения сметана, «эти ужасные русские сливки».²

Интересно, что для подготовки боев на Крайнем Севере использовался опыт Крайнего Юга — личный состав тренировал командер В. Кэмпбелл, участник экспедиции Э. Шеклтона в Антарктиду.³ Сам Шеклтон, известный полярный исследователь,⁴ тоже активно участвовал в подготовке снаряжения и транспорта для союзных войск, выступая как эксперт-консультант Syren Force, хотя далеко не все его антарктические находки годились для арктических условий.

Например, зимнее снаряжение, разработанное Шеклтоном, представляло из себя набор, странный по сочетанию предметов, где наряду с шубой, высокой шапкой-ушанкой особой конструкции, которую так и называли «шекельтоновкой» и четырьмя комплектами шерстяного белья использовались «башмаки Шеклтона», или попросту «шекельтоны», с парусиновым вер-

¹ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 26, л. 22–23.

² Барон Н. Король Карелии. С. 40.

³ Maynard С. М. Р. 163.

⁴ Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. 4. М.: Просвещение, 1985. С. 315–316, 322.

хом и деревянными подошвами. Ртуть на термометре зимой 1918–1919 гг. нередко падала до –45 градусов Цельсия, и солдаты, спасаясь от обморожений, надевали по несколько пар носков, на которые сверху натягивали нечто вроде тапочек, обернутых толстым слоем сена.¹ Вряд ли такая обувь повышала боеспособность союзных солдат и офицеров.

Попытка использовать для доставки грузов по заполярному бездорожью собак вместо оленей, чьи упряжки составили особое подразделение Syren Force — Собачий транспорт (Dog team) в 232 животных,² — потерпела фиаско: эскимосские лайки, встречая северных оленей, нападали на них.³ Тем не менее, эти агрессивные собаки под руководством 25 канадских погонщиков, которыми командовал капитан Т. О'Келли, весьма неплохо пережили северные зиму и лето, и англичане при эвакуации из Северной области передали их белым, что позволило сформировать в Мурманском районе специальное подразделение, сохранившее английское название — Dog team.⁴

Несмотря на довольно скептическое отношение русских офицеров к деятельности Шеклтона, его служба по приведению войск Мурманских сил в состояние, пригодное для боевой работы на Крайнем Севере, была отмечена русским орденом Святой Анны.

Красные тоже не теряли времени даром. Пользуясь тем, что основное внимание союзного и белого командования в 1918 г. было приковано к ожиданию возможного немецкого вторжения из Финляндии и борьбой против финских добровольческих отрядов, красные выправились, сбили полупартизанские отряды Красной гвардии в регулярные батальоны и полки, поставили под свой контроль партизанские отряды и научились держать упорную оборону. Тем более что теперь у них было где ее держать — станции Мурманской железной дороги превратились в хорошо укрепленные опорные пункты с окопами и блокгаузами. Это серьезно меняло сам ход боевых действий — лихие лесные налеты уступали место методичному прогрызанию вражеской обороны в полосе единственного пути снабжения войск — Мурманской железной дороги.

Главной силой красной обороны стал 41-й полк железнодорожной охраны 7-й красной армии. 13 декабря 1918 г. он был сформирован из отряда

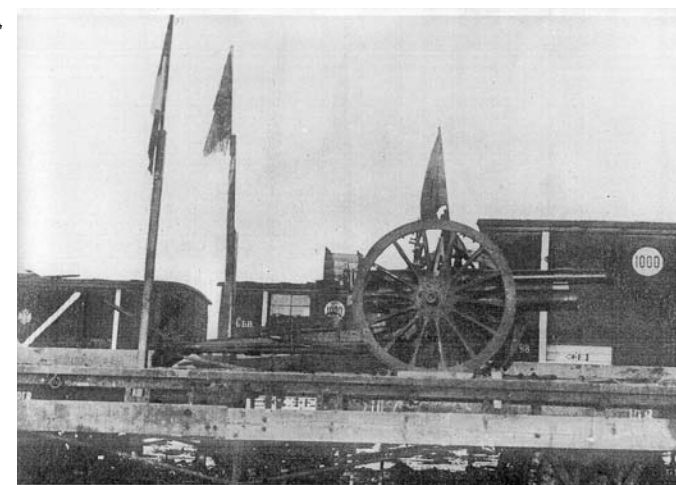
¹ Кэши Т. Русская гражданская война и интервенция союзников // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 240.

² Maynard C. M. P. 163. Мейнард указывает, что собак было 240, цифра уточнена по канадским источникам.

³ Барон Н. Король Карелии. С. 332.

⁴ ГАМО, ф. 48, оп. 1, л. 134об.

1-й блиндированный поезд под тремя флагами: французским, британским и красным

Красной гвардии И. Д. Спиридонова, состоявшего из представителей чуть ли не десяти национальностей: русских, финнов, латышей, эстонцев, украинцев, белорусов, китайцев и др.).¹ То есть белому интернационалу на Мурмане противостоял красный интернационал. Оборону на р. Онда занимал 164-й Финский полк. Оба полка усиливали партизанские и добровольческие коммунистические отряды. Красные силы были сведены в Олонецкую бригаду.

Парадокс ситуации состоял в том, что красные формировали из отрядов Красной гвардии и партизан регулярные полки, а затем бригады и дивизии, а союзное командование импровизировало бригады из отдельных рот и батальонов различных полков. Перечисление одних британских подразделений напоминает какой-то расчет к параду, а не боевое расписание регулярной армии великой державы (да и Королевский флот не остался в стороне): рота Королевской морской пехоты, отдельная, то есть добровольческая, рота Королевских фузилеров (из состава 29-го Лондонского и 30-го батальонов Королевского фузилерного полка), 11-й батальон Королевского Сассекского полка, 17-й батальон Ливерпульского Короля полка (в декабре переброшен под Архангельск), 6-й и 13-й батальоны Собственного принцессы Уэльской Йоркширского полка (13-й батальон в феврале 1919 г. перебросили в район Онеги, то есть в состав сил Elope), 6-я бригада Королевской полевой артиллерии в 3 батареи, 1-я и 3-я батареи минометов Стокса,

¹ Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918–1920 гг. Л.: Газетно-журн. и кн. изд-во, 1948. С. 192.

120-я железнодорожная батарея, 253-я и 180-я пулеметные и 584-я и 492-я инженерные роты.¹

Кроме всего этого британского сборища под общим командованием Мейнарда находились подразделения, состоявшие из солдат и офицеров доброго десятка национальностей, не считая китайцев. Все эти части и свели в три бригады.

236-я пехотная бригада под командованием бригадира М. Тернера (со штабом в Коле) контролировала район от Полярного круга до побережья Белого моря, 237-я пехотная бригада бригадира Ф. Марша (с декабря 1918 г. его сменил бригадир Д. Прайс), штаб которой разместился в Кандалакше — южнее Полярного круга, а в 238-ю пехотную бригаду подполковника Р. Берона вошли части, набранные из иностранных подданных, но находившиеся под британским командованием.² В ноябре 1918 г. это были следующие подразделения: батальон Славяно-Британского легиона, Карельский отряд (впоследствии Королевский Ирландский Карельский полк, насчитывавший более 2000 человек), Финский Мурманский легион, который англичане именovali Finn Legion (включал 1200 человек пехоты и «хорошо обученную», по мнению Мейнарда, горную батарею), Польский легион (впоследствии он был переброшен на Архангельское направление, отличился в боях, но его бойцы все равно называли себя «мурманчиками»), отряд чехов.³

Особую роль среди союзных подразделений Мурманских сил сыграл Запасный батальон Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев,⁴ в просторечии именуемый Сербским батальоном, — 4 четы (роты) и батальонная пулеметная команда, под командованием С. Маринковича, а с 23 марта 1919 г. — капитана 1 класса А. Дукича.⁵ По меркам Мурманского фронта батальон был многочисленным — всего 1220 человек, из них 958 штыков.⁶ Он сыграл роль центра подготовки для формировавшихся русских частей — в офицерской, пулеметной школах и школе автоматического ружья (там обучали обращению с ручными пулеметами), с июля 1918 г. работавших в Мур-

¹ Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Хропов И. Н. Генерал Марушевский об интервенции на севере в 1919 году // Карело-Мурманский край. 1930. № 1. С. 32; Maynard С. М. Р. 185.

⁴ Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. М.: Наука, 1992. С. 39.

⁵ Храбак Б. Югославы в интервенционистских войсках на севере России // Исторический гласник. 1963. С. 36 (на сербохорватск.; далее: Храбак).

⁶ Army. The Evacuation of North Russia. С. 77.

1-й блиндированный поезд

манске, инструкторами служили преимущественно сербы. Сербы же выучили Славяно-Британский батальон, можно сказать, что они создали эту часть.¹ Кроме этого военно-учебного успеха Сербский батальон показал себя в боях 1919 г. как исключительно храброе и надежное подразделение.

Французские экспедиционные силы Мурманского фронта были невелики. Их составили рота лыжников (это были альпийские стрелки) и 21-я маршевая группа колониальной артиллерии.²

На Кандалакшу базировался созданный еще в марте объединенными усилиями союзников и русских импровизированный бронепоезд — т. н. «блиндированный поезд», защиту которого составляли мешки с песком, доски и бревна, а вооружение — полевая трехдюймовка и малокалиберные морские пушки. «Блиндированный» имел смешанную русско-французскую команду, которой командовал французский лейтенант Ги.³ Над этим чудом военно-технической мысли, созданным мурманскими железнодорожниками, мастерами плавмастерской «Ксения», английскими моряками и французскими артиллеристами, развевались три флага — французский, британский и — красный (властью в Мурманском крае до осени был Мурманский краесовет)!⁴ Затем к «1-му блиндированному» добавился еще один французский бронепоезд — «2-й блиндированный».

¹ Храбак. С. 21.

² Maynard С. М. Р. 264; Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 133; Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. С. 24.

³ ГАМО, ф.р-919, оп. 1, д. 3, л. 22; ф. П-102, оп. 2, д. 29, л. 34.

⁴ Гражданская война на Севере России глазами британцев. СПб.: Издат. дом «Гамас», 2008. С. 52–53.

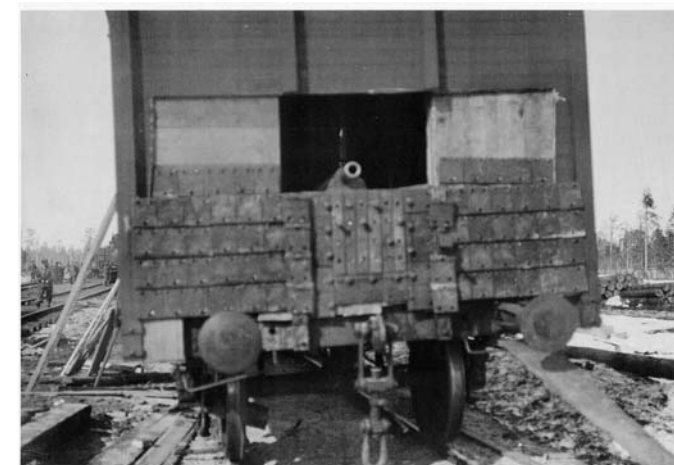
Надо отметить, что проблемой командования Мурманских сил была постоянная смена подчиненных ему подразделений: одни выводились на эвакуацию, другие появлялись на фронте. Край довольно быстро покинули чехи, поляки и французы, затем эвакуировались итальянцы, но появились американцы (в основном железнодорожники). Кроме того, личный состав некоторых союзных формирований был настолько слабым, что использовать их в бою полностью, как предписывают уставы, было весьма затруднительно. Это заставляло посылать в бой только добровольцев некоторых наций, например, итальянцев и американцев. На Мурманском фронте находилась и добровольческая рота канадских инструкторов численностью в 92 солдата и офицера.¹

Финские и карельские подразделения, сыгравшие главную роль в отражении финских «реткиунт» весной-осенью 1918 г., оказались весьма ненадежными в политическом отношении. Обстановка накалилась настолько, что только переброска двух специальных рот из Архангельска позволила Мейнард побороть как недовольство бывших красных финнов, не желавших воевать с большевиками, так и сторонников независимой Карелии в Карельском полку, чья деятельность под прикрытием английских мундиров чрезвычайно обостряла отношения с белыми. Карелы отказывались исполнять приказы русского командования, в чем им потакал полковник Ф. Дж. Вудс, за свои антирусские замашки получивший прозвище «король Карелии». Доходило до действий, которые русские власти воспринимали как открытую провокацию. Например, придуманная Вудсом для карел ирландская символика — зеленый трилистник на фуражке,² а не на русской кокарде, принятой для войск Северной области. Или особый флаг полка — тот же трилистник в оранжевом поле.

Еще интересней обстояли дела с символикой и несением службы у Финского Мурманского легиона. Его «красный» состав подчеркивался особенностями униформы: легионеры носили на погонах британских мундиров красные треугольники, а командиры — красные нашивки на рукавах. Знаменем Легиона было красное полотнище с буквами «SL — FL» на нем (обратим на это внимание: официально Легион должен был находиться под русским командованием, но для знамени не нашлось даже пары-тройки русских букв).

Вся эта внешняя демонстрация неподчинения белым властям страшно

Вариант северного бронирования

возмущала русское офицерство. Не меньше, чем весьма своеобразное несение легионерами охранной службы — на железной дороге они останавливали русские поезда стрельбой,¹ а с охраняемых складов поставляли оружие красным партизанам. Все это вносило в жизнь и так-то не очень устроенного белого тыла атмосферу какого-то Дикого Запада.

Несмотря на проблемы, британское командование продолжало упорно держать этих фрондеров (а то и мятежников) под своим началом, решая острые вопросы методом перетасовывания, словно это были не войсковые формирования, а колода карт.

К примеру, когда карельские офицеры Королевского Ирландского Карельского полка захотели поиграть в «самостийность», а это вызвало резкий протест погенгуба В. В. Ермолова (речь шла об антигосударственной деятельности российских подданных), Мейнард отказался передать полк под русское командование. Он предпринял настолько хитроумную операцию, что она была бы достойна войти в «курс феодальной интриги», если бы он где-нибудь преподавался. Впрочем, зарекаться не станем, читался же в одном из московских вузов курс «кентавристики»... Так вот, 20 мая 1919 г. Мейнард разделил Карельский полк. Одна его часть сохранила название, но не организацию, и теперь состояла из Добровольческого пехотного батальона, невооруженного Рабочего батальона, пионерной роты для работы на дороге и восстановления мостов и Пограничной стражи, отправленной на границу

¹ Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. С. 11.

² Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. С. 37.

¹ ГАМО, ф.р-920, оп. 1, д. 7, л. 3 и об.

против финнов.¹ Эта часть бывшего полка пополнялась из занятых к тому времени «сиренами» южных районов Карелии. А Олонецкий батальон полка был слит с батальоном Славяно-Британского легиона в смешанный русско-карельский полк со смешанным названием — Славяно-Британский Олонецкий полк. В него Мейнард и принял русских офицеров, первым из которых стал сотрудник Ермолова — гвардии капитан Беннигсен.²

Правда, все усилия по приведению в порядок Финского легиона успеха не принесли, и эту часть пришлось расформировать, причем в самый разгар летних боев 1919 г. Более того, с финским правительством была достигнута договоренность о возвращении легионеров, бывших бойцов «самого северного фронта финляндской Красной гвардии», на родину, в Финляндию, где уже отпраздновали победу их белые враги, которых они иначе как «лахтари», то есть мясники, и не называли. Легионеры покинули Северную область 31 августа. Всего пароходами «Курск» и «Эдверман» было вывезено 25 офицеров, 1223 солдата и 58 гражданских.³ Наиболее «отличившиеся» в финской гражданской войне командиры легиона эмигрировали. Но не в Советскую Россию, как можно было ожидать, а в Соединенные Штаты.

В чем же причина таких действий, не свойственных армейским офицерам любой страны и более всего напоминающих игры каких-нибудь «рыцарей плаща и кинжала» в дешевом кинофильме? Конечно, попытаться разоружить многочисленные (по меркам края) подразделения было сложно и с чисто военной точки зрения — силы-то где взять? Но, представляется, главные причины коренились все-таки в политике, если не в психологии.

И причина крылась в удивительной для белых, полных иллюзий о союзной помощи, логике союзной интервенции. Английская логика самим англичанам была понятна — русским офицерам, монархистам и в массе своей великодержавным патриотам, англичане не доверяли политически, а в их боевые и организационные способности после развала Русской армии не верили вообще. Английские командиры пытались быстро решить проблему наращивания своих незначительных сил на театре военных действий за счет привлечения под свои знамена всех кого можно, формируя какой-то полярный аналог индийских сипаев. То есть в России использовался не раз проверенный на практике вариант колониальной политики. Но здесь у британцев и возник серьезный конфликт с белыми.

Добровольцы Славяно-британского легиона

Этот конфликт полыхнул практически сразу после взятия Архангельска союзным десантом и восставшими горожанами. На заседании только что созданного антибольшевистского правительства, Верховного Управления Северной области (ВУСО), состоявшемся 4 августа 1918 г., генерал Пуль заявил, что для формирования русской боеспособной армии есть только один путь — «путь полного и безусловного предоставления русского запаса живой силы в распоряжение союзного командования, которое снарядит эти части, вооружит, обучит при помощи своих инструкторов и только после прохождения сформированными отрядами известного служебного и боевого стажа в составе союзных частей предоставит их русскому командованию для образования самостоятельной русской армии». Против этих планов, отдающих британским колониальным опытом и прямо оскорбительных для любого русского патриота, резко выступил капитан II ранга Г. Е. Чаплин, назначенный «Постановлением № 1» ВУСО «во имя спасения Родины и завоеваний Революции» (так начинался каждый из 10 первых государственных актов антибольшевистской власти) командующим всеми морскими и вооруженными силами ВУСО. Его поддержал прибывший из Мурманска и высадившийся в Архангельске с союзным десантом генерал-майор Звегинцев. Но самостоятельно создать армию было невозможно, и заведующий отделом военных сил С. С. Маслов нашел компромисс: заключение соглашения между ВУСО и «союзным» командованием по образцу соглашения, подписанного Мурманским Краесоветом.⁴ То есть опыт взаимодействия мурман-

¹ Maynard C. M. P. 256–257.

² Maynard C. M. P. 182–183.

³ ГАМО, ф. П-102, оп. 1, д. 38, л. 42.

⁴ ГАРФ, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 4 об-5; Минц И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.–Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 121; Его же. Интервенция на Севере в документах. М.: Партиздат, 1933. С. 26.

ских властей и командования с союзниками, легший как принцип в строительство Русской Мурманской армии, был взят как образец для строительства вооруженных сил Северной области.

Белое командование, равно как и гражданские власти, поневоле должны были стать дипломатами. С одной стороны, разорвать отношения с союзниками было невозможно — у антибольшевистских сил на Севере не было достаточных ресурсов, особенно вначале, для ведения борьбы против тех, кого они считали предателями и германской агентурой. С другой стороны, русские офицеры и чиновники совершенно не собирались превращаться в прикрытие оккупационного режима, тем более что с успешной операцией по очищению от большевиков Мурманского края и Архангельской губернии связывались надежды на скорый успешный поход в центр России для свержения власти людей, запятнавших себя государственной изменой.

Большой удачей для Мурманского края было назначение в октябре 1918 г. на должность помощника генерал-губернатора Северной области (погенгуба, как в духе времени сокращенно звучала его должность) и начальника Мурманского края В. В. Ермолова, отвечавшего за гражданское, а до июня 1919 г. — и за военное управление. Должность начальника Военного отдела в январе 1919 г. получил Генерального штаба подполковник Л. В. Костанди.

Это были компетентные, умные и энергичные администраторы, а Ермолов обладал и несомненными дипломатическими способностями. О Костанди этого сказать нельзя. Он был прекрасным военным организатором и исключительно храбрым офицером, награжденным Георгиевским оружием еще в 1915 г.,¹ но его умение договариваться с союзниками командующий русскими войсками генерал-майор В. В. Марушевский оценивал следующим образом: «Несмотря на свою молодость, Костанди показал себя отличным и талантливым начальником, хотя и не мог поладить с англичанами, что, впрочем, было для меня уже явлением вполне нормальным».² Кстати, не с этим ли связана одна весьма примечательная особенность мемуаров Ч. Мейнарда «Мурманское предприятие», где он не жалеет теплых, если не восхищенных слов относительно Ермолова, а вот о Костанди не говорит ни слова? И это несмотря на то, что деятельность подполковника Костанди в Murmansk Force была отмечена британским орденом.

¹ Макаров Н. А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918–1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск, 2008. С. 166.

² Марушевский В. В. Год на Севере (август 1918 — август 1919) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. I. Архангельск, 1993. С. 262.

Олений транспорт

Но и «дипломат» Ермолов, и «не дипломат» Костанди сумели внушить уважение к себе и к тому, что они называли «русским национальным делом», даже спесивым и нагло-ироничным англичанам. Благодаря этим управленцам в Мурманском крае удавалось избегать серьезных проблем, которые были характерны для военной и политической жизни Архангельска — столицы Северной области. Это позволило, несмотря на крайнюю скудность людских ресурсов и лицемерную политику союзного командования, вначале призвать добровольцев, затем провести мобилизации и сформировать вполне боеспособные белые русские войска Мурманского фронта.

Добровольцы Мурманского края к началу 1919 г. составили: созданный из Мурманской армии 7 ноября 1918 г. 2-й Мурманский пехотный полк (3 батальона в 12 рот, 3 пулеметные команды, команда пеших разведчиков), партизанские отряды полковника Круглякова, подполковника Паркова, Усачева, Стуколкина и других офицеров, управления военных комендантов в Мурманске, Кандалакше, Кеми, Сороке и др. населенных пунктах с комендантскими командами для несения гарнизонной и этапно-караульной пере-сылной службы, железнодорожную милицию и взвод особой военной милиции.¹

При отсутствии в области каких бы то ни было запасов униформы, русские подразделения с 27 ноября 1918 г. носили британское обмундирование,

¹ ГАМО, ф.р-919, оп. 1, д. 3, л. 34, 86; ф.п-919, оп. 1, д. 6, л. 42; Хропов И. Н. Генерал Марушевский об интервенции на севере в 1919 году // Карело-Мурманский край. 1930. № 1. С. 31, 33; ГАМО, ф. 48, оп. 1, д. 1, л. 109.

но с русскими кокардами и знаками различия военного времени, то есть с погонами¹ (союзники даже выпускали специальные наглядные пособия, чтобы без ошибок определять русские чины²). На этом в русских войсках закончилась мундирная вакханалия, устроенная «демократами» из ВУСО, когда за 4 месяца система знаков различия менялась трижды,³ а четвертая параллельно существовала в Мурманской армии.⁴

Большие сложности возникли с укомплектованием белых частей офицерским составом, офицеров катастрофически не хватало. Проблему решали присвоением офицерских чинов отличившимся унтер-офицерам, формированием целой категории «офицеров военного времени» и зауряд-офицеров из тех, кто имел хоть какое-то образование и мог исполнять офицерские обязанности. Помогал и тоненький ручеек офицеров из пленных Великой войны и даже с других фронтов войны Гражданской, который тек в область через Мурманск (положение значительно улучшилось только в конце лета и осенью 1919 г., когда в ожидании скорой победы над большевиками в Северную область начало приезжать все больше офицеров). Но этих офицеров настоятельно требовал к себе Архангельск, где русские части переживали такую же нехватку командиров всех степеней.

С командным составом возникали и специфические для Гражданской войны проблемы. Например, командир 2-го Мурманского пехотного полка полковник Нагорнов потерял свою должность из-за того, что «не мог ужиться с англичанами. С большими трудностями, — описывал сложившуюся ситуацию командующий русскими войсками генерал-майор Марушевский, — я выписал его в Архангельск, а на место его послал полковника из полицейских приставов, который скончался от разрыва сердца через десять дней».⁵ Остается добавить, что офицер, чья короткая карьера закончилась столь печально, был полковник Чарковский. Из-за этой внезапной смерти на Мурман и был послан подполковник А. В. Костанди, один из двух офицеров Генерального штаба, находившихся в распоряжении Марушевского.

Качественный состав союзных войск не внушал оптимизма. Военный министр Великобритании У. Черчилль определил его в следующих словах:

¹ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО), ф. 2834, оп. 1, д. 31, л. 92.
² ГААО, ф. 2834, оп. 1, д. 37, л. 95.
³ Вестник ВУСО. 1918. 10 авг. С. 2; Вестник ВУСО. 1918. 22 авг. С. 1; РГА ВМФ, ф.р-129, оп. 0, д. 10, л. 18; ГААО, ф. 2834, оп. 1, д. 31, л. 60.
⁴ ГАМО, ф.р-919, оп. 1, д. 4, л. 25.
⁵ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 262.

«Большинство из них было солдатами низшей категории...»¹ Тем большее уважение вызывает то обстоятельство, что в этих сложных условиях войска Мурманского фронта к весне 1919 г. смогли подготовиться к активным боевым действиям.

Мейнард подтянул все возможные подкрепления, включая часть печенгского гарнизона и даже десантную партию в 400 моряков. Общая численность действующих войск Syren Force была доведена до 3000 человек.² Но после окончания Великой войны для союзников война на Севере теряла смысл. Наступление предпринималось с целью улучшить позиции перед предполагаемой эвакуацией, а не для разгрома врага. Конечно, если бы красные побежали, скажем, до Петрограда, «сирены» их бы с удовольствием преследовали. Да вот только противник бежать совсем не собирался...

После бурной осени 1918 г. затишье посреди суровой полярной зимы было весьма относительным. Боевые действия 1919 г. начались в январе: 16 января был организован налет на Ругозерскую — красный гарнизон в 150 бойцов был частично перебит, частично взят в плен, но главной удачей был захват документов и переговорных телеграфных лент, что позволило выявить положение противника на фронте.³ 21 января белый отряд захватил деревню Луза в 70 км от Пудож⁴ и создал угрозу проникновения на восточное побережье Онежского озера. Красные выдвинули навстречу врагу добровольческие отряды.⁵

В ночь с 17 на 18 февраля белые и союзники, поддержанные местными повстанцами, совершив глубокий обход, зашли в тыл опорному пункту красных — станции Сегежа. Заняв оборону, 400 бойцов 41-го полка красных отчаянно сопротивлялись атакам 600 сербов, англичан, канадцев, белых и карел. Красным «помогли» и деморализованные потерями французы — они отказались идти в атаку.⁶

19 февраля за станцию развернулся жестокий бой, а 20 февраля Сегежа была взята. В бою был ранен командир красного полка Спиридонов. Все по-

¹ Черчилль В. Мировой кризис. М.-Л.: Госвоениздат, 1932. С. 159.
² Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Поучительный урок: (Боевые действия Красной Армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1962. С. 107–108; Maynard С. М. Р. 222.
³ Maynard С. М. Р. 165.
⁴ Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918–1920): Документы. М.: Воениздат, 1961. С. 173–174.
⁵ Шумилов М. И. Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг. Карельское книжное изд-во, 1967. С. 166.
⁶ Maynard С. М. Р. 173; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Поучительный урок. С. 107–108.

пытки красных отбить станцию закончились неудачей. Опасаясь флангового обхода, 41-й полк отошел к станции Уросозеро.¹

С конца февраля до начала апреля шли жестокие бои в полосе Мурманской железной дороги между станциями Сегежа и Медвежья Гора. Войска «Сирены» при поддержке двух бронепоездов теснили противника.² 41-й полк, при поддержке партизанских отрядов Падана и Сельги и полусотни бойцов коммунистического батальона, ожесточенно оборонял район Уросозера. За эту оборону полк получил наименование Уросозерский и был награжден почетным Красным знаменем ВЦИК. Было отмечено и командование Мурманских сил — от Временного Правительства Северной области бривет генерал-майор Ч. Мейнард получил орден Святой Анны 1 степени с мечами.³

11 апреля 1919 г. войска Мурманских сил снова перешли в наступление. 1 мая три колонны развернули наступление на фронте в 60 миль по направлению к Онежскому озеру. Сотня белых стрелков, вместе с морскими пехотинцами, канадцами и американцами составлявшая центральную колонну полковника Лекки, обрушилась на станцию Масельскую и при поддержке секции британской и французской артиллерии после упорного сорокачасового боя 3 мая взяла ее. Красные хорошо укрепили подходы к станциям на Мурманской железной дороге, превратив их в укрепленные районы, и приходилось упорно драться за каждый блокгауз. Тем не менее, Мейнард приказал продолжать натиск на позиции красных, а свое упорство объяснял еще и тем, что «политические соображения... являются даже более весомыми, чем военные, так как русские руководители настойчиво просят у меня разрешения начать наступление, подчеркивая, что если не развить недавние успехи, то от этого пострадает моральное состояние войск. Они, кроме того, утверждают, что наступление откроет для нас районы, наиболее благоприятные для рекрутирования солдат, и явится средством, которое лучше каких-либо других мер положит конец большевистской агитации на оккупированных территориях».⁴

После взятия Сегежи и Масельской белые и союзники заняли 18 мая Поенец, 19 мая белые взяли разъезд № 11 в 25 км от Медвежьей Горы, а после упорнейших боев, 21 мая, саму Медвежью Гору.⁵ Войска Мейнарда теперь

Парад в Мурманске в честь окончания Великой войны

могли контролировать все сообщения в северном направлении и значительно сократили линию фронта. Красные отошли к Кяппесельге. По Онежскому озеру открывался путь на Петрозаводск. Но как раз Петрозаводск Мейнард не имел права брать, как ни стремились к этому белые, дравшиеся в составе Мурманских сил, — в преддверии эвакуации войск Антанты союзные войска не могли участвовать в наступательных операциях!¹ С точки зрения британского Военного министерства, его войска выполнили поставленную задачу, вышли на естественный рубеж для обороны и теперь должны были ждать эвакуации. Поэтому дальнейшие действия войск Мурманского фронта имели характер импровизации.

Положение красных осложнили вспыхнувшие у них в тылу крестьянские восстания — против большевиков поднялись Шуньга, Толвуй и другие села Шуньгского полуострова.² Кроме удара в красный тыл восстание обещало дать в белые части столь необходимое им пополнение в 2000 человек, да еще и из крестьян, ненавидящих красных. На помощь восставшим пришел русский десант в 400 штыков, на полуострове обосновался отряд Дайдоффа, в Шуньгу стали перебрасывать оружие и снаряжение. Белые части упорно пытались пробиться в район восстания по суше, поскольку между повстанцами и Мурманскими силами пролегал 120 км воды и красная флотилия могла перерезать связь с повстанцами и их снабжение в любой момент, но не сумели этого сделать: сопротивление красных усиливалось. Союзники и белые вышли к Пудожу.³

¹ Шумилов М. И. Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг. С. 167.

² Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918–1920 гг. С. 195.

³ Вестник Временного Правительства Северной области. 1919. 23 апр.

⁴ Army. The Evacuation of North Russia. P. 34–35.

⁵ Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918–1920 гг. А.: Газетно-журн. и кн. изд-во, 1948. С. 196.

¹ Maynard C. M. P. 270.

² Егоров Ф. И. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952. С. 20.

³ Army. The Evacuation of North Russia. P. 14; Maynard C. M. P. 271–280.

Пришлось готовить новое наступление. Его проведение возложили на русские части, а британцы взяли на себя поддержку атакующей белой пехоты артиллерией, авиацией и действиями флотилии. Это была первая большая операция, в которой принимали участия русские подразделения, сформированные по мобилизации, поэтому необстрелянные части были укреплены «войниками» сербского Запасного батальона (на фронте находился полубатальон из его состава, 1-я и 4-я роты), который выделил в качестве инструкторов одного офицера и 30 солдат.¹ Эта мера обеспечила устойчивость в бою молодых белых подразделений. Белым стрелкам предстояло с боями пройти до повстанческих позиций от 60 до 90 км. С правого фланга русских поддерживал Славяно-Британский Олонецкий полк, усиленный ротой сербов, секцией «королевских инженеров», то есть английских саперов. Карельские «славо-бритты» получили помощь и нового рода оружия Мурманских сил — отряда, так сказать, импровизированной кавалерии. Как можно создать кавалерию без конского состава и подготовленных кавалеристов? Да ведь для офицеров Его Королевского Величества нет ничего невозможного. Отряд в 20 добровольцев передвигался... на мулах! На юге, где подобного рода подразделения использовали греческие войска, белые не без яда называли их «ослиной кавалерией». Теперь «ослиная кавалерия» пошла в бой на Севере. Наступление обеспечивала огнем секция британской тяжелой артиллерии.

13 июня войска Murmansk Force перешли в наступление. Красных, занявших оборону на 10-м разъезде, атаковали комбинированно — открытый штурм сочетался с обходом красных позиций.² Разъезд, который оборонял 41-й Урусозерский полк, несколько раз переходил из рук в руки, и когда красные в очередной раз выбили белых с разъезда, ураганный огонь бронепоезда вынудил красных отойти. После взятия 10-го разъезда в полосе железной дороги развернулись упорные бои, в том числе и за 9-й разъезд, и продолжались весь июнь.

Белые северные стрелки после упорного боя, занявшего целый день, 20 июня взяли Карташи, отбросив красных к Диановой Горе. Железнодорожная колонна при союзной поддержке, пройдя через горящий лес, вышла для прямого удара по Каппесельге. С левого фланга северные стрелки 25 июня вышли к Федотову и соединились с отрядом Дайдоффа и повстанцами Шуньгского полуострова. 28 июня была взята Дианова Гора и Уница.

¹ Храбак. С. 21.

² Maynard С. М. Р. 273—274.

Парад иностранных войск
в Архангельске
(октябрь 1918 г.)

В ночь с 5 на 6 июля после комбинированного удара трех атакующих колонн красные оставили Каппесельгу. Белые и союзники взяли массу пленных. Олонецкий полк взял Свят-Наволоки и Тивдию. Войска Мурманских сил вышли на линию Свят-Наволоки — Тивдия — Каппесельга — Уница — Шуньга.¹ Началось привычное уже «улучшение позиций», вылившееся в 20 боев.

В это время командование победоносно наступавших войск оказалось в центре острой политической борьбы. Дело в том, что союзники и белые вышли в тот район, в котором оперировала так называемая Олонецкая добровольческая армия белых финнов, плод далеко идущих политических замыслов генерала Маннергейма, победителя в кровавой гражданской войне.

Весной 1919 г. новообразованная Финляндия переживала тревожные времена. Разгром союзника — Германии — потребовал резкой смены политического курса на Антанту, а успехи белого движения, выступавшего под девизом «единой и неделимой» России в случае его победы делали перспективы независимости весьма туманными. Регент Финляндии Маннергейм, к этому моменту сумевший получить орден Святого Георгия и Железный крест за одну войну от военного руководства противоборствующих государств (случай, кажется, единственный в военной истории), нашел, как ему казалось, остроумный выход из положения: преподнести освобожденной от большевиков России Петроград в качестве своеобразной платы за независимость Финляндии.²

¹ Там же. Р. 276.

² Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 194.

Дело было за малым — бросить финскую армию на большевиков. Но ни финляндское правительство, ни парламент, выражавший настроение народа, ни сам народ воевать с Россией, пусть и советской, не хотели. Авторитет Маннергейма (в отличие от, скажем, более поздних времен) еще не был непререкаем и в финской армии, где очень сильны были позиции так называемых «егерей», пронемецки настроенных офицеров и солдат, дезертировавших от мобилизации в Русскую армию и составивших кадр 27-го прусского егерского батальона германской армии Великой войны.¹ «Егеря» (в политике их называли еще «активистами») не очень жаловали бывшего русского генерала, волею судеб ставшего правителем Финляндии, но мечтали о «Великой Финляндии» чуть ли не до предгорьев Урала и готовы были воевать за нее. Экстремизмом «активистов» и решил воспользоваться Маннергейм в своей многоходовой комбинации. Разумеется, подобного рода политика вызревала постепенно, на протяжении по меньшей мере полугода, но в конечном итоге вполне сформировалась к началу лета 1919 г.

Ход первый был сделан зимой 1918–1919 гг., когда по просьбе (скорее, мольбе) правительства Эстонии в конце декабря 1918 г. в Прибалтике высадились два добровольческих финских полка и помогли белым эстонцам генерала Лайдонера выдержать натиск красных эстонских стрелков и частей РККА.² Тем самым был нанесен удар западнее Петрограда. Он удался. «Северные ребята» залили Эстонию кровью.³

Вторым ходом было нанесение удара восточнее Петрограда — в Карелии. Его тоже должны были совершить добровольцы. Их успех должен был вызвать подъем националистических чувств и создать благоприятную политическую атмосферу, которая позволила бы регулярной армии начать поход на Петроград.

21 апреля 1919 г. четыре батальона «олонецких добровольцев», или «солдат-соплеменников» полковника Сихво, перешли границу. Поход белых финнов был вначале удачен: силы красных отвлекал Мейнард, и полосу шириной в 70 км и глубиной 50 км оборонял один-единственный 182-й стрелковый полк, в котором было всего 200 человек.⁴ После взятия почти без боя Видлицы и Тулоксы, финны подошли к Олонцу и 23 апреля захватили го-

Передняя платформа 1-го
блндированного поезда

род. Полковник Сихво спешил: Мурманские силы могли занять те территории, на которые претендовали финны. После упорного боя пал Александровский монастырь, но форсировать Свирь помешали подошедшие красные части, и к концу мая «олонецкие добровольцы» были отброшены на исходные позиции.

На петрозаводском направлении финны сумели захватить Пряжу, но для штурма главного города Карелии сил уже больше не было: карелы не поддерживали финских «освободителей». «Солдаты-соплеменники» отвращали население грабежами, зверскими расправами над всеми заподозренными в большевизме и расстрелами военнопленных. Вместо ожидавшегося массового восстания против русских в батальоны Сихво вступило не больше тысячи карел. До прибытия очередной партии добровольцев (военный министр Вальден и премьер Кастрен разрешили завербовать для Олонецкой армии еще 2000 человек¹) должно было пройти много времени, и командующий финских добровольцев решил попытаться наладить взаимодействие с Мейнардом по принципу «враг моего врага — мой друг». Ведь попытка добровольцев Сихво самостоятельно взять Петрозаводск провалилась, и даже отчаянный штурм 6 июня не принес финнам успеха.

И здесь руководство олонцкого похода стало жертвой собственной же неумной националистической политики. Слишком шумно финские добровольцы вели антирусскую пропаганду, слишком рьяно выступали против русских вообще, не только красных, но и белых² (они объявили Беломорскую

¹ Knötel / Sieg. Fabriges Handbuch der Uniformkunde. Bd. 2. Augsburg, 1996. S. 21.

² Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: Звезда, 2005. С. 175.

³ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917–1920. М.: Наука, 1988. С. 140–141; Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 46.

⁴ Как мы били белофиннов. Л., 1939. С. 45.

¹ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия: 1918–1920. М.: Наука, 1975. С. 76.

² Maynard C. M. P. 258.

Карелию автономной, а в парламенте большинство депутатов вообще выступило за присоединение этих областей к Финляндии), чтобы командующий русскими войсками мог себе позволить наладить с таким внезапным «союзником» даже оперативное взаимодействие. Для этого надо было рискнуть открытым бунтом в собственных войсках: часть белого офицерства заявляла, что в случае продолжения олонецкого похода с целью оторвать от России часть ее территории она перейдет на сторону большевиков для защиты Петрограда от финнов!

Представители правительства Верховного правителя адмирала А. В. Колчака в Лондоне и Париже выступили с резкими демаршами по поводу покушения на целостность России.¹ На возмущенный тон их заявлений повлияла и позиция командования русских Вооруженных сил Северной области — генерал-губернатор Северной области генерал-лейтенант Е. К. Миллер настаивал на необходимости добиться заявления союзников «о недопущении захвата русской территории под угрозой прекращения продовольственной помощи».² Это могло подорвать саму основу положения Маннергейма в Финляндии: в декабре 1918 г. он вернулся в страну с первым пароходом, привезшим продукты, как спаситель от голода; правда, в мемуарах он называет это «счастливым случаем».³

Требования белых представителей, а также сильный «германский след» в действиях олонецких добровольцев («активисты» не очень-то скрывали свои антиантантовские настроения) побудили британское и французское правительства потребовать 6 мая от Финляндии гарантий целостности русской территории. Через три дня финляндское правительство уступило — в своем заявлении оно обязывалось не ставить державы Антанты в решении карельского вопроса перед свершившимся фактом, а действия «олонецких добровольцев» оправдывало целями оказания помощи населению против большевиков.

Казалось, что препятствия к боевому взаимодействию финских сил и Murmansk Force устранены. Но нет: в дело вмешались амбиции командиров. Получив от полковника Сихво предложение о совместном штурме Петрозаводска, Мейнард оговорил свое согласие рядом условий: олонецкие добровольцы подчиняются союзному командованию; финны обязуются по-

Причал Мурманского порта

сле взятия города отойти из него и передать Петрозаводск русской администрации. Сихво в ответ потребовал отвода белых войск из тех районов, в которых они могли бы войти в соприкосновение с финнами. В итоге переговоры сорвались, финский штурм Петрозаводска 20 июня был отбит с большими потерями. Максимум, на что пошел Мейнард, — отдал приказ «работать в согласии» со «всяким отрядом» финских добровольческих сил, с которым его войска войдут в соприкосновение.¹ В штаб Олонецкой армии (в Видлице) был послан представителем командующего Мурманской экспедиции капитан Хадсон. Реальное взаимодействие между финнами и союзниками если и было, то только на стыке между английскими войсками и левым крылом «олончан» и было очень коротким² — в день отдачи приказа о взаимодействии, 27 июня, красная флотилия атаковала базу олонецких добровольцев в Видлице и захватила ее.³ Финны остались без артиллерии, продовольствия, снарядов и патронов, большевики взяли «все имущество финской белой армии, так как другой базы на участие не имеется».⁴ Падение Видлицы определило поражение добровольцев Сихво. К началу июля 1919 г. четыре красных полка отбросили финнов к границе. В целом Олонецкая военная экспедиция стоила финнам около 400 убитых.⁵ Потерпев поражение на президентских

¹ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 147.

² В боях за Советскую Карелию. М., 1932. С. 14; Как мы били белофиннов. С. 52–53; Егоров Ф. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. С. 57.

³ РГА ВМФ, ф. р-124, оп. 1, д. 349, л. 8.

⁴ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг. Госиздат. К. Ф. ССР, 1944. С. 110.

⁵ Иоффе Э. Линии Маннергейма. С. 176.

¹ ГАРФ, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 21.

² Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 86.

³ Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 166.

выборах, Маннергейм не прекратил своих усилий на организацию похода финнов на Петроград, но они закончились неудачей. Не без усилий Верховного правителя адмирала А. В. Колчака.

Соппротивление красных войск, сведенных в 1-ю стрелковую дивизию, нарастало и на фронте, атакованного войсками Мурманских сил. 1-я стрелковая дивизия (9 стрелковых полков, сведенных в 3 бригады) насчитывала в своем составе на 23 июля 18 740 человек, из них 9549 штыков,¹ что примерно соответствовало численности союзных и белых войск. Кроме того, не будем забывать, что красные занимали достаточно серьезные укрепленные позиции. На помощь подошли и красные финны, которые использовались в боях как главная ударная сила. Они и атаковали войска Мурманских сил при поддержке крупнокалиберных морских орудий красной Онежской флотилии.

Весь июль шли ожесточенные бои, в которых большую помощь белым и союзникам оказывали британское «Передовое крыло» гидропланов (4 новых «Фэйри» ПС и несколько устаревших «Шорт-184»), бомбивших и обстреливавших красные позиции, боевые корабли и Петрозаводск.² Использовалось и химическое оружие — ипритные бомбы, обнаруженные на складах в Архангельском порту, — в отличие от сухопутных сил союзная авиация использовала боевой, а не раздражающий, слезоточивый газ. Положение оставалось достаточно неустойчивым, шли упорные бои, и белые и союзные войска смогли переломить ситуацию в свою пользу только 3 августа, когда при поддержке Британской флотилии была взята Толвуя. Контратака красных силами в 800 человек была отбита гарнизоном из состава Олонецкого полка под командованием капитана Керсона. Эта атака показала, что красные ставят своей целью захватить Медвежью Гору.³

Успешно проходило формирование русских войск Мурманского фронта. Прорыв белых и союзников в более-менее населенные уезды Олонецкой губернии, население которых уже познакомилось со всеми «прелестями» большевистской политики, впоследствии названной «военным коммунизмом», позволил не только пополнить белые части, но и сформировать новые.

Русские войска получали и новую организационную структуру: создавались военные районы — оперативные соединения русских войск Северной

области. 1 июня был создан Мурманский военный район (Муррай). 6 июня, согласно приказу № 125 генерал-губернатора Северной области генерал-лейтенанта Миллера и приказа № 190 командующего русскими войсками Северной области генерал-майора Марушевского, в командование русскими войсками Мурманского района вступил Генерального штаба генерал-майор В. С. Скобелев.¹

Должность начальника Военного отдела Мурманского края упразднялась, Генерального штаба подполковник Костанди назначался в распоряжение нового командующего. Вскоре его вызовут в Архангельск, он будет повышен в чине до полковника и прославит себя тем, что бросит британский орден ни много ни мало в лицо Айронсайду в знак протеста против ухода англичан с Севера, а потом спланирует и лично проведет успешное наступление на Железнодорожном фронте, когда белые войска возьмут укрепленный район — станции Емца и Плесецкая. Личный состав Военного отдела поступил на формирование штаба командующего войсками Муррайона. Начальником штаба назначался полковник Архипов.²

На 9 июля 1919 г. русские части Мурманского района состояли из 2-го Северного стрелкового полка (размещался в Медвежьей Горе), Запасного батальона (в Масельской), 1-й отдельной легкой батареи (д. Люмбуши), 2-й отдельной горной батареи (ст. Уросозеро), 1-го отдельного Северного стрелкового батальона (в Повенце), Головного железнодорожного отряда (в Масельской) и Озерной флотилии (д. Люмбуши).³

Основа русских сил, 2-й Северный стрелковый полк, по временному штату, утвержденному генерал-лейтенантом Миллером 25 мая 1919 г., должен был иметь следующую структуру: штаб, 3 батальона по 4 роты, 3 батальонных пулеметных команды, команды: музыкантскую, комендантскую, связи, конных ординарцев, пеших разведчиков, нестроевую роту и чинов лазарета при штабе полка. Численный состав штат определял в 90 офицеров, 10 военных чиновников, 2540 строевых и 366 нестроевых чинов, то есть в полку должно было быть 3006 человек.⁴ Конечно, война вносила в штаты значительные коррективы, и реально 2-й полк северных стрелков, как и созданные по его образцу другие полки Мурманского района, имел 800-900 штыков, то есть солдат и офицеров, непосредственно ведущих бой (нестроевые на воен-

¹ РГВА, ф. 913, оп. 1, д. 47, л. 108 и об.; Очерки истории Карелии. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. Т. II. С. 109.

² Хайрулин М. А., Кондратьев В. И. Военлеты погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо, Яуза, 2008. С. 138–140.

³ Maynard C. M. P. 278.

¹ ГАМО, ф. р-566, оп. 1, д. 25, л. 25.

² ГАМО, ф. р-566, оп. 1, д. 25, л. 6 и об.

³ ГАМО, ф. р-566, оп. 1, д. 3, л. 36.

⁴ Дерябин А. Белая армия на Севере России 1918–1920 гг. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. С. 7–8.

ном жаргоне именовались «ложками»), 20 станковых и 56 ручных пулеметов, 20 винтовочных гранатометов, 2 37-мм орудия и 2 бомбомета (так привычно по-русски именовались английские 81-мм минометы Стокса).¹ Отдельная легкая батарея, ставшая основой русской артиллерии Мурманского военного района, по тем же временным штатам, имела на вооружение 6 французских 75 мм пушек и 12 ручных пулеметов «альюис»,² которые на севере на английский манер именовались «люизганами» или попросту «автоматами».

На Мурманской железной дороге появился бронепоезд, сформированный белыми моряками, — «морской вооруженный поезд № 2 имени адмирала Непенина»,³ который для краткости в войсках именовали «Бронепенин» и даже сочинили о нем песню. Поезд, вооруженный двумя 76,5-мм и одной 152-мм пушками, оказывал громадную помощь пехоте Murmansk Force.

За счет добровольцев и мобилизации населения в занятых районах командование русских сил Мурманской экспедиции начало создавать новые пехотные подразделения. 15 июля началось формирование 9-го Северного стрелкового полка, а 18 июля Отдельный Северный стрелковый батальон был развернут в 11-й Северный стрелковый полк.

О том, чего ожидала от новых русских частей белая гражданская власть, хорошо сказал погенгуб Ермолов, выступая перед мобилизованными на смотре в Сороке: «... Солдаты. Верните нам Русскую армию. Вы служили уже в ней и ее знаете, знаете ее доблесть, силу и славу. История Русской армии покрыта лаврами побед, ее знал, уважал и считался с нею весь мир. И мы, русские, ею гордились. Приползли змеи и отравили ее ряды ядом измены. Она бросила свои позиции, распалась, разбежалась, исчезла. То, что осталось по ту сторону фронта, — банда разбойников. Вы пойдете на юг и чем дальше, тем больше вы будете слышать от местных жителей, от местных крестьян, чего они натерпелись от красноармейцев. Не стало Русской армии, не стало Русской силы. Россию рвут на части и злобно лягают те, кто так недавно ею жил и кормился. Солдаты. Верните нам Русскую армию, верните нам Русскую силу. Дай Бог вам успеха в вашей святой борьбе за счастье и свободу Великой России».⁴ Увы, эти слова актуальны и почти через сто лет.

Эти войска при присоединении к ним союзных подразделений, сформиро-

¹ Хропов И. Н. Советская Карелия в борьбе за красный Петроград // Карело-Мурманский край. 1929. № 11–12. С. 26.

² Дерябин А. Белая армия на Севере России 1918–1920 гг. С. 9.

³ ГАМО, ф.р-45, оп. 1, д. 15, л. 59 об.

⁴ Мурманский вестник. 1919. 18 июня.

Сербский взвод

ванных из российских подданных, были вполне способны, по мнению командования, удержать фронт даже после эвакуации союзников. Очень скоро они убедительно продемонстрировали свои боевые качества.

В начале августа был взят Кивач. Но успешное наступление было внезапно осложнено событиями, произошедшими за сотни верст от Мурманского фронта, на онежском направлении.

20 июля в с. Усолье, в 21 км от Чекуево, где находился штаб 5-го Северного стрелкового полка, восстала 2-я рота этого полка, подстрекаемая 11-ю солдатами во главе с большевистским агитатором Щетининым. Рота арестовала двух прапорщиков и двинулась в Чекуево. Ничего не подозревавший командир полка, полковник Михеев, был захвачен в плен. Строевых частей в Чекуево не было, и восставшие легко захватили штаб. По телефону сообщение о восстании было передано другим подразделениям 5-го полка. Мятеж охватил весь полк. Часть офицеров защищалась в избах до последнего патрона. Не получив помощи, они покончили с собой, как, например, командир батареи капитан Мациевич.¹ Других офицеров просто убили на месте. Всего погибло девять русских и пять английских офицеров. Восставшие пленили англичан: полковника Эндрюса, лейтенантов Смита и Кинга, 18 солдат.²

Из Чекуево на пароходах восставшие поднялись вверх по реке Онеге и захватили город Онегу. Вторая группа под видом «пополнения» спустилась вниз по реке до Клещево, где устроила засаду. В нее попал возвращавшийся

¹ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 16, л. 60.

² Щетинин В. Восстание в 5-м Северном полку // В боях за Советский Север. Архангельск: Кн. изд-во, 1957; Александрович В. К познанию характера гражданской войны: бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 г. Белград, 1926; Марушевский В. В. Год на Севере. С. 328.

из разведки добровольческий отряд прапорщика Матвея Махнова, опытного фронтового разведчика еще в Мировую войну, хорошо известного красным своими дерзкими поисками и налетами.

Падение Онеги означало разрыв белого Северного фронта: рухнула связь между архангельским и мурманским направлениями. Образовался разрыв в 225 км между Мурманским фронтом и Белым морем.¹ Левый фланг Мурманского фронта остался без прикрытия, что грозило ударом во фланг и тыл. Союзное и белое командование смогло прикрыть опасное направление только немногочисленными партизанскими отрядами. Попытка партизан полковника Вудса, усиленных белой ротой, 1 августа взять Онегу штурмом не удалась, но своими активными действиями партизаны парализовали попытки красных атаковать.²

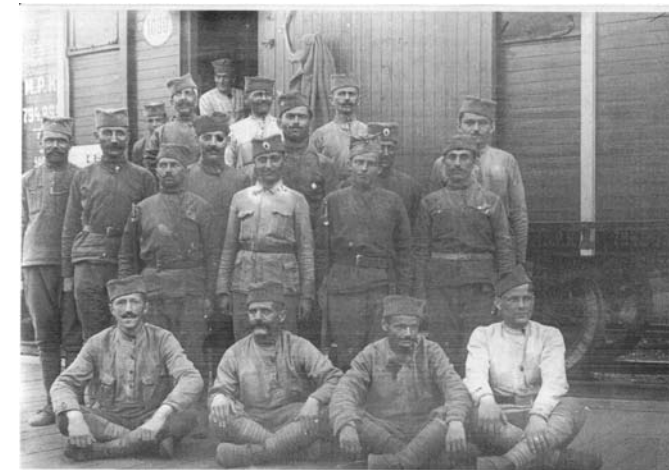
Активность партизан, в том числе и составленного из них 1-го отдельного Северного батальона полковника Круглякова, сосредоточенного в Повенце и Воймосалми,³ и сербский гарнизон в деревне Нюхча помогли союзникам и белым продержаться до того времени, когда добровольцы белой «Волчьей сотни», высадившись десантом, 30 августа взяли Онегу и сняли опасность удара в тыл Мурманского фронта.

После взятия Каппесельги и Шуньги Мейнард видел своей целью перерезать коммуникации красных войск, измотать красных, чтобы не допустить срыва готовящейся эвакуации союзников. Активность на фронте должна была дать белому командованию время для формирования новых частей и постепенно втянуть их в боевую работу.⁴

14 сентября ознаменовалось последним успехом частей объединенных Murmansk Force в Карелии — красные были выбиты из Лижмы. До Петрозаводска оставалось 50 километров.⁵

Упорные бои развернулись и на водах Онежского озера, куда для поддержки сухопутных частей был по железной дороге переброшен дивизион белых «истребителей», т. е. легких пограничных сторожевых судов в 7 единиц (вооружение — по две 47-мм или 57-мм пушки и два пулемета) и 10 катеров (1 пушка и пулемет). Флотилию дополнили два буксира с 75-мм пушками.⁶ Экипажи состояли из флотской молодежи, которая настолько соскучи-

Сербь

лась по своей прямой работе, что незадолго перед этим требовала от командования отправки на Восточный фронт для формирования сибирских речных флотилий.¹ Теперь молодые мичманы и лейтенанты, поступившие под командование капитана II ранга А. Д. Кира-Динжана, получили возможность показать себя в бою на воде и, надо сказать, действовали они весьма успешно, значительно усилив английскую флотилию лейтенанта Стенхауза.

Английская флотилия насчитывала вначале то ли 4, то ли 5 сторожевых катеров, найденных в Мурманске. Затем из Архангельска прибыло еще 12 катеров, вооруженных трехфунтовыми пушками и пулеметами, а потом еще 6 быстроходных катеров. Еще два катера с экипажами направил во флотилию американский адмирал Мак Кулли. Лейтенанту командовать такой многовымпеловой «армадой» было уже не по чину, и в командование вступил командер (чин, соответствующий русскому капитану II ранга) Кертеис. В итоге онежские озерные боевые силы приобрели к началу июня следующий вид: Британская флотилия имела в своем составе 8 быстроходных катеров, вооруженных пушками и пулеметами, Русская флотилия имела 4 катера с пушечным вооружением и 2 — только с пулеметным, а Транспортный дивизион включал 6 катеров (5 моторных и 1 паровой).²

Красные развернули на Онежском озере сильную флотилию — 8 канонерских лодок, 3 минных заградителя, 12 сторожевых и свыше 20 вспомогательных судов, — базировавшуюся на Петрозаводск, Лодейное Поле и Но-

¹ Maynard C. M. P. 289.

² Барон Н. Король Карелии. С. 156–158.

³ Maynard C. M. P. 291.

⁴ Maynard C. M. P. 279–280.

⁵ Army. The Evacuation of North Russia. P. 36–37; Maynard C. M. P. 283–284.

⁶ Пухов А. С. Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.). М.: Воениздат, 1958. С. 103.

¹ Кадесников Н. З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. М., 1993. С. 32–33.

² Maynard C. M. P. 283–284.

вую Ладогу. Красные корабли обладали подавляющим превосходством в артиллерии (10 75-мм, 4 100-мм и 2 180-мм орудия).

Калибру красных пушек белые и союзные моряки противопоставили скорость катеров, меткость стрельбы, лихость, которой всегда славился русский флот, и выучку моряков Королевского флота.

Англичане открыли боевые действия 8 июня. Обосновавшись на своей базе в с. Шуньга, и белая флотилия с 29 июня развернула активные боевые действия против красных.

3 августа три катера, возглавляемые катерной маткой «Светлана», приняли бой с тремя красными кораблями, нанесли им повреждения, бронекатер заставили выброситься на берег, а пароход «Сильный», вооруженный двумя 75-мм пушками и 37-мм зениткой, захватили в плен. Почин был продолжен лихой атакой катеров, действовавших совместно с авиацией в Повенецком заливе, где красная флотилия понесла серьезный урон.

18 августа белые организовали успешный налет на главную базу противника — Петрозаводск.

Флотилия высаживала десанты в Кузаранде и Пудожской Горе, угрожая Петрозаводску, но в этот момент англичане начали отход на эвакуацию. Правда, успехи в озерной войне были отмечены белым командованием — командующий русской флотилией А. Д. Кира-Динжан был повышен в чине до капитана I ранга, а затем награжден орденом Святого Георгия 4 степени.¹ Среди других офицеров, как русских, так и британских, орден Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом получил «за боевые отличия» командер Кертеис.² Но это был уже прощальный жест воинской вежливости...

Морские союзники, как и сухопутные, вышли из боя и начали концентрироваться в тылу, а затем отходить к порту погрузки, в Мурманск. 29 сентября союзники оставили Кемь, к 1 октября были уже к северу от Кандалакши, а 12 октября, прикрываемые сербским батальоном,³ покинули Мурманск.⁴

Эвакуация резко осложнила положение белых войск Мурманского военного района, возглавляемых генерал-майором В. С. Скобелевым: численность группировки, дерущейся против красных, сокращалась наполовину (на фронте оставалось всего до 6–7 тыс. человек, по большей части новобран-

цев, при двух полевых батареях¹), терялось имевшееся до этого превосходство в технике (из 20 гидропланов, например, оставалось всего 6). Красная 1-я стрелковая дивизия, наоборот, пополнилась новыми бойцами, сняла опасность своему левому флангу со стороны белых финнов и, главное, была воодушевлена победой над белыми финнами — «олонецкими добровольцами».

25 сентября 1919 г. красные силой в 2000 штыков при 37 пулеметах и 5 орудиях перешли в наступление. Белые части, деморализованные уходом союзников, не смогли использовать некоторое численное и техническое преимущество (у них было 2500 штыков, 55 пулеметов, 10 орудий, бронепоезд и 6 самолетов). Высадившиеся с фланга десанты вынудили белые части к отходу.

26 сентября красные взяли Лижму, но это был их последний успех — белые остановили натиск.

Белая озерная флотилия к этому времени была вынуждена свернуть свою боевую работу: на Онежское озеро через систему каналов прошли красные миноносцы, бороться с которыми белые катера не могли. Красные сняли непосредственную угрозу Петрозаводску, но на большее сил у них не хватило.² Фронт на мурманском направлении встал до февраля 1920 г.

Позиционная война была использована командованием Мурманского военного района для совершенствования структуры белых войск и разворачивания новых подразделений.

Пехоту — основной род войск Гражданской войны на Севере — составляли 2-й Северный стрелковый полк (с добровольческим ядром), 9-й Северный стрелковый полк (из добровольцев, переведенных из 2-го Северного полка и мобилизованных), 11-й Северный стрелковый полк (в его составе были мобилизованные и пленные), 12-й Северный Олонецкий стрелковый полк (27 августа переименован из Славяно-Британского Олонецкого полка³), 13-й Северный стрелковый полк (сформирован в сентябре из мобилизованных и пленных). Рядовой состав войск Мурманского военного района готовил Запасный батальон.

Северные стрелковые полки начали сводить в более крупные соедине-

¹ Вестник Временного правительства Северной области. 1919. 30 нояб.

² Там же. 1919. 12 сент.

³ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 26, л. 168.

⁴ ГАМО, ф. П-102, оп. 2, д. 29, л. 61.

¹ Maynard C. M. P. 294.

² РГВА, ф. 188, оп. 5, д. 8, л. 86–87; 93–96; Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Поучительный урок. С. 152–154; Безпальчев К. Флот и берег в опыте Онежской флотилии // Морской сборник. 1927. № 11–12. С. 3–10.

³ Дерябин А. Белая армия на Севере России 1918–1920 гг. С. 9.

ния — бригады. С 21 июля 1919 г. 2-й и 9-й Северные стрелковые полки составили 5-ю Северную стрелковую бригаду (начальник — генерал-майор В. И. Клименко), а 11-й и 12-й Северные стрелковые полки с 27 августа вошли в 6-ю Северную стрелковую бригаду (начальник — генерал-майор Иванов¹). Затем в 5-ю бригаду включили 12-й Северный Олонецкий стрелковый полк,² а 13-й подчинили ее начальнику «во всех отношениях».³ Такое усиление 5-й бригады было вызвано тем, что она защищала самый важный участок фронта. Штаб ее размещался там же, где и штаб командующего — в Медвежьей Горе.⁴ Штаб 6-й бригады находился в Повенце.⁵

Зимой командование считало нецелесообразным держать моряков, которые сошли на берег, в деморализующем безделье. Тем более что пехоты все равно не хватало. Поэтому моряки начали пополнять пехоту Муррайона: из них была сформирована Морская десантная рота, а из Архангельска на Мурман была переброшена Морская пулеметная рота (240 чинов при 13 пулеметах).

Отряд особого назначения готовился к рейду на Петрозаводск.

Артиллерия Мурманского военного района была сведена в артиллерийские дивизионы: 6-й Северный отдельный артиллерийский дивизион (1 батарея была вооружена легкими полевыми орудиями, 2 и 3-я — горными), 7-й Северный отдельный артиллерийский (иначе гаубичный) дивизион (имел 3 батареи, 2-я была вооружена 18-фунтовыми английскими гаубицами), 8-й Северный отдельный артиллерийский дивизион, 1-й и 3-й Северные отдельные горные артиллерийские дивизионы (в 3 горные батареи).⁶

Были созданы и технические части: 2-й Северный автомобильный дивизион (в его состав к февралю 1920 г. был включен Броневой отряд).⁷ Удалось создать белую авиацию. В ее состав вошли Авиационный дивизион Мурманского района⁸ (6 гидросамолетов «Фейри» ШС, 3 летающие лодки Григоровича М-9, 8 разведчиков «Авро»⁹) и Сухопутный авиационный разведывательный отряд.¹⁰

¹ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 7, л. 187.

² ГАМО, ф. 48, оп. 1, д. 1, л. 134.

³ ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 1, л. 118.

⁴ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 15, л. 8 об.

⁵ Там же.

⁶ ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 1, л. 13, 77, 109, 111, 120 об, 137.

⁷ ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 1, л. 134 об, 7.

⁸ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 26, л. 194, 228 об.

⁹ Куликов В. Славяно-британский авиакорпус на Севере России // Авиамастер. 1999. № 1. С. 9.

¹⁰ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 26, л. 297.

На Мурманской железной дороге действовали 3 бронепоезда: Морской вооруженный поезд имени адмирала Непенина (им командовал капитан Пранга А. М. Леман), 1-й и 2-й блиндированные поезда.

Инженерные войска включали: 4 полевые инженерные роты, 2-й отдельный рабочий батальон Северного фронта, испытательную роту при 2-м батальоне (в нее направлялись «за дурное поведение» стрелки и рядовые действующих частей), 6 отдельных рабочих рот, рабочую роту военнопленных, рабочую роту станции Кемь.¹

Связь, столь необходимую в условиях северного театра военных действий при громадных расстояниях и скверных путях сообщения, поддерживали Отдельная телеграфная рота, Почтово-телеграфное отделение при штабе командующего войсками Мурманского района и главные радиостанции.²

За работоспособным состоянием Мурманской железной дороги — главного пути снабжения фронта — следили Головной железнодорожный отряд, 1-я Северная железнодорожная рота, Отдельная Северная железнодорожная рота Мурманского района, 1 и 2-й дорожные взводы.³

«Мурманку» охраняли 1 и 2-я отдельные роты охраны Мурманской железной дороги.

Регулярные части поддерживались белыми партизанами. В районе Сорока-Онега действовали отряды под командованием подполковника Паркова. 1-й и 2-й партизанские отряды действовали на пудожском направлении.

Для помощи армии из граждан, не подлежащих призыву на военную службу по мобилизации, было создано Национальное ополчение Северной области. Первоначально служба в нем была добровольной (в Мурманском крае предшественником, а затем и ядром ополчения была национальная организация «За Русь святую»⁴), но затем стала обязательной. Саму мобилизацию в данное формирование всего пригодного мужского населения от 17 до 50 лет включительно Временное Правительство Северной области рассматривало «в виде исключительной меры (...) в виду необходимости усилить численный состав Национального ополчения Северной области».⁵

В Мурманском военном районе работа по созданию ополчения началась 30 июля в Мурманске, а уже 13 августа Мурманская рота вышла на первое

¹ ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 1, л. 149, 151, 251; ф.р-566, оп. 1, д. 7, л. 349.

² ГАМО, ф.р-48, оп. 1, о. 1, л. 113; ф.р-54, оп. 1, д. 22, л. 7 об, 14; ф.р-566, оп. 1, д. 8, л. 188.

³ ГАМО, ф.р-48, оп. 1, д. 1, л. 138, 190; ф.р-566, оп. 1, д. 2, л. 1, 20; д. 7, л. 200; д. 8, л. 148.

⁴ Мурманский вестник. 1919. 10 апр.

⁵ РГА ВМФ, ф.р-129, оп. 2, д. 11, л. 286 об.

учение. Рота получила на вооружение 150 винтовок, 2 «льюиса» и 6000 патронов.¹ В августе 1919 г. вслед за Мурманской были сформированы, Кемская, Сорокская, Кондинская, Масельская, а с 20 сентября — Повенецкая роты Национального ополчения. В ноябре роты были сведены в дружину Национального ополчения. Командирами дружины в Муррайоне были полковники Таубе, Мясоедов и Стеценко.² На 1 декабря численность Национального ополчения «от станции Мурманск до Медвежьей Горы» выглядела так: 720 человек по списку, налицо — 644.³

Несмотря на то, что ополченцы должны были нести караульную службу и поддерживать общественный порядок («караул, дозор, патруль»),⁴ они зачастую привлекались и к участию в боевых операциях, особенно против красных партизан. Несли ополченцы и охрану лагерей и тюрем, в том числе и Йоканьгской. Во время февральского восстания 1920 г. в Мурманске именно ополченцы до последнего защищали белую власть от преступившей присягу Александровской уездной комендантской команды.

Комендантские управления и комендантские команды при них отвечали за внутренний порядок в тылу. Подчинялись они начальнику Архангельской местной бригады. В Муррайоне комендантская служба выглядела следующим образом: Управление Александровского уездного коменданта и Александровская уездная комендантская команда (225 человек, из них — 3 офицера, 1 фельдфебель, 12 унтер-офицеров, 7 ефрейторов); Управление Кемского уездного коменданта и Кемская уездная комендантская команда, Кемская охранная рота при начальнике гарнизона; Управление Повенецкого уездного коменданта и Повенецкая уездная комендантская команда; Управление Петрозаводского уездного коменданта и Петрозаводская уездная комендантская команда; Управление Олонецкого уездного коменданта и Олонецкая уездная комендантская команда.

Поддержанием уставного порядка занималась Особая рота военной милиции, взвод военной милиции в 40 человек под командованием прапорщика Палатина находился в Мурманске.

Милиция по охране Мурманской железной дороги (по штату — 96 человек) охраняла главную магистраль края. Интересно, что белая милиция Се-

верной области носила как знак отличия красные повязки¹ (вероятно, в соответствии с традициями императорской Русской армии, в которой красные повязки полагались комендантским командам).

Военному командованию подчинялись через комендантов, которым придавались части охраны, лагеря и тюрьмы: Центральный лагерь военнопленных (в подчинении коменданта тыла Мурманского района), лагерь военнопленных при Повенецком уездном коменданте, военная тюрьма на о. Торос,² Йоканьгская военная тюрьма, Александровская уездная тюрьма (п. Дровяное), Городской Арестный дом в Мурманске, арестные дома, уездные тюрьмы, гарнизонные гауптвахты.

Вспомогательные части включали противопожарную команду Кольского района, 1-й и 2-й конные транспорты, Собачий транспорт.³

С нуля было поднято интендантство — англичане до самого последнего момента не допускали русских офицеров к вопросам снабжения. Его удалось наладить и создать, используя английское «наследство» и собственный опыт, систему складов — от продовольственных до аптечных, и наладить транспорт.

В Муррайоне были созданы и учебные подразделения: Школа подготовки офицеров при Запасном батальоне (иначе — «Школа прапорщиков»; Мурманский район, ст. Масельская; заведующий школой — полковник Соколовский)⁴ и Учебная команда 2-го Северного стрелкового полка в Мурманске.

На службе находились иностранные добровольцы: Отряд датчан-добровольцев в Мурманске в 65 человек, командир — лейтенант Деен, и английские летчики — капитан Гровс (Авиационный дивизион Мурманского района), лейтенанты Вуд и Маршалл.

В состав войск входила Флотилия Онежского озера,⁵ которая подчинялась начальнику 5-й Северной стрелковой бригады⁶ (командующий флотилией — капитан I ранга А. Д. Кира-Динжан) в составе Команды истребите-

¹ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 3, л. 52 и об.

² Хропов И. Н. Генерал Марушевский об интервенции на севере в 1919 году // Карело-Мурманский край. 1930. № 1. С. 33.

³ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 19, л. 1 и об.

⁴ Мурманский вестник. 1919. 18 окт.

¹ ГААО, ф. 2834, оп. 1, д. 31, л. 106.

² ¹ ГАМО, ф. р-566, оп. 1, д. 7, л. 127.

³ ГАМО, ф. р-48, оп. 1, д. 1, л. 134 и об.

⁴ Выпуск состоялся 13 января 1920 г. Выпущено в войска в звании зауряд-прапорщика — 51 чел., в том числе один — с Онежской флотилии. Выпускные экзамены принимал лично командующий войсками Мурманского района генерал-майор Скобельцын (ГАМО, ф. р-48, оп. 1, д. 1, л. 121 и об.)

⁵ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 1, л. 156 об.

⁶ ГАМО, ф. 48, оп. 1, д. 1, л. 134.

лей (находилась в Мурманске; начальник — лейтенант Астафьев¹) и Команды Катеров (начальник — лейтенант Державин).

Морские силы были представлены теми кораблями, которые не были в 1919 г. переведены в Архангельск. В 1919 г. на море действовал «отряд судов для военно-морской цели и охраны промыслов»: эскадренные миноносцы «Бесстрашный» и «Капитан Юрасовский», посыльное судно «Ярославна», тральщики «Т-15» и «Т-23» и катер «Гласный».² По окончании навигации эти корабли остались в Мурманске. В Мурманске же находилась и морская Служба связи Северного района в составе Команды связи и роты Службы связи. Связисты работали на радиостанции «Горелая» (она находилась на сопке Горелая гора), а рота охраняла станцию и несла караул на постах — рейдовом и «Белокаменная».³

За кампанию 1919 г. ни белые, ни красные не сумели выполнить задачи, которые они поставили перед собой. Но разгром основных фронтов белой борьбы неизмеримо усиливало в перспективе силы красных на Севере. Время работало на них.

Повторюсь, эвакуация союзных сил поставила белые сухопутные и морские силы Северного фронта в крайне тяжелое положение. Численность противобольшевистских войск уменьшалась в два раза, но заканчивалось и более-менее организованное снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием.⁴ К зиме сложилось катастрофическое положение с углем, а ведь главная база снабжения фронта, Мурманск, была связана с фронтом только железной дорогой, на которой из-за отсутствия угля вставляли паровозы.

Людские резервы Северной области были вычерпаны до дна. По призыву властей⁵ в армию ушли последние добровольцы, в том числе «малолетние добровольцы» батальона имени генерала Айронсайда и мурманские бойскауты, для которых придумали даже специальное воинское звание — «солдаты-подростки». Правда, в бой их не посылали, они служили при штабах в странно звучащей должности «мальчиков при штабе».⁶

За 1918–1919 гг. мобилизовали вообще все призывные годы, начали брать в армию уже и 19-летних (призывной возраст был по закону 21 год).⁷

¹ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 7, л. 213.

² РГА ВМФ, ф.р-129, оп. 2, д. 11, л. 56 об.

³ ГАМО, ф.р-54, оп. 1, д. 22, л. 11–12, 14 об.

⁴ Марушевский В. В. Год на Севере. С. 335.

⁵ Мурманский вестник. 1919. 6 сент.

⁶ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 26, л. 160, 183 об, 311; оп. 1, д. 27, л. 42, 292; оп. 1, д. 2, л. 171.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф.-136, оп. 1, д. 209, л. 15.

Проредили тыловые подразделения, на фронт пошли милиционеры и чины комендантских команд, что значительно ослабило контроль белого правительства над тылом.

В армию мобилизовали даже саамов¹ и трудников Соловецкого монастыря. В переписке с настоятелем монастыря архимандритом Вениамином начальник Архангельской местной бригады полковник Кашуба объяснял призыв в войска экипажа монастырского парохода «Михаил Архангел» тем, что «большая надобность в обороне Северной области заставляет прибегать к истощающим мерам для увеличения числа защитников родины».² Эти слова могли бы стать грустной характеристикой чрезвычайных усилий белой власти для пополнения тех малых сил, которыми она стремилась удержать громадные северные пространства.

Сложное финансовое положение и недостаток времени не позволили реализовать планы набора добровольцев за границей. Все планируемые подкрепления на практике обернулись мелкими отрядами шведов, англичан, датчан и бельгийцев;³ самым крупным из них был Датский легион (всего 240 человек). Это было маловато для «интервенции в «добровольческой» форме», как назвал эту вынужденную политику профессор В. И. Голдин.⁴

Очень тревожно было в тылу. Временное Правительство Северной области не могло контролировать всю территорию, формально находящуюся под его юрисдикцией.

Это касалось и Мурманского края. Пользуясь эвакуацией союзников, активизировали свои налеты и диверсии красные партизаны. Широкий размах приняло уклонение от мобилизации (здесь особенно отличились Умба и Тетринская волость, где в «уклонистах» ходило 105 человек⁵) и прямое дезертирство.⁶ Дело дошло до того, что Филиппов, начальник уездной милиции в Умбе, потребовал от властей прислать отряд «для расправы на месте».⁷

Оживились и сторонники независимой Карелии, которых так энергично поддерживал и вооружал «король Карелии» Вудс. В Ухте с лета 1919 г. действовало Временное Карельское правительство (Тоймикунта), враждебное как белым финнам, так и белым русским. Оно требовало самоопределения карел, живших к западу от Мурманской железной дороги. Карельские сепар-

¹ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 7, л. 335.

² ГАМО, ф. 48, оп. 1, д. 2, л. 97.

³ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 167.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ ГАМО, ф. 237, оп. 1, д. 37, л. 125.

⁶ ГАМО, ф.р-566, оп. 1, д. 7, л. 334.

⁷ ГАМО, ф. 237, оп. 1, д. 37, л. 153.

ратисты срывали белые мобилизации еще летом 1919 г. Вооруженные силы «кареляк», как их без всякого почтения называли русские, насчитывали всего сотню бойцов из дезертиров, но попытка силой подчинить Ухту не удалась: в декабре 1919 г. карелы с помощью предательства взяли в плен карательную экспедицию правительственного комиссара Кемского уезда барона Тизенгаузена, выступившую на Кестеньгу.¹

Военный успех так воодушевил сепаратистов, что они потребовали от прибывшего к ним на переговоры генерала Ключева немедленного вывода русских войск с территории к западу от Мурманской железной дороги, права пользования ею и объединения Карелии. Доложить об этом Ключев успел, но принять меры Главком Миллер уже не смог — Мурманский фронт рухнул.²

Успешнее были действия против красных партизан. Но положение осложнилось следующим обстоятельством: особый отряд, вышедший в экспедицию на Умбу на пароходе «Юшар» при поддержке миноносца в октябре 1919 г., возглавил подполковник И. Ф. Судаков, имевший за плечами богатый опыт службы в тюремной и каторжной охране, в том числе и на Нерчинской каторге, о суровом режиме которой ходили легенды.³ Этот офицер отличался крайней жестокостью, впоследствии он печально «прославился» на должности начальника тюрьмы в Иоканьге. В своем приказе от 16 октября 1919 г. Судаков пригрозил отказывающимся от мобилизации жителям Кузоменской и Тетринской волостей (а их насчитывался чуть ли не батальон, 300 человек) арестовать виновных и предать их особому военному суду, сжечь дома, а семьи уклоняющихся выслать через фронт «в распоряжение красных банд». «За укрывательство же разбойников, бродящих в лесах, виновные будут расстреливаться без суда».⁴ Слова Судакова («я шутить не буду») не разошлись с кровавыми делами: после террора, обрушившегося на Кандалакшу, особый отряд сжег деревню Кольвица, расстрелял пленных партизан в Княжей Губе и насильственно («арестом») мобилизовал крестьян.⁵ Вряд ли эта жестокость добавила уважения и доверия к белой власти, а с учетом того, что мобилизованные таким способом крестьяне поступили на пополнение Алексан-

дровской уездной комендантской команды, февральское восстание которой обернулось падением белой власти на Мурмане, неоправданная жестокость судаковского отряда имела самые фатальные последствия.

В довершение всех бед, пользуясь тем, что силы Мурманского военного района были сосредоточены против большевиков, удар в спину белым русским нанесли белые финны. 9 февраля 1920 г. их отряд в 2000 бойцов с громадным обозом, «как на лошадях, так и на оленях», захватил Печенгу. Среагировать на эту агрессию белые уже не смогли — не успели.¹

Гражданское население Северной области жило трудно. Остро стоял продовольственный вопрос, «штатский» паек не был достаточен для жизни на Крайнем Севере, хотя и выдавался регулярно² (чем не могла похвастаться Советская республика), и население питалось в основном рыбой. Массовым заболеванием стала цинга; чесотка и особенно смертоносный грипп-«испанка» из-за отсутствия медикаментов превратились в проблему для слабой северной медицины.³

Обычным делом стала невыплата жалованья,⁴ иной раз по три месяца.⁵ Мобилизации еще более проредили и без того малочисленное население, и для работ вместо мужчин гражданскими властями все чаще привлекались женщины, «иногда находившиеся на последнем месяце беременности»,⁶ причем на обслуживании транспортов — на погрузке и разгрузке.

Неудивительно, что население области впадало в апатию, оно устало от войны и, не чувствуя элементарной заботы власти о своих насущных нуждах, не желало нести лишения ради ее защиты. Белая власть не смогла стать для Русского Севера «своей», и, плохо представляя режим «пролетарской диктатуры», часто по извечной людской тяге к новому, иные горожане и крестьяне связывали надежды на лучшее с приходом большевиков, тем более что те не жалели средств на пропаганду, сочетая критику местной власти (а точнее, местного безвластия, т. е. произвола некоторых гражданских и воинских начальников) с угрозами и посулами.

Обстановка властно требовала от генерала Миллера и его штаба решительных мер по мобилизации тыла и подготовки вариантов спасения армии

¹ Сюкияйнен И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск, 1948. С. 125.

² Безбрежьев С. Миссия генерала Ключева // Север. 1993. №7. С. 119–131.

³ Макаров Н. А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918–1920 гг. С. 322.

⁴ ГАМО, ф. 237, оп. 1, д. 37, л. 118–121.

⁵ ГАМО, ф. П-102, оп. 1, д. 11, л. 165.

¹ РГА ВМФ, ф. р-129, оп. 1, д. 24, л. 96, 101.

² ГАМО, ф. 282, д. 6, л. 125.

³ ГАМО, ф. р-8, д. 43, л. 27–28.

⁴ ГАМО, ф. р-38, д. 38, л. 55; ф. р-8, д. 38, л. 12.

⁵ ГАМО, ф. р-8, д. 43, л. 30; д. 38, л. 56.

⁶ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 4, л. 23.

и лояльных к белой власти граждан в случае возможного наступления превосходящих сил РККА (после поражения белых на Юге и Востоке значительное усиление 6-й красной армии было неизбежным). Увы, командование проявило в этом деле непростительную небрежность.

После решения Миллера о продолжении борьбы на Северном фронте, принятого на совещании командного состава Северного фронта 10 августа, в окружении Главнокомандующего был выдвинут план отхода белых войск и их сторонников на Мурманский фронт как наиболее надежный и боеспособный. Это позволило бы сократить фронтовую линию и, следовательно, увеличить способность войск к отпору, обеспечить порядок в тылу, который составил бы в глубину всего 800 верст. Незамерзающий Мурманский порт позволял бы держать надежную связь с Англией по морю. Оперативные линии на Петрозаводск и Званку позволяли оказать реальную помощь антибольшевистским силам на Северо-Западе, т. к. откат колчаковцев на Восток делал бессмысленным движение на Вятку по Северной Двине. Планомерный отход на Мурманск, эвакуация продовольственных и оружейных складов, увод белых морских сил оставляли большевикам голую Северную Двину и пустой Архангельск, а население могло изживать большевизм «в порядке естественного процесса».¹ Активным сторонником этого плана был полевой прокурор северных войск С. Ц. Добровольский. Его всецело поддерживало военное руководство Мурманского военного района. Но если начальник Мурманского края Ермолов лояльно просил Главнокомандующего перенести, «пока не поздно», центр управления в Мурманск или Кемь, откуда можно «управлять и Архангельском, не подчиняясь настроениям его толпы»,² то Комурай генерал-майор Скобельцын с солдатской прямоотой заявил, «что прибытие наших войск в порядке планомерной эвакуации будет радостно приветствоваться Мурманом, но бегство туда с внесением паники будет встречено огнем артиллерии и пулеметов!»³

Все эти разумные предложения существенных последствий не имели. Главнокомандующий не считал возможным уходить на Мурманский фронт без натиска неприятеля,⁴ т. е. инициатива передавалась в руки противника.

¹ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. II. Архангельск, 1993. С. 68; Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. II. Архангельск, 1993. С. 310—311.

² ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 40, л. 5.

³ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 70.

⁴ Там же. С. 69—70.

У Миллера не хватило главной генеральской добродетели, по мнению А. В. Суворова, — мужества — для принятия, быть может, спасительного для армии решения. Армия была принесена в жертву территории.

Дело ограничилось штабной бумагой — планом отхода, автором которого был начальник штаба Главкома генерал М. Ф. Квевцинский. План бросал на произвол судьбы белые полки на Печоре, Пинеге и Мезени (командирам в этом случае предоставлялись права командиров отдельных корпусов — в утешение, надо полагать). Выводимые на Мурманский фронт части архангельского направления, разделенные между собой громадными расстояниями (между Северо-Двинским и Железнодорожным боевыми участками было 100 верст), должны были (под ударами противника! имея в рядах полков массу мобилизованных и красноармейцев, явно ненадежных при отступлении!) совершать сложный фланговый марш, причем части Северо-Двинского района должны были пройти 735 верст, а Железнодорожного — еще больше,¹ по дороге, которая существовала только на карте, т. к. разведка показала, что рекомендованный штабом для отхода тракт занесен снегом в сажень толщиной.

Немудрено, что фронтовое командование стало разрабатывать свои планы отхода, т. е. важнейшее дело превращалось в ряд частных операций по принципу «спасайся, кто может».²

В Мурманске гражданское руководство почти ничего не сделало для подготовки эвакуации. Более того, из Архангельска в Мурманск перевели матросов, тут же занявшихся не только большевистской пропагандой, но и подготовкой восстания,³ а большую часть надежного Датского легиона (так его называли белые, но именно эта часть состояла из шведов, получивших боевой опыт во время похода войск Северо-Западной добровольческой армии на Петроград) отправили в Архангельск. «Эвакуационный диктатор» Мурманского края доктор В. А. Белиловский создал внушительную по штатам и жалованию эвакуационную комиссию, практическая деятельность которой свелась к вставлению стекол в окна брошенных «союзниками» барачных и подготовке эвакуации своего шефа, занятого, помимо прочего, борьбой с эпидемией гриппа. Грипп стал настоящей катастрофой для белого фронта

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 262; Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. II. Архангельск, 1993. С. 390.

² Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 158.

³ РГА ВМФ, ф. р-129, оп. 1, д. 19, л. 500.

и тыла. Смертельную болезнь могли лечить только одним способом — вы-давать заболевшим немного красного вина.

Не было единства и в офицерском корпусе. Фронтовое офицерство было очень резко настроено против штаба, который обвинялся в нераспорядительности (как видим, по вполне конкретным делам) и чуть ли не в предательстве. В то же время штабные герои тыла не устали провоцировать конфликты с эсеровскими общественными деятелями, вплоть до выдвижения броневики к редакции газеты «Возрождение Севера», подготовки убийства ее редактора А. А. Иванова и покушения на А. И. Гулькевича, городского голову Архангельска (стрелявших в него так и не нашли). Эти акции, наглядно демонстрировавшие неспособность (или нежелание) главного командования навести порядок в тылу, усугубляли тяжелое положение власти и отбрасывали ранее лояльных социалистов в резкую оппозицию. Надо заметить, социалисты вообще считали своими врагами не столько большевиков, сколько «контрреволюционное офицерство», а бывший министр-председатель Временного Правительства А. Ф. Керенский вообще попытался из эмиграции развернуть в тылу белых подпольную работу против «реакционных» белых, в первую очередь опираясь на меньшевиков и эсеров.

Они и не преминули развернуть яркую дележку власти на 5-й сессии Архангельского губернского земского собрания, открывшегося 3 февраля 1920 г. Подводя итог выступлению, председатель земской управы П. П. Скоморохов заявил, что после ухода «союзников» «мы снова оказались в завоеванной стране. Аресты, расстрелы, произвол — вот наши завоевания».¹ Тем не менее, земцы вновь пошли на компромисс с белым командованием, и в результате было принято решение формирования нового правительства.

Но уже 10 февраля «сильная демократическая власть, авторитетная в глазах населения» передала свои полномочия Главнокомандующему Е. К. Миллеру — обстановка на фронте стремительно ухудшалась, чему немало способствовали раздоры в руководстве Северной области.

Таким образом, удар красной 6-й армии пришелся по войскам Северной области в период их крайней моральной неустойчивости. Красные части находились после летней кампании 1919 г. совсем не в блестящем состоянии: красноармейцы традиционно поголаживали (как достижение отмечалось создание перед наступлением двухнедельного запаса продовольствия и фуража),² страдали от недостатка не только теплой одежды, но и одежды

и обуви вообще.¹ Об этом прекрасно было осведомлено белое командование, оценивавшее положение противостоящих им красных войск на некоторых участках (например, на Северной Двине) как критическое.² От противника не ожидали решительных, а тем более успешных, действий. Только этим можно объяснить объявленный штабом Главнокомандующего сбор командующих военными районами на совещание в Архангельске — в решающий момент фронт остался без оперативного руководства.

Командарм-6 Самойло сумел создать на направлении главного удара на Северной Двине и Онеге превосходство в силах — 13 823 штыка, 269 пулеметов и 101 орудие против 9000 штыков, 173 пулеметов и 96 орудий.³ Готовность частей к наступлению была определена к 1 февраля 1920 г., но следует заметить, что наступление должно было развертываться одновременно, по усмотрению каждого начдива в отдельности и по степени подготовки каждой дивизии. Ставились задачи по овладению позициями белых, но общей цели на разгром Вооруженных сил Северной области и взятия Архангельска не определялось,⁴ части лишь должны были «общими усилиями разбить противостоящего противника».⁵

В ночь с 3 на 4 февраля 1920 г. 480-й стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии красных атаковал укрепленную позицию белых на р. Шипилиха.

Самую людную и хорошо вооруженную группировку белых в полосе железной дороги 8 февраля атаковала 18-я стрелковая дивизия, получившая к тому же подкрепление — 56-ю стрелковую бригаду 19-й дивизии. Неожиданный удар принес успех.

Финал Железнодорожного фронта белых наступил 17 февраля у разъезда Шелекса. Остатки 6-го Северного полка были разбиты, весьма небольшая его часть отступила к Обозерской. На сторону красных перешли две роты Архангелогородского полка. На станции Емца восстали части 6-го полка. В руки красных попали бронепоезда «Генерал Деникин» и «Губа». Немедленно погрузив два батальона 154-го стрелкового полка в вагоны, комдив-18 Филипповский попытался перехватить отходящие от Обозерской на Онегу, в сторону Мурманского фронта, остатки частей Железнодорожного фронта под командованием генерал-майора Вуличевича (около тысячи человек).⁶

¹ РГВА, ф. 105, д. 253, л. 139.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 265.

³ РГВА, ф. 188, оп. 4, д. 133, л. 118–153; ф. 6, оп. 4, д. 457, л. 1–5.

⁴ РГВА, ф. 188, оп. 3, д. 83, л. 70.

⁵ РГВА, ф. 188, оп. 4, д. 181, л. 70 об.

⁶ РГВА, ф. 188, оп. 4, д. 223, л. 113.

¹ Цит. по: Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 171.

² Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Поучительный урок. С. 166.

Исполнить это красным батальонам не удалось, но зато «в мешок» попала отходившая с Северной Двины на Мурманский фронт группа генерал-майора Данилова. Она капитулировала под угрозой обстрела тяжелых пушек перешедшего на сторону красных бронепоезда «Адмирал Колчак».¹

Прорыв укрепленной позиции на Шипилихе, взятие Тарасова и Плесецкой открывали красным прямой путь на Архангельск. Фронт рухнул, и командование, не подготовившее планомерную эвакуацию, начало проводить поспешную импровизированную эвакуацию, заботясь не столько о спасении войск, сколько о вывозе штаба и семей тыловых и морских офицеров.

В ночь с 15 на 16 февраля Главком генерал Миллер по радио предложил командованию 6-й армии прекратить огонь и обсудить условия прекращения борьбы. Но командарм Самойло и его армейский РВС не взяли на себя ответственности на проведение переговоров. Ответ из Москвы гласил: «Предложенное генералом Миллером для начала переговоров условие прекращения военных действий и наступления Красной армии неприемлемо, и наше наступление должно развиваться с полной энергией. Против продолжения переговоров с генералом Миллером возражений нет»,² но он прибыл тогда, когда белое командование уже было в море.

Миллер принял решение отправить войска на Мурманский фронт по сухопутью, а сам со штабом намеревался выйти в Мурманск на ледоколах, срочно вызванных в Архангельск (ранее они были посланы в Мурманск с пустяковым поручением — так хорошо штаб был готов к эвакуации). Погрузку ночью, тайком осуществили 18-19 февраля, но ледокол задействовали только один, «Козьма Минин», а второй — ледорез «Канада» — в бездействии и с ничего не подозревавшим об эвакуации экипажем стоял у стенки в Экономии. О погрузке не были предупреждены офицеры, находившиеся в Архангельске, многие из них грузились на «Ярославну», второе судно эвакуации, в последний момент, иные — под угрозой применения оружия (офицеры танкового дивизиона вывели на пристань два танка!³). В спешке не успели ни погрузить, ни сжечь штабные документы, дав красным широкую возможность для организации террора после взятия города. Наконец, около 9 часов утра «Минин» и «Ярославна», на ходу принимая на борт пытавшихся спастись офицеров, отошли от берега.

В Архангельске уже бушевали рабочие и матросы с линкора «Чесма», город вывесил красные флаги. Не допустить разгрома города разнужданной толпой решил полковник Л. В. Костанди, создатель Вооруженных сил Мурманского фронта. По просьбе профсоюзов полковник был назначен исполняющим обязанности командующего Архангельским округом, а фактически — архангельского коменданта.¹ Для решения задачи спасения Архангельска и его населения от местных анархистствующих подонков он был вынужден выехать на ст. Обозерскую за красными частями и лично привел их в город² (в благодарность красные арестовали его; он будет расстрелян в 1921 г. как заложник, в порядке мести за кронштадтское восстание, к которому не имел никакого отношения). На что были способны озверевшие от безначалия люди, показала эвакуация Главкома Миллера и его офицеров. Из собравшейся на пристани толпы по отходившим судам, ледоколу «Минин» и посыльному судну «Ярославна» был открыт огонь, в том числе и из пулеметов. «Ярославна» отвечала огнем из орудий.

В море встретили ледоколы и решили пополнить запас угля. Пока шла погрузка угля на «Минин», показался ледорез «Канада» под красным флагом. По радио комиссар Николаев предложил беглецам сдаться и, не получив ответа, приказал открыть огонь по «Минину». На ледяном поле завязался единственный пока в мировой истории артиллерийский бой ледоколов за Полярным кругом. Противники обменялись 25 снарядами.³ «Канада», получившая повреждение от отдачи собственной артиллерии, вышла из боя и легла на обратный курс. «Минин» оставил во льдах ледоколы и «Ярославну» и пошел в Мурманск. Это было уже путешествие без цели — в Мурманске вместо подготовленной базы командование фронта ждали красные. 21 февраля комендантская команда во главе со штабс-капитаном Орловым (он же большевик Александров) при поддержке рабочих захватила город.

«Минин» перехватил радиogramму об этом и взял курс на Норвегию. Задержать его кораблями из Мурманска (приказ об этом отдал член РВС 6-й армии комиссар Кузьмин)⁴ не удалось. В Норвегию с Миллером эвакуировалось 220 сухопутных и 100 морских офицеров, около 50 солдат, 40 матросов, 66 гражданских и военных чиновников, 7 врачей, около 100 женщин (по

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 288—289.

² РГВА, ф. 188, оп. 3, д. 186, л. 217.

³ Гостев И. М. Танк Mark V. Танки в Гражданской войне на Севере и памятник в Архангельске. Архангельск: ГУК «Арханг. обл. краеведч. музей, Воен.-ист. фонд Рус. Севера», 2011. С. 34—35.

¹ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 397.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 290—291.

³ РГА ВМФ, ф. р-382, оп. 1, д. 56, л. 1—2; Веселов П. Единственный в своем роде // Техника-молодежи. 1995. №3. С. 27.

⁴ РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 135, л. 37 и об.

большей части — жен офицеров) около 65 детей — примерно 650 человек.¹ К ним надо добавить личную охрану главкома — 100 датчан (в действительности шведов).² Мизерный остаток самой сильной группировки Северного фронта белых...

Не лучше сложилось и положение на Мурманском фронте. Полученная 19 февраля телеграмма Губернского земского собрания о падении Архангельска и призывом сложить оружие вызвала волнения в войсках и в тылу. После того, как 22 февраля узнали о перевороте в Мурманске, фронт, лишившись тыла, стал рассыпаться.³ Послать на подавление восстания бронепоезд не удалось: для него не нашли ни паровоза, ни угля.

Восстание в Мурманске ставило белые войска Мурманского военного района меж двух огней. План создания нового фронта в Мурманском крае (к тому, что это уже губерния, так и не успели привыкнуть) потерпел очевидный крах, и генерал-майор Скобелыцын отдал приказ об отходе не на Мурманск, а в Финляндию.⁴ Приказ стал неожиданным для войск, ибо объявлял отход не 26-го, как предполагалось, а 24 февраля. Части Мурманского фронта, успешно сопротивлявшиеся наступлению красных еще 20 февраля,⁵ через три дня начали расходиться по домам, целыми полками сдаваться красным, как это сделал 11-й Северный стрелковый полк, и отходить на территорию сопредельного государства. В Финляндию с Мурманского фронта Скобелыцын вывел 1001 человека, в том числе 377 офицеров и 493 солдат.⁶ Неожиданный отход войск Скобелыцына позволил красным занять станцию Сорока и совместно с 18-й дивизией взять в клещи отходившие на Мурманский фронт части Железнодорожного фронта генерала Вуличевича и архангельского гарнизона под командованием генерала П. М. Баранова. Измотанные маршем и боем за Онегу, где им пришлось подавлять восстание, белые части были встречены бронепоездами и двумя красными полками. После военного совета решено было капитулировать — положение было признано безна-

дежным. 2 марта 1920 г. в районе деревни Сухой Наволок в 20 км юго-восточнее станции Сорока положили оружие около 2000 бойцов, в том числе 3 генерала и 273 офицера. Лишь группа в 11 человек сумела на лыжах уйти в Финляндию.¹

На этом организованное сопротивление крупных войсковых частей на мурманском направлении закончилось. 3 марта красные взяли Кемь, 9-го — Кандалакшу, 13-го красные эшелоны, сопровождаемые бронепоездами, вошли в Мурманск. Белый Мурманский фронт перестал существовать.

Но для 400 северных стрелков участие в белой борьбе на этом не закончилось. Они были переброшены из Норвегии в Крым и дрались против красных в составе Русской армии генерала П. Н. Врангеля в октябре 1920 г. (в частности, они пополнили Сводно-Гренадерский полк). «Мы знали — борьба почти безнадежна, но отказаться от нее нам не позволял долг».² Так северяне, начавшие борьбу против большевиков в 1918 г., закончили ее в 1920-м в последних боях в европейской части России.

¹ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 513, л. 1.

² Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 403.

³ Новикова Л. Г. Эвакуация Северной области: предыстория, динамика распада, последствия // Русский исход. СПб.: Алетей, 2004. С. 68.

⁴ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 62, л. 9–10.

⁵ РГВА, ф. 188, оп. 4, д. 415, л. 30; Широкое наступление 1-я сд развернула только 24-го, когда командование красных узнало о восстании в Мурманске и отходе белых. И здесь — та же тактика: бить наверняка по колебавшемуся восстанием противнику (Самойло А. А., Сбойчаков М. И. Поучительный урок. С. 180–181). Правда, использовать восстание пленных красноармейцев в лагере не удалось: белые быстро подавили его (ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 62, л. 11–12, 15).

⁶ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 62, л. 15 и об.

¹ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 196.

² Октябрь 1920-го: Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М.: Рейтар, 1995. С. 42.

Краснознаменный Северный Флот в годы Великой Отечественной войны

Виталий СЕКРИЕРУ, секретарь Ассоциации
независимых журналистов России

Более чем 300-летняя история российского Военно-морского флота неотделима от всей героической истории нашего государства.

В далеком 1696 г., когда флотилией, созданной Петром I, была взята неприступная турецкая крепость Азов, Боярская дума постановила: «Морским кораблям бысть!» Уже через несколько лет, обладая реальной силой на Азовском море, корабли российского флота вышли на просторы Балтийского и Черного морей.

Вечную славу заслужили русские моряки блистательными победами в героических сражениях с иноземными флотами: турецким, английским, шведским, датским, прусским и французским. Русские моряки из поколения в поколение неизменно проявляли бесстрашие и отвагу, мужество и самоотверженность. Флот стал важнейшим средством

внешней политики России, способствовал развитию и росту международного авторитета страны. Советский Военно-морской флот унаследовал все лучшие, передовые и славные традиции от старого русского флота.

В июне 1933 г. родился самый молодой из флотов — наш Северный флот. Но именно он, Краснознаменный Северный, с честью и достоинством выдержал все жесточайшие испытания Великой Отечественной войны. Это североморцы стояли насмерть на суровых рубежах нашей Родины, на Западной Лице, где был остановлен враг. Они, бесстрашные защитники Заполярья, громили врага на суше, на воде, под водой и в воздухе!

Вечная им всем память, слава и Царствие Небесное.

I

Великая Отечественная война стала для молодого Северного флота суровой боевой школой становления и серьезнейшим испытанием на прочность.

Северный флот надежным щитом прикрывал стратегический фланг Карельского фронта, оказывая активное содействие сухопутным войскам в оборонительных и наступательных операциях.

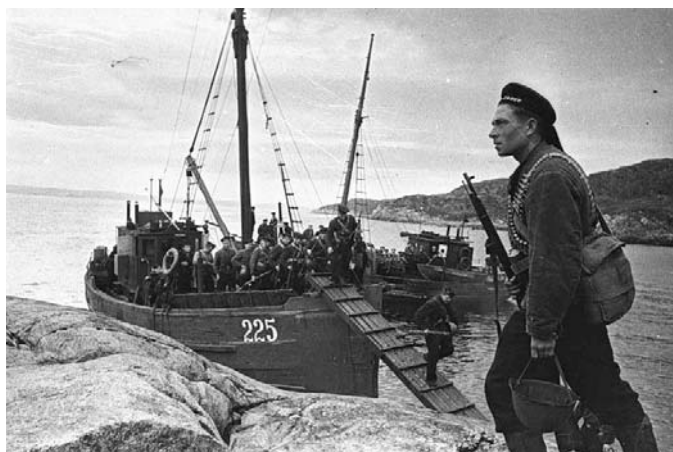
В тесном взаимодействии силы флота и войска 14-й армии отразили наступление немецких захватчиков в 1941 г. и в 1944 г. разгромили врага в Заполярье.

К осени 1944 г. перед частями флота на полуострове Средний противник сосредоточил более 9 тысяч солдат и офицеров, 88 орудий, 86 минометов и другие огневые средства. В северной Норвегии дислоцировались 12 эсминцев, 50 сторожевых кораблей, 56 катеров, 35 самоходных барж, 2 корабля ПВО, 2 минных заградителя, линкор «Тирниц» и другие корабли. Против 14-й армии Карельского фронта противник сосредоточил 53 тысячи человек, свыше 750 орудий и минометов 20-й Лапландской армии, горнострелкового корпуса «Норвегия». Их действия поддерживали более 160 самолетов.

И все же в это время сложились благоприятные условия для полного разгрома немецких войск и изгнания их из советского Заполярья.

Но особенно мешали продвижению наших войск в направлении Петсамо (Печенги) и Киркенеса мощные оборонительные рубежи, созданные противником за 3 с лишним года, — на протяжении всей линии фронта в Заполярье.

Вражеская оборона была глубоко эшелонирована и оборудована по по-

следнему слову тогдашней техники. Здесь были построены железобетонные, бронированные, каменно-земляные долгие огневые точки, соединенные с траншеями, и были вырыты глубокие рвы. В глубине обороны были созданы отдельные узлы сопротивления и отдельные огневые точки. На всех подступах ко всем опорным пунктам были поставлены мины и проволочные заграждения.

Для полного разгрома врага и освобождения Заполярья была разработана Петсамо-Киркенесская операция.

II

Войскам правого фланга Карельского фронта главнокомандование поставило задачу во взаимодействии с частями, кораблями и авиацией Северного флота прорвать оборону противника. Затем решительным маневром обойти вражеские укрепления, разбить 20-ю Лапландскую армию, разгромить ее части и овладеть городом и портом Печенга.

В качестве дальнейшей задачи было намечено овладение норвежским городом и портом Киркенес и полное очищение всей территории Печенгского района от противника.

На Северный флот в этой операции возлагались следующие задачи: на приморском направлении успешными боевыми действиями бригад «черной смерти» — морской пехоты при поддержке авиации и кораблей флота прорвать оборону противника, на полуострове Средний в районе Титовки соединиться с частями 14-й армии и вместе с ними уже наступать на запад. Далее, действуя на коммуникациях противника, нарушить снабжение запад-

ной немецкой группировки, сорвать эвакуацию отступающих войск морским путем и помешать их выводу из Северной Норвегии и вывозу запасов никелевой руды.

Кроме того, в период подготовки и проведения этой операции с флота не снимались задачи обеспечения в своей зоне плавания союзных конвоев и вывода ледоколов из Арктики.

Для непосредственного участия в предстоящей Петсамо-Киркенесской операции выделялись: 8 подводных лодок, 20 торпедных катеров-охотников, 6 эсминцев, 275 самолетов, и также морская пехота и артиллерия Северного флота.

Всеми силами флота в операции руководил командующий А. Г. Головкин.

III

Петсамо-Киркенесская операция началась утром 7 октября 1944 г.

Северный флот приступил к действиям на приморском направлении. К этому времени войска противника стали откатываться на запад под ударами войск 14-й армии.

Североморцы нанесли удар со стороны полуострова Средний, помешав планомерному отступлению вражеских сил. Десант 63-й бригады морской пехоты, после высадки овладев участками побережья, вышел во фланг и тыл обороны противника, проходившей по хребту Муста-Тунтури.

Начался прорыв обороны врага на перешейке острова Средний. 10 октября был высажен десант морпехов на губе Малая Волоковая, и таким образом была открыта дорога для наступления частей 14-й армии.

13 октября, после ожесточенных боев, был освобожден порт Линахам-

ри, немцы поспешно отошли на запад. В последующем части 12-й и 63-й бригад морской пехоты переправились на катерах на западный берег Печенгского залива и оттуда совместно с войсками 14-й армии с ходу овладели городом Петсамо. Они подвинулись вперед на 60-65 км и создали благоприятные условия для развития наступления к границам Норвегии.

15 октября 1944 г. Москва двадцатью артиллерийскими залпами салютовала морякам Северного флота и воинам Карельского фронта, освободившим Печенгу от немецких захватчиков. 12-й Краснознаменной бригаде морской пехоты, 113-му отдельному Краснознаменному дивизиону, 5-й истребительной авиадивизии Северного флота, 2-му Краснознаменному гвардейскому дивизиону «малых охотников», Краснознаменной бригаде торпедных катеров флота было присвоено наименование «Печенгские».

Утром 22 октября войска 14-й армии вышли к государственной границе с Норвегией. Так началось освобождение Норвегии от фашистских оккупантов.

IV

25 октября Москва во второй раз салютовала кораблям и частям Северного флота и войскам Карельского фронта. 1 ноября приказом ВГК частям и кораблям Северного флота почетного наименования «Киркенесские» удостоились: 63-я Краснознаменная бригада морской пехоты, 5-я Краснознаменная минно-торпедная авиадивизия, 20-й истребительный авиаполк, 118-й Краснознаменный разведавиаполк, 9-й гвардейский минно-торпедный Краснознаменный авиаполк. К этому времени весь Печенгский район был освобожден от фашистских захватчиков.

В дни наступления на морских коммуникациях врага активно действовали надводные корабли флота и морская авиация. За это время они уничтожили 156 различных кораблей противника общим водоизмещением 139 тысяч тонн.

Неувядаемой славой покрыли себя летчики-торпедоносцы: Б. П. Сыромятников, А. И. Сенарев, Г. С. Асиев. Им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

От ударов североморцев осенью с 7 по 31 октября противник потерял 156 судов, из них — 26 транспортных, 18 сторожевых кораблей, 3 миноносца, 11 тральщиков, 12 десантных барж, 68 мотоботов и других судов.

В наступательной операции моряки Северного флота уничтожили и взяли в плен более 5 тысяч солдат и офицеров, сбили 56 самолетов, уничтожили и захватили много боевой техники, орудий, различного военного имущества и боеприпасов.

Петсамо-Киркенесская операция в ходе Великой Отечественной войны является единственной операцией в Арктическом регионе, проведенной совместными усилиями всех видов Вооруженных сил — Сухопутных войск, Военно-морского флота и Военно-воздушных сил.

В ходе операции были достигнуты стратегические цели: наши силы флота и войска освободили регионы Заполярья и оказали большую помощь норвежскому народу в освобождении от фашистских захватчиков. Важнейшую роль в достижении целей операции сыграли решительные действия сил и мощи Краснознаменного Северного флота.

V

6 декабря 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Советского Заполярья».

С начала и до конца войны, с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., Северный флот вне зависимости от времени года действовал на открытом театре арктических морей, отличающемся огромными размерами и суровыми климатическими условиями, от незаходящего солнца в полярный день и мрака полярной ночи с частыми жестокими штормами.

9 мая 1945 г. в главной базе флота в Полярном на митинге, посвященном

Великой Победе в Отечественной войне, командующий Краснознаменным Северным флотом адмирал А. Г. Головкин, обращаясь ко всем его участникам, сказал: «Северный флот за время войны с честью выполнил все задачи, возлагавшиеся на него. Я как ваш командующий горжусь вами, горжусь вашим мужеством, героизмом и преданностью Родине! Мы можем смело смотреть в глаза нашему народу, матери-Отчизне, — мы выполнили свой воинский долг. Я горжусь тем, что в годы войны командовал вами, отважные североморцы!»

Подвиги североморцев в годы Великой Отечественной войны яркими страницами вошли в героическую историю Вооруженных сил страны.

Летчик-североморец Б. Ф. Сафонов первым из воинов Великой Отечественной был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Первым Героем среди советских подводников стал командир дивизиона подводок Северного флота капитан 2-го ранга И. А. Колышкин.

Первыми Героями, также получившими свои звезды, были североморцы — командиры подводок — капитан 2-го ранга Н. А. Лукин и капитаны-лейтенанты И. И. Фисанович и В. Г. Стариков.

Первыми победу над врагом орудийным выстрелом стали отмечать североморцы. И традиция эта распространилась по всем флотам Союза.

Первыми гвардейскими кораблями стали североморские Д-3, М-171, М-174 и К-22. А лодка Д-3 «Красногвардеец» стала и первым Краснознаменным, гвардейским кораблем.

Первым соединением подводок ВМФ СССР, награжденным орденом Красного Знамени, стала бригада Северного флота. Она также первой получила орден Ушакова I степени.

Это заслуга всех североморцев, от матроса до адмирала; на всех боевых частях, на всех участках служили и сражались они. Не щадя ни пота, ни крови, ни самой своей жизни, с честью и доблестью выполняя свой воинский долг. Умение и храбрость, отвага и смелость, героизм и честь — таковы отличительные черты моряков-североморцев, самоотверженно сражавшихся с гитлеровцами в суровых условиях Заполярья и Арктики.

За годы войны силами Северного флота уничтожено 630 боевых кораблей и транспортов, 1308 самолетов противника. За мужество и героизм, проявленные в боях, 85 матросов, старшин и офицеров были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. За образцовое выполнение заданий командования десятки кораблей, соединений и частей Северного флота награждены орденами Красного Знамени, Красной Звезды и Ушакова I степени. 9 подводок и надводных кораблей, 2 авиачасти и дивизион катеров-охотников были преобразованы в Гвардейские.

7 мая 1965 г. в ознаменование 20-летия Победы в Великой Отечественной войне Северный флот был награжден орденом Красного Знамени.

Высокая оценка Родиной заслуг североморцев в достижении побед над врагом на северных рубежах — свидетельство того, что Северный Краснознаменный флот с честью выполнил поставленные перед ним задачи во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Литература

- Военно-Морской флот СССР. М., 1956.
 Головкин А. Г. Вместе с флотом. М.: «Воениздат», 1964.
 Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: «Воениздат», 1969.
 Базил Г. Вторая Мировая война. М.: «Воениздат», 1976.
 Амон Г. А. Боевая летопись Военно-морского флота. М., 1992.
 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Т. 1, 6. М.: «Воениздат», 1965.
 Хроника Великой Отечественной войны на Северном морском театре. Вып. 1, 8. М.: «Воениздат», 1946.
 Щипко Л. И. Арктический фронт. М.: «ДОСААФ», 1974.
 Ерофеев О. А. Северный Флот России. Мурманск, 1996.

Приложение № 1

Безвозвратные потери личного состава Северного флота
в годы Великой Отечественной войны

Категория личного состава	Убито и умерло от ран	Пропало без вести	Небоевые потери	Итого
Офицеры	1 291	383	141	1815
Старшины и сержанты	1 727	299	227	2250
Матросы и солдаты	4 836	1 061	943	6 840
Всего	7 854	1 743	1 308	10 905

Вместо послесловия

До 1 июня 2014 г. годом основания Северного флота России считался 1933 г., когда циркуляром начальника штаба РККА была создана Северная морская флотилия, однако командующий Северным флотом В. Королев в конце мая текущего года поздравил моряков-североморцев уже с... 281 годовщиной со дня образования.

«Приказом Главнокомандующего ВМФ № 395 от 25.05 сего года установлено считать 1 июня 2014 г. — 281-й годовщиной со дня образования флота», — заявил адмирал.

Командующий отметил, что такое решение должно восстановить историческую справедливость. Тщательное исследование, проведенное экспертным советом Военно-морского флота России, изучение архивов, освещающих ход создания системы базирования Российского флота на Белом и Баренцевом морях, позволили установить, что в соответствии с Указом императрицы Анны Иоанновны от 15 марта 1733 г. был создан Архангельский порт и учреждена эскадра кораблей под командованием вице-адмирала Петра Бредаля.

Зоной ответственности эскадры было Белое море и побережье Кольского полуострова, где в Екатерининской гавани в то время базировались три линкора и фрегаты.

«Именно эти исторические события и станут отправными точками в истории зарождения и становления Северного флота», — заключил командующий вице-адмирал Владимир Королев.

Итак, самый молодой флот страны повзрослел аж на 200 лет.

(По материалам из дайджеста «69 параллель»
газеты «Мурманский вестник», № 6, 2014)

Марш-бросок Победы. Задуманное и достигнутое

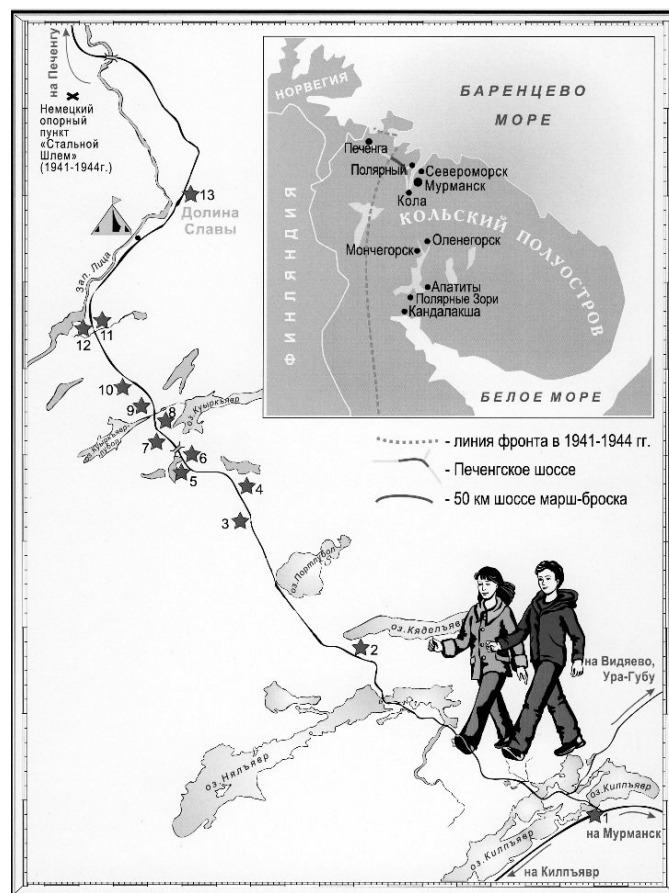
ЛИПИН Анатолий Михайлович, председа-
тель городской детской общественной организа-
ции велоклуб «Пилигримы» († 2013), ЛИПИНА
Ольга Михайловна, педагог дополнительного
образования, член правления клуба, г. Североморск

1. Постановка проблемы. В Законе РФ «Об образовании» в качестве одного из важнейших принципов государственной политики в области образования провозглашается «воспитание гражданственности и любви к Родине». Понятно, что воспитать в детях это чувство можно только правдой и только опираясь на глубоко продуманные подходы и методы.

2. Цели и задачи. Предлагаемый проект учитывает все сказанное выше и преследует **цели**: 1) воспитание в детях любви к Родине; 2) укрепление здоровья детей; 3) воспитание в детях чувства коллективизма.

Указанные цели достигаются решением следующих **задач**: 1) дать возможность детям увидеть и ощутить красоту северной природы; 2) создать условия, в которых дети смогут почувствовать свою общность с героическими защитниками Заполярья, ценою своей жизни остановивших насту-

Схема маршрута

пление врага на Мурманск, осознать величие их подвига и испытать чувство гордости за нашу страну; 3) путем регулярных тренировок поднять физическую подготовку детей на необходимый для совершения марш-броска уровень; 4) в ходе подготовки и проведения марш-броска поддерживать в коллективе атмосферу товарищества и взаимопомощи, стремление работать на общее дело.

3. Стратегия и механизм достижения поставленных целей

3. 1. Исходная обстановка. Каждый год, обычно в воскресенье, предшествующее 9 мая, Администрация Мурманской области проводит в Долине Славы Митинг Памяти и другие праздничные мероприятия, посвящен-

Колонна в движении.
Затяжной подъем от Няльявра

ные Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Время начала митинга 12.00. К этому времени в Долину Славы приезжают автобусы с ветеранами, работниками администраций и молодежью из всех городов области. В Долине Славы подразделения бригады морской пехоты за день или за два до мероприятия устанавливают армейские палатки. После митинга следует парад подразделений Северного флота. Участники возлагают цветы на могилы павших воинов. Программа мероприятия включает также показ и демонстрацию боевой техники, показательные выступления морских пехотинцев. Работает выездная торговля. Палатки дают возможность людям отдохнуть и помянуть тех, кто в годы войны сумел выстоять и победить врага.

3. 2. Идея мероприятия. Для того чтобы дети воспринимали День Победы как память Подвига нашего народа в Великой Отечественной войне, необходимо суметь провести с ними в этот день такое мероприятие, которое потребовало бы от них каких-то серьезных и, может быть, даже героических усилий. При этом это должно быть доступно и интересно детям. Впечатления, полученные во время марш-броска, несравнимо острее и памятнее, чем впечатления пассажира, который приехал в Долину Славы на автобусе.

Протяженность марш-броска — 50 км. Еще больший смысл мероприятие приобретает в том случае, если участники проводят в Долине Славы ночь в палатках и сами готовят себе еду на костре.

Погода на Севере в мае непредсказуема, и здесь как никогда применим принцип «Чтобы что-то понять — необходимо потрудиться».

По пути. Молебен о павших
воинах у братского
захоронения

3. 3. Техническая сторона дела. Ежегодно, начиная с 2003 года, в день, предшествующий Митингу Памяти, школьники с руководителем приезжают на автобусе на 1408 километр Печенгского шоссе. Отсюда все идут пешком до Долины Славы 50 км. По пути делаем остановки у памятников (всего их 12) и возлагаем цветы. У памятника на месте полевого госпиталя на 1438 км Печенгского шоссе отец Сергей (Шерфетдинов) служит литию и благословляет участников на благополучное завершение Марш-броска Победы. Через каждые 10 км пьем чай из термосов. Переход занимает около 9 часов. Продукты, палатки и спальные мешки везет автобус. В Долине Славы разбиваем лагерь, ужинаем, слушаем рассказы о войне, поем песни у костра. Утром участвуем в Митинге Памяти и других мероприятиях по плану Администрации. После осматриваем сохранившиеся на берегу реки Западная Лица немецкие укрепления. Возвращаемся домой на автобусе. Каждый участник получает медаль и именной памятный диплом со схемой маршрута Марш-броска, которая будет для него незабываемой страничкой истории Победы над врагом в Заполярье.

Преимуществом Марш-броска является его доступность. Для участия в нем специальной туристической экипировки не требуется, дети идут по дороге в своей обычной обуви и одежде и, таким образом, мероприятие можно сделать по-настоящему массовым. Если своих палаток недостаточно, можно организовать ночлег детей в палатках выстроенного пехотинцами городка.

Требуются спальные мешки, туристические коврики, костровые принадлежности, дрова. Необходимо накормить детей. Руководитель должен

Почти пришли.
Последний отрезок
пути

уметь рассказать детям о каждом памятнике, о боевых действиях по пути следования Марш-броска и в самой Долине Славы.

Для участников марш-броска мероприятие выливается не в один, а в два дня. Аренда транспорта потребует дополнительных расходов, соответственно, денег на проведение потребуется больше, но и эффективность мероприятия станет гораздо выше.

За месяц до мероприятия руководитель совершает с будущими участниками марш-броска пешие прогулки протяженностью около 20 км. Прогулки совершаются каждое воскресенье. В окрестностях Североморска есть очень удобная для таких прогулок дорога. Она ведет в карьер, где по воскресеньям никто не работает, и поэтому дорога практически свободна от транспорта. В районе карьера протекает река Средняя, которая вытекает из озера Щук-озеро великолепным водопадом, очень бурным в весеннее время. В результате такой полезной для здоровья прогулки ребята получают хороший заряд положительных эмоций.

4. Планируемые результаты реализации проекта и социальный эффект

Важным результатом мероприятия является то, что после марш-броска у детей проявился интерес к истории войны в Заполярье, они задавали руководителю много вопросов. Справившись с трудностями марш-броска, дети

Митинг памяти
в Долине Славы

самоутверждаются, начинают верить в свои силы, а война в Заполярье перестает быть для них чем-то абстрактным, их не касающимся. У них появляется интерес к изучению истории, они понимают величие подвига наших солдат, испытывают гордость за них, за себя и за нашу страну.

Марш-бросок Победы проводится по инициативе Североморской городской детской общественной организации велолюб «Пилигримы» при поддержке отдела молодежи, физической культуры и спорта администрации ЗАТО Североморск и Детского морского центра им. В. Пикуля.

Литература

- Закон Российской Федерации об образовании. Мурманск: НМЦ, 1992.
- Дранишников В. В. Гражданское воспитание школьников. Мурманск: МГПИ, 2000.
- Дранишников В. В. (автор-составитель), Журин Л. В. и др. Этих дней не смолкнет слава. Учебное пособие для учащихся младшего и среднего возраста школ Мурманской области. Мурманск, 1995.
- Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 6. М.-Л., 1949. С. 319.
- Сайт www.fom.ru Фонда «Общественное мнение»: Патриотизм и патриоты, Отчет, Опрос населения от 29.11.2001; Патриотические основания современной российской идентичности, Климов И. 19.06.02.

Содержание

Слово о преподобном Феодорите, просветителе Кольском.....	5
<i>Епископ Североморский и Умбский Митрофан (Баданин)</i>	
Север и война. Раннее Средневековье	13
<i>Й. П. Нильсен</i>	
Северонорвежские предания о смутном времени на Крайнем Севере в XIII–XV веках	49
<i>А. В. Табаченко</i>	
Некоторые аспекты интерпретации основных источников о деятельности Александра Невского и шведско-немецко-русских войнах XIII в.	58
<i>Ю. Корпела</i>	
Отцы-основатели северных монастырей и их сообщество	75
<i>М. В. Шкаровский</i>	
Александр-Невская Лавра в годы Первой мировой войны	87
<i>Э. Кахла</i>	
На северной границе между западом и востоком. Печенга — Петсамо в финской истории и художественной литературе.....	98
<i>А. И. Тучков</i>	
Военный фактор в становлении и развитии северного форпоста русской православной цивилизации.....	121
<i>П. В. Скопец</i>	
Героическая оборона Колы во время Крымской войны	140
<i>А. Б. Григорьев</i>	
Викторийная проповедь русских архиереев	

в период Северной войны 1700–1721 гг.	148
<i>В. В. Тевлина</i>	
Норвежское предпринимательство на Европейском Севере России в преддверие и в годы Первой мировой войны	168
<i>Г. Д. Быстрова</i>	
Из опыта совместной работы по духовному и патриотическому воспитанию учащейся молодежи на базе общественной организации «Муста-Тунтури — памяти защитников полуостровов Рыбачий и Средний»	183
<i>Ю. П. Бардилева</i>	
Русская Православная Церковь в годы Гражданской войны (краткий обзор на примере Архангельской губернии и епархии)	200
<i>Н. П. Грацианова</i>	
Святые воины, почитаемые на Севере	217
<i>Н. Б. Коржова</i>	
Вторая мировая война на исторических землях монастыря преподобного Трифона Печенгского.....	225
<i>Т. В. Пивоварова</i>	
Кировск и кировчане в годы Великой Отечественной войны.....	244
<i>О. В. Хоменко</i>	
Работа по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию подростающего поколения во неурочной и урочной деятельности.....	256
<i>А. П. Кирошко</i>	
Северная оперативная группа. Южный фланг	269
<i>С. А. Дячок</i>	
«Сохраняя память о войне» — полнотекстовый ресурс электронной библиотеки «Кольский Север» Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки	312

Протоиерей Сергей Шерфетдинов

Память о воинском подвиге	323
---------------------------------	-----

А. И. Тучков

МУРМАНСКИЙ ФРОНТ 1918–1920 гг.	328
-------------------------------------	-----

В. Секриеру

Краснознаменный Северный Флот в годы Великой Отечественной войны	380
---	-----

А. М. Липин, О. М. Липина

Марш-бросок Победы. Задуманное и достигнутое	389
--	-----

Материалы международной
историко-краеведческой конференции
СЕДЬМЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«СЕВЕР И ВОЙНА»

г. Мурманск — Трифонов-Печенгский
монастырь — г. Заполярный.
4–6 августа 2014 года

Под редакцией
епископа Митрофана (Баданина)

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подписано в печать 20.04.2015. Формат 70х100/16. Печ. л. 27
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «ЛАДАН»
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
Тел. (812) 334-13-60
www.LadanSPb.ru (книга — почтой)
Ladan_SPb@mail.ru
Оптовый склад:
Санкт-Петербург, ул. Белоусова, д. 6
(м. «Кировский завод»)
Тел. (812) 785 20 04

Заказать и приобрести книгу можно:
- на сайте издательства www.LadanSPb.ru
- по телефону (911) 819 66 12
- прислав заявку по адресу: Санкт-Петербург, 196105, а/я 93
или Ladan.SPb@mail.ru
- в книжной лавке издательства по адресу
СПб, В.О., ул. Камская, д. 9
(справа от входа на Смоленское кладбище)
Время работы: ежедневно с 10 до 19

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
www.MobyPrint.ru